

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2024. Том 78

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русины

2024. № 78

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarchy of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2024. Nr. 78

Association "Rus" (Chişinău, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Пряшевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: str. Miorita. 1C, ap. 83, Chisinau, MD 2028, Moldova,

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2024

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
--------------------------	---

История

<i>Чореф М.М.</i> Боспорский сестерций Нерона с надчеканкой «ІМРКА» как свидетельство межэтнических контактов	17
<i>Юрасов М.К.</i> Причины появления двух противоречивых версий истории переселения венгров из степей Восточной Европы в Карпатскую котловину (Константина Багрянородного и венгерских хронистов)	36
<i>Порсин А.А.</i> Участие бродников в битве на Калке в контексте монгольской политики в отношении народов Дешт-и-Кыпчака в 1222–1223 гг.	53
<i>Суляк С.Г.</i> Николай Павлович Глебовицкий: «За веру отцов!»	93
<i>Чемакин А.А.</i> «Украинский поход» 3-й Русской армии Врангеля (октябрь–ноябрь 1920 г.)	115
<i>Грек И.Ф.</i> Фёдор Трифионович Узун (1885–1941)	140
<i>Морозов С.В.</i> Великий иеродул чехословацкой и чешской историографии Мюнхена (памяти профессора Роберта Квачека)	176
<i>Содоль В.А.</i> Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)	200

Лингвистика и язык

<i>Саболова Д., Кашова М., Харламова М.А.</i> Языковые контакты славянских и неславянских языков: семантика и функционирование германизмов в словацком языке	215
--	------------

<i>Владими́рова В.Е.</i> Восприятие концептуального и грамматического числа русского языка китайско-русскими инофонами	232
--	------------

<i>Давлатмирова М.Б.</i> Этнолингвокультурные особенности ценностных ориентаций в языковом сознании полилингвов (носителей памирских языков на материале анкетирования)	252
---	------------

<i>Искандарова Д.М., Козлова О.Л.</i> Образ русского в таджикском языковом сознании	269
---	------------

Социология и политология

<i>Погорельская А.М., Юн С.М.</i> Сотрудничество Белоруссии со странами Центральной Азии в сфере высшего образования: цели, динамика и перспективы	287
--	------------

Некролог

Памяти Николая Руссева	304
-------------------------------------	------------

CONTENT

Editorial	9
------------------------	---

History

Choref M.M.

Bosporan sestertius of Nero with the countermark “IMPKA” as evidence of interethnic contacts	17
---	----

Yurasov M.K.

The reasons for the two contradictory versions of the history of Hungarian migration from the steppes of Eastern Europe to the Carpathian Basin (Constantine Porphyrogenitus and Hungarian chroniclers)	36
--	----

Porsin A.A.

The participation of the Brodnici in the Battle of Kalka in the context of the Mongol policy towards the peoples of Dasht-i Qipchaq in 1222–1223	53
---	----

Sulyak S.G.

Nikolay P. Glebovitsky: For the Faith of the Fathers	93
---	----

Chemakin A.A.

“The Ukrainian Campaign” of the Wrangel’s 3rd Russian army (October – November 1920)	115
---	-----

Grek I.F.

Fyodor T. Uzun (1885–1941)	140
---	-----

Morozov S.V.

The Great Hierodule of Czechoslovak and Czech Historiography of Munich (in memory of the historian Robert Kvaček)	176
--	-----

Sodol V.A.

Romanian occupation of the Moldavian SSR in 1941–1944: The Bucharest Patriarchate and the policy of Romanization (based on the materials of the National Archives of the Republic of Moldova)	200
--	-----

Linguistics and Language

Sabolova D., Kasova M., Kharlamova M.

Language contacts of Slavic and non-Slavic languages: Semantics and functioning of Germanisms in the Slovak language	215
---	-----

Vladimirova V.E.
Perception of conceptual and grammatical number of the Russian language by Chinese-Russian late bilinguals 232

Davlatmirova M.B.
Ethnolinguocultural specificity of value orientations in the linguistic consciousness of polylinguals (speakers of Pamir languages) on the questionnaire data 252

Iskandarova M., Kozlova O.
The image of the Russians in the Tajik linguistic consciousness 269

Sociology and Political Science

Pogorelskaya A.M., Yun S.M.
Cooperation between Belarus and Central Asian countries in higher education: aims, dynamics and prospects 287

Obituary

In memory of Nikolai Russev 304

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

11 ноября 2024 г. в Тараклийском государственном университете им. Г. Цамблака (Тараклия, Республики Молдова) прошла Международная научно-практическая конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Тринадцатые чтения памяти И.А. Анцупова)».

Тараклийский государственный университет, созданный в 2004 г. в регионе компактного проживания болгар Молдовы, является одним из центров сохранения и изучения истории и культуры бессарабских болгар. В университете хранится личный архив И.А. Анцупова.

Республика Молдова (МССР/Бессарабия), как, впрочем, и вся территория бывшего Молдавского княжества (Карпато-Днестровские земли), всегда была полиэтничной. С момента основания Молдавского княжества помимо молдаван (волохов) и русинов на данной территории проживали южные славяне (болгары, сербы), татары, немцы, венгры, евреи, цыгане, поляки, армяне и представители других народов. После присоединения Пруто-Днестровского междуречья (названного впоследствии Бессарабией) к России в 1812 г. численность населения на данной территории резко увеличилась. Помимо великороссов и малороссов на юге, в большом количестве появляются задунайские переселенцы: болгары, гагаузы, сербы, а также немецкие и швейцарские колонисты, на севере – поляки из западных губерний России, увеличилась и численность еврейского населения.

Полиэтничной была и территория Карпатской Руси – региона компактного проживания русинов. Исторически к ней относятся Буковина (входившая в состав Молдавского княжества, затем Австрийской (Австро-Венгерской) империи, ныне Сучавский уезд Румынии и Черновицкая область Украины), Подкарпатская (Угорская) Русь (бывшая часть Венгерского королевства (Австро-Венгрии)), ныне Закарпатская область Украины, жудец Марамуреш в Румынии и Восточная Словакия (Прешовский и Кошицкий края), Галиция (бывшая часть Польши, Австрийской (Австро-Венгерской) империи, ныне Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская области Украины и юго-восток Польши (часть Малопольского и Подкарпатского воеводств)).

Проведённое мероприятие – дань памяти известному молдавскому историку Ивану Антоновичу Анцупову (3.08.1920–28.10.2004). И.А. Анцупов изучал этническую историю русских, украинцев, гагаузов, болгар, поляков, цыган, чехов, немцев Бессарабии.

Он родился 3 августа 1920 г. в крестьянской семье в Липецкой области. Окончив педагогическое училище, обучал детей на Дальнем Востоке, а затем в родном селе Дубовое. Накануне Великой Отечественной войны был призван в армию. Воевал, получил ранение, был награждён десятью боевыми наградами.

После войны поступил на исторический факультет Кишинёвского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию об аграрных отношениях в Бессарабии XIX в. В 60–80-е гг. XX в. увидели свет его научные труды: «Государственная деревня в Бессарабии в XIX в.» (1966), «Аграрные отношения на юге Бессарабии. 1812–1870 гг.» (1978), «Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в.» (1981), «Крестьяне левобережного Поднепровья в дореформенный период» (1990). Им написаны главы в монографиях «История Молдавской ССР» (1982), «История РСС Молдовенешть» (1987), «Исторический акт 1812 года и его значение в судьбах молдавского народа» (1982), «Исторические корни связей украинского и молдавского народов» (1980). В 90-е гг. XX в. он выпустил книги «Русское население Бессарабии и левобережного Поднепровья в конце XVIII – начале XX в.» (1996), «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (2000), «Русские на Очаковской земле» (2003). Иван Антонович участвовал в составлении сборника документов «История Молдовы» (1992–1996) (подробнее биографию И.А. Анцупова см.: Русин. 2005. № 1. С. 7–8).

И.А. Анцупов, зная, что выход монографии Суляка С.Г. «Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (2003) вызовет неоднозначную реакцию со стороны румынских и украинских националистов, согласился стать её рецензентом, за что мы ему всегда будем благодарны.

Первые «Чтения» – Международная научно-практическая конференция «Этнокультурное многообразие Молдавии (история и современность). Чтения памяти И.А. Анцупова» – состоялись 23–24 ноября 2006 г. в Кишинёве. Инициатором и организатором проведения выступила общественная организация «Русь» и редакция журнала «Русин». На конференции выступили более 40 учёных и руководителей этнокультурных организаций Молдавии, представивших свои исследования по истории, культуре и языку населения Карпато-Днестровских земель.

С 2015 г. одним соорганизатором конференции стал Национальный исследовательский Томский государственный университет.

С 2017 г. «Чтения памяти И.А. Анцупова» стали проводиться в Тараклии на базе Тараклийского государственного университета им. Г. Цамблака. В 2017 г. одним из соорганизаторов конференции также стал Санкт-Петербургский государственный университет.

На «Тринадцатые чтения памяти И.А. Анцупова» было заявлено 46 докладов. На пленарном заседании прозвучало два выступления. Далее работа конференции продолжилась по секциям: секция I «Межэтническое пограничье: проблема диалога культур», секции II «Бесарабските българи: проблема за запазването на етнокултурната специфика» (две подсекции).

На первой секции было запланировано 19 докладов, на второй – 25. В работе первой секции приняли участие исследователи из Молдавии, России, Таджикистана, Словакии, Израиля. На второй секции выступающими были представители Молдавии (в основном преподаватели и студенты Тараклийского государственного университета), Болгарии, Украины, Германии.

Часть докладов, прозвучавших на заседании первой секции, была связана с историей Карпатской Руси и её видных представителей.

В.П. Зиновьев, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета, на пленарном заседании познакомил собравшихся с исследованием «Русины Подляшья по данным переписи населения 1897 г.».

Тематика Карпатской Руси и её известных деятелей была затронута в выступлениях А.Н. Птицына, доцента кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета («Деятельность Л.Г. Лопатинского на Кавказе»); С.Г. Суляка, доцента кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета и кафедры филологии и истории Тараклийского государственного университета им. Гр. Цамблака («Н.П. Глебовицкий: “За веру отцов!”»); А.А. Чемакينا, доцента кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета («Украинский поход” 3-й Русской армии Врангеля (октябрь–ноябрь 1920 г.)»).

М.М. Чорев, научный сотрудник департамента археологии Института археологии Зинмана Хайфского университета, посвятил выступление теме «Боспорский сестерций Нерона с надчеканкой “ИМРКА” как свидетельство межэтнических контактов»; М.К. Юрасов, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, выступил с докладом: «Причины появления двух противоречивых версий истории переселения венгров из степей Восточной Европы в Карпатскую котловину (Константина Багрянородного и венгерских хронистов)»; А.А. Порсин, независимый исследователь из Магнитогорска: «Участие бродников в битве на Калке в контексте монгольской политики в отношении народов Дешт-и-Кыпчака в 1222 – 1223 гг.»; С.В. Морозов,

профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного университета: «Великий иеродул чехословацкой и чешской историографии Мюнхена (памяти профессора Роберта Квачека)»; В.А. Содоль, доцент кафедры истории Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко: «Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)».

И.Ф. Грек (Фонд «Болгарская духовность») рассказал о судьбе Ф.Т. Узуна, бессарабского болгарина, деятеля национально-культурного движения соплеменников в период оккупации Бессарабии Румынией (1918–1940).

Д. Саболова, доцент кафедры иностранных языков педагогического факультета Католического университета в г. Ружомберок (Словакия); М.Б. Давлатмирова, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания факультета иностранных языков Российско-Таджикского (славянского) университета (Таджикистан); В.Е. Владимирова, младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия); И.С. Коршунова, студент кафедры общего славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия); Н.О. Монгуш, аспирант кафедры общей и компьютерной лингвистики филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия) в своих выступлениях подняли вопросы языковых контактов, ценностных ориентаций в языковом сознании полилингвов, развития билингвизма.

С.Г. Суляк,
главный редактор

Dear members of the editorial board, authors and readers,

On November 11, 2024, the G. Tsamblak Taraclia State University (Taraclia, Molodva) held the International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (The 13th Ivan A. Antsupov Readings)*. The Taraclia State University, established in 2004 in the region of compact residence of the Bulgarians of Moldova, is a center for the preservation and study of the history and culture of the Bessarabian Bulgarians. The University stores Antsupov's personal archive.

The Republic of Moldova (MSSR/Bessarabia), as well as the entire territory of the former Moldavian Principality (Carpathian-Dniester lands), has always been multiethnic. Since the foundation, its territory was populated by the Moldavians (Voloeks), Rusins, southern Slavs (Bulgarians, Serbs), Tatars, Germans, Hungarians, Jews, Gypsies, Poles, Armenians, and representatives of other peoples. After the annexation of the Prut-Dniester interfluvium (later called Bessarabia) to Russia in 1812, the population of this territory increased sharply. Besides Great Russians and Little Russians in the south, there appeared many trans-Danubian settlers: Bulgarians, Gagauz, Serbs, German, and Swiss colonists; in the north there were Poles from the western provinces of Russia. The Jewish population also increased.

The territory of Carpathian Rus – a region of compact residence of Rusins – was also multi-ethnic. Historically, it includes Bukovina (which was part of the Moldavian Principality, then the Austrian (Austro-Hungarian) Empire, now the Suceava County of Romania and the Chernivtsi Region of Ukraine), Subcarpathian (Ugric) Rus (formerly part of the Hungarian Kingdom (Austro-Hungary), now the Zakarpattia Region of Ukraine, Maramures County in Romania, and Eastern Slovakia (Prešov and Košice Regions)), Galicia (formerly part of Poland, the Austrian (Austro-Hungarian) Empire, now the Ivano-Frankivsk, Lviv, and Ternopil Regions of Ukraine and southeastern Poland (part of the Lesser Poland and Subcarpathian Voivodeships)).

The Conference is a tribute to the memory of the famous Moldovan historian Ivan Antonovich Antsupov (August 3, 1920 – October 28, 2004). Antsupov studied ethnic history of Russians, Ukrainians, Gagauz, Bulgarians, Poles, Gypsies, Czechs, and Germans of Bessarabia.

He was born on August 3, 1920, into a peasant family in the Lipetsk region. After graduating from a pedagogical college, he taught children in the Far East and then in his native village of Dubovoye. On the eve

of the Great Patriotic War, he was drafted into the army. He fought, was wounded, and was awarded ten military awards.

After the war, he entered the Faculty of History of the Chişinău State University, where he defended his PhD on agrarian relations in Bessarabia in the 19th century. Antsupov actively published in the 1960s–1980s: “The State Village in Bessarabia in the 19th Century” (1966), “Agrarian Relations in the South of Bessarabia. 1812–1870.” (1978), “The Agricultural Market of Bessarabia in the 19th Century” (1981), “Peasants of the Left Bank of the Dniester Region in the Pre-Reform Period” (1990). He co-authored the monographs *History of the Moldavian SSR* (1982), *History of the RSS Moldovenesht* (1987), *The Historical Act of 1812 and Its Significance in the Fate of the Moldavian People* (1982), *Historical Roots of the Ties between the Ukrainian and Moldavian Peoples* (1980). In the 1990s, he published *The Russian Population of Bessarabia and the Left Bank of the Dniester Region in the Late 18th – Early 20th Century* (1996), *Russian Cossacks between the Bug and the Danube* (2000), *Russians on the Ochakov Land* (2003). Antsupov was a co-compiler of the collection of documents *History of Moldova* (1992–1996) (for more details Antsupov’s biography see *Rusin*. 2005. No. 1. pp. 7–8).

Knowing that our monograph *Fragments of Holy Rus: Essays on the Ethnic History of the Rusnaks of Moldova* (2003) would cause a mixed reaction from Romanian and Ukrainian nationalists, Antsupov agreed to be its reviewer, for which we will always be grateful to him.

The First Antsupov Readings – the International Conference *Ethnocultural Diversity of Moldova (History and Modernity). Readings in Memory of Ivan A. Antsupov*, held on November 23–24, 2006, in Chişinău by the Public Organization *Rus* and the editorial board of *Rusin*, attracted more than 40 scholars and leaders of ethnocultural organizations of Moldova, who presented on the history, culture, and language of the population of the Carpathian-Dniester lands.

In 2015, the National Research Tomsk State University became a co-organizer of the Conference.

Since 2017, *The Ivan A. Antsupov Readings* have been held in Taraclia in The G. Tsamblak Taraclia State University. In 2017, St. Petersburg State University also became a co-organizer of the Conference.

At the *13th Ivan A. Antsupov Readings* the scholars made 46 presentations. After two plenary reports, participants worked in two sections: “Interethnic borderland: The problem of dialogue of cultures” (19 presentations) and “Bessarabian Bulgarians: The problem of preserving ethno-cultural specificity” (25 presentations).

The first section saw scholars from Moldova, Russia, Tajikistan, Slovakia, and Israel. In the second section, there were presenters from Moldova

(mainly teachers and students of Taraclia State University), Bulgaria, Ukraine, and Germany.

Some of the presentations in the first section were about the history of Carpathian Rus and its figures. Vasily P. Zinoviev (professor, Faculty of Historical and Political Science, Tomsk State University) presented his research “Rusins of Podlasie According to the 1897 Population Census.” Carpathian Rus and its famous figures was discussed by Andrey N. Ptitsyn (associate professor, North-Caucasus Federal University) in his presentation “Lev G. Lopatinsky and his activities in the Caucasus”; Sergey G. Sulyak (associate professor, Department of History of the Peoples of the CIS Countries at the Institute of History of St. Petersburg State University and the Department of Philology and History at the G. Tsamblak Taraclia State University) in his presentation “Nikolay Pavlovich Glebovitsky: For the Faith of the Fathers”; Anton A. Chemakin (associate professor, Department of History for Teaching in the Natural Sciences and Humanities, Institute of History of St. Petersburg State University) in his presentation “‘The Ukrainian Campaign’ of the Wrangel’s 3rd Russian army (October – November 1920).” Mikhail M. Choref (research fellow, Department of Archaeology, Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa), spoke about the Bosporan sestertius of Nero with the IMPKA countermark as a source of historical information. Mikhail K. Yurasov (leading research fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences) presented on the reasons for the emergence of two conflicting versions – those of Constantine Porphyrogenitus and Hungarian Chroniclers – of the history of the migration of the Hungarians from the steppes of Eastern Europe to the Carpathian Basin. Artem A. Porsin (independent researcher, Magnitogorsk) presented on the Brodniki in the Battle of Kalka and the Mongol policy towards the peoples of Dashti-Kipchak in 1222–1223. Stanislav V. Morozov (professor, Department of International Relations, Regional Studies and Political Science, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State University) presented his research “The Great Hierodule of Czechoslovak and Czech Historiography of Munich (in memory of the historian Robert Kvaček).” Veacheslav A. Sodol (associate professor, Department of History, Institute of Public Administration, Law, Social Sciences and Humanities, Taras Shevchenko State University of Transnistria) presented on the Romanian occupation of the Moldavian SSR in 1941–1944 and the role of the Bucharest Patriarchate in the policy of Romanianization. Ivan F. Grek (Bulgarian Spirituality Foundation) spoke about Fyodor T. Uzun, a Bessarabian Bulgarian, an activist in the national-cultural movement of his fellow tribesmen during the occupation of Bessarabia by Romania (1918–1940).

Drahomira Sabolova (associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Education, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia)), Manizha B. Davlatmirova (professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Russian-Tajik (Slavic) University (Tajikistan)), Valeriia E. Vladimirova (junior research fellow, Laboratory of Linguistic Anthropology, Tomsk State University (Russia)); Irina S. Korshunova (student, Department of General Slavic-Russian Linguistics and Classical Philology, Faculty of Philology, Tomsk State University (Russia)); Nadezhda O. Mongush (postgraduate student, Department of General and Computational Linguistics, Faculty of Philology, Tomsk State University (Russia)), discussed the issues of language contacts and value orientations in the linguistic consciousness of polylinguals, and the development of bilingualism in their speech.

**Sergey G. Sulyak,
Editor-in-Chief**

УДК 94(395)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/2

Боспорский сестерций Нерона с надчеканкой «ІМРКА» как свидетельство межэтнических контактов

М.М. Чореф

Институт археологии Зинмана, Хайфский университет
Израиль, 31905, г. Хайфа, гора Кармель, бульвар Аба Хуш

Авторское резюме

Исследуется уникальный нумизматический артефакт – боспорский сестерций Нерона с римской надчеканкой «ІМРКА», которую есть все основания датировать гражданскими войнами 68–69 гг. Монета примечательна не только тем, что на неё была наложена контрамарка, пусть и не введённая до настоящего момента в научный оборот. Куда важнее тот факт, что её текст содержит сокращения слов «Imperator» и «Καίσαρ», т. е. латинского и греческого титулов правителей Рима. В ходе исследования было установлено, что монета могла быть надчеканена в Мёзии в краткий период безвластия в регионе, наступивший после самоубийства Отона и до признания размещёнными в нём войсками власти Вителлия. Полагаю, что эту операцию могли провести на мобильном монетном дворе legio III Gallica, незадолго до этих событий переведённом из Сирии. Есть причины полагать, что его легионеры, в отличие от размещённых ранее, хорошо знали греческий язык. Монету не могли надчеканить и в Перинфе, т. к. в нём для этой цели использовали штамп с «ΓΑΛΚΑΙ». В ином случае на монете была бы оттиснута надчеканка, составленная из сокращений только латинских или греческих слов. Полагаю, что боспорский сестерций был привезен в Мёзию одним из воинов, переведённых в Северо-Восточное Причерноморье во время подготовки похода к Каспийским воротам. Есть все основания полагать, что и факт наложения на изучаемую монету надчеканки «ІМРКА» и наличие на ней слов «Imperator» и «Καίσαρ» следует толковать как явные свидетельства активных межэтнических контактов населения Боспора, Передней Азии и дунайских провинций Рима в период гражданских войн 68–69 гг.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, Мёзия, Передняя Азия, межэтнические контакты

Bosporan sestertius of Nero with the countermark “IMPKA” as evidence of interethnic contacts

Mikhail M. Choref

PhD in History, Research Fellow,
Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa
199 Aba Khoushy Ave. Mount Carmel, Haifa, 31905, Israel

Abstract

The object of the study is a unique numismatic artifact – a Bosporan sestertius of Nero with the Roman countermark “IMPKA”, which can be dated to the Civil Wars of 68–69 BC. The coin is remarkable not only due to the countermark, which has not been the object of the studies before. Much more important is the fact that its text contains abbreviations of the words “Imperator” and “Καίσαρ”, i.e. the Latin and Greek titles of the rulers of Rome. The study has established that the coin could have been countermarked in Moesia during the short period of anarchy that followed Otho's suicide and before the troops stationed there recognized the authority of Vitellius. The author believes that this operation could have been carried out at the mobile mint of legio III Gallica, which was transferred from Syria shortly before these events. After all, there is every reason to believe that his legionaries, unlike those stationed there earlier, knew Greek well. The coin could not have been counter-minted in Perinthus either, since they used a stamp with “ΓΑΛΚΑΙ” for this purpose. In any other case, the coin would have been imprinted with a counter-mint made up of abbreviations of only Latin or Greek words. The author believes that the Bosporan sestertius was brought to Moesia by a soldier transferred to the North-Eastern Black Sea region during the preparation for the campaign to the Caspian Gates. As can be seen, there is every reason to believe that both the fact of the imposition of the “IMPKA” countermark on the coin under study, and the presence of the words “Imperator” and “Καίσαρ” should be interpreted as clear evidence of active interethnic contacts between the population of the Bosphorus, Western Asia, and the Danubian provinces of Rome during the Civil Wars of 68–69.

Keywords: history, archaeology, numismatics, Bosphorus, Moesia, Western Asia, interethnic contacts

Одной из важнейших задач, стоящих перед нумизматами-античниками, является выявление и истолкование обозначений, нанесенных на монеты в период их обращения¹. В первую очередь речь идет о многочисленных и разнообразных надчеканках. Дело в том, что их появление свидетельствовало не только об изменениях на политическом олимпе в выпустивших их государствах, о преобразованиях в

сфере денежного обращения [9–15; 28; 29; 41; 44; 48–50], а также о распространении монет за их пределами [1; 2–8; 16–22; 24; 25; 27; 40; 391, рис. 4: 12; 42], но и, что более важно, о межэтнических контактах между народами, населявшими античную ойкумену² [31–38; 40]. С учётом этих обстоятельств крайне интересны надчеканки, содержащие слова на разных языках.

В любом случае интерес к таким меткам не следует считать праздным. И нет резона удивляться тому, что они давно уже являются объектами научного исследования [23; 33; 45; 52]. Однако вряд ли есть основания считать процесс их исследования завершённым. Ведь регулярно в научный оборот вводятся сведения о вновь выявленных надчеканках [53; 55; 57; 60] или выносятся на обсуждение трактовки, казалось бы, давно и основательно изученных [31; 32; 34–38; 40; 42].

С учётом этих обстоятельств обратим внимание на один артефакт – античную монету с надчеканкой на лицевой стороне (см. рис. 1, 1). Подчеркну, что это обозначение хорошо сохранилось, так что её атрибуция вполне возможна. Уверенно читается буквосочетание «IMPKA», размещённое на прямоугольном в сечении чекане. Первый символ – «I» – немного отстоит от остальных, а второй и третий – «M» и «P» – даны в лигатуре³. В этих буквах, по-видимому, следует видеть сокращение титула «Imperator». Что же касается самых правых символов в надчеканке – «KA», то, возможно, они являются первым слогом слова «Καίσαρ»⁴. Поэтому есть все основания полагать, что на привлечшей мое внимание монете оттиснуты сокращения двух титулов правителя Римской империи, причём приведённые как на латинском, так и на греческом языках.

Данная монета с надчеканкой была опубликована в каталоге онлайн-аукциона № 4, проведённого фирмой «BAY Numismatics» 5 июля 2024 г. [46]. Его составители справедливо заключили, что обозначение «IMPKA» уникально и ранее не было известно специалистам. Они также попытались атрибутировать саму монету. Составители каталога пришли к выводу, что надчеканка была наложена на монету г. Каллатия, выпущенную в период правления Нерона, а точнее, в 54–60 гг. Для обоснования этого умозаключения они опубликовали фотографию (рис. 1, 2). Действительно, на реверсе монеты можно разобрать букву «N», которая, по мнению исследователей, представляла собой фрагмент последней строки плохо прочеканенной или несохранившейся надписи «KAL / ΛΑΤΙΑ / NWN», обрамленной венком. Её последний символ – «N» – они разобрали в той же строке, в самой правой части. Свои соображения о датировке монеты исследователи обосновали прочтением легенды реверса. Они разобрали на нём надпись «NERO CAESAR AVG IMP».

Однако с таким выводом нельзя согласиться. Начну с того, что написание этих букв на оборотной стороне монеты различно. Очевидно, что в одной и той же легенде звук «N» не могли обозначать двумя разными буквами: «H» и «N». Далее, эти символы размещены по центру и столь велики, что не оставляют места для двух верхних строк надписи «KAL / LATIA / NWN». И кроме того, ленты венка не могли быть завязанными в его верхней части. А на фотографии, приведенной в каталоге фирмы «BAY Numismatics» (рис. 1, 2), мы это наблюдаем. Что же касается надписи на лицевой стороне монеты, то остается только заметить, что она явно не латинская. Так, правее лица императора различимо буквосочетание «NOC». Есть все основания видеть в нём последние символы «NEPΩNOC». Далее читаются слова «KΛAYΔIOY» и «KAICAPOC». Подчеркну, что буква «Δ» из первого из них прекрасно видна над головой императора. Полагаю, что на лицевой стороне монеты было оттиснуто «NEPΩNOC KΛAYΔIOY KAICAPOC».

Таким образом, я делаю вывод, что составители каталога аукциона ошиблись в атрибуции опубликованной ими монеты, что недопустимо в процессе ввода в научный оборот ранее неизвестной античной надчеканки. Тем более что они верно прочли её и справедливо за-

Рис. 1. Сестерций с надчеканкой и без нее

ключили, что она уникальна. Учитывая это обстоятельство, попытаюсь атрибутировать данный артефакт. Начну с его описания.

Л.с.: [ΝΕΡΩ]ΝΟΣ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ [ΣΕΒΑΣΤΟΥ]. Бюст императора в лавровом венке, развернутый вправо. Поверх него наложена надчеканка «ΙΜΡΚΑ».

О.с. ΜΗ. Вокруг – лавровый венок.

Вес монеты – 13,6 г., диаметр – 3,1 см.

Монета треснула. Судя по характеру повреждения, трещина появилась в процессе надчеканивания⁵.

Подчеркну, что в результате наложения контрамарки пострадала первая буква легенды реверса. Сохранились только её левые, наклонные одна к другой и соприкасающиеся верхними точками гасты. Тем не менее она вполне читаема. Возможно, речь идет о вполне очевидной «М».

Собственно, выявленные факты позволяют вполне уверенно атрибутировать изучаемую монету. Речь должна идти о сестерции, выпущенном в европейской части Боспора в период правления Нерона [9: № 1456; 28: 219, табл. XXVII: 8–17, табл. XXVIII: 1; 33: 114–115, рис. 2; 48: 81–82, pl. LVI: 8–17, табл. LVII: 1]. На его лицевой стороне размещали бюст императора в лавровом венке, развернутый влево и обрамлённый надписью «ΝΕΡΩΝΟΣ ΚΛΑΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΥ», а на реверсе – оттиск легенды «ΜΗ», окаймлённой лавровым венком⁶ (см. рис. 1, 3).

Замечу, что эти монеты являются важными памятниками своей эпохи. Дело в том, что в ходе подготовки похода к Каспийским воротам Нерон преобразовал европейскую часть Боспорского царства в провинцию⁷. Контроль над Северо-Восточным Причерноморьем был необходим Риму для проведения военных операций в Армении и для снабжения действующих там войск [39; 43]. Поэтому не случайно монетный двор Пантикапея выпускал тогда не только статеры, правда, теперь от имени Нерона, но и новые номиналы разменных монет – сестерции и дупондии с обозначениями номинала «ΜΗ» и «ΚΔ» на реверсе, вписанные в лавровый венок. Допускаю, что таким образом была налажена эмиссия монет для выплат легионерам [30; 33].

Однако вернёмся к изучаемой надчеканке. Сразу же замечу, что такого рода обозначения на монетах Нерона отнюдь не редки. После низложения и гибели императора, а точнее во время иражданских войн 68–69 гг., их массово накладывали на монеты его чекана. Появление этих обозначений было мотивировано вполне очевидным и ожидаемым стремлением уничтожить память о низложенном правителе. Наносили их весьма спешно, причём не всегда профессионально. Так что не стоит удивляться, что в результате контрамаркирования

изучаемая монета треснула. В любом случае ясно, что надчеканивание было произведено не в постоянно действующем эмиссионном центре. И, конечно же, не на Боспоре⁸. Вполне возможно, что штамп с «ИМРКА» был наложен на боспорский сестерций Нерона в наспех организованном походном монетном дворе римского воинского подразделения. Ведь деньги тогда требовались в первую очередь для выплаты жалования солдатам, возводившим на трон и низлагавшим эфемерных императоров⁹.

Следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Как правило, такого рода обозначения, включавшие в себя титулы правителей Рима, содержали информацию и о претенденте на римский престол¹⁰, благодаря чему их можно датировать. Так, известны надчеканки Гальбы («GALBA», «GACPP», «GALCA», «IMPGA», «ГАА», «ГААУ», «ГАЛКА», «ГАЛКАИ»), Отона («ИМПОТНО»), Вителия (V E) и Веспасиана («VESPAS», «IMPVESP», «IMPVESPARG»,) [45; 53; 54; 59: 186–187]. Но, как было сказано выше, в контрамарке «ИМРКА» нет возможности разобрать имя правителя. Таким образом, её с полным основанием следует считать анонимной. И, как уже было сказано выше, первое из этих слов – оригинальный, латинский титул, а второе – греческая транслитерация «Καίσαρ» слова «CAESAR». Я нахожу этот факт весьма примечательным. Он свидетельствует о том, что боспорская монета после смерти Нерона была легализована в качестве платежного средства на территории, напрямую подконтрольной имперским властям, причём со смешанным греко-римским населением. Допускаю, что речь должна идти об одной из причерноморских провинций Рима.

Замечу, что установить эмиссионный центр, в котором была наложена надчеканка, будет довольно трудно. Ведь, отвергнув прочтение легенды реверса, предложенное составителями каталога фирмы «BAU Numismatics» [46], мы лишаем себя возможности без рассуждений приписать эту монету к эмиссии Каллатия. Однако полагаю, что эта задача все же разрешима. Для поиска ответа на неё мною привлечены многочисленные исторические источники, освещающие события иражданских войн 68–69 гг.

Начну с того, что тогда монеты чеканили и контрамаркировали отнюдь не только в честь претендентов на верховную власть. Так, известны анонимные ауреусы и денарии, отчеканенные в марте–июне во время восстаний Гальбы и Виндекса. На аверсе этих монет размещали изображения Августа, Виктории, гения римского народа, Испании и Галлии, Конкордии, Либертас, Марса, Минервы, Монеты, Пакс, Ромы, Салуса и Эвентуса [59: No. 1–117]. В свою очередь, монетные дворы гарнизонов Южной Галлии, поддерживающие Вителия, выпустили золотые и серебряные монеты с изображением Весты,

Фидес и Юпитера Капитолийского на лицевой стороне [59: No. 118–129]. Позже, во время галльского восстания конца 69 – начала 70 г. были выпущены ауреусы и денарии с изображениями и надписями, прославляющими Галлию, Виртус, Испанию, Либертас и Салуса [59: No. 130–136]. На монеты Нерона кроме вышеупомянутых надчеканок накладывали анонимные контрамарки ☒ и ☒ (legio X Gemina) [45: 56; 51; 52: No. 82], «SPQR» (Senatus Populusque Romanus), «SPO» и «SPR» (имитации «SPQR») и «PR» (Populus Romanus) в различных начертаниях [45: 55; 52: 27, 87; 55: 163, fig. 14]. Как видим, тексты этих надчеканок не содержат титулы правителей Рима. Но, как уже было сказано, на контрамарке разместили сокращения слов «Imperator» и «Καίσαρ».

Замечу также, что надчеканивание штампом с «ИМРКА» было проведено крайне осторожно. Санкционировавшие его чиновники стремились обезопасить себя от перипетий Гражданских войн. По этой причине на нём отсутствует имя какого-либо претендента на престол. Попытаюсь объяснить выявленное явление.

Для начала замечу, что одну из перечисленных надчеканок – «ГАЛКАI», оттискиваемых на монетах Нерона при Гальбе, накладывали в Перинфе, а контрамарку «GALBA» оттискивали на них на мобильных монетных дворах легионов, размещенных по нижнему течению Дуная [53: 59]. Следовательно, есть основания допустить, что в том же регионе, в Нижней Мёзии, могло быть налажено надчеканивание монет с подражательной контрамаркой «ИМРКА». Но в таком случае следует объяснить, по какой причине власти региона не сочли возможным разместить на используемом для этого штампе имя императора.

Для этого обратимся к римским историческим сочинениям, донесшим до нас информацию о событиях, произошедших в период гражданских войн. Так, в Г. Светоний Транквилл привел весьма примечательное описание событий, произошедших тогда в Мёзии¹¹: «Moesiaci exercitus bina e tribus legionibus milia missa auxilio Othoni, postquam ingressis iter nuntiatum est victum eum ac vim vitae suae attulisse, nihilo setius Aquileiam usque perseveraverunt, quasi rumori minus crederent. Ibi per occasionem ac licentiam omni rapinarum genere grassati, cum timerent ne sibi reversis reddenda ratio ac subeunda poena esset, consilium inierunt eligendi creandique imperatoris; neque enim deteriores esse aut Hispaniensi exercitu qui Galbam, aut praetoriano qui Othonem, aut Germaniciano qui Vitellium fecissent. Propositis itaque nominibus legatorum consularium, quot ubique tunc erant, cum ceteros alium alia de causa improbarent et quidam e legione tertia, quae sub exitu Neronis translata ex Syria in Moesiam fuerat, Vespasianum

laudibus ferrent, assensere cuncti nomenque eius vexillis omnibus sine mora inscripserunt» [58: 294] – «Армия мезийцев отправила по две тысячи из трех легионов на помощь Отону. Когда те вступили в марш и им сообщили, что он потерпел поражение и наложил на себя руки, то, не поверив слухам, продолжали путь до Аквилеи. Там, воспользовавшись случаем, они совершали всевозможные грабежи и, опасаясь, что по возвращении им придется заплатить отчет и подвергнуться наказанию, они решились избрать и провозгласить императора; ведь они не были хуже ни испанской армии, провозгласившей Гальбу, ни преторианцев провозгласивших Отона, ни германской армии, провозгласившей Вителлия. Предложив, таким образом, имена консульских послов, сколько их было повсюду в то время, и все они по разным причинам были отвергнуты. Но когда представители третьего легиона, который был переведён из Сирии в Мёзию перед самой смертью Нерона, стали восхвалять Веспасиана, все их поддержали и без промедления начертали его имя на всех своих знаменах». Однако вскоре войска признали власть Вителлия.

Чем же интересен этот фрагмент? Тем, что, согласно Светонию, Мезийская армия некоторое время после гибели Отона не признавала Вителлия, посчитав своим долгом избрать нового императора. Во время выборов монеты Нерона могли надчеканивать с помощью чекана, на котором был размещен текст, содержащий только императорские титулы.

Полагаю, что нельзя обойти вниманием следующий факт. Кандидатура Веспасиана была предложена представителями *legio III Gallica*, переведенного из Сирии. Очевидно, что его легионеры владели греческим языком, широко распространенным в восточных провинциях Римской империи. Так что не стоит удивляться тому факту, что на надчеканке присутствуют сокращения слов «Imperator» и «Καίσαρ». Легионеры из Сирии должны были знать и использовать греческие титулы правителей Рима.

Что же касается обстоятельств, приведших к поступлению монеты в эмиссионный центр для контрамаркирования, то допускаю, что она была вывезена с территории Боспора одним из римских воинов в период правления Нерона, переведённым в провинцию, образованную этим императором, из европейской части владений Тибериев Юлиев в ходе подготовки похода к Каспийским воротам. Вернее всего, преобразования на Боспоре прошли в период Римско-Парфянской войны (58–63 гг.) [40; 43].

В любом случае у нас есть все основания полагать, что как сам факт наложения на изучаемую монету надчеканки IMPKA, так и наличия в ней слов «Imperator» и «Καίσαρ» следует толковать как

явные свидетельства активных межэтнических контактов в период гражданских войн 68–69 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь в статье не будет идти о знаках коллекционеров, наносимых на особо редкие и ценные монеты для фиксации права собственности на них.

2. Так, особо показательна скифская реплика монеты Нимфея, выпущенной общиной выходцев из Самоса [3]. Сам факт её обнаружения может быть истолкован как свидетельство существования денежного обращения у таврических скифов уже в V в. до н.э.

3. В начале н.э. буквосочетание «IMP» на надчеканках, как правило, приводили в виде лигатуры [45: 54, 56]. В ней «I» была сопряжена с левой поперечной гостой «M». А с её правой составляющей сочетается «P». С отдельно стоящей «I» они известны только на монетах Галлии, выпущенных при Августе [52: No. 15d–18a]. Я нахожу это обстоятельство весьма важным. Очевидно, что резчик, создавший штамп для контрамарки с «IMPКА» не был профессиональным монетчиком. Он лишь неумело подражал их широко распространенным работам.

4. «Καίσαρ», а не ординарное латинское «Caesar». Вернёмся к этому вопросу далее.

5. Боспорские сестерции и дупондии Нерона изготавливали из бронзового сплава, содержащего в своём составе до 15% свинца [26: 100]. Таким образом, заготовки для монет из этого сплава нельзя было нагревать перед чеканкой, иначе она становилась хрупкой вследствие выделения свинца. Похоже, что непрофессиональный монетчик разогрел боспорский сестерций Нерона перед наложением контрамарки, что и привело к появлению трещины на монетном кружке.

6. Монета опубликована на сайте «Монеты Боспора» [47].

7. В то же время в азиатской части упраздненного Боспорского государства правили династы из рода Тибериев Юлиев, которые чеканили дупондии с изображением пятиколонного храма на аверсе и с монограммами , и на реверсе [30; 33].

8. Там знали свойства бронзового сплава, из которого чеканили разменные монеты.

⁹Учитывая то обстоятельство, что надчеканки легионов на монетах Нерона хорошо известны [45: 56; 51; 52: No. 82; 53: 59].

10. Что неудивительно, ведь монеты всегда являлись действенным инструментом государственной пропаганды.

11. Наилучший, с моей точки зрения, анализ ситуации в Мёзии в период гражданских войн проведен в [56].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамзон М.Г.* Экономические связи Боспора в VI в. до н.э. – III в. н.э.: греческие монеты в денежном обращении // Проблемы истории, филологии, культуры (Москва – Магнитогорск). 2010. № 1 (27). С. 477–521.

2. *Андриевский Д.В.* Бронзовая драхма Птолемея IV Филопатора, обнаруженная на холме Тавель // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2023. № 15. С. 747–758. doi: 10.53737/1403.2023.19.12.029

3. *Андриевский Д.В.* К каталогу варварских подражаний в античной Таврике // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2022. № 14. С. 349–357. doi: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017

4. *Андриевский Д.В.* Привозные монеты эпохи «скифских войн» из Горного Крыма // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2022. № 51. С. 221–227. doi: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010

5. *Андриевский Д.В., Чореф М.М.* 2021. Привозные эллинистические монеты, найденные близ с. Партизанское (Юго-Западный Крым), как исторический источник // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2021. № 13. С. 875–881. doi: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030

6. *Андриевский Д.В., Чореф М.М.* Античные монеты, найденные близ пос. Почтовое (Крым), как исторический источник // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2022. № 14. С. 358–368. doi: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018

7. *Андриевский Д.В., Чореф М.М.* Римские денарии из Байдарской долины (Крым) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2022. № 51. С. 211–220. doi: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009

8. *Андриевский Д.В., Чореф М.М.* Новые находки римских денариев из Байдарской долины (Крым) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2023. № 15. С. 759–773. doi: 10.53737/6318.2023.62.97.030

9. *Анохин В.А.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 328 с.

10. *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 240 с.

11. *Анохин В.А.* Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев: Стилос, 2010. 213 с.

12. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 222 с.

13. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 208 с.

14. *Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 162 с.
15. *Анохин В.А.* Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. Киев: Стилос, 2016. 280 с.
16. *Брайчевський М.Ю.* Римська монета на території України. Київ: АН УРСР, 1959. 143 с.
17. *Кропоткин В.В.* Дополнения к списку находок римских монет // *Stratum plus*. 2000. № 6. С. 20–117.
18. *Кропоткин В.В.* Клады византийских монет на территории СССР. М.: АН СССР, 1962. (САИ Е4-4). 89 с.
19. *Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР. М.: АН СССР, 1961. (САИ Г4-4). 119 с.
20. *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967. 139 с.
21. *Новиченкова Н.Г.* Горный Крым: II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло. Симферополь: Н.Оріанда, 2015. 284 с.
22. *Новиченкова Н.Г., Новиченкова М.В.* Римские республиканские монеты из археологических раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло в Горном Крыму // *Античный мир и археология*. 2017. № 18. С. 252–274.
23. *Носова Л.В.* Тира середины I в. н.э.: политическая история по данным нумизматики // *Stratum plus*. 2014. № 4. С. 315–326.
24. *Сапрыкин С.Ю.* Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического. Историко-нумизматическое исследование. М.: Наука, 2005. 208 с.
25. *Скворцов К.Н., Чорев М.М.* Клад римских монет Мельниково-1 // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона)*. 2020. № 12. С. 734–773. doi: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001
26. *Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: СПб. ун-т, 2001. 227 с.
27. *Труфанов А.А.* Монеты из погребений варварского населения Крыма первых веков н.э. // *Археологический альманах (Донецк)*. 2010. № 22. С. 235–250.
28. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.: Едиториал УРСС, 1997. 448 с.
29. *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н.э. М.: Едиториал УРСС, 1997. 536 с.
30. *Чорев М.М.* Бронзовые монеты Савромата I с развернутым влево бюстом правителя на аверсе как источник исторической информации //

Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2019. № 11. С. 583–591.

31. *Чореф М.М.* Бронзы Савромата II с сидящей на троне Афродитой на реверсе как источник исторической информации // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона)*. 2021. № 13. С. 882–902.

32. *Чореф М.М.* Звездовидная надчеканка I в. до н.э. на боспорском оболе III в. до н.э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан // *Русин*. 2019. № 55. С. 34–43. doi: 10.17223/18572685/55/3

33. *Чореф М.М.* К вопросу о времени и обстоятельствах появления изображений пятиколонного храма на монетах боспорского чекана // *Stratum plus*. 2015. № 6. С. 111–130.

34. *Чореф М.М.* К вопросу об атрибуции надчеканки «колос» на монетах Пантикапея и Фанагории // *История*. 2021. Т. 12, вып. 12-1 (110), ч. I. URL: <https://history.jes.su/S207987840018583-0-1> (дата обращения: 29.11.2024). doi: 10.18254/S207987840018583-0

35. *Чореф М.М.* Монеты Пантикапея и Фанагории третьей четверти I в. до н.э. как источник исторической информации // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона)*. 2020. № 12. С. 710–733.

36. *Чореф М.М.* Надчеканки на боспорских монетах Полемона I как источник исторической информации // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона)*. 2017. № 9. С. 441–467.

37. *Чореф М.М.* Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона)*. 2015. № 7. С. 279–299.

38. *Чореф М.М.* Надчеканки на стateraх царя Фарзоя как источники исторической информации // *Древности. Исследования. Проблемы: сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова*. Кишинев: *Stratum plus*, 2018. С. 319–330.

39. *Чореф М.М.* Новая античная свинцовая печать из Херсонеса Таврического // *Stratum plus*. 2017. № 4. С. 99–114.

40. *Чореф М.М.* Первые серии бронз Спартокидов как источник исторической информации // *Stratum plus*. 2018. № 3. С. 387–404.

41. *Чореф М.М.* Римские и ранневизантийские моливдовулы с бюстами правителей на обеих сторонах как источник исторической информации // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья (Нес-Циона)*. 2023. № 15. С. 997–1008. doi: 10.53737/8377.2023.96.41.041

42. *Чореф М.М.* Сикли Ахеменидов из округа Неаполя Скифского // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 213–221.

43. *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бобин Р.М.* Восточный поход Нерона: новое решение старой проблемы // *Материалы по археологии и истории античного*

и средневекового Причерноморья (Нес-Циона). 2022. № 14. С. 273–285.

44. *Apokhin V.A.* The Coinage of Chersonesus IV Century B.C. – XII Century A.D. Oxford: British Archaeological Reports, 1980 (BAR International Series 69). 202 p.

45. *Baker R.* The countermarks found on ancient roman coins: a brief introduction // Society of Ancient Numismatics (Santa Monica). 1984. No. XV. P. 52–58.

46. *biddr.com*: 1 – BAY Numismatics. Online Auction 14. Lot 316. URL: <https://www.biddr.com/auctions/baynumismatics/browse?a=4776&l=5750515> (дата обращения: 29.11.2024).

47. *bosporan-kingdom.com*: 1 – Паспорт монеты 352-4306-29. URL: <https://bosporan-kingdom.com/352-4306/29.html> (дата обращения: 29.11.2024).

48. *Frolova N., Ireland S.* The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD. Oxford: British Archaeological Reports, 2002 (BAR International Series 1102). 146 p.

49. *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosphorus A.D. 69–238. Oxford: British Archaeological Reports, 1979 (BAR International Series 56). 382 p.

50. *Frolova N.A.* The Coinage of the Kingdom of Bosphorus, A.D. 242–341/342. Oxford: British Archaeological Reports, 1983 (BAR International Series 166). 389 p.

51. *MacDowall D.W.* Two Roman Countermark of A.D. 68 // The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. Sixth Series. 1960. Vol. 20. P. 103–112.

52. *Martini R.* Collezione Pangerl contromarche imperiali romane (Augustus–Vespasianus). Milano: Ennerre, 2003 (Numismata 6). 349 p.

53. *Martini R.* Countermarks in the Name “Galba” on Roman Imperial and Provincial Coinages: Considerations on the Countermarks and the Circulation of Local Bronze Coins in Pannonia (?), Moesia, Thrace and Asia Minor (?) // *Gephyra*. 2018. No. 16. P. 37–73.

54. *Martini R.* Monete romane imperiali contromarcate di bronzo dall’area delle province della Moesia e della Thracia di I secolo d.C. Milano: Ennerre, 2002. 283 p.

55. *Martini R., Paunov E.* Early Roman imperial countermarked coins from Moesia: first critical observations (typology, frequency, chronology and analysis of distribution) // *Acta musei Varnaensis II. Numizmatichni i sfragistichni prinosi kam istoriyata na Zapadnoto Chernomorie*. Varna: Zograf, 2004. P. 159–174.

56. *Paunov E., Doncheva D.* The Role and Military Significance of Moesia in the ‘Year of the Four Emperors’ and under Vespasian // *Diomedes NF*. 2013. No. 6. P. 43–56.

57. *Paunov E.I.* Roman countermark on a bronze coin of Rhoemetalces I, king of Thrace // *American Journal of Numismatics* (New York). 2010. No. 25. P. 117–123.

58. *Suetonius*. Vol. II. London: William Heinemann, 1969 (The Loeb Classical Library 38). 581 p.

59. Sutherland C.H.V. The Roman Imperial Coinage. Vol. I. From 31 BC to AD 69. London: Spink and Son Ltd, 1984. 360 p.

60. Teverson R. No Small Change: Countermarks on Thracian Royal Bronzes // American Journal of Numismatics (New York). 2022. No. 34. P. 39–87.

REFERENCES

1. Abramzon, M.G. (2010) Ekonomicheskie svyazi Bospora v VI v. do n.e. – III v. n.e.: grecheskie monety v denezhnom obrashchenii [*Economic Contacts of the Bosphorus in the 6th Century BCE – 3rd Century CE: Greek Coins in the Monetary Circulation*]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 1(27). pp. 477–521.

2. Andrievskiy, D.V. (2023) Bronzovaya drakhma Ptolemeya IV Filopatora, obnaruzhennaya na kholme Tavel' [A bronze drachma of Ptolemy IV Philopator discovered on Tavel Hill]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 15. pp. 747–758. doi: 10.53737/1403.2023.19.12.029

3. Andrievskiy, D.V. (2022a) K katalogu varvaskikh monetnykh podrazhaniy v antichnoy Tavrike [Updating the catalog of barbarian coin imitations from Antique Taurica]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 14. pp. 349–357. doi: 10.53737/2713-2021.2022.59.75.017

4. Andrievskiy, D.V. (2022b) Privoznye monety epokhi “skifskikh voyn” iz Gornogo Kryma [Imported coins of the “Scythian wars” times in Mountain Crimea]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. S1. pp. 221–227. doi: 10.53737/2713-2021.2022.44.54.010

5. Andrievskiy, D.V. & Choref, M.M. (2021) Privoznye ellinisticheskie monety, naydennye bliz s. Partizanskoe (Yugo-Zapadnyy Krym), kak istoricheskiy istochnik [Imported Hellenistic coins found near Partizanskoe village (Southwest Crimea) as a historical source]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 13. pp. 875–881. doi: 10.53737/2713-2021.2021.43.50.030

6. Andrievskiy, D.V. & Choref, M.M. (2022a) Antichnye monety, naydennye bliz pos. Pochtovoe (Krym), kak istoricheskiy istochnik [Antique coins found near of the Poshtove village (Crimea) as a historical source]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 14. pp. 358–368. doi: 10.53737/2713-2021.2022.24.16.018

7. Andrievskiy, D.V. & Choref, M.M. (2022b) Rimskie denarii iz Baydarskoy doliny (Krym) [Roman denarii from the Baydar Valley (Crimea)]. *Materialy po*

arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region. S1. pp. 211–220. doi: 10.53737/2713-2021.2022.47.63.009

8. Andrievskiy, D.V. & Choref, M.M. (2023) *Novye nakhodki rimskikh denariiev iz Baydarskoy doliny (Krym) [New finds of Roman denarii from the Baydar Valley (Crimea)]*. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 15. pp. 759–773. doi: 10.53737/6318.2023.62.97.030

9. Anokhin, V.A. (2011) *Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ya [Antique coins of the Northern Black Sea region]*. Kyiv: Stilos.

10. Anokhin, V.A. (1999) *Istoriya Bospora Kimmeriyskogo [History of the Cimmerian Bosphorus]*. Kyiv: Odigitriya.

11. Anokhin, V.A. (2010) *Materialy, issledovaniya i zametki po arkheologii i numizmatike [Materials, research and notes on archaeology and numismatics]*. Kyiv: Stilos.

12. Anokhin, V.A. (1986) *Monetnoe delo Bospora [The Bosphorus Coinage]*. Kyiv: Naukova dumka.

13. Anokhin, V.A. (1977) *Monetnoye delo Khersonesa (IV v. do n.e.– XII v. n.e. [Coinage of Chersonesos (4th century BCE – 12th century CE)]*. Kyiv: Naukova dumka.

14. Anokhin, V.A. (1989) *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya [Coins of ancient cities of the North-Western Black Sea region]*. Kyiv: Naukova dumka.

15. Anokhin, V.A. (2016) *Monety Severnogo Prichernomor'ya i tsarey Kolkhidy [Coins of the Northern Black Sea region and the kings of Colchis]*. Kyiv: Stilos.

16. Braichevsky, M.Yu. (1959) *Ryms'ka moneta na terytorii Ukrainy [Roman coins on the territory of Ukraine]*. Kyiv: AN URSSR.

17. Kropotkin, V.V. (2000) *Dopolneniya k spisku nakhodok rimskikh monet [Additions to the list of finds of Roman coins]*. *Stratum plus*. 6. pp. 20–117.

18. Kropotkin, V.V. (1962) *Klady vizantiyskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Byzantine coins on the territory of the USSR]*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources E4-4).

19. Kropotkin, V.V. (1962) *Klady rimskikh monet na territorii SSSR [Hoards of Roman coins on the territory of the USSR]*. Moscow: AN SSSR (Corpus of Archaeological Sources G4-4).

20. Kropotkin, V.V. (1967) *Ekonomicheskie svyazi Vostochnoy Evropy v I tysyacheletii nashey ery [Economic Relations of Eastern Europe in the 1st Millennium CE]*. Moscow: Nauka.

21. Novichenkova, N.G. (2015) *Gornyy Krym: II v. do n.e. – II v. n.e. Po materialam raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo [Mountainous Crimea: 2nd century BCE – 2nd century CE. Based on excavations of the sanctuary at the Gurzuf saddle pass]*. Simferopol: N. Orianda.

22. Novichenkova, N.G. & Novichenkova, M.V. (2017) *Rimskie respublikanskije*

monety iz arkheologicheskikh raskopok svyatilishcha u perevala Gurzufskoe sedlo v Gornom Krymu [Roman Republican coins from the archaeological excavations of the sanctuary at the Gurzuf saddle pass in the Crimean Mountains]. *Antichnyy mir i arkheologiya*. 18. pp. 252–274.

23. Nosova, L.V. (2014) Tira serediny I v. n.e.: politicheskaya istoriya po danym numizmatiki [Tyre in the middle of the 1st century CE: political history based on numismatic data]. *Stratum plus*. 4. pp. 315–326.

24. Saprykin, S.Yu. (2005) *Denezhnoe obrashchenie na khore Khersonesa Tavricheskogo. Istoriko-numizmaticheskoe issledovanie* [Money circulation in the choir of Tauric Chersonesos. Historical and numismatic research]. Moscow: Nauka.

25. Skvortsov, K.N. & Choref, M.M. (2020) Klad rimskikh monet Mel'nikovo-1 [Treasure of roman coins Melnikovo-1]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 12. pp. 734–773. doi: 10.53737/2713-2021.2021.12.12.001

26. Smekalova, T.N. & Dyukov, Yu.L. (2001) *Monetnye splavy gosudarstv Prichernomor'ya. Bospor, Ol'viya, Tira* [Coin alloys of the Black Sea states. Bosporus, Olbia, Tyra]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

27. Trufanov, A.A. (2010) Monety iz pogrebeniy varvarskogo naseleniya Kryma pervykh vekov n.e. [Coins from burials of the barbarian population of Crimea in the first centuries CE]. *Arkheologicheskyy al'manakh*. 22. pp. 235–250.

28. Frolova, N.A. (1997a) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosporus (mid-1st century BCE – mid-4th century CE)]. Pt. I. Moscow: Editorial URSS.

29. Frolova, N.A. (1997b) *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.)* [Coinage of the Bosporus (mid-1st century BCE – mid-4th century CE)]. Pt. II. Moscow: Editorial URSS.

30. Choref, M.M. (2019a) Bronzovye monety Savromata I s razvernutyim vlevo byustom pravatelya na averse kak istochnik istoricheskoy informatsii [Bronze coins of Sauromates I with the bust of the ruler turned to the left on the obverse as a source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 11. pp. 583–591.

31. Choref, M.M. (2021a) Bronzy Savromata II s sidyashchey na trone Afroditoy na reverse kak istochnik istoricheskoy informatsii [Bronzes of Sauromates II with Aphrodite sitting on a throne on reverse as source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 13. pp. 882–902.

32. Choref, M.M. (2019b) Star-shaped countermark of the 1st century BCE on the Bosporan obolus of the 3rd century BCE as evidence of interethnic

contacts between the population of Bosporus and Aspurgians. *Rusin*. 55. pp. 34–43 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/55/3

33. Choref, M.M. (2015a) K voprosu o vremeni i obstoyatel'stvakh poyavleniya izobrazheniy pyatikolonnogo khrama na monetakh bosporskogo chekana [On time and circumstances of emergence of images of the five-columned temple on coins of Bosporus coinage]. *Stratum plus*. 6. pp. 111–130.

34. Choref, M.M. (2021b) K voprosu ob atributsii nadchekanki “kolos” na monetakh Pantikapeya i Fanagorii [On attribution countermarks “ear” on the coins of Panticapaeum and Phanagoria]. *Istoriya*. 12(12-1 (110)). Pt. I. doi: 10.18254/S207987840018583-0

35. Choref, M.M. (2020) Monety Pantikapeya i Fanagorii tret'ey chetverti I v. do n.e. kak istochnik istoricheskoy informatsii [Coins of Panticapaeum and Phanagoria of the third quarter of the 1st century BCE as a source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 12. pp. 710–733.

36. Choref, M.M. (2017a) Nadchekanki na bosporskikh monetakh Polemona I kak istochnik istoricheskoy informatsii [Countermarks on Bosporus coins of Polemon I as a source of historical information]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 9. pp. 441–467.

37. Choref, M.M. (2015b) Nadchekanki na mednykh monetakh bosporskogo arkhonta Asandra [Countermarks on copper coins of the Bosporus archon Asander]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 7. pp. 279–299.

38. Choref, M.M. (2018a) Nadchekanki na staterakh tsarya Farzoya kak istochniki istoricheskoy informatsii [Countermarks on Staters of King Pharzoius as Sources of Historical Information]. In: Sinika, V.S. & Rabinovich, R.A. (eds) *Drevnosti. Issledovaniya u problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova* [Antiquities. Studies and Issues. Essays in honor of Nikolai Telnov on the occasion of his 70th birthday]. Chişinău: Stratum plus. pp. 319–330.

39. Choref, M.M. (2017b) Novaya antichnaya svintsovaya pechat' iz Khersonesa Tavricheskogo [Newly Found Ancient Lead Seal of Tauric Chersonesos]. *Stratum plus*. 4. pp. 99–114.

40. Choref, M.M. (2018b) Pervye serii bronz Spartokidov kak istochnik istoricheskoy informatsii [The First Series of Spartocid Bronzes as a Source of Historical Information]. *Stratum plus*. 3. pp. 387–404.

41. Choref, M.M. (2023) Rimskie i rannevizantiyskie molivdovuly s byustami praviteley na obeikh storonakh kak istochnik istoricheskoy informatsii [Roman and early Byzantine bullae with busts of rulers on both sides as source of his-

torical information]. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 15. pp. 997–1008. doi: 10.53737/8377.2023.96.41.041.

42. Choref, M.M. (2017c) Sikli Akhemenidov iz okrugi Neapolya Skifskogo [Achaemenid Shekels from the Neighborhood of Scythian Neapolis]. *Stratum plus*. 3. pp. 213–221.

43. Yartsev, S.V., Zubarev, V.G. & Bobin, R.M. (2022) Vostochnyy pokhod Nerona: novoe reshenie staroy problemy [Nero's eastern campaign: new solution to the old problem]. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 14. pp. 273–285.

44. Anokhin, V.A. (1980) *The Coinage of Chersonesus IV Century B.C. – XII Century A.D.* Oxford: BAR (BAR International Series 69).

45. Baker, R. (1984) The countermarks found on ancient roman coins: a brief introduction. *SAN*. XV. pp. 52–58.

46. *BAY Numismatics. Online Auction 14*. Lot 316. [Online] Available from: <https://www.biddr.com/auctions/baynumismatics/browse?a=4776&l=5750515> (Accessed: 29th November 2024).

47. *Passport of coin: 352-4306-29*. [Online] Available from: <https://bosporan-kingdom.com/352-4306/29.html> (Accessed: 29th November 2024).

48. Frolova, N. & Ireland, S. (2002) *The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford: BAR (BAR International Series 1102).

49. Frolova, N.A. (1979) *The Coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 69–238*. Oxford: BAR (BAR International Series 56).

50. Frolova, N.A. (1983) *The Coinage of the Kingdom of Bosporus, A.D. 242–341/342*. Oxford: BAR (BAR International Series 166).

51. MacDowall, D.W. (1960) Two Roman Countermark of A.D. 68. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society. Sixth Series*. 20. pp. 103–112.

52. Martini, R. (2003) *Collezione Pangerl contromarche imperiali romane (Augustus–Vespasianus)*. Milano: Ennerre, 2003 (Numismata 6).

53. Martini, R. (2018) Countermarks in the Name “Galba” on Roman Imperial and Provincial Coinages: Considerations on the Countermarks and the Circulation of Local Bronze Coins in Pannonia (?), Moesia, Thrace and Asia Minor (?). *Gephyra*. 16. pp. 37–73.

54. Martini, R. (2002) *Monete romane imperiali contromarcate di bronzo dall'area delle province della Moesia e della Thracia di I secolo d.C.* Milano: Ennerre.

55. Martini, R. & Paunov, E. (2004) Early Roman imperial countermarked coins from Moesia: first critical observations (typology, frequency, chronology and analysis of distribution). *Acta musei Varnaensis II. Numizmatichni i sfragistichni prinosi kām istoriyata na Zapadnoto Chernomorie*. Varna: Zograf. pp. 159–174.

56. Paunov, E. & Doncheva, D. (2013) The Role and Military Significance of Moesia in the 'Year of the Four Emperors' and under Vespasian. *Diomedes NF*. 6. pp. 43–56.

57. Paunov, E.I. (2010) Roman countermark on a bronze coin of Rhoemetalces I, king of Thrace. *AJN*. 25. pp. 117–123.

58. *Suetonius*. (1969) Vol. II. London: William Heinemann (The Loeb Classical Library 38).

59. Sutherland, C.H.V. (1984) *The Roman Imperial Coinage*. Vol. I. London: Spink and Son Ltd.

60. Teverson, R. (2022) No Small Change: Countermarks on Thracian Royal Bronzes. *AJN*. 34. pp. 39–87.

Чорев Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Зинмана, Хайфский университет (Израиль).

Mikhail M. Choref – Zinman Institute of Archaeology, University of Haifa (Israel).

E-mail: choref@yandex.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/3

Причины появления двух противоречивых версий истории переселения венгров из степей Восточной Европы в Карпатскую котловину (Константина Багрянородного и венгерских хронистов)

М.К. Юрасов

Институт российской истории РАН
Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Авторское резюме

Описание процесса переселения венгров из Восточной Европы в Карпатскую котловину в трактате «Об управлении империей» и средневековых исторических сочинениях королевства Венгрии разительно отличается. Венгерские вожди Термачу, Булчу и Дюла, крестившиеся в Константинополе в середине X в., рассказали императору Константину VII о том, как отправившиеся в 894 г. на войну с болгарским князем Симеоном «турки» (венгры) были разгромлены на Нижнем Дунае печенегами, разорившими часть их кочевий. Василевс также пишет о том, что «турки» не откликнулись на призывы византийского посла Гавриила вернуть свою прежнюю родину, боясь захвативших её печенегов. В дошедших до нас сочинениях средневековых венгерских хронистов переселение «хунгаров» из «Скифии» в Паннонию выглядит как вызванное перенаселённостью «Скифии» шествие через земли других кочевых народностей с последующим переходом через Карпаты. Обе изложенных версии возникли в разных частях освоенного венграми в X в. Среднего Подунавья. Память о бедствиях, принесённых венграм печенегами, сохранялась в Трансильвании, куда бежали разгромленные «пачинакитами» «турки» и откуда пришли в Константинополь желавшие стать христианами венгерские вожди. Предание же о неспешном уходе венгров их степей Восточной Европы на рубеже IX–X вв. отражает другие реалии: быстрый рейд печенежских отрядов по берегу Чёрного моря на Нижний Дунай в 895 г. позволил более северным группам венгров консолидироваться и оставаться ещё некоторое время в пределах будущей Руси. Лишь с усилением натиска пече-

негов, решивших захватить все кочевья венгров в Восточной Европе, венгерские вожди приняли решение о переходе через Карпаты.

Ключевые слова: трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», средневековые венгерские исторические сочинения, венгерско-печенежские отношения, Южная Русь на рубеже IX–X вв.

The reasons for the two contradictory versions of the history of Hungarian migration from the steppes of Eastern Europe to the Carpathian Basin (Constantine Porphyrogenitus and Hungarian chroniclers)

Mikhail K. Yurasov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
19 D. Ulianov Street, Moscow, 117292
E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

Abstract

There is a striking difference in the descriptions of Hungarian migration from Eastern Europe to the Carpathian Basin in the treatise *On the Administration of the Empire* and in the Hungarian medieval historical writings. The Hungarian leaders Termachu, Bulchu, and Gyula, who were baptized in Constantinople in the middle of the 10th century, told Emperor Constantine VII about how the “Turks” (Hungarians) who went to war with the Bulgarian Prince Simeon in 894 were defeated on the Lower Danube by the Pechenegs, who also destroyed some of their nomadic camps. Basileus also writes that the “Turks” did not respond to the call of the Byzantine envoy Gabriel to return their former homeland, fearing the Pechenegs, who had captured it. In the surviving works of medieval Hungarian chroniclers, the migration of the “Hungars” from “Scythia” to Pannonia looks like a march through the lands of other nomadic peoples caused by the overpopulation of “Scythia” and followed by a passage through the Carpathians. Both versions arose in different parts of the Middle Danube region, which was developed by the Hungarians in the 10th century. The memory of the disasters brought to the Hungarians by the Pechenegs was preserved in Transylvania, where the “Turks”, who were defeated by the “Pachinakites”, fled and from where the Hungarian leaders, who

wanted to become Christians, came to Constantinople. The legend about the unhurried departure of the Hungarians from the steppes of Eastern Europe at the turn of the 10th centuries reflects other realities: a quick raid by Pecheneg detachments along the Black Sea coast to the Lower Danube in 895 allowed more northern groups of Hungarians to consolidate and remain for some time within the borders of the future Rus. Only with the intensification of the onslaught of the Pechenegs, who decided to seize all the nomadic Hungarians in Eastern Europe, the Hungarian leaders decided to cross the Carpathians.

Keywords: *De Administrando Imperio (On Administering the Empire)* by Constantine Porphyrogenitus, medieval Hungarian historical writings, Hungarian-Pecheneg relations, Southern Rus at the turn of the 10th centuries

Константин Багрянородный в гл. 38 трактата «Об управлении империей» описывает горестную картину бедствий, которые принесли «туркам» (венграм) печенеги за 50 или 55 лет до написания названного сочинения, такими словами: «...пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом» [4: 160–161]. В главе 40 этого же сочинения приведена чуть более подробная версия рассматриваемой войны: «...пачинакиты вместе с (болгарским князем. – М.Ю.) Симеоном пришли против турок, истребили целиком их семьи и беспощадно прогнали оттуда турок, охраняющих свою страну. Турки же, возвратясь и найдя свою страну столь пустынной и разорённой, поселились в земле, в которой проживают и ныне...» [4: 164–165]. В главе 8 трактата «Об управлении империей» содержится краткий рассказ о миссии клирика Гавриила, посланного не названным по имени василевсом к «туркам», чтобы побудить их вернуть вооружённым путём потерянную родину в степях Восточной Европы, которую Константин (в гл. 38) называет «страной Ателькузу». Те, к кому обращался Гавриил, ответили ему: «Сами мы не вяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем овоевать с ними, – страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам» [4: 44–45].

Совсем иную картину «обретения родины» семью венгерскими племенами и присоединившимися к ним в Восточной Европе этническими группами рисуют средневековые венгерские хронисты. Создавший на рубеже XII–XIII вв. беллетризованные «Деяния венгров» магистр П., бывший нотариус короля Белы III (1172–1196) убеждал читателей в том, что миграция предков венгров была вызвана перенаселённостью «Скифии» и представляла собой шествие через земли ряда кочевников степного пояса Восточной Европы и южную

Русь. Началось же прохождение «хунгаров» по землям будущей Руси с их появления в Суздале. При этом никакой войны с печенегами не было, пришедшие сначала на помощь «рутенам», главой которых был киевский князь, «куманы» присоединились к венграм и перешли с ними линию Карпатских хребтов [22: 42–50].

В «Деяниях венгров» Шимона Кезаи, написанных в 1282–1285 гг., процесс переселения описан более кратко: «...венгры или хунгары вновь пришли в Паннонию через области бессов, белых команов и город Киев, а затем осели на реке, называемой Хунг» [23: 164–165]. В Композиции венгерских хроник XIV в. (в списках обоих «семейств», Будской и Иллюстрированной хроники) в перечень, приведённый Шимоном Кезаи, прибавлен (скорее всего, под влиянием магистра П.) Суздаль [18: 286]. Под печенегами в названных официальных исторических сочинениях средневекового королевства Венгрии понимаются *бессы*, но, как видно из рассматриваемых свидетельств, никакого изгнания венгров печенегами не было. Наоборот, венгерские племена прошли через земли печенегов, намереваясь отвоевать Паннонию, которую некогда покорил Аттила – великий «король» гуннов и венгров.

Лишь «тайные намёки» на то, что перед «обретением родины» в Среднем Подунавье венгры пережили бедствия, причинённые им печенегами, можно выявить в информации Композиции венгерских хроник XIV в., отразившей сведения более ранних исторических сочинений, о том, что при переходе через линию Карпатских хребтов венгры подверглись нападению гигантских орлов, способных схватить и унести лошадь и крупный рогатый скот [18: 286]. В древневенгерском языке значение «орёл» имело слово *bese*, а «печенегу» соответствовало *besenew*. Поскольку рассматриваемый текст Композиции написан на латыни, вместо *bese* в нём употреблено слово *aquila*, что призвано было надёжно спрятать память о бедствиях, принесённых венграм печенегами на рубеже IX–X вв. [20: 10]. Точно так же оставлена без объяснения информация той же Композиции об убийстве в Трансильвании (после перехода через Карпаты) вождя Алмоша, отца основателя первой венгерской правящей династии Арпада [18: 287], в чём исследователи видят ритуальное действие по отношению к сакральному правителю, которого лишали жизни за потерю благосклонности богов.

Самым же ярким примером замалчивания роли печенегов в принятии Венгерской конфедерацией племён решения об уходе из «Скифии» всё же являются «Деяния венгров» магистра П. Здесь при описании начала процесса оставления будущими «хунгарами» степей Восточной Европы неизвестный нотариус приводит информацию, взятую из «Всемирной хроники» Регино Прюмского (ум. в 915), где

подтверждаются сведения Константина Багрянородного об изгнании венгров печенегами, потому что последние «превосходили [венгров] и числом, и храбростью, а родина [их], как я полагаю, оказалась недостаточна для обитания [такого] чрезвычайного множества» [7: 45]. Если сравнить приведённую цитату с параллельным текстом магистра П. (Венгерского Анонима), то ясно видно, что он опустил информацию о печенегах, но оставил сведения о перенаселённости степей [22: 37], где кочевали венгры и присоединившиеся к ним этнические общности.

Главной причиной умалчивания венгерскими хронистами информации о вытеснении древних венгров печенегами из степной полосы Восточной Европы является последующая судьба печенегов, так и не создавших, в отличие от венгров, мощного территориально-политического объединения. В середине XI в. половцы вытеснили печенегов с территорий, откуда они ранее изгнали венгров, уже в X в. небольшие группы печенегов переселялись в Среднее Подунавье, где в начале XI в. возникло Венгерское королевство. При этом лишь небольшой части печенежской знати удалось пополнить ряды благородного сословия, а подавляющее большинство печенегов становилось держателями мансов (феодално зависимыми крестьянами), о чём свидетельствуют королевские грамоты начиная со второй половины XI в. [14]. В отличие от кунов (половцев), создававших после монгольского нашествия свои этнические округа (куншаги), печенеги постепенно ассимилировались с венграми. Это в сочетании с отрицательным этническим стереотипом печенегов у венгров исключало появление на страницах средневековых исторических сочинений печенегов в качестве народа, вытеснившего древних венгров из Северного Причерноморья.

Безусловно, венгерские хронисты сознательно игнорировали известные им из произведения Регино Прюмского сведения об изгнании печенегами венгров из «Скифии», искажая реальную картину этого процесса. Однако степень их искажений была не настолько высокой, чтобы они заслуживали обвинения в сочинении мифической истории миграции венгров и присоединившихся к ним этнических групп. При этом более достоверную информацию о рассматриваемом процессе, содержащуюся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», нельзя считать «пробным камнем» для «разоблачения» несоответствия нарисованной венгерскими хронистами картины «обретения родины» их народом, поскольку император и создатели исторических сочинений при дворе Арпадов описывали разные «волны» миграции будущих «хунгаров» на земли Карпатской котловины. Для того чтобы понять основу, на которой

строилась средневековая официальная венгерская версия «обретения родины», противоречащая версии Константина Багрянородного, необходимо начать с воссоздания военно-политической ситуации по обе стороны от линии южных отрогов Карпатских гор в канун начала рассматриваемого процесса.

В 894 г. началась очередная византийско-болгарская война, столкновение войск василевса Льва VI Мудрого (886–912), отца Константина VII Багрянородного и недавно принявшего верховную власть в Болгарии князя Симеона (893–927). Часть венгерского войска в то время прибыла в Великую Моравию, намереваясь участвовать в походе местного князя Сватоплука I (870–894) против восточнофранкского короля Арнульфа (887–899). Эта военная операция не состоялась из-за смерти Сватоплука, и не получившие добычу венгерские воины, пограбив Моравию, вернулись восвояси [16: 125]. В то время другая часть военных сил Конфедерации венгерских племён в конце 894 или начале 895 г. [24: 552] прибыла на помощь Льву VI, войско которого было не в состоянии переломить в свою пользу ситуацию в войне с Симеоном. Последний, которого приход венгров заставил вести войну на два фронта, вскоре запросил у Византии перемирия и, получив его, призвал на помощь злейших врагов венгров – печенегов, внезапно появившихся на балканском театре боевых действий и обеспечивших победу Симеона над брошенными Византией на произвол судьбы недавними союзниками [17: 60–61, 67, 84].

Константин Багрянородный кратко описывает эти события в названном трактате, объясняя их последствиями изгнание печенегами венгров из «страны Ателькузу» [4: 164–165]. Если представить себе *in loco* ситуацию, в которой оказались венгерские отряды, воевавшие на стороне Византии в 894–895 гг., то она выглядела следующим образом.

Союзное Льву VI воинство «турок» находилось на Нижнем Дунае, бассейны притоков которого – Прута и Сирета – были областями «страны Ателькузу» – последней «промежуточной прародины» венгров, оставив которую, они обрели свою нынешнюю родину. Главной причиной разгрома и вытеснения печенегами и болгарам венгров в 895 г. была внезапность появления печенегов на Нижнем Дунае. Этого можно было достичь только в результате быстрого рейда военных сил «пачинакитов» из-за Нижнего Днестра по побережью Чёрного моря. Совместными усилиями болгар и их степных союзников воевавшие на северных рубежах Болгарии венгры потерпели сокрушительное поражение. При этом, скорее всего, победители перекрыли разгромленным неприятелям путь возвращения на их тогдашнюю родину, заставив бежать на земли Карпатской котловины, точнее – в Трансильванию.

Выше уже рассматривалось приведённое в Композиции венгерских хроник XIV в. сказание о гигантских орлах, нападавших на крупных рогатый скот и табуны лошадей искавших новую родину венгров, в котором в завуалированной форме описано преследование печенегами венгров во время пути последних через Карпаты в Трансильванию. Можно с большой долей уверенности предположить, что среди предводителей венгерского воинства, сражавшегося в 895 г. на Нижнем Дунае с болгарами и печенегами, был сакральный правитель Алмош, заплативший жизнью за разгром своей армии.

Константин Багрянородный получил информацию об истории проживания «турок»-венгров в степях Северного Причерноморья от венгерских вождей (и (или) их свиты), приезжавших в Константинополь в середине X в. с целью установления связей с византийским императорским двором, ради чего они принимали крещение по восточному обряду. Таковых вождей было трое: Термацус (Термачу), Вулсудис (Булчу) и Гилас (Дюла). Все они не представляли ближайшее окружение верховных вождей Венгерской конфедерации племён, каковыми в середине X в. были Залтас (Жолт) и, возможно, Фалицис (Файс, Фаличи) [4: 166–167].

Император Константин называет Термацуса внуком Арпада [4: 166–167]. Исследователи связывают с ним топонимы *Тормаш* (в различных модификациях), каковых в средневековом венгерском документальном материале насчитывается 55 [21: 45–46], разбросанных по разным комитатам Венгрии, однако в других нарративных источниках, кроме трактата «Об управлении империей», Термацус/Термачу не упоминается. Антропоним *Булчу* встречается во всех трёх главных исторических сочинениях средневекового королевства Венгрии – «Деяниях венгров» магистра П. и Шимона Кезаи, а также в Композиции венгерских хроник XIV в. [18: 285, 307, 308; 22: 82, 86, 87, 88, 107, 109, 111; 23: 169, 171]. Его имя часто даётся в форме *Вербулчу* («кровавый Булчу») [18: 292; 23: 167], что отражает выполнение им функции кархи (харки) – одного из правителей Конфедерации венгерских племён, в обязанности которого входило, в том числе, смешивание крови вождей, заключавших друг с другом кровный договор. Как Константин, так и венгерские источники свидетельствуют о том, что Вулсудис/Булчу не принадлежал к роду Арпада. Относительно Гиласа/Дюлы, упоминаемого в более позднем византийском источнике – «Обзрении историй» Иоанна Скилицы (ум. на рубеже XI–XII вв.) [17: 85], у исследователей нет сомнений относительно того, что в середине X в. в Константинополе побывал Дюла Старший – второй из правителей Трансильвании, носивший такое имя. Оно происходит из титула другого правителя Венгерской конфедерации

племён, её фактического лидера [4: 397, примеч. 24], также не принадлежавшего к роду Арпада. Средневековые венгерские хронисты свидетельствуют о том, что все три Дюлы после «обретения родины» управляли Трансильванией [18: 314, 316; 22: 65, 69].

В условиях политической рыхлости Конфедерации венгерских племён в первой – второй трети X в., когда, в условиях рассредоточения по разным областям Карпатской котловины, лидеры отдельных племён лишь формально признавали власть верховного вождя, в собственно Венгрии и Трансильвании сложились разные представления о причинах и характере процесса переселения древних венгров из Восточной Европы в Среднее Подунавье. Судя по всему агитировавший «турок» за отвоевание у печенегов прежней родины византийский клирик Гавриил обращался к жителям Трансильвании, среди которых память о бегстве их предков с Балкан, разгромленных печенегами, сохранялась достаточно долго. Хотя до нас не дошло сведений о конфликтах между венграми и печенегами в первой половине X в., южная линия Карпатских хребтов была в то время естественной границей между названными этносами. Всё это объясняет изложение именно такой, «горестной» версии ухода «турок» из «страны Ателькузу», поскольку венгерские вожди, крестившиеся в Константинополе при Константине VII (945–959), приходили из Трансильвании или шли через неё.

Совсем другая, «славная», традиция «завоевания родины» сложилась среди венгерских племён, вступивших в Паннонию через перевалы восточного участка линии Карпатских хребтов – Верецкий и соседние с ним. Её целью не была замена реальной истории ухода венгров и присоединившихся к ним этнических групп придуманными мифами. Прошедшее через Верецкий перевал большинство населения Венгерской конфедерации племён не испытало тех бедствий, которые выпали на долю сражавшихся на Нижнем Дунае с болгарами и печенегами. Разгром и бегство в Трансильванию одной части венгерского этноса обеспечили относительно комфортные условия для перехода через Карпаты остальных.

Быстрый рейд печенежских отрядов через северное побережье Чёрного моря затронул очень незначительную часть территории Северного Причерноморья. В отличие от венгров, печенеги не стали в то время распылать свои военные силы на нескольких театрах боевых действий, но они начали постепенно занимать оставшиеся кочевья племён, входивших в Венгерскую конфедерацию, чем действительно создали ситуацию перенаселения в «стране Ателькузу». Исходя из этого, следует признать, что магистр П. не искажил реальное положение вещей, заявив о неспособности «Скифии» обеспечить

пропитание всех проживавших на её степных пространствах народов. Во время болгаро-византийской войны 894–896 гг. сплотившиеся во круг Арпада племена, которых не коснулись боевые действия, имели возможности не только для спокойной адаптации к изменившимся условиям, но и для продолжения кочевания в Восточной Европе. Потеряв побережье Чёрного моря, венгры и присоединившиеся к ним этнические группы вынуждены были отойти в южную Русь, на часть земель восточных славян, которых они, по свидетельству мусульманских источников (т. н. Анонимной записки), регулярно разоряли, а захваченных в плен поставляли на невольничьи рынки крымских владений Византии [9: 106]. Скорее всего, небольшая часть «людей Арпада» сразу же после нападения печенегов в 895 г. переселилась в Паннонию, но этот процесс начался несколькими годами ранее [15].

Во второй половине XX – начале XXI в. в советской–российской историографии была общепринятой концепция о существовании в IX в. «Русской земли в узком значении» – территориально-политического ядра Древнерусского государства, охватывавшего пределы будущих Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. Разработавшие эту концепцию М.Н. Тихомиров, А.Н. Насонов и их последователи (Б.А. Рыбаков, В.А. Кучкин, А.В. Назаренко и др.) определяли западную границу названной «Русской земли» по реке Гориной (Горыни) и верховьям Южного Буга. Несмотря на то, что сторонники рассматриваемой концепции базировались на данных письменных источников конца XI – первой половины XIII в., серьёзной критике она не подвергалась. Некоторые исследователи лишь вносили в неё уточнения, не имевшие принципиального характера. В изданной в 2014 г. энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» в статье «Русская земля», написанной В.А. Кучкиным, концепция М.Н. Тихомирова – А.Н. Насонова представлена как не потерявшая своего научного значения [5].

Однако не прекращающиеся археологические исследования территории «Русской земли в узком значении» пока не подтвердили распространение варяжских древностей на правобережье Днепра, как и вообще их появление в южной Руси в IX в. Древнейшие следы скандинавов в рассматриваемом регионе датируются рубежом IX–X вв. В связи с этим в последние десятилетия ряд историков (К. Цукерман, А.С. Щавелёв, П.С. Стефанович) подвергают суровой критике летописную хронологию событий, относимых к периоду правления первых киевских князей – Олега и Игоря. Как считает один из наиболее ярких критиков «уважительного отношения» к датировкам русских летописцев, на сведениях которых основываются наши сведения об истории Руси конца IX – первой половины X в.,

А.С. Щавелёв, достоверная история правления Олега в Киеве начинается с кануна заключения им договора с греками 911 г. [10: 338–339].

Автор этих строк, когда впервые (в 1994 г.) в кандидатском исследовании затронул проблему взаимоотношений проходивших через южную Русь венгров с местными восточными славянами, как раз исходил из «уважительного отношения» к летописной хронологии и признания существования Киева в конце IX в., хотя и не имевшего каменных стен, как пытался представить это своим читателям магистр П. [22: 44]. В результате у меня получалось, что венгры и присоединившиеся к ним этнические группы должны были считаться с созданным Олегом территориально-политическим объединением восточных славян и финно-угорских народностей вдоль пути «из варяг в греки», что послужило ещё одним фактором (помимо понесённого поражения от печенегов), заставившим Венгерскую конфедерацию племён оставить «страну Ателькузу» и перейти через Карпаты [11: 185–187].

В настоящее время мне представляются весьма серьёзными аргументы в пользу того, что складывание государства Русь произошло в первой половине X в. [10: 250–256], а первые признаки *города* Киева обнаруживаются в материалах раскопок, датируемых рубежом IX–X вв. [3: 314, 319]. В связи с этим ситуация, в которой оказались племена Арпада после захвата печенегами черноморского побережья и бегства остатков сражавшегося на Нижнем Дунае венгерского воинства в Трансильванию, выглядит совершенно иначе. Вряд ли у «пачинакитов», начавших осваивать «страну Ателькузу», была возможность развязать новую войну с «турками», поскольку последние уже по крайней мере дважды в своей предшествующей истории (при создании конфедерации племён и во время преодоления последствий первого разгрома их печенегами в середине IX в.) демонстрировали способность к созданию сильного межплеменного объединения. Подобной чертой никогда не отличались печенеги, что в конечном счёте способствовало исчезновению их со страниц истории в начале классического Средневековья.

Отсутствие серьёзной военно-политической силы на землях будущей Правобережной Украины в рассматриваемое время не требовало от «людей Арпада» срочного оставления *всех* прежних кочевий и переселения в Карпатскую котловину. «Анонимная записка» свидетельствует о том, что народ «ал-маджгарийа» во время княжения в Великой Моравии Сватоплука I (870–894) поставлял «живой товар» на невольничьи рынки крымских владений Византии [9: 106]. Есть основания полагать, что сложившиеся за время пребывания в «стране Ателькузу» торгово-экономические связи со своими южными соседями оставшаяся среди восточных славян часть венгров стремилась

сохранить. Об этом свидетельствует проживание в Перемышле группы венгров в первой половине X в. [13].

Поскольку нам ничего не известно о войнах между венграми и печенегами после событий 895 г. на Балканах и у нас нет доказательств распространения власти лишь начавшего формироваться государства Русь (на рубеже IX–X вв.) на правобережье Днепра, следует оставить скепсис по отношению к летописной датировке времени прохода «угров» мимо Киева – 6406 г. от СМ [2: 17–18; 6: 25], т. е. 898–899 г. от РХ. К сожалению, критики «уважительного отношения» к хронологии первого столетия русской истории, данной в Повести временных лет (далее – ПВЛ), не обращают серьёзного внимания на эту дату, которая не вписывается в идущую ещё от А.А. Шахматова концепцию, основывающуюся на том, что в самых ранних исторических сочинениях, появившихся на Руси, отсутствовало погодное изложение событий. Формула «в лѣто» с указанием года от СМ стала применяться в текстах, непосредственно предшествовавших ПВЛ, что предполагает произвольное датирование событий летописцами [8]. В связи с этим правы те, кто утверждает, что описанные в ПВЛ события, связанные с появлением Олега в Киеве и покорением им древлян, северян и радимичей, были искусственно «удревнены» летописцами. На самом деле всё это происходило не ранее рубежа IX–X вв. [1: 229] и даже в первой половине X в. [10: 259]. Сторонники последней из приведённых датировок, как указывалось выше, считают, что как утверждение Олега в Киеве, так и создание им государства Русь никак не могло произойти даже в самом конце IX в.

Такая уверенность опровергается свидетельством о проходе «угров» мимо Киева, который, несомненно, имел место до окончания IX в., что подтверждается сведениями западноевропейских источников. Олег уже сидел в Киеве во время прохода «угров» мимо его столицы, поскольку в ПВЛ, в историко-этнографическом введении, не разбитом на погодные записи, можно прочесть: «...идоша Оугри Чернии мимо Киевъ, послѣже при Ользѣ» [2: 9; 6: 12]. Приведённая цитата явно написана книжником, не имевшим отношения к «удревнению» событий, связанных с деятельностью «вещего Олега», опиравшимся на предание, сохранившееся в исторической памяти восточных славян.

Средневековые венгерские хронисты единодушны в том, что древние венгры прошли мимо Киева, а магистр П. описывает осаду города и капитуляцию сидевшего в нём князя перед «людьми Алмоша» [18: 286; 22: 42–44; 23: 165]. Поскольку обнесённого стенами города Киева в то время ещё не существовало, лишь речной порт на Подоле, оказать сопротивление сплочённой массе венгров и присоединившихся к ним этнических групп варяги Олега и ополчение полян не

могли. В связи с этим представляется вполне реальным, что никем не преследуемые «угры» задержались на некоторое время в южной Руси, а дата их прохождения мимо Киева, приведённая в ПВЛ, – 6406 г. от СМ – вполне укладывается в тот период времени, который Ш.Л. Тот определил в качестве вероятного времени «обретения родины» предками современных венгров – между 895 и 900 гг. [25: 900]. Если в данном случае датировка ПВЛ взята из источника, использовавшего византийскую сентябрьскую эру, то рассматриваемое событие произошло между 1 сентября 897 г. и 31 августа 898 г.

Венгерский археолог Иштван Фодор назвал свою вышедшую полвека назад книгу об «обретении родины» венграми в Среднем Подунавье «*Verecke híres útján...*» («На славном Верецком пути...») [19], что соответствует духу изложения истории этого процесса в средневековых венгерских исторических сочинениях. Правда, в отличие от книжников королевства Венгрии, И. Фодор не умалчивает о бедствиях, причинённых печенегами венграм и присоединившимся к ним этническим группам, но всё же название книги никак не соответствует параллельной версии истории ухода «турок» из «страны Ателькузу», приведённой в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Как указывалось выше, скорее всего, изложенная императором Константином версия сохранялась в исторической памяти поселившихся в Трансильвании этнических групп, испытывавших опасность набегов печенегов и после прихода в эту горную страну. Основная же масса «людей Арпада» проникла в Карпатскую котловину через Верецкий и соседние с ним перевалы. Их движение на новую родину не сопровождалось столкновениями с восточными славянами, через земли которых они прошли к линии Карпатских хребтов. Если переход на левый берег Днепра таил для них опасность конфликта с варягами, стремившимися к контролю над путём «из варяг в греки», то земли к западу от Днепра были населены восточными славянами, о которых отразивший в своём сочинении «Книга дорогих ценностей» (написанном в 903–925 гг. на основании сведений Анонимной записки) мусульманский географ Ибн Русте писал, что власть народа *ал-маджарийа* (мадьяр. – М.Ю.) распространялась на всех живших соседних славян, платящих ему тяжёлую дань [9: 106].

Путь к Верецкому и соседним с ним перевалам лежал через земли полян, проживавших на правом берегу Днепра, волынцев и отчасти тиверцев. Судя по закрепившемуся в венгерском языке этнику, обозначающему поляков, – *lengyel* [лэнд'эл] – на пути «людей Арпада» повстречались также лендзяне, которых предки современных венгров приняли за часть польского этноса. По свидетельству же Констан-

тина Багрянородного, «лендзанины» были одними из *пактиотов* (данников) правителя «Росии» [4: 44–45, 156–157]. После перехода через Карпаты сплотившаяся вокруг Арпада и избежавшая разгрома печенегами часть Венгерской конфедерации племён оказалась в бассейне Верхней Тисы – «буферной зоне», которую так и не смогли освоить в административном отношении ни франки Карла Великого, ни болгарские ханы и князья, ни правители Великой Моравии. Здесь проживало немногочисленное восточнославянское население – предки современных подкарпатских русинов. Поскольку после смерти Сватоплука I (894) его сыновья Моймир II и Сватоплук II своими междоусобиями постепенно ослабили оставленную им отцом сильнейшую славянскую державу своего времени, распространившиеся по большей части Карпатской котловины венгры и присоединившиеся к ним этнические группы в 906 г. без особых усилий уничтожили Великоморавское княжество, что закрепило в их исторической памяти героический мотив «завоевания родины».

Такая картина переселения Венгерской конфедерации племён из «Скифии» в «Паннонию» закрепились в средневековой венгерской историографии. В целом она отражала ход реального процесса, если не считать замалчивания неудач «людей Арпада» в борьбе с печенегами, натиск которых на свои кочевья они не смогли остановить, а также перечисление кочевых народностей, которых на рубеже IX–X вв. не было в «скифских» степях. Что же касается встречающего в этом списке Суздаля, то он мог сохраниться в исторической памяти средневековых венгров как место, где их предки соприкасались с населением, позднее вошедшим в государство Русь [12]. Недаром в 1235 г. венгерский монах Юлиан, отправившийся на поиски потомков венгров, оставшихся на их «промежуточной» поволжской прародине, обнаружил их по соседству с Волжской Булгарией. Так или иначе, основная масса «угров» покинула Восточную Европу неспешно и сначала могла попытаться закрепиться на приграничье с восточными славянами. Однако натиск печенегов лишь усиливался, «вещий» Олег занялся укреплением Киева и покорением южных «политий» восточного славянства, в то время как часть формировавшегося венгерского этноса уже активно осваивала малонаселённую Карпатскую котловину, богатую лугами и водными источниками и имеющую естественную защиту в виде «подковы», образуемой Карпатскими горами. Всё это побудило «людей Арпада» отправиться на завоевание новой родины «славным Верецким путём» в один из последних годов IX столетия.

Константину Багрянородному было известно о разрушении «турками» Великоморавской державы, но появлявшиеся при его дворе со

стороны Трансильвании венгерские вожди считали более важными сведения о бегстве разгромленных печенегами венгров в эту горную область, чем подробности шествия по «славному Верецкому пути». Обращает на себя внимание тот факт, что император Константин не упоминает ни Киева, ни Хунга (Ужгорода), являвшиеся главными ориентирами при описании пути «хунгаров» в Паннонию в средневековой венгерской хронистике. В трактате «Об управлении империей» можно прочесть лишь о том, что разгромленные и разорённые «пачинакитами» «турки» вынуждены были опустошить и захватить Великую Моравию [4: 160–161].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения; ПСРЛ – Полное собрание русских летописей; MGH SS rer. Germ – Monumenta Germaniae historica. Scriptorum rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi; SRH – Scriptorum rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Vol. I [repr.]. Budapestini: Nap Kiadó, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский А.А. Возникновение и формирование Руси // История России: в 20 т. Т. 2: Государства и народы на территории России в VI – середине XIII века. Становление и развитие Руси / отв. ред. А.А. Горский. М.: Наука, 2024. С. 220–237.
2. Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Т. II. 2-е изд. [репринт]. М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 301–333.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. 2-е изд. М.: Наука, 1991.
5. Кучкин В.А. Русская земля // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 697–698.
6. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. 2-е изд. [репринт]. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Регинюс Прюмский. «Хроника» с продолжением (начало X в. и после 973 г.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV:

Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 44–49.

8. *Шахматов А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Ч. ССХ. № 4. Отд. 2. С. 463–482.

9. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Росспэн, 1997.

10. *Щавелёв А.С.* Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М.: Аквилон, 2020.

11. *Юрасов М.К.* Венгры в степях Восточной Европы (IX в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

12. *Юрасов М.К.* Суздальская земля в исторической памяти средневековой венгерской народности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 15–22.

13. *Юрасов М.К.* Венгерский анклав в юго-западной Руси в первой половине X в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 19, вып. 9 (83). «Внешние связи Восточной Европы в Древности и раннем Средневековье», без пагинации.

14. *Юрасов М.К.* Причины снижения социального статуса печенегов в Венгрии в X–XI вв. // Вестник Московского лингвистического государственного университета. Общественные науки. 2022. № 3. С. 67–74.

15. *Юрасов М.К.* Когда началось переселение венгров на современную родину из «страны Ателькузу» // Русин. 2023. № 74. С. 13–23.

16. *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum Orientalis* / ed. by F. Kurze. Hannover, 1891 (MGH SS rer. Germ. [T. 7]).

17. *Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai (Fontes Byzantini historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Árpád descendentium)* / Összegyűjtötte, fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Moravcsik Gyula. Budapest: Akadémiai kiadó, 1984.

18. *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / ed. by A. Domanovszky // SRH. P. 217–505.

19. *Fodor István.* Verecke híres útján... Budapest: Gondolat, 1975.

20. *Györffy Gy.* A hongoglalásról újabb történeti kutatások tükrében // Valóság. 1973. 7. Sz. 1–16. l.

21. *Kristó Gy. – Makk F. – Szegfű L.* Adatok „korai” helyneveink ismeretéhez. I // *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica.* T. XLIV. Szeged, 1973.

22. *P. magistri*, qui Anonymus dicitur, *Gesta Hungarorum* / ed. by Ae. Jakubovich // SRH. P. 13–117.

23. *Simonis de Kéza.* *Gesta Hungarorum* / ed. by A. Domanovszky // SRH. P. 129–194.

24. *Tóth Sándor László.* Az etelközi magyar-besenyő haború // *Századok.* 1988. № 122. 4. Sz. 541–576. l.

25. Tóth S.L. Megjegyzések a honfoglalás szakaszaihoz // Századok. 1996. № 130. 4. Sz. 877–906. l.

REFERENCES

1. Gorsky, A.A. (2024) Vozniknovenie i formirovanie Rusi [The emergence and formation of Rus] In: Gorsky, A.A. (ed.) *Istoriya Rossii v 20 tomakh* [History of Russia: in 20 volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 220–237.
2. Kloss, B.M. (ed.) (1998) Ipat'evskaya letopis' [Hypatian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. II. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Komar, A.V. (2012) Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper Region] In: Makarov, N.A. (ed.) *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaya panorama* [Rus in the 9th–10th centuries. The archaeological panorama]. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa. pp. 301–333.
4. Constantine Porphyrogenitus. (1991) *Ob upravlenii imperiey* [On Administering the Empire]. 2nd ed. Translated from Greek. Moscow: Nauka.
5. Kuchkin, V.A. (2014) Russkaya zemlya [The Russian land] In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya* [Old Rus in the medieval world. Encyclopedia] Moscow: Lodomir. pp. 697–698.
6. Russia. (1997) Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. I. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Regino of Prüm. (2010) “Khronika” s prodolzheniem (nachalo X v. i posle 973 g.) [“Chronicle” with continuation (early 10th century and after 973)]. In: Jackson, T.N., Konovalova, I.G. & Podosinov, A.V. (eds) *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya* [Old Rus in Foreign Sources. A Reader]. Vol. IV. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. pp. 44–49.
8. Shakhmatov, A.A. (1897) Khronologiya drevneyshikh russkikh letopisnykh svodov [Chronology of the oldest Russian chronicles]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CCCX. № 4. Dep. 2. pp. 463–482.
9. Shusharin, V.P. (1997) *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya* [The early stage of the ethnic history of the Hungarians. Problems of ethnic self-knowledge]. Moscow: Rosspen.
10. Shchavelev, A.S. (2020) *Khronotop derzhavy Rurikovichy (911–987 gody)* [Chronotope of the Rurikid polity (911–987)]. Moscow: Akvilon.
11. Yurasov, M.K. (1994) *Vengry v stepyakh Vostochnoy Evropy (IX century)* [Hungarians in the steppes of Eastern Europe (9th century)]. History Cand. Diss. Moscow.
12. Yurasov, M.K. (2018) Suzdal'sksaya zemlya v istoricheskoy pamyati srednevekovoy vengerskoy narodnosti [The Suzdal land in the historical memory

of the medieval Hungarian people]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 4(74). pp. 15–22.

13. Yurasov, M.K. (2019) Vengerskiy anklav v yugo-zapadnoy Rusi v pervoy polovine X veka [The Hungarian enclave in southwestern Russia in the first half of the 10th century]. *Istoriya*. 19(9). Without pagination.

14. Yurasov, M.K. (2022) Prichiny snizheniya sotsial'nogo statusa pechenegov v Vengrii v X–XI vv. [The reasons for the decline in the social status of the Pechenegs in Hungary in the 10th–11th centuries]. *Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. 3. pp. 67–74

15. Yurasov, M.K. (2023) When did the Hungarians begin to resettle from Etekköz to their modern homeland? *Rusin*. 74. pp. 13–23 (in Russian).

16. Kurze, F. (ed.) (1891) *Annales Fuldenses sive Annales regni Francorum Orientalis*. Hannover: Hahn.

17. Moravcsik, Gy. (ed.) (1984) *Az Árpád-kori magyar történet bizánci forrásai (Fontes Byzantini historiae Hungaricae aevo ducum et regum ex stirpe Árpád descendantium)*. Budapest: Akadémiai kiadó.

18. Domanovszky, S. (ed.) (1999) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. SRH. pp. 217–505.

19. Fodor, I. (1975) *Verecke híres útján...* Budapest: Gondolat.

20. Györffy, Gy. (1973) A hongoglalásról újabb történeti kutatások tükrében. *Valóság*, 7. pp. 1–16.

21. Kristó, Gy., Makk, F. & Szegfű, L. (1973) Adatok „korai” helyneveink ismeretéhez . I. *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Acta Historica*. XLIV. Szeged.

22. Jakubovich, Ae. (ed.) (1999) *P. magistri, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum*. SRH. pp. 13–117.

23. Domanovszky, S. (ed.) (1999) *Simonis de Kéza Gesta Hungarorum*. SRH. pp. 129–194.

24. Tóth, S.L. (1988) Az etelközi magyar-besenyő haború. *Századok*. 122(4). pp. 541–576.

25. Tóth, S.L. (1996) Megjegyzések a honfoglalás szakasaihoz. *Századok*. 130(4). pp. 877–906.

Юрасов Михаил Константинович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

Mikhail K. Yurasov – Institute of Russian History, Academy of Sciences (Russia).

E-mail: mihail_yurasov@mail.ru

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/4

Участие бродников в битве на Калке в контексте монгольской политики в отношении народов Дешт-и-Кыпчака в 1222–1223 гг.*

А.А. Порсин

Независимый исследователь

Россия, г. Магнитогорск

E-mail: porsinart@gmail.com

Авторское резюме

Рассматривается проблема участия бродников в переговорном процессе между монголами и русскими князьями после битвы на Калке. Их статус был связан политической, которую проводили монголы в отношении покоряемых народов в этот период. Джучи с востока и корпус Джебе и Субедея через Кавказ должны были нанести двойной удар по восточным кыпчакам ольберли и союзной им коалиции меркитов Куду, найманов, кераитов и канглов. Для осуществления этого плана монголам необходимо было мирно подчинить или сделать союзниками те племенные и этнические группы, которые способны были оказать им содействие. Первоначально Чингисхан и Джучи пытались при помощи дипломатии включить канглов в военную структуру империи. Эти попытки окончились неудачей и штурмом Ургенча в 1221 г. Руководствуясь той же политикой, Джебе и Субедей зимой 1221–1222 гг. пересекли Кавказ и заключили мир с западными кыпчаками, благодаря которому корпус смог разгромить алан. Мир действовал до зимы 1222–1223 г., когда, по до конца неясным причинам, в монгольской политике произошли изменения. Джучи был отозван Чингисханом на восток для участия в курултае, и в то же время корпус нанёс внезапный удар по западным кыпчакам. Именно тогда руководство корпуса столкнулось с необходимостью поиска новых групп, способных оказать ему военную поддержку. Этими группами были подчинённые западным кыпчакам кочевые коллективы торгов и печенегов, враждебное дуруттам Коятна кыпчакское племя токсоба и бродники.

* Статья подготовлена в рамках реализации программы программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН BR24992878 «Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII–XV вв.».

Ключевые слова: Джучи, Чагатай, бродники, кыпчаки, канглы, меркиты, ольберли, Калка

The participation of the Brodnici in the Battle of Kalka in the context of the Mongol policy towards the peoples of Dasht-i Qipchaq in 1222–1223*

Artem A. Porsin

Independent researcher
Magnitogorsk, Russian Federation
E-mail: porsinart@gmail.com

Abstract

The article examines the participation of the Brodnici in the negotiation between the Mongols and Russian princes after the Battle of Kalka. Their status was related to the policy pursued by the Mongols towards the conquered peoples during this period. Jochi from the east and the corps of Jebe and Subedei across the Caucasus were to strike a double blow through the Caucasus against the eastern Kipchaks of Olberli and the allied coalition of the Merkits of Kudu, Naimans, Keraites and Kanglys. To implement this plan, the Mongols needed to peacefully subjugate or make allies of those tribal and ethnic groups capable of assisting them. Initially, Genghis Khan and Jochi tried to include the Kangly in the military structure of the empire through diplomacy. These attempts failed, and Urgench was captured in 1221. Guided by the same policy, Jebe and Subedi crossed the Caucasus in the winter of 1221–1222 and made peace with the western Kipchaks, thanks to which the corps was able to defeat the Alans. The peace lasted until the winter of 1222–1223, when, for reasons that are not entirely clear, changes occurred in Mongolian policy. Jochi was recalled by Genghis Khan to the east to participate in a kurultai, and at the same time the corps launched a surprise attack on the western Kipchaks. It was then that the corps leadership was faced with the need to find new groups capable of providing it with military support. These were the nomadic groups of Torks and Pechenegs subordinate to the Western Kipchaks, the Kipchak tribe of Toksoba, hostile to the Koyatna Duruts, and the Brodnici.

---

* The article has been prepared under the programme of targeted financing of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan IRN BR24992878 Study of the ethnopolitical and socio-economic history of the Ulus of Jochi in the 13th–15th century.

Keywords: Jochi, Chagatai, Brodnici, Kipchaks, Kanglys, Merkits, Olberli, Kalka

Участие бродников в переговорном процессе русских князей с монголами, состоявшемся после битвы на Калке, является одним из самых загадочных эпизодов в цепи трагических событий, произошедших в южнорусских степях в конце весны – начале лета 1223 г.

Стоит начать с того, что об этническом происхождении и географической локализации группы, именуемой в источниках бродниками, сведений крайне мало. Сообщение о действиях Плоскыни в 1223 г. является самым информативным из трех упоминаний этого объединения в русских летописях. В 1147 г. бродники вместе с половцами участвовали в столкновениях между русскими князьями в земле вятичей: «придоша к нем Бродници . и Половци придоша» [27: 238]. В 1216 г. «кназь Юрьи Всеволодичь . съ Стѣславомъ и с Володимеромъ . вышель баше из Володимера съ всею братьею . и бяху польци силни велми Муромъци и Бродници . и Городчане . и вса сила Суздальской земли» [22: 266–267; 28: 354].

Существует точка зрения, высказанная Ф.И. Успенским [51], согласно которой, именно о бродниках идет речь в сообщении Никиты Хониата о событиях 1186 г. Автор перечисляет союзников болгар, которые потерпели вместе с ними поражение: «Куманы, народ доселе не порабощенный, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны [οἱ ἐκ Βορδόνης], презирующие смерть, ветвь русских, народ, любезный богу Войны [объятый Ареем], оказавшие помощь балканским варварам» [49: 35–36]. Большинство исследователей принимают отождествление Вордоны и бродников [5: 35–36; 7: 133–134; 10: 199; 24: 115, 203; 59: 43].

Бродники и земля бродников упоминаются в пяти венгерских и папских грамотах в период с 1222 по 1250 гг. [48: 234; 59: 40]. Особенно стоит отметить первое упоминание о них в грамоте 1222 г. венгерского короля Андрея II тевтонским рыцарям, в которой сообщается: «...также за пределами земли Крейцбурга мы предоставили им землю, которая простирается вплоть до пределов бродников с одной стороны, и от засеки Хелмяга до истока реки под названием Бырса с другой» [54: 220]. Интересно послание короля Белы IV папе Иннокентию IV, в котором венгерский правитель сообщал, что «страны... которые граничат с востока с владением нашего королевства, а именно Русь, Кумания, Бродники [Brodnici], Болгария, в большей их части ранее подчиненные нашей власти» перешли под власть татар. В грамотах 1227 и 1231 гг. сообщается о принятии бродниками католичества [48: 135; 59: 40].

Установление этнического происхождения данной группы или же

более детальная её географическая локализация не является целью данной статьи. Полный обзор основных точек зрения и аргументов по вопросу приведен Р.А. Рабиновичем. Поэтому здесь кажется целесообразным привести его основные выводы на этот счёт: «Группа населения, известная в источниках под названием “бродники”, достоверно зафиксированная с 1222 г., локализуется в Карпато-Днестровских землях, предположительно в Сиретско-Прутском междуречье. Вопрос об этнической принадлежности бродников нельзя считать решённым. Наиболее аргументированной представляется «славянская», но достаточно перспективными также «германская» и «аланская» версии. Связь между бродниками Подонья и Карпато-Поднестровья не очевидна и едва намечается. Данных о полукочевом воинском образе жизни карпато-днестровских бродников нет» [48: 235].

Согласившись с этими выводами, стоит лишь привести несколько уточнений. Во-первых, на наш взгляд, основания для выделения «донских бродников» несколько преувеличены. Первое упоминание этой группы в русских летописях, относящееся к 1147 г., когда они совместно с кыпчаками выступали в качестве союзников князя Святослава Ольговича, вероятнее всего, относится именно к бродникам с Днестра. Наличие военного альянса между ними и кыпчаками подтверждает сообщение Никиты Хониата об их совместных с болгарами действиях против византийцев в 1186 г. На то, что речь в тексте идёт именно о кыпчаках, кочевья которых располагались между Днепром и Доном, указывает сообщение Ипатьевской летописи. Согласно источнику, в 1187 г. русские князья совершили поход в степь «на вѣжа за Днепръ . и Романа Нездиловича воеводу . и взаша вежа за Днепромъ . и возвратишася во своѣси со славою . и чѣстьстью великою . Половци бо бахоуть шли в Доунаи . и не бѣ ихъ дома в вежахъ своихъ» [27: 452]. Следовательно, в 1186–1187 гг. существовало военное взаимодействие между днестровскими бродниками и кыпчаками, кочевавшими «за Днепром». Поэтому нет оснований относить бродников, воевавших вместе с кыпчаками в 1147 г., к некоей особой «донской группе». Также стоит отметить важную для нашей темы деталь. Согласно летописи, в данном случае бродники находились в альянсе с кыпчаками из племени токсоба [25: 281; 27: 238; 48: 238].

Поэтому единственным основанием для выделения группы неких «восточных бродников» является уже упоминавшееся сообщение Лаврентьевской летописи об их участии в битве 1216 г. на стороне владимиристо-суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей с новгородским князем Мстиславом Мстиславичем. Учитывая весь комплекс известий, оно достаточно проблематично для интерпретации. Летописец относит бродников ко «всей силе Суздальской земли» и в

перечислении располагает их между войсками из Мурома и Городца. Судя по всему, какая-то группа, именуемая «бродники», действительно находилась под властью владими́ро-суздальского князя. Но, во-первых, учитывая географический контекст, её достаточно сложно охарактеризовать как «донскую». Во-вторых, вряд ли её представители принимали участие в переговорах после битвы на Калке, учитывая, что Василько Константинович с ростовской дружиной, которого Юрий Всеволодович отправил туда на помощь, так и не успел к битве и, находясь под Черниговом, узнал о разгроме русских войск [28: 309].

Во-вторых, стоит подчеркнуть, что несмотря на множество различных версий, все прямые указания источников говорят в пользу их славянского происхождения: 1) очевидная славянская этимология этнонима; 2) на столько же очевидная славянская этимология единственного известного имени их предводителя; 3) прямое указание Хониата на то, что бродники являются ветвью русских.

В-третьих, известно единичное упоминание топонима, связанного с бродниками, на территории, подчинённой Венгерскому королевству, датированное серединой XII в. [65: 358].

Итак, согласно летописи: «сам бо великїи кнзъ Мьстиславъ Кїевскїи вида се зло не движеса никакоже с мѣста . стал бо бѣ на горѣ . над рѣкою Калкою . бѣ бо мѣсто каменисто . и тѹто оучиниша город с кольем̄ . и биса с ними из града по . г̄ . днї . а инїи же Татарове поидоша после Рѹсскых князеи бьюще их и до Днѣпра . а оу города всталиса два воеводы . Чегиркань . и Тешукань . на княза Мстислава . и на зата его Андрѣа . и Александра Дѹбравьскаго . бѣста бо тѹ два кнзѣ со Мстиславомъ . тѹ же и Бродници быша старые . и воевода их Плоскына . и тѣи вкаѣнныи целовавъ крстѣ . кы кнзю Мстиславу . и вбѣма кнзѣма ѡко их не избити . и пѹстити их на искѹпѣ . и сьлгавъ вкаѣнныи предасть их свазавъ Татаром̄ . а город взаша а люди поськоша . а кнзїи има издавиша и . под кладше под доски . а сами верху сѣдше вбѣдати и тако кнзїи животь свои скончаша . и много оубиство бесчисленое створиса» [22: 266–267; 28: 354].

Исследователями неоднократно отмечались и очевидная славянская этимология имени военного лидера бродников, и то, что клятвенное крестоцелование подразумевало его хотя бы формальную принадлежность к Православию. Куда сложнее вопрос о статусе Плоскыни. Ясно, что каким-то образом бродники оказались на стороне Джебe и Субедея, тогда как «галицкие выгонцы» (согласно Ипатьевской летописи), территория которых обычно локализуется на Днестре, являлись союзниками русских князей [9: 284].

Летопись достаточно внятно описывает последовательность событий: Плоскыня пообещал русским князьям неприкосновенность

и возможность освобождения через уплату выкупа «вѣма кнѣма æко их не избити . и пустити их на искупѣ»; однако на переговорах, которые происходили вне укрепленного лагеря, князья были схвачены и переданы монголам «и сългавъ вкаæнные предасть их связавъ Татаромѣ»; после этого начался штурм «а город взяша а люди поськоша».

Возникает очевидный вопрос – на каком основании Плоскыня, пусть и ложно, но клятвенно гарантировал неприкосновенность русским князьям, и почему они ему поверили? Эти переговоры имели смысл и могли состояться только в том случае, если русская сторона была абсолютно уверена в том, что статус бродников и их воеводы в альянсе с Джебе и Субедеем достаточно прочен, и он действительно может дать какие-то гарантии. Это, в свою очередь, исключает вариант того, что бродники пришли на Калку в качестве союзников русских князей и кыпчаков Котяна и перешли на сторону монголов уже в ходе военного противостояния. Статус Плоскыни, вытекающий из обстоятельств переговорного процесса, говорит о том, что он был союзником монголов уже какое-то относительно продолжительное время и именно на их стороне участвовал в битве на Калке. Но когда и при каких обстоятельствах бродники стали союзниками монголов?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более подробно рассмотреть основные этапы и направления действий корпуса Джебе и Субедея после пересечения им Кавказа зимой 1221–1222 гг. и связанные с ними шаги, предпринятые Чингисханом и Джучи на востоке в этот период.

Как известно, существуют две точки зрения на то, какими были задачи, поставленные перед Джебе и Субедеем Чингисханом, и на то, был ли подчинён корпус его старшему сыну Джучи. Обычно их военный поход рассматривается как набег или рейд, основной целью которого была разведка [8: 25; 23: 353–355; 47: 608; 53: 112–113]. Однако, есть и другая точка зрения, согласно которой, рейд Джебе и Субедея являлся ударом в тыл кыпчакам, и должен был быть поддержан наступлением армии Джучи с востока, которое по каким-то причинам не состоялось [13: 36–43; 30: 49–119; 31: 311–315; 33: 705–715; 34: 316–359; 49: 131–149; 67: 411–438].

Стоит отметить, что в источниках практически отсутствуют прямые указания на то, какие инструкции получили Джебе и Субедей от Чингисхана перед началом рейда. Единственным исключением является сообщение анонимного грузинского Хронографа XIV в. Согласно источнику, они должны были «пройти земли Хорасана и Ирака и, покуда хватило бы сил, разведать те страны». Но вряд ли его автор мог знать конкретные планы монгольского командования. Сама характеристика

рейда говорит о том, что он не вполне понимал произошедшее: «А татары достигли Самшвилде и оттуда повернули обратно и содеяли нечто дивное... И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованых лошадях вновь в него же вернулись». В целом этим ограничиваются прямые свидетельства о рейде как о «разведке боем». Вторая точка зрения, напротив, подкрепляется рядом сообщений источников.

Во-первых, Джужджани дважды говорит о действиях Джучи после взятия Ургенча. Источник сообщает о том, что Джучи и Чагатай двинулись в Дешт-и-Кыпчак и покорили местные кочевые племена. В другом месте, говоря о происхождении Берке, он сообщает о том, что это произошло «в то время, когда его отец, Туши, захватил Хорезм и двинул войска в страну Саксин, Булгар и Саклаб» [73: 1101, 1283].

Во-вторых, Джувеини дважды сообщает о пребывании Джучи в Дешт-и-Кыпчаке в 1223 г. Согласно автору, зимой 1222–1223 гг., находясь в окрестностях Самарканда, Чингисхан «послал гонца к старшему своему сыну Туши с приглашением покинуть Кифчакскую степь», и именно оттуда он пригнал к отцу стада диких ослов, прибыв на летовку в Кулан-баши. Описывая рейд Джебе и Субедея, автор опять же говорит о том, что «армия Туши располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней. Они соединились с нею и оттуда отправились к Чингисхану» [11: 94–95, 99].

Оба эти сообщения вполне соотносятся с содержанием ярлыка Чингисхана Джучи, отразившегося в трудах Джувеини и ан-Нувайри, согласно которому, он получал земли «от Кайялыка и Хорезма до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня» [11: 30; 13: 139–140].

То, что в начале 1220-х гг. монголы продвинулись достаточно далеко на запад, подтверждает содержание письма Юлиана, написанного в начале 1238 г. Согласно источнику, восточные венгры, с которыми автор контактировал лично, четырнадцать лет вели с ними войну, которая на пятнадцатый год завершилась падением Великой Венгрии [54: 385]. Исследователи вопроса неоднократно указывали, что, так как захват Великой Венгрии монголами произошёл в 1236 г., война между ними должна была начаться в 1222 г. Это первое столкновение они связывали либо с походом Джучи или его войск на запад, либо с действиями корпуса Джебе и Субедея [1: 152; 54: 371, 393; 72: 105]. Последний вариант вряд ли можно принять, так как корпус встретился с войсками Волжской Булгарии только зимой 1223–1224 гг. В 1222 г. с восточными венграми могли столкнуться только монгольские войска, двинувшиеся на северо-запад после взятия Ургенча, т. е. войска, подчиненные Джучи.

Судя по всему, планировался двойной удар по кыпчакам с востока и запада. Рашид ад-Дин сообщает о том, что Джучи должен был захватить «Ибир-Сибир, Булар, Дашт-и-Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Дербенда Хазарского» [40: 71–72]. Следовательно, крайней точкой его наступления должен был стать Дербент. Это вполне соотносится с сообщением Джувейни о том, что они «они подошли к Дербенту... прошли через него. Армия Туши располагалась в Кипчакской степи и рядом с ней; они соединились с нею» [11: 99]. На важность Дербента в реализации целей, стоящих перед корпусом, прямо указывает Рашид ад-Дин: «...и в соответствии с твоим приказом мы потратим год или два, завоевывая все лежащие перед нами земли на столько, на сколько сможем, а затем вернёмся через Кыпчакские ворота к установленному месту встречи в Монголию» [70: 258]. Опять же, прямой захват территорий корпусом предполагался только до Дербента (Кыпчакских ворот).

Также есть все основания полагать, что корпус Джебе и Субедея подчинялся Джучи. В биографии подчинённого Джебе Исмаила в «Юань ши» сообщается о том, что после битвы на Калке ему было поручено доставить к Джучи пленного русского князя Мстислава (Мечжисыле) [19: 35; 55: 222]. Ровно та же ситуация произошла в 1218 г., когда, захваченный в битве на реке Чэм меркитский принц был отправлен к Джучи [71: 227].

Основания для такого вывода даёт и сообщение из текста Ц. де Бридиа, который был составлен в 1247 г. в Польше. Автор использовал текст Плано Карпини, но в то же время в его работе есть самостоятельные известия, в одном из которых говорится: «Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссук-каном, сыном Чингиса, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во-вторых – бисерминов, затем – кангитов, [и] наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию. А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с татарами между двумя ручейками, название одного из них Калк, а другого – Кониуззу, то есть “вода овец”, ведь кони по-татарски означает на латыни oves [овцы], уззу – aqua [вода], и они были разгромлены татарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении. Итак, когда татары их победили, то возвратились в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере» [32: 26; 60: 108–109]. Хотя Джучи и не мог принимать участие в битве на Калке, само это сообщение отражает представление о том, что монгольские войска, действовавшие в западном Дешт-и-Кыпчаке в 1223 г., подчинялись именно ему. Фактически источник описывает продвижение Джучи с востока на запад (туркмены – Хорезмийский

султанат (бисермины) – канглы – кыпчаки) и движение корпуса, завершившееся битвой на Калке, как единую военную операцию.

В приведённом выше сообщении летописец называет имена двух монгольских «воевод», находившихся неподалёку от осаждённого русского лагеря: Цыгыркань и Тешюкань. Очевидно, что ни Чингисхан, ни Джучи не могли в реальности находиться на Калке в это время. Поэтому С. Поу справедливо предположил, что в летописи отразилась информация из монгольского ярлыка, выданного Чингисханом, Джебе и Субедею, содержание которого стало известно русским князьям в ходе переговоров о сдаче [35: 705–715].

На то, что ярлык, выданный Чингисханом Джебе и Субедею, подразумевал именно масштабные завоевания и содержал ссылку на монгольскую доктрину всемирного господства, указывает Джувейни. Он приводит его фрагмент при описании переговоров о сдаче Нишапура: «Да будет известно эмирам и вельможам то, что... все лицо земли от восхода солнца и до его заката я отдал тебе. А потому каждый, кто явит свою покорность, будет помилован, как и его жены, и дети, и его добро; а тот, кто не покорится, погибнет вместе со всеми своими женами, и детьми, и родственниками» [11: 97]. О существовании «доктрины всемирного господства» в начале 20-х гг. XIII в., помимо Джувейни, сообщает Юлиан, согласно которому Чингисхан после победы над султаном Мухаммадом решил «подчинить себе весь мир» [54: 385]. Ю.И. Дробышев справедливо отметил то, что источники указывают на существование «доктрины всемирного господства» уже в этот период. При этом автор видит в сообщении Джувейни свидетельство применения «монгольскими парламентарями традиционного кочевого шаблона, в котором «все лицо земли» изначально означало бескрайнюю степь», полагая, что сама доктрина оформилась несколько позже [12: 85]. Однако эта интерпретация не вполне ясна, так как корпус изначально был направлен на завоевание оседлых территорий Хорасана, Ирана и Азербайджана. Важно отметить, что автор исходит из положения о том, что плана по захвату Дешт-и-Кыпчака в 1220–1221 г. не существовало. Именно поэтому два прямых сообщения источников о существовании в этот период доктрины мирового господства трактуются им, скорее, как декларации, не имеющие отношения к политической реальности.

Джувейни не называет имени того, кому Чингисхан отдал «все лицо земли от восхода солнца и до его заката». Но, судя по всему, речь шла именно о Джучи. Во-первых, как было показано выше, имя Джучи наряду с именем Чингисхана было известно на Руси, вероятно, посредством монгольского ярлыка. И эта доктрина напрямую увязывается с именем Джучи в упомянутом выше ярлыке Чингисхана, согласно

которому, он получил все земли «до крайних пределов Саксина и Булгара и дальше, где только касалось земли копыто татарского коня».

Есть и косвенные свидетельства. Представление о том, что корпус Джебе и Субедея подчинялся именно Джучи, возможно, отразилось в воспоминаниях кыпчаков, проданных в рабство в Египет. Согласно ан-Нувайри, после конфликта между лидерами кыпчакских племён дурут и токсоба, последние были разбиты, а их лидер Аккубул бежал к Джучи, который оказал ему военную помощь. В результате этого племя дурут, возглавляемое Котьяном, было разгромлено [14: 63–64]. Это сообщение содержит внутреннее противоречие, так как называет лидером, отправившим Джучи на запад, Угедея. Поэтому существуют разные точки зрения по поводу его датировки. Р.Ю. Почекаев полагает, что речь идёт о событиях западного похода второй половины 30-х гг. XIII в. [36: 110]. А.К. Кушкumbaев, напротив, связывает это сообщение с деятельностью Джучи [18: 80–81]. Ж.М. Сабитов изначально предположил, что речь в источнике идёт о событиях 1223 г., однако впоследствии изменил свою точку зрения и датировал конфликт племен дурут и токсоба 1227–1228 гг. [42: 181; 43: 959]. Д.М. Исхаков и И.Г. Закирова относят эти события ко времени западного похода 1230-х гг. [15: 504–522]. Стоит признать, что, учитывая имеющиеся данные, указанное противоречие можно равносильно трактовать и в пользу датировки 1223 г. и более поздним временем. С одной стороны, хан дурутов Котян вполне соотносится с Котьяном Сутоевичем русских летописей, который возглавлял кыпчаков, бежавших на Русь после разгрома, нанесенного им Субедеем зимой 1222–1223 гг., и участвовал в битве на Калке. С другой стороны, Котян со своей ордой в конце 1230-х гг. бежал от монголов в Венгрию, и, вероятно, перед этим потерпел от них поражение.

В сообщении Абу-л-Гази говорится о походе Джучи в Дешт-и-Кыпчак и о разгроме его армией кыпчаков, кочевавших между Волгой и Доном. При этом поход корпуса Джебе и Субедея в данном контексте не упоминается [17: 44].

Таким образом, на настоящий момент взгляд на боевые действия монголов на западе в 1223 г. как на неудавшуюся попытку двойного удара по кыпчакам, которая должна была проходить под общим командованием Джучи, кажется вполне обоснованным. Важно отметить, что переход бродников на сторону Джебе и Субедея и их участие в битве на Калке в союзе с монголами кажутся необъяснимыми только в контексте взгляда на рейд как на разведку, основной целью которой было как можно быстрее прорваться в Монголию. Если же рассматривать их действия как попытку захвата западного Дешт-и-Кыпчака, то мотивы бродников становятся более понятными. Здесь мы не будем

углубляться в вопрос о том, почему этот амбициозный план так и не был претворён в жизнь. Это уведёт нас далеко от заявленной темы. К тому же наша точка зрения на данную проблему была подробно изложена в недавно опубликованной работе [31: 316–359]. Стоит лишь отметить, что, за исключением упомянутого выше грузинского «Хронографа», отсутствуют сообщения, отрицающие существование плана по продвижению на запад и захвату Дешт-и-Кыпчака в начале 1220-х гг. и определяющие цели корпуса как разведку либо как-то иначе. В то же время на существование плана подобного наступления, лидером которого должен был стать Джучи, прямо указывает Рашид ад-Дин [40: 71–72; 70: 352].

Для данного исследования важно реконструировать ту систему отношений, которую Джучи и руководство корпуса выстраивали с разными политическими и этническими группами, готовя и осуществляя завоевание Дешт-и-Кыпчака.

Есть основания полагать, что наступление обеспечивалось не только военной мощью армии Чингисхана, но и сложной системой союзов и политических альянсов с отдельными племенными группами, входящими во враждебные монголам политии.

Во-первых, можно заключить, что перед вторжением и в самом начале монголо-хорезмийской войны и Чингисхан, и Джучи прилагали усилия для заключения каких-то мирных соглашений с канглами, которые были родным племенем матери султана Мухаммада Теркен-хатун.

Согласно ан-Насави, после захвата Отрара Чингисхан направил к Теркен-хатун хаджиба Данишманда с посланием, в котором он обещал не вторгаться в её области и, более того, отдать ей Хорезм и Хорасан: «Мне известно, как непочтительно поступил твой сын в отношении твоих прав. Вот теперь, в согласии с некоторыми из его эмиров, я выступаю против него, но я не стану нападать на те из областей, которыми владеешь ты. Если ты принимаешь это, то пришли ко мне кого-нибудь, кто удостоверит тебе мое обязательство, а затем тебе будут отданы Хорезм, Хорасан и то, что соседствует с ними по ту сторону Джейхуна». Получив послание одновременно с известиями о бегстве султана и распаде его армии, она покинула Хорезм [58: 79].

Договорённости были достигнуты с Хан-Меликом (Амин-Меликом). По ан-Насави, он был наместником Герата и родственником Теркен-хатун. Рашид ад-Дин называет его наместником Мерва и лидером канглов. Хан-Мелик подчинился монголам. Его статус учитывали при продвижении Джебе и Субедей, и только Токучар разорил его владения, чем вынудил его перейти на сторону Джалал ад-Дина. Согласно

Рашид ад-Дину, Хан-Мелик убеждал султана Мухаммада сдаться и сам признавал себя подданным Чингиз-хана: «Я [в своё время] советовал султану Хорезмшаху [подчиниться тебе], он не внял [сему]. Злая судьба заставила его противиться тебе, пока он не испытал то, что испытал. Я, раб, перед этим послал к тебе, изъявил покорность и сказал, что я буду служить тебе от искреннего сердца и что я отстал от султана» [11: 288; 39: 220–221; 58: 105].

Но, наиболее ярким примером подобной политики монголов, основным проводником которой, судя по всему, был Джучи, являются события, предшествовавшие штурму Ургенча. Согласно ан-Насави, летом 1220 г. султан Мухаммад бежал на остров в Каспийском море. Оттуда он направил в Ургенч письмо, в котором призывал горожан покориться Чингисхану: «Поистине, в отношении жителей Хорезма у нас и у наших предков непреложные права и обязательства – нынешние и прежние, которые возлагают на нас долг советовать и сочувствовать им. Этот враг – враг одолевающий, и вы должны заключить мир, [избрав] самый добрый путь, и отвести зло наиболее подходящим способом» [58: 133]. Согласно Джувейни, султан Мухаммад умер на острове вскоре после захвата своего гарема, т. е. летом 1220 г. [11: 271–272]. Подробнее о времени его смерти см.: [31: 312–315]. После его кончины сыновья султана направились в Ургенч. Ан-Насави сообщает, что в городе находились семь тысяч воинов баяутов (племя Теркен-хатун, которое было частью более широкого объединения канглов-йемеков). Они возглавлялись Бучи-Пахлаваном. Вскоре баяуты составили заговор против старшего сына султана Джалал ад-Дина в пользу его младшего брата Узлаг-шаха. Мать последнего происходила из этого племени. Джалал ад-Дин бежал, а вскоре, узнав о приближении монголов, город покинули и Узлаг-шах с Ак-шахом, которых, казалось бы, баяуты поддерживали. В ходе бегства оба погибли [58: 97–98, 102–103]. О том, что после бегства Теркен-хатун Ургенч контролировался ее родней, в т. ч. и Бучи-Пахалаваном, сообщают Джувейни и Рашид ад-Дин. Более того, согласно этим источникам, они официально провозгласили правителя из своих рядов. По Джувейни, родственник Теркен-хатун Хумар-тегин «был единогласно выбран султаном и назначен наврозом», а согласно Рашид ад-Дину «на управление назначили эмира Хумара» [11: 84; 39: 215].

На основании этих сообщений можно сделать ряд выводов. Во-первых, именно к баяутам-канглам из окружения Теркен-хатун обращался летом 1220 г. султан Мухаммад, предлагая им подчиниться монголам. Во-вторых, он оставался на острове вплоть до своей смерти, хотя физическая возможность бежать в Ургенч у него, безусловно, была. В-третьих, в какой-то момент все сыновья Мухаммада,

а не только Джалал ад-Дин, потеряли поддержку баяутов-канглов, и именно с этим было связано бегство Узлаг-шаха и Ак-шаха из города. В-четвертых, дело было не в неприятии конкретных фигур, а в отказе от поддержки династии Ануштегинидов в принципе. Это подтверждается тем, что баяуты-канглы избрали собственного правителя [31: 294–296].

В конце 1219 – первой половине 1220 г. Джучи покорял города, расположенные в нижнем течении Сырдарьи. Ан-Насави даёт наиболее подробное описание событий, предшествовавших штурму Ургенча: после бегства сыновей султана из города монгольские отряды оставались где-то в его окрестностях. Затем к Ургенчу подошёл Байджу с войском. Следующим прибыл Угедей. Затем подошёл отряд, подчинённый лично Чингисхану, во главе с Бугурджи-нойоном. Затем прибыл Чагатай с нойонами Толан-Черби, Устуном и Каданом. Армия начала подготовку к штурму. Спустя какое-то время в Мавераннахр прибыл Джучи с войском. Оттуда он отправил к жителям Ургенча своих представителей с посланием, в котором он предлагал им капитуляцию без сопротивления. По его словам, «Чингиз-хан подарил [город] ему и что он воздержится от его разрушения и намерен сохранить [город] для себя». Именно поэтому сконцентрированные там войска не разоряли сельскую округу, как это происходило в других местах. Ан-Насави подчёркивает, что предложения Джучи полностью совпадали с той политической линией, на которой настаивал султан Мухаммад, обращаясь к баяутам-канглам, контролировавшим Ургенч. Судя по дальнейшему достаточно расплывчатому описанию автора, окружение Теркен-хатун было готово пойти на мир, но потеряло контроль над ситуацией: «Однако глупец одолел мнение благоразумного, сделанное предупреждение не помогло, и власть ускользнула из рук обладавших ею». После этого начался штурм, которым руководил Джучи. Поняв, что сопротивление бесполезно, осаждённые предложили мир. Переговоры вёл Ала ад-Дин ал-Хаййати, мухтасиб Хорезма. Этот факт подтверждает то, что баяуты-канглы во главе с Хумар-Тегином утратили лидерство, которое перешло к религиозной элите города. Однако Джучи уже не мог решить вопрос мирным путём: «Услышав это, проклятый воспылал гневом и воскликнул: “Что страшного они видели во мне? Ведь они сами губили моих воинов и затащили сражение! Это я видел их грозный облик! А вот теперь я покажу, [каков должен быть] страх передо мной!”». Ургенч был взят, а население подвергнуто репрессиям [58: 132–134].

Рашид ад-Дин объясняет семимесячную задержку во взятии города и большие потери среди монголов конфликтом, вспыхнувшим между Джучи и Чагатаем в процессе осады [39: 217–219; 40: 78–79, 94–95;

70: 253–256, 359, 374]. Однако подробнейшее описание хронологии событий у ан-Насави делает такое объяснение невозможным. Джучи вёл переговоры с баяутами-канглами из Мавераннахра и двинулся на штурм Ургенча только после их провала, когда родня Теркен-хатун утратила контроль над городом. Сам он обвинял в сложившихся проблемах именно жителей: «...они сами губили моих воинов и затаили сражение». Вероятно, полугодовая задержка в боевых действиях, а также многочисленные жертвы были связаны с переговорами, которые вёл Джучи с элитой города. В таком случае конфликт с Чагатаем произошёл, когда стало очевидно, что миротворческая политика Джучи привела лишь к издержкам и не принесла положительного результата [31: 396–306].

Итак, зимой 1220–1221 гг., когда началась активная фаза штурма Ургенча, мирное включение канглов в состав империи перестало быть актуальным. Но наличие подобных политических планов у Чингисхана и попыток их реализовать через своего старшего сына кажется очевидным.

В этом плане интересно опоминавшееся выше сообщение Джузджани о конфликте Джучи с отцом, который возник после того, как он вместе с Чагатаем был отправлен на завоевание Дешт-и-Кыпчака. Новые владения произвели на Джучи сильное впечатление: «Чингиз-хан сошёл с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам» [73: 1101, 1283]. Обычно упоминание султана Мухаммада в данном контексте воспринимается как анахронизм, так как он к тому времени был уже мёртв [20: 75]. Такой вариант, конечно, возможен, но не обязателен. Дело в том, что сообщение Джузджани вполне адекватно отражает ту политику, которую пытался проводить Джучи в отношении покорённых регионов. Важно учитывать, что автор источника на протяжении длительного времени контактировал с послами сына Джучи Берке во время их совместного пребывания в Гвалиоре [29: 23–24; 73: 1283–1286]. Как уже указывалось выше, в середине 1220 г. имела место ситуация, при которой Джучи и султан Мухаммад вели переговоры о подчинении монголам с баяутами-канглами, контролировавшими Ургенч. Сложно сказать, были ли их призывы скоординированы между собой. Но, вероятно, именно этот факт лёг в основу сообщения Джузджани. Автор просто не вполне понял, что до него дошли не реальные слова Джучи, а общая суть тех обвинений, которые выдвигали его противники во главе с Чагатаем [31: 304–305; 33: 237].

То, что политика Джучи, направленная на относительно мирное

включение в состав империи при помощи дипломатии отдельных этнических и территориальных групп, не ограничивалась канглами, подтверждает характер его действия при покорении нижней Сырдарьи и присутствие в его армии туркменов.

Джувеини прямо указывает на специфику политики Джучи в отношении городов в нижнем течении Сырдарьи: «...когда Чингисхан завершил завоевание Самарканда, были покорены все страны Трансоксании, и его враги раздавлены мельничными жерновами несчастий, но с другой стороны уцелели области Дженда и Барджлык-Кента; так что Хорезм остался посредине» [11: 83–84].

Согласно Джувеини, после взятия Янгикента Джучи направился в Каракум, где его армия должна была отдохнуть. В другом месте своего труда он говорит о том, что Каракум был «местом обитания канглов». Затем «отряду туркменских кочевников численностью около десяти человек во главе с Тайнал-нойоном было приказано двигаться к Хорезму. Через несколько дней пути их несчастливая звезда стала вынуждать и подстрекать их убить монгола, которого Тайнал поставил над ним и вместо себя, и поднять мятеж» [11: 59–60, 260]. Рашид ад-Дин описывает близкую ситуацию. После взятия Янгикента Джучи «двинулся в поход на Каракорум [что в Дешт-и-Кипчаке]. Из кочевников-туркмен, которые находились в тех пределах, было назначено десяти тысячам человек отправиться к хорезмийскому войску. Во главе их был Баниал-нойон. Когда они прошли несколько остановок [манзил], злосчастье их судьбы побудило их убить одного монгола, которого Баниал имел во главе их своим заместителем, и восстать» [39: 199–201; 70: 242–243].

Местность Каракум можно достаточно уверенно локализовать в северном или северном Приаралье [3: 226–227; 4: 436; 31: 242–249]. Во-первых, намерение Джучи отправится с армией на отдых в «место обитания канглов», при отсутствии упоминаний о каких-то столкновениях с ними, ещё раз подтверждает то, что отношения между этой племенной группой и монголами в 1220 г. были далеко не так однозначны. Во-вторых, обитавшие в том же регионе туркмены были включены в состав армии Джучи не в качестве хашара – войска, состоящего из пленных и используемого в основном в качестве «живого щита» для взятия укреплений. Здесь явно речь шла о включении туркменского тумена в монгольскую армию с охранением его внутренней структуры управления. Собственно, это и позволило им устроить мятеж, убив приставленного к ним офицера.

Итак, анализ событий, предшествовавших наступлению Джучи в Дешт-и-Кыпчак, позволяет сделать вывод о том, что он являлся сторонником вполне определённой политической линии, направленной

на, по возможности, мирное включение в состав империи различных кочевых и территориальных коллективов при помощи дипломатии. Судя по всему, до какого-то момента Чингисхан поддерживал своего старшего сына в этом стремлении. При этом конфликт с Чагатаем при штурме Ургенча и обвинения в адрес Джучи, зафиксированные Джузджани, говорят о том, что такая политика встречала серьёзное сопротивление в среде монгольской элиты. Такая ситуация не была уникальной. К примеру, уже в начале 1230-х гг. XIII в. в ставке каана Угедея Елюй Чуцай вынужден был убеждать его и монгольских нойонов отказаться от идеи уничтожения всего населения Северного Китая с целью увеличения площади пастбищ [21: 73–74].

Есть основания полагать, что подчинённые Джучи Джебе и Субедей проводили ту же политику. Для того чтобы пояснить эту мысль, необходимо рассмотреть хронологию действий корпуса.

Согласно Джувейни, они были отправлены в погоню за султаном Мухаммадом во время осады Самарканда, т. е. весной 1220 г. Зиму (1220–1221 гг.) они провели в Мугане, весной продолжили завоевание Ирака, затем вернулись в Азербайджан, двинулись на север и через Дербент ушли в Дешт-и-Кыпчак [11: 96–99]. Хотя этот этап похода Джувейни описывает достаточно кратко, ясно, что корпус прошёл через Кавказ осенью 1221 или зимой 1221–1222 гг.

По Ибн ал-Асиру в мухарраме 617 г.х. (8 марта – 6 апреля 1220 г.) был захвачен Самарканд. Сразу после этого Джебе и Субедей были отправлены в погоню за хорезмшахом. Зиму 1220–1221 г. они провели в Азербайджане и Грузии (грузинское войско было разбито в январе 1221 г.). В марте–апреле 1221 г. они еще находились в Азербайджане, затем направились в Ирак. В раджаве 618 г.х. (21 августа – 19 сентября 1221 г.) был захвачен Хамадан. Оттуда они направились в Азербайджан. В рамадане 618 г.х. (19 октября – 17 ноября 1221 г.) произошел штурм Байлакана. Затем они разбили грузинское войско и, пройдя Ширван и владения лезгинов, столкнулись с алано-кыпчакской коалицией [14: 34–47]. Из текста следует, что корпус пересёк Кавказ зимой 1221–1222 гг.

Согласно Рашид ад-Дину, Джебе и Субедей были отправлены в погоню за султаном во время осады Самарканда, т. е. весной 1220 г. (автор ошибочно датирует эти события 1221 г.). Они получили приказ продолжить поход «когда султан Джелал-ад-дин бежал из Нишапура» и после смерти Мухаммада (т. е. летом 1220 г.). Зиму (1220–1221 гг.) корпус провёл в Азербайджане. Затем Джебе и Субедей ушли в Ирак. В раджаве 618 г.х. (21 августа – 19 сентября 1221 г.) они захватили Хамадан. Вернулись в Азербайджан, перешли Дербент и зиму 1221–1222 гг. провели уже в Дешт-и-Кыпчак [39: 217, 226–229; 70:

249, 258–260]. Здесь текст Рашид ад-Дина явно опирается на Ибн ал-Асира. Описание менее подробно, зато присутствуют дополнительные ценные детали, такие как указания на зимовки. В целом текст также подтверждает датировку перехода корпуса через Кавказ осенью 1221 или зимой 1221–1222 гг.

Вот как дальнейшие события описывает Ибн ал-Асир: «...они прибыли к Алланам... Они [Алланы] употребили все своё старание, собрали у себя толпу Кипчаков и сразились с ними [Татарами]. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: “Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесём вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними”. Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и прочем; они [Татары] действительно принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их [Аллан]. Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключённого между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они [Татары] нападать на них раз за разом и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли. Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских. Татары остановились в Кипчаке... Прибыли они к городу Судак» [14: 46; 71: 222].

Согласно Рашид ад-Дину: «Когда [монголы] дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с кипчаками сразилось с монгольским войском, и ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы сообщили кипчакам [следующее]: «Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]». [Одновременно] они послали кипчакам много [всякого] добра. Кипчаки повернули назад. Монголы одержали победу над аланами и то, что было предопределено судьбою в отношении избиения и грабежа, они то и осуществили. Кипчаки же, полагаясь на заключённый мир, без опасения разбрелись по своим областям. Монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого нашли, и взяли назад столько же, сколько отдали [раньше]. Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну русов. Монголы зазимовали в той области, которая вся представляла сплошные луга и поросли [маргзар]. Оттуда они напали на город Судак» [39: 229; 70: 260].

Данный сюжет обычно рассматривается как описание непрерывной цепочки событий, в которой мир, заключённый между Джебе и Субедеем с одной стороны и кыпчаками с другой, являлся тактическим приёмом и прекратил существование сразу после разгрома алан. Такая интерпретация этих сообщений является единственно возможной, если брать за основу взгляд на действия корпуса как на разведывательный рейд, основной целью которого был прорыв в Монголию. Но важно учитывать, что это именно интерпретация. Источники прямо не указывают на то, что мир был недолог, и нападение на кыпчаков произошло сразу же после разгрома алан. Это тем более важно потому, что другие источники дают основания усомниться в такой трактовке этих событий. Вторжение монголов в подконтрольный кыпчакам Крым, согласно приписке Судакского Синаксаря, произошло 27 января 1223 г. [2: 601]. В Первой Новгородской и Ипатьевской летописях бегство кыпчаков на Русь, переговоры с князьями и сбор войск описываются как непрерывный процесс, относящийся к весне 1223 г. Первое монгольское посольство с предложением мира и антикыпчакского союза, требовавшее выдать беглецов, также прибыло на Русь весной [22: 264–265; 27: 506–508]. То есть две доступные датировки монголо-кыпчакского столкновения позволяют отнести его к зиме 1222–1223 гг. Это в свою очередь позволяет заключить, что нет оснований говорить о войне между корпусом и кыпчаками, длившейся весь 1222 г. Всё это время действовал мирный договор, заключённый после первого неудачного для монголов столкновения с алано-кыпчакской коалицией. Эта версия подтверждается ещё и тем, что ни в одном источнике, описывающем первое столкновение корпуса и западных кыпчаков (Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин, Новгородская первая и Ипатьевская летописи), ничего не говорится о продолжительной степной войне. Везде речь идёт о внезапном нападении монголов, за которым последовали полный разгром и бегство кыпчаков.

Примечательно, что в «Юань ши» сообщение о столкновении монголов с кыпчаками до битвы на Калке содержится только в биографии Субедея [55: 228; 69: 57]. Биографии Джебе в «Юань ши» нет, зато сохранилась биография его подчинённого Исмаила, который, судя по её содержанию, специализировался на сложных дипломатических миссиях. В ней это столкновение вообще не упомянуто, хотя и сообщается о том, что корпус был направлен именно «в карательный поход против кыпчаков». Однако после разгрома алан и до столкновения с русскими на Калке говорится о том, что «[Исмаил] склонил к сдаче город Хэйлинь». Этот топоним буквально переводится как «Чёрный лес» [55: 223].

Такой топоним во владениях кыпчаков известен благодаря Ипатьевской летописи, где под 1170 г. описывается поход русских князей в степь: «кнѣзи же оувѣдавше . вже Половци побѣгли . и лишившеса жень своихъ . и возъ своихъ . и поѣхаша вборзѣ по ниѣ а Ерсолава Всеволодича ставиша за собою оу возъ . и взяша вежѣ ихъ на Оуглѣ рѣцѣ а другыѣ . по Снопороду . а самѣхъ постигоша в Черного лѣса . и ту притиснувше к лѣсу избиша ѣ . а ины руками изоимаша Бастии же . и инии . мнози гониша по ниѣ и за Вѣсколь бѣуче» [27: 370]. Хотя город в контексте Черного леса в летописи не упомянут, за прошедшие пятьдесят три года он вполне мог возникнуть. Так или иначе, но совпадение топонимов, локализуемых в одном регионе, вполне показательно. Не менее примечательно и то, что лидером кыпчаков, связанных с Черным лесом, был некий Басты. Басты упоминается Ипатьевской летописью в 1223 г. как «великыи кнѣзь Половецкыи», принявший крещение после бегства на Русь от монголов [27: 507]. При этом тесть Мстислава Галицкого Котян и другие кыпчакские лидеры великими князьями не именуются. Из этого можно сделать вывод, что Басты был формальным лидером западных кыпчаков. Учитывая большой временной разрыв, сложно с уверенностью сказать, был ли это один и тот же человек. Полностью исключить вероятность этого нельзя. Возможно также, что в 1223 г. принял крещение потомок или родственник человека, бежавшего от Черного леса в 1170 г. В любом случае совпадение топонимов и имён кыпчакских лидеров позволяет предположить, что в биографии Исмаила речь идёт о мире с кыпчаками, который он заключил, находясь в подчинении у Джебе, и который впоследствии был нарушен Субедеем.

О причинах произошедшего политического разворота на настоящий момент остаётся лишь догадываться. Но можно констатировать, что он произошёл. Стоит отметить, что нарушение Субедеем мира с западными кыпчаками, который существовал на протяжении 1222 г., полностью совпадает со временем призыва Джучи Чингисханом на курултай. Согласно Джувейни, соединившись в Баглане со своим обозом, Чингисхан провёл там лето (1222 г.), а осенью пересёк Амударью и провёл зиму (1222–1223 гг.) в окрестностях Самарканда. Оттуда он отправил «гонца к старшему своему сыну Туши с приглашением покинуть Кифчакскую степь и приехать позабавиться с ним охотой». Весной (1223 г.) монгольская армия двинулась в путь. Чагатай и Угедей присоединились к нему у реки Фанакет, где был организован курултай. Оттуда они двинулись в путь и достигли Кулан-баши. Там «их нагнал Туши, прибывший с другой стороны и также присоединившийся к отцу. В числе привезённых им даров была тысяча серых лошадей. По приказу отца он пригнал из Кипчакской степи стада диких ослов, по-

добно множеству овец. Рассказывали, что в пути копыта диких ослов истёрлись, и их подковали лошадиными подковами». Дойдя до города Утука, они организовали охоту на пригнанных Джучи животных. Лето (1223 г.) они провели в Кулан-баши, где были казнены доставленные туда уйгурские вельможи. Вероятно, армия двинулась на восток осенью (1223 г.), так как, согласно тексту, весной (1224 г.) Чингисхан уже вернулся в Монголию [11: 95]. Важно учитывать, что верна именно хронология Джувеини, а не вторичные в данном случае датировки Рашид ад-Дина. К. Этвуд справедливо отметил, что хронология событий войны с Хорезмом у Рашид ад-Дина ошибочна потому, что автор пытался совместить доступные ему персидские источники и «Истинную летопись Чингисхана». При этом он опирался на её сведения даже в случае их явной ошибочности [62: 62–63]. Действительно, большинство датировок, касающихся монголо-хорезмийской войны, в его труде сдвинуты на один год. В этом легко убедиться, рассмотрев следующие примеры: падение Самарканда и отправку Джебе и Субедея в погоню за хорезмшахом Мухаммадом автор датирует весной 1221 г., хотя в действительности эти события произошли весной 1220 г., а битва на Инде датирована осенью 1222 г., хотя, согласно Джувеини и ан-Насави, она произошла осенью 1221 г.

Следовательно, и послание Чингисхана к Джучи, обязывающее последнего прибыть к отцу, и внезапное нападение корпуса на заключивших с монголами мир кыпчаков произошли одновременно – зимой 1222–1223 гг. Поэтому невозможно принять реконструкцию А.В. Майорова, с точки зрения которого, Джучи был отозван Чингисханом на курултай с целью поторопить его с покорением западных территорий, а в это время началась война корпуса с западными кыпчаками. Джучи мог успеть на помощь, но по каким-то причинам не стал делать этого. Джебе и Субедей рассчитывали на него, отступая на восток, и хотели соединиться с его армией. После победы на Калке руководство корпуса попыталось закрепиться на Днепре и обеспечить быструю переправу армии Джучи, захватив Новгород Святополч. Но поняв, что помощь не придёт, Джебе и Субедей двинулись на восток [67: 411–438]. Какими бы мотивами не руководствовался Чингисхан, отзывая Джучи на восток зимой 1222–1223 гг., последний никак не мог помочь корпусу в боевых действиях против русско-кыпчакской коалиции.

Сложно с уверенностью сказать, почему произошло столь резкое изменение в военных планах монголов. Необходимо учитывать, что основным препятствием для продвижения монголов на запад был военный альянс восточных кыпчаков ольберли и меркитов Куду. Кыпчаки ольберли кочевали между Яиком и Волгой и являлись мощной

военной силой. В биографии Тутука в Юань ши – главнокомандующего кыпчакской гвардии юаньских императоров, умершего в 1297 г., сообщается, что кыпчаки, предки Тутука, откочевали на северо-запад, к горам Юйли-боли [ольберли]. Когда кыпчаками правил предок Тутука Инасы, к ним пришли бежавшие от монголов меркиты во главе с Куду. Чингисхан потребовал выдать его врагов, но Инасы отказался, после чего монголы совершили против него карательный поход. В это время «Инасы был уже очень стар, а внутри государства – большая смута». Эта кыпчакская полития была покорена монголами в правление сына Инасы Хурусмана, во время западного похода в середине 30-х гг. XIII в. [56: 45–47]. Источником «Жизнеописания Тутука» в Юань ши является эпитафия Тутука, написанная юаньским историком и литератором Янь Фу около 1299 г. В ней сохранилась очень чёткая, в отличие от «Жизнеописания», географическая локализация владений Инасы, которые омываются: «...двумя реками, левая [из них] называется Я-и, а правая называется Е-дэ-ли... [это] просторные равнины речных долин, травы и деревья изобильные и густые» [57: 519–520]. Очевидно, что речь идёт о междуречье Яика и Итиля, т. е. Волги. В биографии Субедея в Юань ши говорится о том, в 1219 г. (в реальности в 1218 г.) он с большим войском дошёл до реки Чэм и в битве разгромил меркитов, захватив двух их полководцев. Их глава Куду бежал к кыпчакам. Субедей, преследуя его, сразился с кыпчаками в местности Уюр и разбил их. В тексте Вань Юня, который был записан в самом XIV в. и послужил источником для биографии в Юань ши, речь идет о битве с кыпчаками в местности «Yuуи». Существует точка зрения, согласно которой Yuуи 玉峪 может быть реконструировано как тюркское «Üyük», т. е. «холм», или обозначать иную географическую особенность участка [61: 43; 69: 54]. Важно учитывать, что источник говорит именно о бегстве Куду к кыпчакам, после битвы на реке Чэм [вероятно, Джэм, т. е. Эмба], и о последующем походе Субедея в их владения. Поэтому недавно высказанное К. Ускенбаем мнение о том, что кыпчаки Инасы вместе с меркитами участвовали в битве на реке Чэм, не имеет под собой оснований [50: 28]. Судя по всему, союз с западными кыпчаками был нужен Джучи для двойного удара по восточным кыпчакам и меркитам.

То, что к востоку от Волги в начале 20-х гг. XIII в. сложилась мощная антимонольская коалиция, в которую входили кыпчаки ольберли и враждебные Чингисхану коллективы во главе с меркитами Куду, подтверждается двумя сообщениями источников. В биографии Исмаила сообщается: «Чжэбэ приказал Исмаилу представить его перед царевичем-наследником Джучи и [потом] его казнили. Продолжая поход на канглов, дошли до города Бо-цзы-ба-ли, сразились с их главой

ханом Хотосы. Кроме того, что разбили его войско, продвинулись к кыпчакам и также усмирили их. По возвращении войска Чжэбэ умер» или «Чжэбе приказал Хэсымайли подарить его Чжучи тайцзи. Казнили его [Мстислава]. Вскоре выступили в поход против кангли [канли]. Дошли до города Бешбалык [Боцзыбали] и сразились с его правителем Хотосыгань. Снова разбили его армию. Двигаясь вперёд, дошли до кипчаков и тоже усмирили их. Армия вернулась. Чжэбе скончался» [19: 35; 55: 222].

Традиционно этот сюжет понимается как описание продолжения продвижения корпуса с запада на восток. Однако такая его интерпретация вряд ли может быть принята. Во-первых, жанр китайских биографий не предполагал подробного описания событийных линий, напрямую не связанных с действиями героя. Проще говоря, в биографии Исмаила должны были описываться его передвижения и заслуги, а не самостоятельные действия корпуса. В этом легко убедиться, рассмотрев весь её текст, где ни до ни после этого сюжета нет таких отвлечённых от личности героя пассажей. Везде описание сосредоточено именно на передвижениях Исмаила. Но о его возвращении к Джебе и Субедею, после доставки пленного Мстислава к Джучи, биография ничего не сообщает.

Во-вторых, возникает очевидное географическое противоречие. Субъект, двинувшийся в поход после казни Мстислава по приказу Джучи, сначала столкнулся с канглами и вторично разбил хана Хотосы, а затем продвинулся к кыпчакам. Хорошо известно, что владения канглов располагались восточнее владений кыпчаков. Карпини, двигаясь с запада на восток, проехал владения команов [кыпчаков], кангитов [канглов] и биссерменов [держава хорезмшаха]. Его спутник Бенедикт Поляк более конкретно указывает на то, что земля кангитов начинается к востоку от Яика [37: 72; 63: 81]. Сообщения ан-Насави и Джувейни, в свою очередь, позволяют локализовать восточную границу владений канглов в конце второго – начале третьего десятилетия XIII в. где-то в северном Приаралье [11: 260; 31: 242–249; 58: 49]. В целом можно с уверенностью утверждать, что путь, начинающийся со столкновения с канглами, а затем с кыпчаками, описанный в биографии Исмаила, – это путь с востока на запад.

Примечательно, что П. Пелль переводил этот сюжет именно как описание передвижения героя биографии: Исмаил прибывает в «[обнесённый стеной] город» [tch'eng] По-цеу-па-ли; правитель [tchou] Кангли, Хоу-то-ссеу-хан [Qotos-han = Кутуз-хан] побеждён, и Хо-ссеу-маи-ли продвигается к Кыпчаку». Исследователь уверенно соотносил китаизированную форму Houo-t'ò-sseu-han с тюркским Qotos-han = Qutuz-han. Он также заключил, что Po-tseu-pa-li – это

название города, где *pa-li* соответствует тюркскому балык [город] [68: 105]. Идентификация топонима «Боцзыбали» затруднительна. Е.И. Кычанов соотносил его с Бешбалыком [19: 35]. При абсолютно адекватном переводе самого топонима такое соотношение нельзя принять, так как оно обесмысливает текст. Во время описываемых событий в районе Бешбалыка должен был находиться Чингисхан со своей армией, недавно покинувшей Кулан-баши. В свою очередь Р.П. Храпачевский соотнес Боцзыбали с Булгаром. По мнению автора, бо-цзы передаёт «бо[л]-гу[р]». Однако этот вариант вызывает вопросы. Во-первых, автор в своём переводе китайских источников дважды приводит вполне адекватную передачу этнонима «булгар» в «Юань ши» как бу-ли-а-эр или бо-ле-эр [55: 209, 224, 241]. Во-вторых, совершенно необъяснимой остаётся связь канглов и хана Кутуза, вторично столкнувшегося с монголами, с Волжской Булгарией. Такое предположение в значительной степени обесмысливает текст.

Иероглиф 子 «tseu» в том числе используется в титуле «t'ai-tseu» – «принц, наследный принц». П. Пелльо отметил, что у Рашид ад-Дина этот титул обычно передаётся как «тай-ши». Так же он предположил, что именно с этим термином связано возникновение племенного названия «тайджиуты» [68: 149–151, 184]. Поэтому нет необходимости притягивать топоним «Боцзыбали» к Волжской Булгарии. Такая привязка актуальна только при взгляде на этот сюжет, как на продвижение корпуса с запада на восток, а не движение Джучи и Исмаила с востока на запад. Вероятно, речь в биографии идёт о неизвестном городе, именуемом в тексте Боши или Боджи-балык, расположенном где-то между Иргизом и Яиком. Идентификация хана Кутуза или Кудуза [Qutuz-han] в таком случае также становится вполне посильной. Очевидно, речь идёт о главе меркитов Куду, который, согласно биографиям Субедея и Тутука, после битвы на реке Чэм (вероятно, Жем, т. е. Эмба), бежал к кыпчакам Инасы, восточной границе которых являлся Яик.

Вторым аргументом в пользу того, что в этом регионе присутствовали племена, в своё время вытесненные Чингисханом из Монголии, является следующее сообщение из биографии Субедея, описывающее его действия сразу после возвращения из Дешт-и-Кыпчака в 1224 г.: «...еще [Субэдэй] подал доклад [каану], чтобы “тысячи” из меркитов, найманов, кирей, канглов-кангар и кипчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингисхан] последовал ему» или «Merkit, Naiman, Kereyit, Qangli, and Kipchak» [55: 228; 69: 58].

В этом сообщении примечательны два момента. Во-первых, данный список народов можно разделить на две группы. К первой относятся меркиты, найманы, кераиты – старые конкуренты Чингисхана в борьбе

за гегемонию в монгольских степях, вытесненные на запад за Иртыш в первом десятилетии XIII в. Ко второй относятся канглы и кыпчаки – кочевые группы, с которыми монголы столкнулись в ходе наступления на запад. Они названы последними. Указание на покорённых меркитов, которые должны быть включены в монгольскую армию, означает, что группа, подчинённая Куду, или какая-то её значительная часть в 1223–1224 г. была разбита и подчинена монголам. Как уже отмечалось выше, меркиты Куду были разбиты на Чэме в 1218 г. в земле канглов. Это указание подтверждает нашу гипотезу о том, что под вторично разбитым ханом Кудузом надо понимать Куду, поддержанного как восточными кыпчаками, так и канглами. Вероятно, вместе с ними на запад бежали остатки найманов и кераитов. В противном случае невозможно объяснить их присутствие в списке покорённых народов, который Субедей передал Чингисхану по завершении рейда. Во-вторых, в биографии Субедея ничего не сообщается о том, что они были покорены именно им. Возникает вполне естественный вопрос, почему в биографии известного полководца ни слова не сказано об этом безусловно значимом военном достижении? Вероятно, это связано с тем, что, согласно биографии Исмаила, разгром канглов, меркитов Куду и восточных кыпчаков осуществлял Джучи с востока.

Судя по всему, Джучи находился в Кулан-баши, когда Джебе направил к нему Исмаила вместе с пленным русским князем Мстиславом (вероятно, Мстиславом Киевским). Битва на Калке состоялась в конце мая 1223 г. Согласно Ибн ал-Асиру, корпус попытался прорваться на восток через Волжскую Булгарию в конце 620 г.х., т. е. в декабре 1223 – январе 1224 г., однако потерпел поражение и был разгромлен. После этого его остатки в количестве 4 000 человек пересекли Волгу в её нижнем течении в районе Саксина [14: 48; 71: 224]. Следовательно, корпус находился в междуречье Дона и Волги, куда он ушёл после битвы (Ибн ал-Асир подчёркивает, что торговые пути были перекрыты до ухода монголов на восток) все лето и осень 1223 г. и только зимой совершил неудачную попытку прорыва. Но летом 1223 г. Джучи находился в Кулан-баши (куда он отправился в конце зимы – начале весны того же года). Следовательно, Джебе приказал Исмаилу доставить Мстислава именно туда.

Д. Бойл полагал, что под Кулан-баши надо понимать местность между реками Арыс и Талас, по пути из Чимкента в Тараз, известной своим холодным климатом [11: 571]. Эту локализацию недавно поддержал К. Ускенбай [50: 28]. Однако её соотнесение с текстом Джувеини вызывает определённые сложности. Во-первых, неясна идентификация города Утука [AWTQWA], который, согласно источнику, располагался в Кулан-баши [11: 95, 571]. Древняя топонимика этого региона в целом

хорошо освещена источниками, и населенного пункта с таким или похожим названием там не фиксируется. Во-вторых, дополнительные сомнения вызывает факт доставки в Кулан-баши уйгурских вельмож для суда над ними. Возможно, речь идёт об известном по китайским источникам городе Гутаба [Хутукбай], расположенном к западу от Бешбалыка и Чамбалыка, на дороге из Урумчи в Кульджу, между Урумчи и Манасом [6: 96].

В целом эта локализация подтверждается и содержанием текста Рашид ад-Дина. Стоит правда учитывать, что все его датировки сбиты на год из-за попытки совместить реальную хронологию событий с ошибочными датировками «Истинной летописи Чингиз-хана». Поэтому общеимперский курултай, который он датирует летом – осенью 1224 г., в реальности произошёл летом – осенью 1223 г. Согласно автору, когда Чингисхан «дошел до пределов своих орд» его встретили сыновья Толуя – одиннадцатилетний Хубилай и девятилетний Хулагу; указывается место встречи: «на границе земли найманов близ Имиль-Коджина, на другом берегу реки Или, вблизи земли уйгуров»; затем в местности Бука-Суджикю (упоминание о ней отсутствует в переводе В.М. Текстона) Чингисхан «повелел разбить большую золотую орду, устроить [многолюдное] собрание и сделать великое пиршество»; был осуждён за два проступка, но затем прощён Темуге-Отчигин, причём одну из провинностей он совершил во время облавной охоты, проводившейся там же в то же время; весной года Курицы, соответствующего 622 г.х. (1225 г.) «Чингисхан расположился в своих ордах» [39: 229–230; 70: 260–261].

Источник даёт предельно чёткую географическую локализацию событий. Эта местность располагалась к востоку от реки Или, на границе «земли найманов» (которой, как известно, являлся Иртыш), недалеко от земли уйгуров, рядом с «Имиль-Коджин». В последнем топониме легко узнаётся река Эмиль (либо одноименный город, находящийся рядом с ней) и находящаяся недалеко от неё местность Хочжи или Хучжир. Она упоминается в биографиях Субедея и Елюя Силяна, причём, либо, как объект, располагающийся недалеко от Эмиля, либо в связке с ним [6: 37, 74, 236; 69: 58]. В целом эта локализация полностью совпадает с теми характеристиками, которые даёт текст Джувейни для Кулан-баши (близость земли уйгуров, город Гутаба или Хутукбай). Судя по всему, Чингисхан добрался до своего лагеря, который оставался в этом регионе с лета-осени 1219 г., когда монгольская армия ушла от Иртыша к Отрару.

Автор явно описывает курултай – собрание знати, созванное по воле правителя, сопровождаемое установкой золотой юрты и пирами. О статусе этого мероприятия говорит факт участия в нём прибывшего

из Монголии Темуге-Отчигина. Согласно «Тайной истории монголов», отправляясь в поход против хорезмшаха, Чингисхан отставил своего младшего брата управлять Великим Аурухом (главной ордой в Монголии) [16: 187; 64: 189, 940]. Именно там, недалеко от реки Керулен, в апреле 1221 г. Темуге-Отчигина посетил Чан Чунь, направлявшийся на встречу с Чингисханом [6: 16]. При этом сообщается об организации Чингисханом облавной охоты в это время.

Можно заключить, что в текстах Джувейни и Рашид ад-Дина речь идёт об одном и том же событии – курултае, состоявшемся недалеко от Иртыша в 1223 г., на котором обязаны были присутствовать все члены «золотого рода», в том числе Джучи, его братья и Темуге-Отчигин, прибывший из Монголии. Рашид ад-Дин не упоминает о прибытии Джучи, однако в его описании в принципе нет указаний на личности участников, исключая провинившегося брата Чингисхана и двух его малолетних внуков, заслуживших одобрение.

Согласно Джувейни, Джучи из Кулан-баши вернулся в Дешт-и-Кыпчак, где и умер [11: 183]. О поездке Джучи в Кулан-баши и о возвращении оттуда в Дешт-и-Кыпчак после завершения курултая говорит и Хондемир, который, судя по всему, опирался на какое-то более полное описание этого события [66: 26]. Именно об этом возвращении как о походе на канглов, столкновении с Куду и разгроме кыпчаков, говорится в биографии Исмаила. Косвенно на него указывает и уже приводившееся сообщение Джузджани о совместном продвижении Джучи и Чагатая в Дешт-и-Кыпчак и покорении местных кочевых племён. Очевидно, что речь не могла идти о походе, в который отправился Джучи сразу после падения Ургенча. Передвижения Чагатая в период с 1221 по 1223 г. хорошо известны. Все это время он вместе с отцом и братьями участвовал в покорении Хорасана, а затем присутствовал на курултаях на Фанакете (весна 1223 г.) и на Эмиле (лето–осень 1223 г.). Следовательно, вместе с Джучи он мог быть направлен в Дешт-и-Кыпчак только в конце лета – осенью 1223 г., после того как завершилось собрание на Иртыше.

Сообщения этих источников вполне соотносятся с описанием действий корпуса после битвы на Калке у Ибн ал-Асира. Ключевой проблемой его рассказа является неясность мотивов руководства корпуса. Как уже отмечалось выше, после битвы на Калке войско Джебе и Субедея полгода пребывало где-то в междуречье Дона и Волги, при этом перекрыв торговые пути. Только зимой 1223–1224 гг. корпус попытался прорваться через Волжскую Булгарию, но был разгромлен и затем перешёл Волгу в районе Саксина. Причиной этой задержки, вероятно, были большие потери в битве на Калке. Сил корпуса не хватало для того, чтобы пробиться через территорию

Волжской Булгарии и восточных кыпчаков и их союзников канглов, найманов и кераитов, видимо, консолидировавшихся вокруг меркитов Куду. Попытка объяснить эту задержку ожиданием установления на Волге ледяного покрова не может быть принята. Во-первых, Дон монголы пересекли явно летом, не встретив никакого сопротивления. Во-вторых, Ибн ал-Асир датирует концом 620 г.х., т.е. декабрём 1223 – январём 1224 г. именно закончившуюся провалом попытку прорыва через территорию Волжской Булгарии. Сейчас Волга замерзает в верхнем и среднем течении в конце ноября, в нижнем – в начале декабря. Как обстояло дело в XIII в. – сказать сложно, однако если бы проблема ограничивалась исключительно наличием или отсутствием ледяного покрова, корпусу ничего не стоило бы подождать полмесяца и перейти Волгу рядом с Саксином, где вскоре после разгрома её перешли 4 000 выживших. При этом, судя по всему, они не столкнулись с каким-либо сопротивлением. На решения Джебе и Субедея явно влияли другие факторы: боеспособность антимонгольской коалиции и подход армии Джучи с востока.

Стоит отметить, что существует иная трактовка этого сообщения Ибн ал-Асира. Её сторонники указывают на то, что из текста источника не вполне понятно, к чему относится указание на 4 000 человек: к остаткам корпуса, перешедшим Волгу в районе Саксина или же к отряду, попавшему в болгарскую засаду [44: 288–289; 52: 98]. Однако эта неясность присутствует только в русском переводе В.Г. Тизенгаузена. В переводе Д. Ричардса, который на настоящий момент считается наиболее точным, ясно говорится о двух группах монголов – одной, попавшей в засаду и практически уничтоженной, и второй, перешедшей Волгу в районе Сакисна и насчитывающей 4 000 человек: «Большинство из них были убиты, и лишь немногим удалось спастись. Однако есть и другая версия. Их было около четырёх тысяч, и они отправились в Саксин по пути обратно к своему правителю, Чингисхану...» [71: 224]. Итак, согласно источнику, зимой 1223–1224 г. Волгу пересекли только 4 000 воинов армии Джебе и Субедея. Поэтому сторонники версии, согласно которой именно корпус занимался разгромом восточных кыпчаков, меркитов Куду и канглов, должны исходить именно из такой его численности.

Эта обширная реконструкция политических событий, связанных с монгольским наступлением на запад 1222–1223 г., необходима для данного исследования потому, что она позволяет прояснить политические решения руководства корпуса, принятые им в период после разгрома западных кыпчаков и до битвы на Калке. Ключевым препятствием для дальнейшего продвижения на запад для монголов был союз восточных кыпчаков ольберли, меркитов Куду и, видимо,

примкнувших к ним канглов и остатков найманов и кераитов, который контролировал регион к востоку от Волги. Для двойного удара по ним (Джучи с востока, а корпус с запада) необходимы были мирные отношения с западными кыпчаками. Причины срыва первоначального плана, который выразился в отзыве Джучи на восток зимой 1222–1223 гг. и разгроме корпусом западных кыпчаков, до конца не ясны. Но корпус не мог реализовать поставленные задачи самостоятельно. Столкновение с алано-кыпчакской коалицией, которое закончилось для Джебей и Субедея неудачно (проблему пришлось решать через заключение мира с западными кыпчаками), демонстрирует, что возможности трех монгольских туменов были далеко не безграничны. Очевидно, что руководству корпуса необходимо было усиливать свой военный потенциал, а это было возможно только через установление связей с другими этническими или племенными группами региона.

Готовность русских князей поддержать кыпчаков и отправиться в рискованный поход в степь традиционно объясняется близкими родственными и союзными связями Рюриковичей и кочевников. Очевидно, что и эта причина сыграла свою роль. Однако прямое содержание сообщений летописей позволяет заключить, что у этого решения были вполне прагматические мотивы.

Хан Котян следующим образом убеждал своего зятя Мстислава Галицкого: «...сегодня отняли нашу землю, а завтра придут и отнимут вашу». В свою очередь Мстислав, обращаясь к русским князьям, аргументировал необходимость помощи кыпчакам следующим образом: «...братья, если мы им [кыпчакам] не поможем, то они [кыпчаки] могут перейти к ним [монголам] и их [монголов] сила увеличится» [22: 265].

На основании этих сообщений можно сделать два вывода. Во-первых, и русскими, и кыпчаками весной 1223 г. корпус Джебей и Субедея воспринимался как оккупационная армия, которая захватила владения одних и вполне могла нацелиться на владения других. На её скорый уход никто не надеялся. Во-вторых, по какой-то причине русские князья опасались того, что монголы не ограничатся захватом кыпчакских территорий, а починят себе самих кочевников, значительно увеличив свой военный потенциал.

Содержание биографии Субедея в Юань ши позволяет заключить, что эти опасения были вполне обоснованы: «Дошли и встретились с их [кыпчаков] главарями Юрием и Татауром, которые как раз собрались вместе у реки Буцзу. [Субэтай] пустил воинов в решительную атаку, рассеял и разогнал их людей. Был поражён стрелой сын Юрия, который сбежал в леса. Его рабы явились [к монголам] с донесением и его [сына Юрия] схватили, остальные целиком покорились [монголам], после чего [монголы] заняли их [кыпчаков] пределы. Также дошли

до реки Калки, встретились и имели одно сражение со старшим и младшим Мстиславами племени русских, которые сдались. Усмирили земли племени алан и вернулись. Рабы кыпчаков ходатайствовали о начальнике над ними, а Субэтай отпустил их в качестве вольного народа. Когда [он] вернулся, об этом стало известно, и император сказал так: «Рабы, которые не соблюдают верности господину, разве будут готовы стать верными другим?» и потому казнил их. Добавим к тому же, что [Субэтай] подал доклад трону, чтобы “тысячи” из меркитов, найманов, кирей, канглов и кыпчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингисхан] последовал ему» [55: 228].

Источник опять же говорит о захвате монголами владений западных кыпчаков. Более того, сообщается о неких «рабах кыпчаков», которые содействовали в поимке сына Юрия Кончаковича, подчинились власти Джебе и Субедея, и проследовали вместе с ними в Монголию. Это прямое свидетельство того, что руководство корпуса весной 1223 г., взяв под контроль территории западных кыпчаков, проводило политику по включению подчинённых им коллективов в свою военную структуру. Ту политику, которую так опасались русские князья. Можно было бы предположить, что под «рабами кыпчаков» нужно понимать бродников. Однако то немногое, что мы знаем об отношениях этих двух групп, населявших степи Восточной Европы, скорее говорит о военном сотрудничестве по типу альянса. Оснований говорить о том, что бродники были подчинены кыпчакам, всё же нет. Вероятно, речь идёт о подконтрольном кыпчакам кочевом населении. В русских летописях неоднократно упоминаются подчинённые кыпчакам кочевые коллективы прежних хозяев восточноевропейских степей – торков и печенегов. Хотя они частично подчинялись кыпчакам, при наличии удобных обстоятельств стремились выйти из зависимости. Кыпчаки же, в свою очередь, всячески пытались вернуть над ними контроль [26: 78–106; 38: 19–112; 41: 244–245; 46: 140].

Включение этих «рабов кыпчаков» в военную структуру корпуса полностью проясняет загадку присутствия бродников в битве на Калке и статуса Плоскыни, который гарантировал русским князьям безопасность. Вероятно, после разгрома западных кыпчаков руководство корпуса начало трансформацию их политики, включая подчинённые им коллективы в монгольскую военную иерархию. В то же время Джебе и Субедей привлекали к сотрудничеству коллективы, находящиеся с западными кыпчаками в менее ясных отношениях. Если противоречивое сообщение египетских источников о подчинении кыпчаков токсоба Джучи (в реальности власти корпуса, действующего от его имени) действительно отражает историческую реальность, то оно даёт ещё одно подтверждение проведению подобной политики.

Это означает, что руководство корпуса привлекало на свою сторону не только подчинённые, «неполноправные», но и собственно кыпчакские коллективы, по каким-то причинам утратившие свои позиции в степи. Примечательно, что именно с племенем токсоба бродники взаимодействовали в качестве союзников в 1147 г.

Учитывая описанный статус Плоскыни и все вышеизложенные данные, можно заключить, что после разгрома на Буге (Буцзу) зимой 1222–1223 гг. корпус взял под контроль обширные территории кыпчаков, простирающиеся вплоть до Днестра. Бродники или их часть под руководством Плоскыни приняли условия Джебе и Субедея, вероятно, получив статус младших союзников, что в монгольской политической картине мира означало признание власти империи.

На то, что проблема взаимодействия или противостояния монголам была актуальна для населения низовьев Днестра, указывает и участие в русско-кыпчакской коалиции «галицких выгонцев». Согласно Ипатьевской летописи, «а выгонци Галичкыя придоша по Днѣпроу . и воиidoша в море . бѣ бо лoдeи тыcяцa . и воидoшa вo . Днѣпрѣ . и возведoшa порoгы и стaшa oу рѣкы Хорѣтиць . нa брoдoу oу Прoтoлчи . бѣ бо с ними Дoмaмѣричь Юрьги и Держикрaи . Володислaвичь пришедши же вѣсти вo стaны» [27: 508]. Указание на Днепр в данном случае является ошибкой переписчика, так как в других летописных текстах указан Днестр. Господствующее в историографии мнение состоит в том, что «галицкие выгонцы» жили по Днестру к югу от Галицко-Волынского княжества [48: 236]. Судя по всему, «выгонцы» идентичны «толковинам» более ранних летописных сообщений и являлись славянским населением низовьев Днестра. Основой их хозяйственного уклада являлось скотоводство (термины «выгон» и «толок» в древнерусском – синонимы, обозначали поле, предназначенное для выпаса скота) [45: 55–74]. Таким образом, источники указывают на то, что две ключевые славянские группы региона нижнего течения Днестра (бродники и выгонцы) заняли разные стороны в сложившемся на тот момент военном противостоянии. Фактически в мае 1223 г. в степи к востоку от Днепра столкнулись две коалиции. С одной стороны, выступали корпус Джебе и Субедея, бродники Плоскыни, «рабы кыпчаков» (вероятно, торки и печенеги) и, возможно, кыпчаки токсоба, а с другой – дуруты Котяня и другие западнокыпчакские орды, дружины русских князей и «галицкие выгонцы». То, что на Руси сложившаяся в степи ситуация рассматривалась как крайне серьёзная, подтверждается отправкой так и не успевших подкреплений из Владимиро-Суздальского княжества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья. Очерки этнической и политической истории. Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 308 с.
2. Архимандрит Антонин (Капустин А.И.). Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 595–628.
3. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Издание исправленное. Алматы: Гылым, 1995. 269 с.
4. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2: Исследование. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1900. 573 с.
5. Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. СПб.: Типография Общественная польза, 1892. 177 с.
6. Бретшнейдер Э.В. Азия и Европа в эпоху средневековья: сравнительные исследования источников по географии и истории Центральной и Западной Азии XIII–XVII веков (послел. И.В. Кучумова). Башкортостан. СПб.: Свое издательство, 2018. 560 с.
7. Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII вв.). Киев: Логос, 1997. 220 с.
8. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь: Леан; Москва: Аграф, 1997. 480 с.
9. Воротынцев Л.В. Ордынский фронтир: контактные зоны лесостепного пограничья Южной Руси в XIII – первой половине XV вв. Казань: Отечество, 2022. 349 с.
10. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев: Ун-т. тип, 1884. 257 с.
11. Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
12. Дробышев Ю.И. Чингисхан и идея мирового господства // Восток (Oriens). 2024. № 1. С. 80–90.
13. Єремєєв П.В. Військові плани монголів що до Половецького степу та їх трансформація в ході дальнього рейду Субедея і Джебе (наперед одні першого русько-монгольського зіткнення) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 2008. № 11. С. 36–43.
14. История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.
15. Исхаков Д.М., Закирова И.Г. К вопросу о присутствии в Западной Сибири следов домонгольских кыпчаков (на основе анализа дастана «Ак күбәк») // Золотоордынское обозрение. 2022. № 3. С. 504–522.
16. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
17. Кононов А.Н. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 284 с.

18. *Кушкумбаев А.К.* Сведения казахских шежере по истории средневековых кыпчаков // Дешті Кыпшақтың орта ғасырлық тарихы» атты Халықаралық ғылыми конференция. 2017 жылдың 13–14 қыркүйүті. Павлодар: «ЭКО» ГӨФЖШС, 2018. С. 76–82.

19. *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде. Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2022. С. 30–42.

20. *Миргалеев И.М.* Джучи – первый правитель улуса // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 72–77.

21. *Мункуев Н.Ц.* Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М.: Наука, 1975. 288 с.

22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: АН СССР, 1950. 642 с.

23. *Оллсен Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2008. С. 351–362.

24. *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.

25. *Плетнева С.А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.

26. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Ломоносовъ, 2010. 216 с.

27. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. II. СПб., 1908. 638 с.

28. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1927. 379 с.

29. *Порсин А.А.* Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан: «Гылым» баспасы, 2020. 424 с.

30. *Порсин А.А.* Джучи, Хан-Султан и несостоявшийся поход на запад // Джучи: личность, эпоха, память: сб. науч. ст. / отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Алматы, 2020. С. 49–119.

31. *Порсин А.А.* Джучи. Несостоявшийся наследник. Астана, 2023. 392 с.

32. *Порсин А.А.* Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. 2023. № 1. С. 24–36.

33. *Порсин А.А.* Политическая цензура и историческая пропаганда в монгольских государствах XIII – начала XIV веков на примере сюжета о взятии Ургенча // Stratum plus. 2024. № 5. С. 333–348.

34. *Порсин А.А., Джунисова З.М.* Восточные и западные венгры в улусах Чагатай и Джучи // Stratum plus. 2023. № 5. С. 307–335.

35. *Поу С.* Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоордынское обозрение. 2017. № 4. С. 698–725.

36. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006. 350 с.

37. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.

38. *Расовский Д.А.* Половцы. Черные клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. М.: ЦИВОИ, 2012. 238 с.
39. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. I, ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
40. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 248 с.
41. *Рыбаков Б.А.* Торческ – город Черных Клобуков // Археологические открытия. М., 1967. С. 244–245.
42. *Сабитов Ж.М.* Хронология Западного похода 1235–43 годов // Вестник Евразийского Национального Университета. 2011. № 5. С. 180–183.
43. *Сабитов Ж.М.* К вопросу о добровольном подчинении некоторых кыпчакских племен монголам в 1220–1230-е годы // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 958–961.
44. *Ставицкий В.В.* Проблема локализации битвы 1223 года монголов с волжскими булгарами // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 282–291.
45. *Суляк С.Г.* «Яже суть толковины»: к проблеме хозяйственного уклада древнерусского населения Карпато-Днестровских земель // Русин. 2014. № 2 (36). С. 55–75.
46. *Тайди Т.Ю.* Союз Черных клобуков (тюркское объединение на Руси в XI–XIII вв.). Киев, 2005. 222 с.
47. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* О новых тенденциях в изучении истории монгольских завоеваний: на примере статьи Стивена Поу «Последняя кампания и смерть Джебе-нойона» // Золотоордынское обозрение. 2018. № 3. С. 596–617.
48. *Тельнов Н.П., Степанов В.П., Руссев Н.Д. и др.* «И ... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI–XIII вв. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 240 с.
49. *Темирғалиев Р.Д.* Джучи – правитель Дешт-и-Кипчака // GLOBAL-Turk. 2016. № 1. С. 131–149.
50. *Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожа М.Б. и др.* Мавзолей Джучи-хана: история исследования. Самарканд: Международный институт центрально-азиатских исследований, 2024. 284 с.
51. *Успенский Ф.И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879. 354 с.
52. *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
53. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 196 с.
54. *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

55. *Храпачевский Р.П.* Золотая Орда в источниках. III: Китайские и монгольские источники. М., 2009. 336 с.
56. *Храпачевский Р.П.* Половцы-куны в Волго-Уральском междуречье. М.: ЦИВОИ, 2013. 126 с.
57. *Храпачевский Р.П.* Отражение монгольских первоисточников XIII века в династийной истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Татьяны Михайловны Калининой / отв. ред. тома Б.Е. Рашковский, Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 510–523.
58. *Шихаб ад-дин ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дин Манкбурны). М.: Восточная литература, 1996. 798 с.
59. *Шушарин В.П.* Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // История СССР. 1978. Т. 2. С. 38–53.
60. *Юрченко А.Г.* Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
61. *Atwood C.* Jochi and the Early Western Campaigns // *How Mongolia Matters: War, Law, and Society.* Leiden: Brill, 2017. P. 35–56.
62. *Atwood C.* Rashīd al-Dīn's Ghazanid chronicle and its Mongolian sources // *New Approaches to Ilkhanid History /* May, Timothy; Dashdondog, Bayarsaikhan; Atwood, Christopher P. (eds). Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 53–121.
63. *Dawson C.* Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. New York, 1979. 246 p.
64. *De Rachewiltz I.* The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. II vols. Leiden: Brill, 2004. 1350 p.
65. *Györfy György.* Az Árpád-kori magyar történeti földrajza. IV. k. Budapest, 1998.
66. *Khwandamir.* Habibu's-Siyar. The reign of the Mongol and the Turk. III / translated and edited by W.M. Thackston. 1994. 306 p.
67. *Maiorov A.V.* The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // *Journal of the Royal Asiatic Society.* 2022. № 32. P. 411–438.
68. *Pelliot P., Hambis L.* Histoire des campagnes de Gengis Khan. Chengwouts'in-tchenglou. Leiden, 1951. 485 p.
69. *Pow S., Liao J.* Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi) // *Journal of Chinese Military History.* № 7. Leiden: Brill, 2018. P. 37–76.
70. *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols.* Thackston, Wheeler M. (tr.). Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. 899 p.

71. Richards D.S. The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rikh. Part 3: The Years 589–629/1193–1231 // The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace. 2008. Vol. 3. 344 p.

72. Rimanyi A. Closing the Steppe Highway: A New Perspective on the Travels of Friar Julian of Hungary. Annual of Medieval Studies at CEU. 24. Budapest: Central European University, 2018. P. 99–113.

73. *Tabakat-i-Nasiri*. A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman Jawzani. II. London: Gilbert and Rivington, 1881. 1296 p.

REFERENCES

1. Antonov, I.V. (2012) *Bashkiry v epokhu srednevekov'ya. Ocherki etnicheskoj i politicheskoj istorii* [Bashkirs in the Middle Ages. Essays on Ethnic and Political History]. Ufa: IP Galiullin D.A.

2. Archimandrite Antonin (Kapustin, A.I.) (1863) Zаметки XII–XV века, otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare [Notes from the 12th–15th centuries related to the Crimean city of Sugdeya (Sudak), attributed to the Greek Synaxarion]. *ZOOID*. 5. pp. 595–628.

3. Akhinzhanov, S.M. (1995) *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan]. Almaty: Gylm.

4. Bartold, V.V. (1900) *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan during the Mongol invasion]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Kirshbaum.

5. Batyushkov, P.N. (1892) *Bessarabiya. Istoricheskoe opisanie* [Bessarabia. Historical Description]. St. Petersburg: Tipografiya Obshchestvennaya pol'za.

6. Bretschneider, E.V. (2018) *Aziya i Evropa v epokhu srednevekov'ya: sravnitel'nye issledovaniya istochnikov po geografii i istorii Tsentral'noy i Zapadnoy Azii XIII–XVII vekov* [Asia and Europe in the Middle Ages: Comparative Studies of Sources on the Geography and History of Central and Western Asia in the 13th–17th Centuries]. Bashkortostan; St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo.

7. Bubenok, O.B. (1997) *Yasy i brodniki v stepyakh Vostochnoy Yevropy (VI – nachalo XIII vv.)*. [Yassy and Brodnici in the steppes of Eastern Europe (6th – early 13th century)]. Kyiv: Logos.

8. Vernadsky, G.V. (1997) *Mongoly i Rus'* [Mongols and Rus']. Tver: Lean; Moscow: Agraf.

9. Vorotyntsev, L.V. (2022) *Ordynskiy frontir: kontaktnye zony lesostepnogo pogranch'ya Yuzhnoy Rusi v XIII – pervoy polovine XV vv.* [Horde Frontier: Contact Zones of the Forest-Steppe Borderland of Southern Rus' in the 13th – First Half of the 15th Centuries]. Kazan: Otechestvo.

10. Golubovsky, P.V. (1884) *Pechenegi, torki i polovtsy k nashestviyu tatar. Istoriya yuzhnorusskikh stepey VI–XIII vv.* [Pechenegs, Torks and Polovtsians

before the Tatar invasion. History of the southern Russian steppes in the 9th–13th centuries.]. Kyiv: Un-t. tip.

11. Juvayni. (2004) *Chingiskhan. Istoriya zavoevatel'nykh mira* [Genghis Khan. The History of the World Conqueror]. Moscow: Magistr-Press.

12. Drobyshev, Yu.I. (2024) Chingiskhan i ideya mirovogo gospodstva [Genghis Khan and the Idea of World Domination]. *Vostok*. 1. pp. 80–90.

13. Eremeev, P.V. (2008) Viys'kovi plani mongoleiv shcho do Polovets'kogo stepu ta i'kh transformatsiya v khodi dal'n'ogo reydu Subedeya i Dzhebe (napered odni pershogo rus'ko-mongol'skogo zitknennya) [The military plans of the Mongols to the Polovtsian Steppe and their transformation during the long-distance raid of Subedei and Jebe (before one of the first Russian-Mongolian invasions)]. *Aktual'ni problemi vitchiznyanoi ta vsesvitn'oi istorii*. 11. pp. 36–43.

14. Abuseitova, M.Kh. et al. (eds) (2005) *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Arabic Sources]. Vol. 1. Almaty: Dayk-Press.

15. Iskhakov, D.M. & Zakirova, I.G. (2022) K voprosu o prisutstvii v Zapadnoy Sibiri sledov domongol'skikh kypchakov (na osnove analiza dastana "Ak kybək") [On pre-Mongol Kipchaks in Western Siberia (based on the analysis of the dastan "Ak kubək")]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 3. pp. 504–522.

16. Kozin, S.A. (1941) *Sokrovennoye skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g.* [Secret Tale. Mongolian Chronicle of 1240]. Moscow: USSR AS.

17. Kononov, A.N. (1958) *Sochinenie Abu-l-Gazy, khana khivinskogo* [The work of Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

18. Kushkumbaev, A.K. (2018) Svedeniya kazakhskikh shezhere po istorii srednevekovykh kypchakov [Information from Kazakh shezhere on the history of medieval Kipchaks]. *Deshti Kypshak, tyñ orta ğasyrlyk tarikhy atty Khalyk, aralyk, ğylymi konferentsiya*. 2017 zhilishch 13–14 Irkutii. Pavlodar: "EKO" GÖFZhShS. pp. 76–82.

19. Kychanov, E.I. (2022) Svedeniya iz "Istorii dinastii Yuan" ("Yuan' shi") o Zolotoy Orde. [Information from the "History of the Yuan Dynasty" ("Yuan shi") about the Golden Horde]. In: Usmanov, M.A. (ed.) *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan: AS RT. pp. 30–42.

20. Mirgaleev, I.M. (2016) Dzhuchi – pervyy pravitel' ulusa [Jochi is the first ruler of the ulus]. In: Mirgaleev, I.M. (ed.) *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan: AS RT. pp. 72–77.

21. Munkuev, N.T. (1975) *Men-da bey-lu ("Polnoe opisanie mongolo-tatar")* [Men-da bei-lu ("Complete description of the Mongol-Tatars")]. Moscow: Nauka.

22. Nasonov, A.N. (ed.) (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

23. Ollsen, T. (2008) Preludiviya k zapadnym pokhodam: mongol'skie voen-

nye operatsii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godakh [Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region in 1217–1237]. In: Evglevskiy, A.V. (ed.) *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya* [The Steppes of Europe in the Middle Ages]. Donetsk: DonNU. pp. 351–362.

24. Pashuto, V.T. (1968) *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [Foreign Policy of Old Rus]. Moscow: Nauka.

25. Pletnevaya, S.A. (1975) *Polovetskaya zemlya* [Polovtsian Land]. In: Beskrovnyy, L.G. (ed.) *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [Old Russian Principalities of the 10th–13th Centuries]. Moscow: Nauka. pp. 260–300.

26. Pletnevaya, S.A. (2010) *Polovtsy* [Polovtsians]. Moscow: Lomonosov.

27. Anon. (1908) *Ipat'evskaya letopis'* [The Hypatian Codex]. In: Shakhmatov, A.A. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. II. St. Petersburg: [s.n.].

28. Anon. (1926–1927) *Lavrent'evskaya letopis'* [The Laurentian Codex]. In: Karskiy, I.F. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.

29. Porsin, A.A. (2020) *Berke. Musul'manin na mongol'skom trone* [Berke: A Muslim on the Mongol Throne]. Nur-Sultan: “Gylm” baspasy.

30. Porsin, A.A. (2020) *Dzhuchi, Khan Sultan i nesostoyavshiysya pokhod na zapad* [Jochi, Khan Sultan and the Failed Campaign to the West]. In: Kushkumbaev, A.K. (ed.) *Dzhuchi: lichnost', epokha, pamyat'* [Jochi: Personality, Era, Memory]. Almaty [s.n.]. pp. 49–119.

31. Porsin, A.A. (2023) *Dzhuchi. Nesostoyavshiysya naslednik* [Jochi. The Failed Heir]. Astana: [s.n.].

32. Porsin, A.A. (2023) *Protsess po delu ob otravlenii kaana Ugedeya v kontekste protivorechiy raznykh grupp istochnikov* [The trial of the poisoning of Kaan Ogedei in the context of contradictions in different groups of sources]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 1. pp. 24–36.

33. Porsin, A.A. (2024) *Politicheskaya tsenzura i istoricheskaya propaganda v mongol'skikh gosudarstvakh XIII – nachala XIV vekov na primere syuzheta o vzyatii Urgench* [Political Censorship and Historical Propaganda in the Mongolian States of the 13th – early 14th Centuries, as Illustrated by the Story of the Capture of Urgench]. *Stratum plus*. 5. pp. 333–348.

34. Porsin, A.A. & Dzhunisova, Z.M. (2023) *Vostochnye i zapadnye vengry v ulusakh Chagataya i Dzhuchi* [Eastern and Western Hungarians in the Uluses of Chagatai and Jochi]. *Stratum plus*. 5. pp. 307–335.

35. Pow, S. (2017) *Poslednyaya kampaniya i smert' Dzhebe-noyona* [The Last Campaign and the Death of Jebe Noyon]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 4. pp. 698–725.

36. Pochekaev, R.Yu. (2006) *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu. The Khan Who Was Not a Khan]. Moscow: AST.

37. da Pian del Carpine, G. & de Rubrouck. (1957) *Puteshestviya v vostochnye*

strany Plano Karpini i Rubruka [Travels to the eastern countries of Pian del Carpine and de Rubrouck]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry.

38. Rasovskiy, D.A. (2012) *Polovtsy. Chernye klobuki: pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Vengrii* [Polovtsy. Black Hoods: Pechenegs, Torks, and Berendeys in Rus' and Hungary]. Moscow: TsIVOI.

39. Rashid ad-Din. (1952) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. I(2). Moscow; Leningrad: USSR AS.

40. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Collection of Chronicles]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.

41. Rybakov, B.A. (1967) Torchesk – gorod Chernykh Klobukov [Torchesk – the city of Black Hoods]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. Moscow: [s.n.]. pp. 244–245.

42. Sabitov, Zh.M. (2011) Khronologiya Zapadnogo pokhoda 1235–43 godov [Chronology of the Western Campaign 1235–1243]. *Vestnik Evraziyskogo Natsional'nogo Universiteta*. 5. pp. 180–183.

43. Sabitov, Zh.M. (2015) K voprosu o dobrovol'nom podchinenii nekotorykh kypchakskikh plemen mongolam v 1220–1230-e gody [On the voluntary submission of some Kipchak tribes to the Mongols in the 1220–1230s]. *Moloday uchenyy*. 10. pp. 958–961.

44. Stavitskiy, V.V. (2024) Problema lokalizatsii bitvy 1223 goda mongolov s volzhskimi bulgarami [The problem of localization of the 1223 battle of the Mongols with the Volga Bulgarians]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 12(2). pp. 282–291.

45. Sulyak, S.G. (2014) “What are the Essence of Interpretations”: On the Problem of the Economic Structure of the Old Russian Population of the Carpathian-Dniester Lands. *Rusin*. 2(36). pp. 55–75 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/36/3

46. Taydi, T.Yu. (2005) *Soyuz Chernykh klobukov (tyurkskoe ob"edineniye na Rusi v XI-XIII vv.)*. [Union of Black Hoods (Turkic Association in Rus' in the 11th–13th Centuries)]. Kyiv: [s.n.].

47. Timokhin, D.M. & Tishin, V.V. (2018) O novykh tendentsiyakh v izuchenii istorii mongol'skikh zavoevaniy: na primere stat'i Stivena Pou “Poslednyaya kompaniya i smert' Dzhebe-noyona” [On New Trends in the Study of the History of the Mongol Conquests: Based on Stephen Pow's Article “The Last Campaign and the Death of Jebe Noyon.”]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 3. pp. 596–617.

48. Telnov, N.P., Stepanov, V.P., Russev, N.D. et al. (2002) “I ... razoshlis' slavyane po zemle.” *Iz istorii Karpato-Dnestrovskikh zemel' VI–XIII vv.* [“And ... the Slavs dispersed throughout the land.” From the history of the Carpathian-Dniester lands of the 9th – 13th centuries]. Chisinau: Higher Anthropological School.

49. Temirgaliev, R.D. (2016) Dzhuchi – pravitel' Desht-i-Kipchaka [Jochi is the ruler of Desht-i-Kipchak]. *GLOBAL-Turk*. 1. pp. 131–149.

50. Usmanova, E.R., Uskenbay, K.Z., Kozha, M.B. et al. (2024) *Mavzoley Dzhuchikhana: istoriya issledovaniya* [The Mausoleum of Jochi Khan: History of Research]. Samarkand: International Institute of Central Asian Studies.

51. Uspenskiy, F.I. (1879) *Obrazovanie Vtorogo Bolgarskogo tsarstva* [Formation of the Second Bulgarian Kingdom]. Odessa: [s.n.].

52. Fakhrutdinov, R.G. (1984) *Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii* [Essays on the history of Volga Bulgaria]. Moscow: Nauka.

53. Khara-Davan, E. (1991) *Chingis-khan kak polkovodets i ego nasledie* [Genghis Khan as a military leader and his legacy]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo.

54. Khautala, R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany"*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of India" to "the hated plebs of Satan." An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Vol. 2. Kazan: AS RT.

55. Khrapachevskiy, R.P. (2009) *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitayskie i mongol'skie istochniki* [Golden Horde in sources. Chinese and Mongolian sources]. Vol. 3. Moscow: [s.n.].

56. Khrapachevskiy, R.P. (2013) *Polovtsy-kuny v Volgo-Ural'skom mezhdurech'e* [Cumans-Kuni in the Volga-Ural interfluvium]. Moscow: TsIVOI.

57. Khrapachevskiy, R.P. (2021) Otrazhenie mongol'skikh pervoistochnikov XIII veka v dinastiynoy istorii "Yuan' shi". Na materiale pokhodov mongolov na Rus' i v Vostochnuyu Evropu [Reflection of Mongolian primary sources of the 13th century in the dynastic history of "Yuan shi." Based on the Mongol campaigns against Rus' and Eastern Europe]. In: Rashkovskiy, B.E., Melnikova, E.A. & Litovskikh, E.V. (eds) *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2021 god: Vostochnaya Evropa i mir islama. Kyubileyu Tat'yany Mikhailovny Kalininoy* [The oldest states of Eastern Europe. 2021: Eastern Europe and the world of Islam. On the anniversary of Tatyana Mikhailovna Kalinina]. Moscow: Dmitry Pozharsky University. pp. 510–523.

58. Shikhab ad-din an-Nasavi. (1996) *Sirat as-sultan Dzhahal ad-Din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Din Mankburny)* [Sirat al-Sultan Jalal ad-Din Mankburni (Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburni)]. Moscow: Vostochnaya literatura.

59. Shusharin, V.P. (1978) Svidetel'stva pis'mennykh pamyatnikov korolevstva Vengrii ob etnicheskom sostave naseleniya Vostochnogo Prikarpat'ya pervoy poloviny XIII veka [Evidence from written monuments of the Kingdom of Hungary on the ethnic composition of the population of the Eastern Carpathian region in the first half of the 13th century]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 38–53.

60. Yurchenko, A.G. (2002) *Khristianskiy mir i "Velikaya Mongol'skaya imperiya"*. *Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [The Christian World and the "Great Mongol Empire." Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg: Evraziya.

61. Atwood, C. (2017) *Jochi and the Early Western Campaigns. How Mongolia Matters: War, Law, and Society*. Leiden: Brill. pp. 35–56.

62. Atwood, C. (2020) Rashīd al-Dīn's Ghazanid chronicle and its Mongolian sources. In: May, T., Dashdondog, B. & Atwood, C.P. (eds) *New Approaches to Ilkhanid History*. Leiden; Boston: Brill. pp. 53–121.

63. Dawson, C. (1979) *Mission to Asia: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*. New York: [s.n.].

64. De Rachewiltz, I. (2004) *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Leiden: Brill.

65. Györffy, G. (1998) *Az Árpád-kori magyar történeti földrajza*. Vol. IV. Budapest: [s.n.].

66. Khwandamir. (1994) *Habibu's-Siyar. The reign of the Mongol and the Turk*. Vol. III. Transl. by W.M. Thackston. Cambridge, Massachusetts: Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University

67. Maiorov, A.V. (2022) The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 32. pp. 411–438.

68. Pelliot, P. & Hambis, L. (1951) *Histoire des campagnes de Gengis Khan. Cheng-wouts'in-tchenglou*. Leiden: [s.n.].

69. Pow, S. & Liao, J. (2018) Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi). *Journal of Chinese Military History*. 7. pp. 37–76.

70. Rashiduddin Fazlullah. (1998–1999) *Jami'u't-tawarikh, Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations.

71. Richards, D.S. (2008) The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kāmil fī'l-ta'rikh. Part 3: The Years 589–629/1193–1231. *The Ayyūbids after Saladin and the Mongol Menace*. 3.

72. Rimanyi, A. (2018) Closing the Steppe Highway: A New Perspective on the Travels of Friar Julian of Hungary. *Annual of Medieval Studies at CEU*. 24. Budapest: Central European University. pp. 99–113.

73. Tabakat-i-Nasiri. (1881) *A General History of the Muhammedan Dynasties of Asia, including Hindustan, from 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam by Maulana, Minhaj-ud-Din, Abu-'Umar-i-'Usman Jawzani*. Vol. 2. London: Gilbert and Rivington.

Порсин Артём Александрович – кандидат исторических наук, независимый исследователь, Магнитогорск (Россия).

Artem A. Porsin – independent researcher, Magnitogorsk (Russia).

E-mail: porsinart@gmail.com

УДК 94(470+477+436+438);82-3;82-4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/5

Николай Павлович Глебовицкий: За веру отцов

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Николай Павлович Глебовицкий (9.12.1876–18.11.1918), общественно-политический деятель Галицкой Руси, юрист, депутат австрийского парламента в 1907–1911 гг., один из основателей «неославизма», писатель, публицист. В парламенте отстаивал права галичан, русский язык, боролся с украинофильством. Вместе с К. Крамаржем, И. Хрибаром был инициатором созыва славянского съезда в Праге 13–18 июля 1908 г. Накануне съезда, в мае 1908 г., они втроём как представители славянских партий австрийского парламента приезжали в Россию, где были тепло встречены общественностью. Литературное наследие Н. Глебовицкого невелико, кроме публицистических статей и популярного «Очерка истории политической экономии» (1902), вышло три его книги «Рассказы и очерки. Т. 1» (Львов, 1905), «Этюды и очерки. Т. 2» (Львов, 1906), на галицком наречии «За веру батьков» (Львов, 1911) и она же на русском литературном языке «За веру отцов» (Львов, 1912). Вероятно, перу Н. Глебовицкого принадлежит сатирическое произведение «“Пане Костю, майте кураж” и “Постоли Кирила”». Сатира о украинских великанах Николи Свата» (Львов, 1911). Как писал Ю.А. Яворский, Н. Глебовицкий приобрёл широкую известность «как талантливый и вдумчивый писатель-беллетрист, оставивший не только в местной литературе крупный и яркий след, но далеко выдвинувшийся вместе с тем из её скромных рамок и на более широкий общерусский простор». С началом Первой мировой войны, в августе 1914 г. австрийские власти арестовали Н. Глебовицкого. Он сидел в тюрьмах в Коломые, Шатмар-Немети (Венгрия), Мискольче (Мишкольц (Венгрия)), концлагере Талергоф (Штирия, Австрия). С февраля 1915 г. его перевели в тюрьму г. Пассайль (Штирия). Был освобождён в августе 1917 г. В заключении он заразился чахоткой. Умер 18 ноября 1918 г.

Ключевые слова: Николай Глебовицкий, Галиция, Австро-Венгрия, Российская империя, галицко-русское движение, русины

Nikolay P. Glebovitsky: For the Faith of the Fathers

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Nikolai Pavlovich Glebovitsky (December 9, 1876 – November 18, 1918), a social and political figure of Galician Rus, lawyer, member of the Austrian parliament in 1907–1911, one of the founders of “Neo-Slavism”, writer, and journalist. In the parliament, he defended the rights of Galicians, the Russian language, and fought against Ukrainophilia. Along with Karel Kramář and Ivan Hribar, Glebovitsky initiated the Slavic Congress in Prague on July 13–18, 1908. On the eve of the congress, in May 1908, Kramář, Hribar, and Glebovitsky represented the Slavic parties of the Austrian parliament in Russia, where they were warmly welcomed by the public. Glebovitsky’s literary legacy includes some journalistic articles, the popular “Essay on the History of Political Economy” (1902), three books – *Stories and Essays. Vol. 1* (Lvov, 1905), *Sketches and Essays. Vol. 2* (Lvov, 1906), and *For the Faith of the Fathers* (Lvov, 1911, in Galician dialect; Lvov, 1912, in Russian). He is an alleged author of the satirical *Pane Kostju, majte kurazh i Postoli Kirila. Satire about the Ukrainian giants Nikolai Svat* (Lvov, 1911). According to Yulian A. Yavorsky, Glebovitsky was known as “a talented and thoughtful fiction writer, who not only contributed much to the local literature, but also advanced far into a wider all-Russian space.” With the outbreak of World War I, in August 1914, Glebovitsky was arrested by the Austrian authorities and imprisoned in Kolomyia, Szatmár-Nemethy (Hungary), Miskolc (Miskolc (Hungary)), and the Thalerhof concentration camp (Styria, Austria). In February 1915, he was transferred to the Passail prison (Styria). Glebovitsky was released in August 1917. While in prison, he contracted tuberculosis and died on November 18, 1918.

Keywords: Nikolay Glebovitsky, Galicia, Austria-Hungary, Russian Empire, Galician-Russian movement, Rusins

В своё время имя Н.П. Глебовицкого было довольно известно в Австро-Венгрии и Российской империи как галицко-русского общественно-политического деятеля, адвоката, депутата австрийского парламента, писателя и публициста. Как писала редакция «Славянских

известий» в 1909 г., «Николай Павлович Глебовицкий представляет собою незаурядное явление в родной и близкой нам Зарубежной Руси: сын крестьянина, сравнительно ещё молодой – он успел уже выдвинуться в качестве политического деятеля и стойкого защитника интересов той части русского народа, которая волею судеб отдана во власть чужеземцу. Н.П. Глебовицкий является сторонником идеи объединения всего русского племени с общим языком в житейском обиходе и в литературе – русским; в то же время Глебовицкий усердно работает на поле мирного культурного объединения всех славян в одну семью, сознавая при этом, что естественное главенство в такой семье по праву принадлежит русскому племени. В настоящее время Глебовицкий состоит депутатом венского рейхсрата от русской партии в Галиции. Среди русских беллетристов в Галиции Г. занимает одно из первых мест» [16: 92].

К сожалению, со временем имя Н. Глебовицкого, как, впрочем, и многих других деятелей Карпатской Руси, оказалось в «забвении». Материалов о жизни и деятельности Н. Глебовицкого вышло немного. В 1909 г. «Славянские известия» опубликовали очерк историка литературы Л.П. Лобова (1874–1936) «Глебовицкий. Литературная характеристика», где автор проанализировал «два небольших томика этюдов Глебовицкого» [16]. Речь шла о вышедших во Львове «Рассказах и очерках. Т. 1» (1905) и «Этюдах и очерках. Т. 2» (1906) [7; 8]. Дал биографические сведения и описал творческую деятельность Н. Глебовицкого известный карпато-русский учёный и общественно-политический деятель Ю.А. Яворский (1873–1937) в своей брошюре «Из галицко-русского помянника. Шесть некрологов» (Львов, 1922) [23]. Общественный деятель, исто-

Д-ръ Ник. Павл. ГЛѢБОВИЦКІЙ, представитель Галицкой Руси въ австрийскомъ парламентѣ, секретарь русско-народнаго клуба, молодой писатель, но очень популярный въ русскомъ Прикарпатьи.

Доктор Н.П. Глебовицкий, представитель Галицкой Руси в австрийском парламенте, секретарь русско-народного клуба, молодой писатель, но очень популярный в русском Прикарпатье.

Источник: Новое время. Иллюстрированное приложение. 1908. 17 (30) мая. № 11558.

рик Галицкой Руси Р.Д. Мирович (1892–1971) упоминает о статье Г. Гануляка «Николай Павлович Глебовицкий – литературная характеристика» (Временник Института Ставропигийского с месяцесловом на 1923 г.) [17]. Краткую биографию и основные труды привёл галицко-русский общественно-политический деятель, историк, писатель, поэт В.Р. Ваврик (1889–1970) в «Кратком очерке галицко-русской письменности» (Лувен, 1973) [3]. В своём «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярского террора...» Р. Мирович даёт краткие сведения о Н. Глебовицком и его отце [17]. В 1970 г. вышла статья видного советского литературоведа и педагога Н.В. Водовозова (1902–1977) «Русские писатели австрийской Галиции» (Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Учёные записки. Т. 405. Вопросы русской литературы. 1970), где тоже есть сведения о литературной деятельности Н. Глебовицкого [4].

В наше время большую работу по популяризации истории Карпатской Руси и её видных представителей проводила Н. Гаттас. Она собирала сведения о поэтах, писателях и просветителях Прикарпатской Руси, публиковала их биографии и произведения, возвращая имена из забвения. В двух её статьях содержатся сведения о Н. Глебовицком, а во второй также приводятся в сокращении его очерк «Н.В. Гоголь и национально-культурное единство» и рассказ «Новый год (стихотворение в прозе)» [5; 6]. К сожалению, многие публицистические работы Н. Глебовицкого оказались утраченными или труднодоступными.

Настоящая статья является продолжением опубликованных нами материалов о просветителях, общественно-политических деятелях и учёных Карпатской Руси. Ранее, в частности, вышли материалы об архипресвитере Кассиане Богатырце [22], Иосифе Левицком [20], Юлиане Яворском [21].

Николай Павлович Глебовицкий родился 9 декабря 1876 г. в с. Черемхов Коломыйского повята (уезда) Королевства Галиции и Лодомерии, что входило в Цислейтанскую часть дуалистической Австро-Венгерской монархии (ныне – село в Коршевской сельской общине Коломыйского района Ивано-Франковской области Украины), в семье униатского священника Павла Авксентьевича Глебовицкого (1845–1923) [2; 3: 62; 17; 23: 9; 24]. Его отец¹, как упомянул Ю. Яворский, был заслуженным галицко-русским священником-патриотом [23: 9].

Н. Глебовицкий закончил немецкую начальную школу в Черновцах (Буковина). В 1887–1894 гг. учился в гимназии в Коломые. В 1894–1898 гг. изучал право в Венском университете. В 1900 г. стал доктором права. В 1900 г. работал стажёром у адвоката в Коломые. В 1903 г. проходил юридическую практику в Венском и Коломыйском окружных судах. В 1904 г. стал кандидатом в адвокаты в Золочеве (Галиция) [2; 3:

62; 17; 23: 9; 24]. Р.Мирович упомянул, что Н.Глебовицкий был «членом Междупарламентарного Союза Третьейского Суда в Гааге»² [17].

Активно участвовал в общественно-политической жизни Галичины. В 1900 г. выступил одним из соучредителей «Русской народной партии». В 1901 г. стал членом «Галицко-русской матицы» [2; 17; 24].

В 1907 г. Н.Глебовицкий был избран в депутаты австрийского парламента. Его парламентская деятельность продолжалась с 17.06.1907 по 30.03.1911 г. Будучи депутатом он быстро приобрёл популярность, как защитник интересов русского населения австрийской Галичины и общеславянского дела [23: 9; 24].

Выступая как депутат на заседаниях парламента либо подавая письменные запросы-интерпелляции, он помогал крестьянам, пострадавшим от неурожая или от пожаров, поднимал вопрос об устройстве школ для неграмотных, боролся против злоупотреблений при парламентских выборах в Галичине, выступал в защиту прав русского языка в австрийском парламенте. Как писал В. Ваврик, «когда известный

Приезд славянских депутатов в Петербург 12 мая. Встреча славянских депутатов на перроне Варшавского вокзала. В центре группы, слева, д-р К.П. Крамарж, д-р Н.П. Глебовицкий и д-р И.Ф. Грибар, вице-председатель южно-славянского клуба. Прибывшие в Петербург депутаты являются уполномоченными всех славянских партий в австрийском парламенте для переговоров о славянском съезде.

С фот. К. Булла.

Источник: Новое время. Иллюстрированное приложение. 1908. 17 (30) мая. № 11558. С. 8 (228).

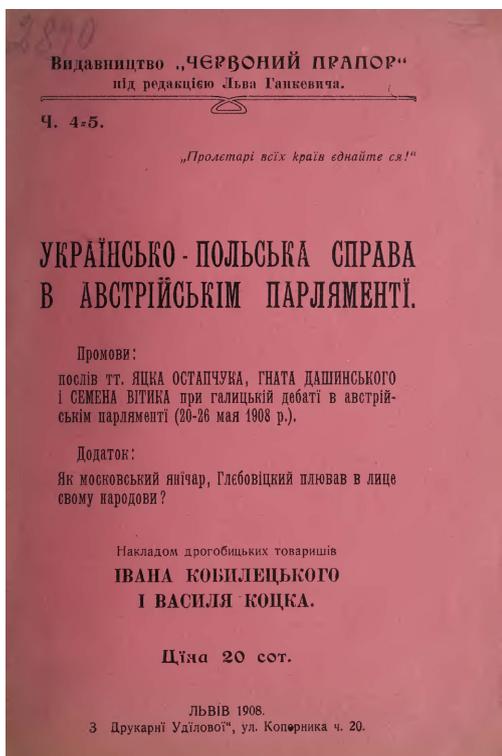
Группа славян-депутатов, прибывших в Петербург 12 мая, считая слева: д-р Н.П. Глебовицкий, д-р К.П. Крамарж, В.М. Володимиров, участник комиссии по приёму славянских гостей, и д-р И.Ф. Грибар. С фот. К. Булла. Источник: Новое время. Иллюстрированное приложение. 1908. 24 мая (6 июня). № 11565. С. 9 (237)

галицко-русский депутат Д.А. Марков (9.7.1907 г.) выступил с речью о летнем отпуске для солдат крестьянских родителей для уборки урожая на русском языке, подняли украинские депутаты такой шум и крик, что председатель заседания принуждён был лишить оратора слова. На следующий день Н. Глебовицкий обратился с обстоятельным и обоснованным запросом к председателю парламента Вейскирхнеру по поводу лишения слова депутата Маркова на русском языке, т. е. на языке населения и его организации, которые его и его товарищей избрали в парламента» [3: 62].

В украинофильском сборнике «Українсько-польська справа в австрійськiм парламента» с боевым призывом на титульной странице: «Пролетарі всіх країв єднайте ся!» опубликована стенограмма одного из выступлений Н. Глебовицкого в парламенте под заголовком «Як московський янічар, Глебовіцький плював в лице своему народови?». Подзаголовок «Промова посла Глебовіцького в австрійськiм парламента при дебаті над наглим внеском посла Цеглинського в справі адміністраційних розбоїв в Галичині». Выступление Н. Глебовицкого (переведено на украинский язык, судя по выкрикам украинофилов, скорее всего, велось на русском языке) постоянно прерывалось репликами депутатов-украинофилов (П. Бачинского, П. Трилёвского,

П. Старуха и др.), причём, зачастую, они носили оскорбительный характер. Н. Глебовицкий заявил: «Для всякого, кто знает восточно-галицкие отношения, смешно, когда слышит, что украинофилы на кого-то клеветают за сверхупотребления и насилия. На “русско-народных” кандидатов нападали организованные банды украинские» [14: 50]. Продолжая, он поднял вопрос об убийстве 12 апреля 1908 г. заместника Галиции и Лодомерии графа Анджея Казимира Потоцкого студентом-украинофилом. «Когда гр. Потоцкий не хотел делать насильно выборных, украинофилы воспылали ненавистью к нему. Ничего не помогло ему, что он продвигал их на высокие должности, а Олесницкого на вице-маршалка сеймового. Перед смертью он перенёс невыгодных украинофилам старост...». И далее: «Замученный ими гр. Потоцкий... (Прерывания: Пфуй – Ренегат – Хулиган!) дал вам ряд мандатов. Могу из аутентичного источника доказать, что без помощи Потоцкого украинофилы смогли получить от двух до пяти мандатов» [14: 51–52]. Заключительная часть выступления: Н. Глебовицкий: «Дорога терроризма, негатива, фанатизма, коррупции, клеветы и доносов здесь и перед центральным правительством

недостойна какой-либо национальной организации и закончится в моральной грязи. Так что сверните с неё! П. Старух: Предатель!

Українсько-польська справа в австрійськiм парламенті. Промови: послів тт. Яцка Остапчука, Гната Дашинського і Семена Вітика при галицькій дебаті в австрійськiм парламенті (20–26 мая 1908 р.). Додаток: Як московський янічар, Глебовіцький плював в лице своему народови? Накладом дрогобицьких товаришів Івана Кошелецького і Василя Коцка. Видавництво «Червоний прапор» / під редакцією Льва Ганкевича. Ч. 4–5. Львів: 3 Друкарні Уділової, 1908. 60 с.

От имени украинского народа: Пфуй! Украинские и социал-демократические послы: Долой предателя! (В целой палате возмущение. Польское Коло аплодирует...)» [14: 55].

В Рейхсрате (парламенте «австрийской» части Австро-Венгерской монархии – Цислейтании) Н. Глебовицкий вошёл в «Klub poslanců České strany agrární» (Клуб депутатов Чешской аграрной партии) [24]. В ноябре 1907 г. стал членом «Русского народного клуба» (старорусинского клуба). В 1911 г. – членом правления «Галицко-русской рады» [2; 17; 24]. Вместе с депутатом доктором К. Крамаржем (Национальная партия свободомыслящих / *Narodní strana svobodomyšlná*, младочехи), словенским общественным деятелем И. Грибаром (Хрибаром, мэром Любляны в 1896–1910 гг. – С.С.) Н. Глебовицкий стал одним из основателей «неославизма», в основе которого лежала идея исторической и культурной близости славян [2; 17; 23: 9–10].

В мае 1908 г. представители славян Австро-Венгрии Карел Крамарж от чехов, Иван Хрибар от словенцев и Николай Глебовицкий от галицких русинов прибыли в Россию для изыскания помощи и поддержки в подготовке IV Славянского съезда в Праге³ в 1908 г. Крамарж затем стал председателем съезда. Миссия встретила в Петербурге самый горячий приём. К идее «славянского единения» отнеслись сочувственно не только правые, но и либеральные круги русской буржуазии, среди которых была популярна идея «неославизма». Решили участвовать в съезде и поляки, рассчитывавшие мирным путём добиться от правительства реформ в Царстве Польском [19: 456–457].

Представители славян встречались с императрицей-матерью Марией Фёдоровной. В «Вестнике военного духовенства» была помещена заметка об освещении 15 мая 1908 г. в сквере Николаевского морского Богоявленского собора памятника героям Гвардейского экипажа, погибшим в Русско-японской войне, перепечатанная из № 106 «Правительственного вестника». Оно состоялось в присутствии «Августейшего Шефа Гвардейского экипажа, Государыни Императрицы Марии Фёдоровны, Августейшей дочери в бозе почивающего Русского Генерал-Адмирала Великого Князя Константина Николаевича – Королевы Эллинов Ольги Константиновны и Августейшего Генерал-Адмирала» [18: 348]. На мероприятии присутствовали и другие именитые гости: адмиралы, генералы, представители воинских частей, члены Государственного совета, сотрудники дипломатического корпуса и т. д. Среди приглашённых были и «славянские гости» [18: 349]. Во время освящения «памятника чинам гвардейского экипажа, погибшим в минувшую войну на броненосце “Император Александр III”, командир гвардейского экипажа к.-ад. граф Толстой имел счастье представить Её Величеству Государыне Императрице

Этюды и очерки. Т. 2 [8]. Титульный лист

Марии Фёдоровне присутствовавших на торжестве славянских гостей: гг. Крамаржа, Грибаря и Глебовицкого» [18: 350–351].

Помимо юриспруденции и общественно-политической деятельности Н. Глебовицкий занимался литературной работой. Его литературно-публицистическое наследие небогато. Статьи, стихотворения и очерки печатались во многих галицко-русских изданиях. В «Научно-литературном сборнике» литературного общества Галицко-русская Матица вышли его статьи «Очерк истории политической экономии» (Т. 2. 1902. Вып. 1, 2–3), «Рассказы и очерки» (Т. 4. 1905. Вып. 1, 2, 3) [15].

Его рассказы и очерки отдельно изданы в типографии Ставропигийского института: «Рассказы и очерки. Т. I» (Львов, 1905) [7] и «Этюды и очерки. Т. II» (Львов, 1906) [8], как «издание автора». В 1911 г. выходят его «Пане Костю, майте кураж» и «Постоли Кирила». Сатира о

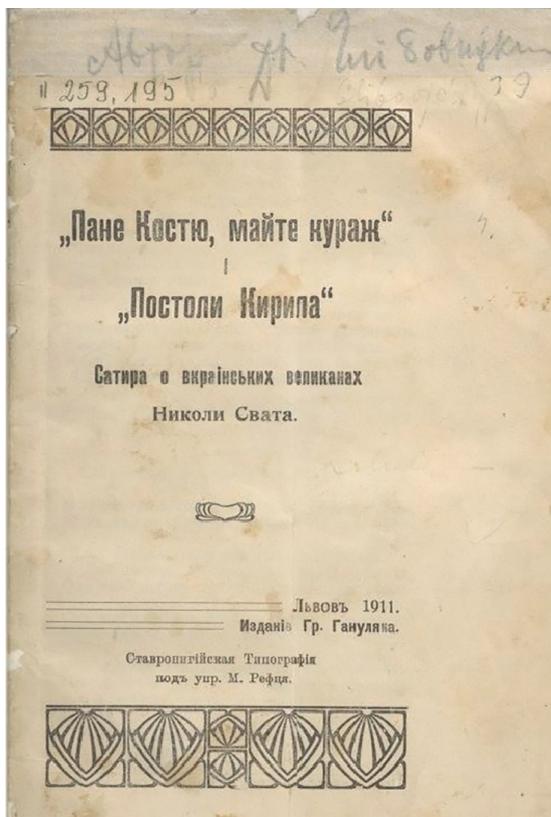
українських великанах Николи Свата»⁴ [9] и «За вѣру батькѡвъ» [10] на галицко-русском наречии. Последнюю в 1912 г. он переиздаёт на русском [11]. Посмертно, в 1922 г. выходит «Одуванчик и Учительница» (Львов, 1922. Издание Г.Г. Гануляка) [23: 11].

В первом его двухтомнике представлены 22 очерка и рассказа в основном из галицко-русской жизни. Они, как отметил Ю. Яворский, «весьма разнообразны и неравномерны, как по своему содержанию и тону, так и по внешнему характеру и виду. В то время, когда, одни из них, в особенности из крестьянской жизни являются более или менее живыми и реальными отражениями серой действительности и носят местами даже прямо бытовой или этнографический отпечаток, когда другие опять посвящены психологическому анализу или даже политическим или философским размышлениям и рефлексиям, встречается в их числе, словно редкие и своеобразные жемчужины, также ряд небольших поэтических миниатюр, исполненных самодовлеющей чистой лирики и красочных настроений и отличающихся при этом неподдельным пафосом и художественной изящностью настоящих стихотворений в прозе. Основные черты художественного творчества Н.П. Глебовицкого – это, прежде всего, беззаветная любовь к родине, и, в особенности, к несчастному и порабощённому простому народу, затем – благородный и просвещённый гуманизм и восторженное преклонение пред идеалами добра, правды и красоты вообще. Но в то же время не скрыты от проникновенного взора писателя и тёмные, отрицательные стороны человеческой природы и житейской действительности, взаимная вражда и сплошное торжество силы над правдой и порока над добродетелью, все то, чем так глубоко и больно уязвлена его впечатлительная душа и от чего его творческие наблюдения и думы проникнуты в общем таким тяжёлым и местами беспросветным даже пессимизмом, хотя этот последний и смягчается иногда то незлобивой гуманностью автора, то даже его благодушной улыбкой» [23: 11].

Преобладающий мотив и господствующее настроение в этих двух томиках этюдов, считал Л. Лобов, «могут быть обозначены названием одного из его этюдов “Rouge-Noir” (красное-чёрное. – С.С.): большинство очерков или этюдов представляют собою повторение одного и того же мотива и проникнуты в силу этого довольно мрачным настроением. Мотив этот – смена и завершение всего светлого и отрадного мрачным и безотрадным. Таковы его очерки: “Per aspera”, “Rouge-Noir”, “В одну из майских ночей” (I том); “Usque ad finem”, “Fenita la comedia”, “Сообщница” (II том)». К примеру, «счастье милого ребёнка, семилетней Верочки, получившей от папы и мамы в день своего ангела хорошенькую куклу, омрачается тем, что пришедшая

в гости уродливая девочка разбила её куклу (I том, “Rouge-Noir”). Счастье молодой девушки, пленившейся на балу молодым человеком, завершается тем, что она видит “своими собственными, с ужасом после самозабвения открывшимися глазами, как он... пожимает руку знаменитой опереточной дивы” (I том, “Rouge-Noir”). В одну из майских ночей “он” слышит, как её уста лепечут имя... её обольстителя (I том, “В одну из майских ночей”). Такие же контрасты варьируются и в очерках II тома, напр., в “Usque ad finem»» [16: 92–93].

Однако, «несмотря па эту общность мотивов, очерки I тома несколько отличаются от подобных же очерков II тома. Мрачное настроение очерков I тома не доходит ещё до пессимизма, и в этом отношении очерки напоминают собою Тургеневские “Стихотворения в прозе”: хотя в них звучат, невидимому, безотрадные ноты, но все-таки эти

«Пане Костю, майте кураж» і «Постоли Кирила». Сатира о українських великанах Николи Свата [9]. Титульный лист

Пане Костю, майте кураж!

(Із співанок Не-Перебенді.)

Біда кажу й не гаразд то, братя козаченьки,
Добираєсь якесь лихо до України-неньки.
По лугах, та по вертепах, гей нечиста сила,
Новинька гуде, луна'. Ой коб ся не снила!
Гуде, луна', та бушує страшенна новина
Про самого отамана, Україненьки сина..
Кажуть, що біда скоїлась з Костем безта-
[ланним ;
Прозивають всі сердегу глитаєм захланним.
Захотів усі гонори хвацьки проковтнути.
А тут—гов!.. Судьба по пиці: бути, чи не бути?
„Переборшив,— кажуть люди, — наш Костик
[проворний,
А тепер сопé, як буйвол, отаман моторний.

Первая строфа сатиры «Пане Костю, майте кураж» [9: 3]

Постоли Кирила.

(Із співанок Не-Перебенді.)

I.

Верховино́ ти, ой світку ти наш,
Гей, як у тебе тут мило!
Радіє, скосившись, кождий шалаш
Як став отаманом Кирило.
Хоть полонини жидок вже забрав
І доли у Лейби, Аврама,
За те радикальний рай тут настав,
Ба є й максимальна програма.
Хоть кервавiці Сруль не віддаст,
Коровку й бичка ліцитує;
Хоть прежньої долі і волі Бог даст,
За те нова „Січ“ тут бушує.
Божницi ростут, мов гриби по дощи,
Поляки „коscyюлки“ будують;
„Хто радикал з вас, на віру свищи!
Церквiв хай „попи“ лиш пильнують!
Все счастье в шинквасі спрятав аренда
Й фартух гелеватої Кали;
Легіню! За літрою літру лиш шквар:
Таж ми, бре ^), хлопи-радикали!“

Первая строфа сатиры «Постоли Кирила» [9: 10]

ноты далеки от безвыходного отчаяния, а иногда, напр., в этюде “Победила”, он составляют вполне светлый и звучный мотив; со стороны же формы эти очерки даже изящны и совершенно лишены грубого реализма» [16: 94].

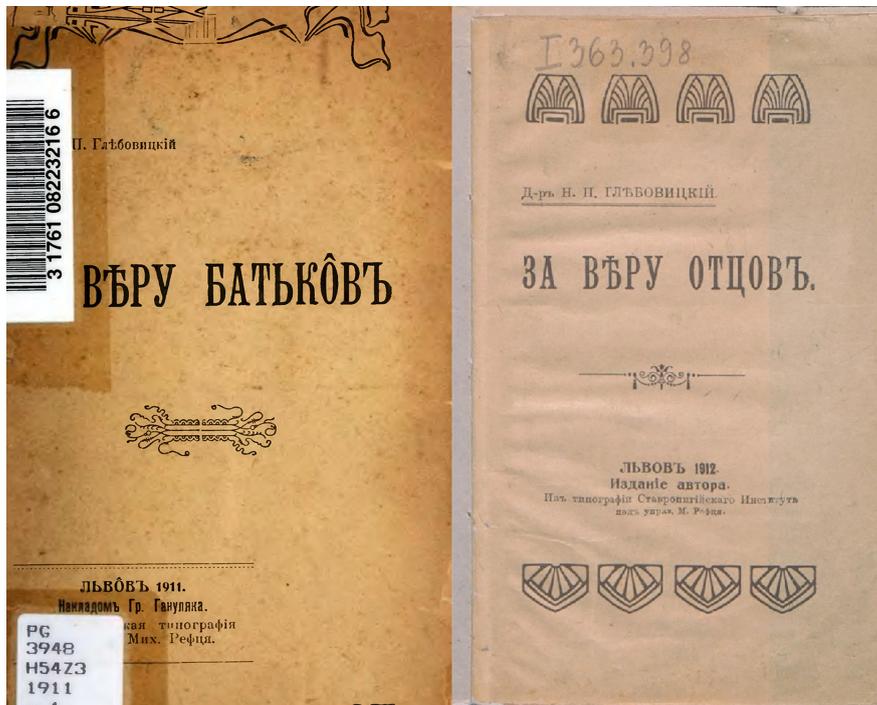
Л. Лобов полагал, что «по многим мыслям, заключённым в небольшом литературном багаже Глебовицкого, по его разрешению некоторых коренных вопросов и по его отношению к обездоленной родине, мы должны отнести его деятельность к славянофильскому направлению». Он же считал, что хотя по форме изложения произведения Н.П. Глебовицкого напоминают «иногда Тургеневские приёмы», она вполне соответствует содержанию, «а этого пока и достаточно: было бы не совсем разумно старое вино переливать в новые мехи, как неразумно делать и обратное» [16: 99].

В свою очередь, Н. Водовозов, подчеркнув разнообразие содержания очерков и рассказов Н. Глебовицкого, указал, что «одни из них дают яркое изображение крестьянской жизни в австрийской Галиции, другие отражают философские или политические раздумья автора. В рассказе “Из-за земли”, например, даётся страшная картина взаимной вражды и одичания крестьян, лишённых средств к существованию из-за недостатка земли. В другом рассказе “Учительница” изображён произвол имущих классов по отношению к молодой бедной труженице, вызвавший её душевное потрясение, и разочарование в жизни» [4].

Показывает он и тёмные стороны человеческого характера, в его сочинениях проскальзывают «нотки пессимизма». В очерке «Очнитесь» Н. Глебовицкий пишет: «Как бы ни хотел писатель преподнести, своим землякам чудный венок, сплетённый из душистых роз, но каждый раз из него пробиваются наверх колющие шипы; а земляки, не вдохнув благоухания роз, ранят свои руки и сердца их шипами и остаются недовольны писателем. Но поймите же, поймите, что трудно петь песню веселия, когда пред вами предстанет ваша несчастная родина в серой сермяге, ободранная, поруганная, истощённая. Бывают минуты: почувствуется такой прилив хорошего, блаженного чувства, и хотелось бы спеть восторженный гимн, а тут вдруг начнут дразнить слух фальшивые, грубые звуки безжалостной действительности, и против желания торжественные аккорды сменяются грустным завыванием и слезами» [4].

В 1911 г. увидели свет его сатирические произведения «Пане Костю, майте кураж» і «Постоли Кирила». Сатира о українських великанах Николи Свата» (Львов, 1911) [9]. «Героем» первой сатиры стал Кость Левицкий⁵. Во второй сатире фигурирует Кирилл Трилёвский⁶.

В 1911 г. вышла повесть Н.П. Глебовицкого «За веру батьков» [10]

За веру батьков [10]. За веру отцов [11]. Титульные листы

на галицко-русском наречии, а на следующий год, как издание автора, на русском языке [11].

В основу положены реальные события. Эпиграфом послужили слова Н.В. Гоголя из «Тараса Бульбы»: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу». Вначале он пишет, что не стало Олексы Довбуша (1700–1745, гуцула, предводителя карпатских опришков. – С.С.) и некому заступиться за русский народ перед польскими шляхтичами, мадьярским магнатами и жидами-кровопийцами [11: 3–5]. Далее речь идёт об униатском священнике местечка Жулин о. Николае Левицком. Польский ксёндз из ближайшего местечка «перекрестил всех детей кучеров, лакеев, полевых, лесных стражников, прачек и прочей дворни пана-помещика в “польскую веру”». Некоторое время спустя вблизи панской усадьбы построили польский костёл. «Развилось душехватство из русского в латино-польский лагерь. Кровавою вереницей слёз и проклятий потянулись насилия и беззакония...». К кому только не обращался и

не жаловался о. Николай. «Одни не хотели, другие не могли помочь» [11: 5–7]. Хотя сам о. Николай был из рода Левицких герба Рогала (Rogala), знатнее «пана помещика Жулина», армянина, «купившего себя чуть ли необрезанный Ritterstand (рыцарство, дворянское сословие. – С.С.) за целое стадо коз, овец и полуанглийских коней, подаренных какому-то венскому толстосуму». По образованности о. Николай превосходил католического священника. Он закончил классическую гимназию и университет в Вене, в отличие от ксёндза Валенты, кое-как освоившего шесть классов, а затем «латинскую семинарию провинциального закутка» [11: 11–12]. Далее автор кратко излагает историю Галицкой Руси, её церкви с восточным обрядом и «русской верой» [11: 12–17].

Н. Глебовицкий показывает тяжёлую жизнь бедного крестьянина Ивана Коханчука, у которого была жена Мотря, сын Михаил и дочь Настя. Крестьянина обложили большими денежными штрафами. Его сын Михаил хотел учиться, любил читать книги, но нечасто мог посещать школу в зимнее холодное время, т. к. в семье был только один, общий кожух. «Строгий учитель пан Прейсс, из немцев полячишка-шовинист, прилежно, с диявольским злорадством сосчитывал пропущенные Михайлом Коханчуком дни и безотлагательно извещал об этом окружную власть, предлагая чувствительною пеней оштрафовать “заупрямившегося” русского “хама”. Денежные “штрафы” росли, как грибы после дождя». Когда Михаил появлялся в школе, учитель Прейсс издевался над ним, заставляя молиться по-польски. Мальчик в ответ читал «Отче наш» на церковнославянском, чем вызывал злость у учителя. «Глядя на Крест между окон, на стене, Михайло не чувствовал, в такие минуты обид, не ощущал боли от нанесённых ему “просветителем” и побоев...». В тот день учитель опять заставлял читать молитву на польском. «Я молюсь так, – ответил мягко, но решительно, мальчик, – как меня научила моя мать, как молится отец духовный в нашей церкви... как молится вся... Русь!.. как мо...». В ответ учитель, поляк-шовинист из немцев, ударил его «тяжёлыми чугунными перстнями по лицу, вдоль глаза». Глаз вытек, мальчик упал и потерял сознание. Учитель продолжал его избивать. От побоев мальчик, «мученик за веру отцов», скончался [11: 17–28].

«Старому Ивану почудилось, что месяц весь залит кровью, красной-красной, запёкшейся. Иван дрогнул... Ещё раз взглянул на синее, мёртвое лицо сына, замученного душехватом. Старый Коханчук не позволил бабам омыть тело убитого Михайла. Запретил бабам даже дотронуться его. Дождавшись ночи, он в немом молчании, плотно прижал дорогой труп сына к груди, прикрыл его старою свиткой и бросился с ним, опрометью, из хаты вон. Оттолкнул, стоявшую на пути,

в сени, Мотрю, крикнув ей одно только, грозное, как вой волчицы: “Молчи”! Пуще раненного зверя, он стремился, с этою дорогою ношей, к далёкому Днестру, чтобы в нём, в его грозных волнах омыт кровь с лица и тела отрока-мученика... Как страшная тень, как призрак, стоит Иван над рекой и, в исступлении, впивается взором в дорогие черты посиневшего, оледеневшего лица Михаила. Прижал его к груди... прижал и... зарыдал... Будьте прокляты душегубы! – вырвалось, страшным воплем, из расколотой груди Ивана и, уносясь громовым рокотом, ударилось, зловещим отзвуком, о дикие грозные утёсы. А когда скипевшаяся кровь Михаила, на гребне пенящейся волны, миновала Окопы, на срединном Днестре, то казалось, будто шум волн заглох, а из недр широкой реки раздался душу раздирающий детский вопль: – Батько, где ты?... Слышишь ли ты? – Слышу! Слышу! – ответил громовой, грозный голос из неприступной скалы, в которой, по преданию глубокой старины, до сих пор живёт старый козак Тарас Бульба...» [11: 28–29].

В 1913–1914 г. в журнале «Славянские известия» публикуется статья Н.П. Глебовицкого «Австрия, Россия и мазепенцы (письма из Галицкой Руси)» [12]. Статья не закончена в связи с началом войны, но своей актуальности не потеряла. В ней автор, накануне войны, в марте 1913 г., предупреждал российскую общественность: «Наша и так уже страдавшаяся Галицкая Русь является как раз областью, в которой венские политики, начинаясь 1889 г., с помощью австро-польского правительства заготавливают взрывчатый материал, долженствующий в близком будущем разнести Европейскую Россию, оторгнув от неё всю благодатную Малороссию... Всё, что в настоящее время происходит и подготавливается в Галицкой Руси, является только планомерным осуществлением всенемецкого “Drang nach Osten”. То, что теперь в Галиции проделывают венские политики и поляки с искусственно созданным украинско-мазепинским вопросом, не что иное, как реализация известной пангерманской колонизационной программы железного канцлера Бисмарка, провозгласившего в 1884 г. в германском рейхстаге принцип, согласно которому немецкое правительство никогда не должно торопиться с официальным провозглашением протектората над новыми немецкими колонизационными областями» [12: 272].

С началом Первой мировой войны начались массовые репрессии против русского населения Галиции и Буковины. Н. Глебовицкого арестовали в августе 1914 г. в Слободке Лесной (Коломыя), где служил его отец. Тогда же арестовали и его отца. Н. Глебовицкий сидел в тюрьмах в Коломые, Шатмар-Немети (Венгрия), Мискольче (Мишкольц, Венгрия), концлагере Талергоф (Штирия, Австрия). С февраля

1915 его перевели в тюрьму г. Пассайль (Штирия). В августе 1917 был освобождён из заключения. 18 ноября 1918 г. скончался от приобретенной в заключении чахотки в с. Лесная Слободка (ныне – село в Коршевской сельской общине Коломыйского района Ивано-Франковской области Украины) [17; 23: 12; 24].

Русский патриот Николай Глебовицкий через всю свою жизнь пронёс веру в единство русского народа и единый литературный русский язык. 20 марта 1909 г. в Вене он написал статью «Н.В. Гоголь и национально-культурное единство». Завершается статья следующими словами: «В минуты душевных мук, в минуты сомнений являлся для Тургенева опорой могучий и прекрасный русский язык, данный только великому народу. В минуты испытаний, в минуты сомнений, в годину тяжёлых преследований, горечи и мук да будет для нас опорой великий сын Малороссии Гоголь, вечно живое доказательство неоспоримой истины: национально-культурного единства всех ветвей одного русского народа!» [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В своём «Алфавитном указателе жертв австро-мадьярско-го террора...» Р.Д. Минович приводит краткие сведения об отце Н. Глебовицкого, священнике П.А. Глебовицком, который, как и сын, был арестован австрийскими властями в годы Первой мировой войны: «1646. ГЛЕБОВИЦКИЙ Павел Авксентьевич, р. 1845, свящ., Слобода Лесная (Коломыя), арест. 18/8 1914, тюрьмы: Коломыя, Шатмар-Немети, Мискольч. Талергоф. С февраля 1915 конфинация в Пассайль (Штирия). Конфинация снята в 1917 году. Умер 9/2 1923 в Слободе Лесной. Член Гал.-рус. Матицы с 1902 года. ЦГИА 1 с. 26; ЦГИА 1 с. 142 и 162 (В. 600) – конфинация. ТА 1 с. 76, 78, 141; П, 118; 1У, 32, 34. Альб. Кр. Запрос деп. Стржибрного в парламенте. Вестник Народного Дома, 1924, № 2, с. 51. Член «Русского Народного Дома» и «Галицко-русской Матицы» с 1902 г. [16].

2. Постоянный Третейский Суд был учреждён в 1899 г. в Гааге (Нидерланды) по решению первой Гаагской мирной конференции, созданной по инициативе императора России Николая II, для разрешения международных споров. Первая и Вторая Гаагские конференции (конференция мира), проходившие в столице Нидерландов в 1899 и 1907 гг., были созданы по инициативе России.

3. IV Славянский съезд прошёл в Праге 13–18 июля 1908 г. В нём участвовало 250 представителей русских, поляков, хорватов, сербов, болгар, чехов, словенцев, галицких русинов. Российская делегация насчитывала 22 чел. Новой идейной платформой всеславянского конгресса стал нео-

славизм, зародившийся в среде чешской буржуазно-либеральной партии «Narodní strana svobodomyšlíná» с лозунгом свободы, равенства и братства всех славянских народов.

4. На имеющемся в нашем распоряжении сканированном экземпляре книги на титульном листе карандашом написано: «Автор Др. Глібовицькій». Разумеется, со стопроцентной уверенностью, имея в качестве доказательства только приписку карандашом, утверждать об авторстве Н.П. Глебовицкого сложно. Однако произведение вполне отвечает политической позиции автора, в т. ч. и его неприятию украинофильства. Это произведение не упоминается при перечне его работ. Хотя, впрочем, к примеру, и его «За веру отцов» тоже приводится не всеми авторами, не говоря уже о публицистике.

5. Кость Антонович Левицкий (Кость Антонович Левицький, 1859–1941) в эти годы был соучредителем и секретарём «Народной Рады», членом президиума и президентом Народного комитета Украинской национально-демократической партии, депутатом австрийского парламента (1907–1918) и Галицкого краевого сейма (1908–1913), возглавлял украинский клуб в австрийском парламенте (1910–1916) [1].

6. Кирилл Иосифович Трилёвский (Кирило Йосипович Трильовський, 1864–1940) – основатель сечево-стрелецкого движения на Гуцульщине и в Покутье перед Первой мировой войной. С 1912 г. – генеральный атаман Украинского сечевого союза. На его базе сформировались «Украинских сечевые стрельцы». С 1907 г. – депутат австрийского парламента, с 1913 г. – Галицкого краевого сейма [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрусяк Т.Г. Левицький Кость Антонович // *Енциклопедія історії України*: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка, 2009. Т. 10: Ла–Мі. С. 87–88.

2. Васильчук М.М. Глібовицький Микола Павлович // *Енциклопедія Сучасної України* / редкол.: І.М. Дзюба, А.І. Жуковський, М.Г. Железняк [та ін.]; НАН України, НТШ. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2006. URL: <https://esu.com.ua/article-30433> (дата звернення: 12.11.2024).

3. Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен: [б. и.], 1973. 80 с.: портр.

4. Водовозов Н.В. Русские писатели австрийской Галиции // *Московский педагогический институт им. В.И. Ленина. Учёные записки*. Т. 405: Вопросы русской литературы. 1970. С. 291–309 URL: <https://web.archive.org/web/20070930211231/http://www.edrus.org/content/view/4669/56/> (дата обращения: 15.10.2024).

5. Гаммас Н. Поэт. Писатель. Воин // *За русское дело*. 2019. № 5 (194). С. 6–7.

6. *Гаттас Н.* Поэтическая душа // За русское дело. 2017. № 1 (76). С. 6.
7. *Глебовицкий Н.П.* Рассказы и очерки. Т. 1. Львов: печатня Ставропигийского института, 1905. 97 с.
8. *Глебовицкий Н.П.* Этюды и очерки. Т. 2. Издание автора. Львов: типография Ставропигийского института, 1906. 195 с.
9. [*Глебовицкий Н.П.*] «Пане Костю, майте кураж» і «Постоли Кирила». Сатира о українських великанах Николи Свата. Львов: Ставропигийская типография, 1911. 15 с.
10. *Глебовицкий Н.П.* За веру батьков. Львов: Ставропигийская типография, 1911. 22 с.
11. *Глебовицкий Н.П.* За веру отцов. Издание автора. Львова: типография Ставропигийского института, 1912. 30 с.
12. *Глебовицкий Н.П.* Австрия, Россия и мазепенцы (письма из Галицкой Руси) // Славянские известия. 1913: № 17 (10). 10 марта. С. 271–272; № 21 (14). 7 апреля. С. 337–339; № 27 (20). 19 мая. С. 435–436; № 30–31 (23–24). 16 июня. С. 475–477; № 34–35 (27–28). 14 июля. С. 518–519; № 38–39 (31–32). 11 августа. С. 544–545; № 45 (38). 22 сентября. С. 625–626; № 53 (46). 17 сентября. С. 719–721; 1914: № 1. 1 января. С. 16–17; № 5. 1 марта. С. 78–79; № 11–12. 15 июня. С. 165–166.
13. *Горинь В.І.* Трильовський Кирило Йосипович // Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Інститут історії України НАН України. Київ: Наукова думка, 2013. Т. 10: Т–Я. С. 152.
14. Додаток. Як московський янічар, Глебовіцький плював в лице своєму народови? // Українсько-польська справа в австрійським парламентах. Промови: послів тт. Яцка Остапчука, Гната Дашинського і Семена Вітика при галицькій дебаті в австрійським парламентах (20–26 мая 1908 р.). Додаток: Як московський янічар, Глебовіцький плював в лице своєму народови? Накладом дрогобицьких товаришів Івана Кошелецького і Василя Коцка. Видавництво «Червоний прапор» / під редакцією Льва Ганкевича. Ч. 4–5. Львів: З Друкарні Уділової, 1908. С. 49–55.
15. Литературное общество Галицко-русская матица. URL: http://annales.info/sbo/contens/_g.htm#gm_03_1 (дата обращения: 15.09.2024).
16. *Лобов Л.П.* Глебовицкий. Литературная характеристика // Славянские известия. 1909. № 1. С. 92–99.
17. *Мирович Р.Д.* Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси. Львов, 1971. URL: <https://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (дата обращения: 15.09.2024).
18. Освящение памятника героям Гвардейского экипажа, погибшим в минувшую войну // Вестник военного духовенства. 1908. 1 июня. № 11. С. 348–351.
19. Примечания. 31. Всеславянский съезд в Праге // Троцкий Л. Сочине-

ния. Т. 6. Балканы и Балканская война. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 456–457.

20. Суляк С.Г. Иосиф Левицкий – просветитель Галицкой Руси // Русин. 2023. № 71. С. 16–51. doi: 10.17223/18572685/71/2

21. Суляк С.Г. Ю.А. Яворский – учёный и общественно-политический деятель Карпатской Руси // Русин. 2022. № 68. С. 70–130. doi: 10.17223/18572685/68/5

22. Чучко М.К., Суляк С.Г. Архипресвитер Кассиан Богатырец – исследователь церковной истории Буковинской Руси // Русин. 2014. № 1 (35). С. 143–164.

23. Яворский Ю.А. Н.П. Глебовицкий // Из галицко-русского помяника. Шесть некрологов. Профессор Т.Д. Флоринский, Н.П. Глебовицкий, Д.И. Венцковский, Н.И. Антоневич, Е.И. Калужняцкий, Ф.И. Свистун. Отдельный оттиск из «Временика Ставропигийского института» на 1923 г. Львов: типография Ставропигийского института, 1922. С. 9–12.

24. Hlibowizki (Hlibovic'kyj), Mykola Dr. iur. Biografie // Parlament Österreich Republik. Parlamentarier 1848–1918. URL: <https://www.parlament.gv.at/researchieren/personen/parlamentarierinnen-ab-1848/parlamentarier-1848-1918/Hlibowizki> (дата обращения: 15.09.2024).

REFERENCES

1. Andrusyak, T.G. (2009) Levits'kiy Kost' Antonovich. In: Smoliy, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii' Ukraïni: u 10 t.* [Encyclopedia of the History of Ukraine: 10 vols]. Vol. 10. Kii'v: Naukova dumka. pp. 87–88.

2. Vasilchuk, M.M. (2006) Glibovitskiy Mikola Pavlovich. In: Dzyuba, I.M., Zhukovskiy, A.I., Zheleznyak, M.G. et al. (eds) *Entsiklopediya Suchasnoi' Ukraïni* [Encyclopedia of Current Ukraine]. Kii'v: Institut entsiklopedichnikh doslidzhen' NAN Ukraïni. [Online] Available from: <https://esu.com.ua/article-30433> (Accessed: 12th November 2024).

3. Vavrik, V.R. (1973) *Kratkiy ocherk galitsko-russkoy pis'mennosti* [Brief Essay on Galician-Russian Writing]. Louvain: [s.n.].

4. Vodovozov, N.V. (1970) Russkie pisateli avstriyskoy Galitsii [Russian writers of Austrian Galicia]. *Moskovskiy pedagogicheskiy institut im. V.I. Lenina. Uchenye zapiski.* 405. pp. 291–309. [Online] Available from: <https://web.archive.org/web/20070930211231/http://www.edrus.org/content/view/4669/56/> (Accessed: 15th October 2024).

5. Ghattas, N. (2019) Poet. Pisatel'. Voin [Poet. Writer. Warrior]. *Za russkoe delo.* 5(194). pp. 6–7.

6. Ghattas, N. (2017) Poeticheskaya dusha [Poetic soul]. *Za russkoe delo.* 1(76). p. 6.

7. Glebovitsky, N.P. (1905) *Rasskazy i ocherki* [Stories and essays]. Vol. 1. Lvov: Stavropegian Institute.
8. Glebovitsky, N.P. (1906) *Etyudy i ocherki* [Sketches and Essays]. Vol. 2. Lvov: Stavropegian Institute.
9. [Glebovitsky, N.P.] (1911) "Pane Kostyu, mayte kurazh" i "Postoli Kirila". *Satira o vkrains'kikh velikanakh Nikolii Svata*. Lvov: Stavropegian Institute.
10. Glebovitsky, N.P. (1911) *Za veru bat'kov* [For the Faith of the Fathers]. Lvov: Stavropegian Institute.
11. Glebovitsky, N.P. (1912) *Za veru ottsov* [For the Faith of the Fathers]. Lvov: Stavropegian Institute.
12. Glebovitsky, N.P. (1913, 1914) *Avstriya, Rossiya i mazepentsy (pis'ma iz Galitskoy Rusi)* [Austria, Russia and the Mazepenians (letters from Galician Rus)]. *Slavyanskije izvestiya*. 1913: 10th March. pp. 271–272; 7th April. pp. 337–339; 19th May. pp. 435–436; 16th June. pp. 475–477; 14th July. pp. 518–519; 11th August. pp. 544–545; 22nd September. pp. 625–626; 17th September. pp. 719–721; 1914: 1st January. pp. 16–17; 1st March. pp. 16–17; 15th June. pp. 165–166.
13. Gorin, V. (2013) *Tril'ovs'kiy Kirilo Yosipovich*. In: Smolii, V.A. (ed.) *Entsiklopediya istorii' Ukra'ni: u 10 t.* [Encyclopedia of the History of Ukraine: 10 vols]. Vol. 10. Kii'v: Naukova dumka. pp. 152.
14. Gankevich, L. (1908) *Dodatok. Yak moskovs'kiy yani'char, Glebovitskiy plyuvav v litse svomu narodovi*. In: *Ukra'ins'ko-pol's'ka sprava v avstriys'kim parlyamenti'. Promovi: posliv posliv tt. Yatska Ostapchuka, Gnata Dashin'skogo i Semena Vitika pri galits'kiy debati' v avstriys'kim parlyamenti' (20–26 maya 1908 r.)*. *Dodatok: Yak moskovs'kiy yani'char, Glebovitskiy plyuvav v litse svomu narodovi? Nakladom drogobits'kikh tovarishiv Ivana Kosheletskogo i Vasilya Kotska*. *Vidavnitstvo "Chervoniy prapor"*. Parts 4–5. Lviv: Z Drukarni Udi'lovoi'. pp. 51–55.
15. *Galician-Russian Matitsa Literary Society*. [Online] Available from: http://annales.info/sbo/contens/_g.htm#gm_03_1 (Accessed: 15th September 2024).
16. Lobov, L.P. (1909) *Glebovitskiy. Literaturnaya kharakteristika* [Glebovitsky. Literary characteristics]. *Slavyanskije izvestiya*. 1. pp. 93–99.
17. Mirovich, R.D. (1971) *Alfavitnyy ukazatel' zhertv avstro-mad'yarskogo terrora vo vremena Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. na oblastiakh Galitskoy i Bukovinskoy Rusi* [Alphabetical index of victims of the Austro-Magyar terror during the First World War of 1914–1918 in the regions of Galician and Bukovinian Rus]. Lvov: [s.n.]. [Online] Available from: <https://personalhistory.ru/papers/talergof.txt> (Accessed: 15th September 2024).
18. *Vestnik voennogo dukhovenstva*. (1908) *Osvyashchenie pamyatnika geroyam Gvardeyskogo ekipazha, pogibshim v minuvshuyu voynu* [Consecration of the monument to the heroes of the Guards crew who died in the last war]. 1st June. pp. 348–351.
19. Trotskiy, L. (1926) *Sochineniya* [Works]. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. pp. 456–457.

20. Sulyak, S.G. (2023) Joseph Levitsky – the enlightener of Galician Rus. *Rusin*. 71. pp. 16–51 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/71/2
21. Sulyak, S.G. (2022) Julian Yavorsky- a scholar, social and political activist of Carpathian Rus. *Rusin*. 68. pp. 70–130 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/68/5
22. Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2014) Archpriest Kassian Bogatyrets – a researcher of the church history of Bukovinian Rus. *Rusin*. 1(35). pp. 143–164 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/35/11
23. Yavorskiy, Yu.A. (1922) N.P. Glebovitskiy. In: *Iz galitsko-russkogo pomyanika. Shest' nekrologov. Professor T.D. Florinskiy, N.P. Glebovitskiy, D.I. Ventskovskiy, N.I. Antonevich, E.I. Kaluzhnyatskiy, F.I. Svistun. Otdel'nyy ottisk iz "Vremenika Stavropigiyskogo instituta" na 1923 g.* [From the Galician-Russian memorial book. Six obituaries. Professor T.D. Florinsky, N.P. Glebovitsky, D.I. Ventskovsky, N.I. Antonevich, E.I. Kaluzhnyatsky, F.I. Svistun. A separate reprint from the "Timetable of the Stavropegian Institute" for 1923]. Lvov: Stavropegian Institute. pp. 9–12.
24. *Parlament Österreich Republik. Parlamentarier. (1848–1918)* Hlibowizki (Hlibovic'kyj), Mykola Dr. iur. Biografie. [Online] Available from: <https://www.parlament.gv.at/recherchieren/personen/parlamentarierinnen-ab-1848/parlamentarier-1848-1918/Hlibowizki> (Accessed: 15th September 2024).

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)“1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/6

«Украинский поход» 3-й Русской армии Врангеля (октябрь–ноябрь 1920 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Осенью 1920 г. на территории Польши была создана 3-я Русская армия (РА) из бывших военнослужащих других белых армий и пленных красноармейцев. Формально она подчинялась главнокомандующему Русской армии П.Н. Врангелю, но фактически находилась в зависимости от Русского политического комитета в Варшаве (РПК) во главе с Б.В. Савинковым. Первоначально предполагалось использовать русские части на польском фронте, но к моменту подписания советско-польского прелиминарного мира в октябре 1920 г. они так и не успели полностью сформироваться, поэтому перед представителем Врангеля в Польше генералом П.С. Махровым встал вопрос, что делать: или интернировать армию, или вывести её на территорию, контролируемую петлюровцами (армией Украинской Народной Республики). Командующий 3-й РА генерал Б.С. Пермикин, действуя от имени РПК (но не от имени Врангеля), достиг договорённости с украинским командующим генералом М.В. Омеляновичем-Павленко, и 3-я РА была перебросена в район Проскурова и продолжила формироваться в тылу петлюровских войск. В ноябре 1920 г. 3-я РА вместе с петлюровцами попыталась отразить наступление Красной армии, но, понеся серьёзные потери, была вынуждена уйти через реку Збруч в Галичину и там интернироваться. Во многом армия была спасена благодаря деятельности её начальника штаба полковника Б.П. Полякова, изначально настроенного против сотрудничества с петлюровцами. Опираясь на материалы целого ряда архивов и мемуары участников событий, автор реконструирует историю «украинского похода» 3-й РА, показывает её взаимоотношения с петлюровскими частями и крестьянским населением Волыни и Подолии.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна–осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>.

Ключевые слова: Гражданская война, советско-польская война, 3-я Русская армия, Украинская Народная Республика, Русский политический комитет, Волынь, Подольская губерния

“The Ukrainian Campaign” of the Wrangel’s 3rd Russian army (October – November 1920)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

In the autumn of 1920, the 3rd Russian Army (3rd RA) was formed in Poland from former servicemen of other White armies and captured Red Army soldiers. Formally, it was subordinate to the Commander-in-Chief of the Russian Army Pyotr N. Wrangel, but in fact it was dependent on the Russian Political Committee in Warsaw (RPC) headed by Boris V. Savinkov. Initially, Russian units were to be used on the Polish front, but by the time the Soviet-Polish preliminary peace was signed in October 1920, they had not yet been fully formed, so Wrangel’s representative in Poland, General Pyotr S. Makhrov, was faced with the question of what to do: either intern the army or withdraw it to the territory controlled by the Petliurists (army of the Ukrainian People’s Republic). The commander of the 3rd RA General Boris S. Permikin, acting on behalf of the RPC (but not on Wrangel’s behalf), reached an agreement with the Ukrainian commander General Mikhail V. Omelianovych-Pavlenko, and the 3rd Army was transferred to the Proskurov area, where it continued to form in the rear of Petliura’s troops. In November 1920, the 3rd RA, together with the Petliurists, attempted to repel the offensive of the Red Army, but, having suffered serious losses, was forced to retreat across the Zbruch River to Galicia to be interned there. In many ways, the army was saved thanks to the activities of its Chief of Staff, Colonel Boris P. Polyakov, who was initially opposed to cooperation with the Petliurists forces. Based on materials from a number of archives and memoirs of participants, the author reconstructs the history of the “Ukrainian campaign” of the 3rd RA, showing its relationship with Petliura’s units and the peasant population of Volhynia and Podolia.

---

* The research is supported by the Russian Science Foundation, Project № 24-28-00046 “The Ukrainian question in general P.N. Wrangel’s policy (spring – autumn 1920)”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

Keywords: Civil War, Soviet-Polish War, 3rd Russian Army, Ukrainian People's Republic, Russian Political Committee, Volhynia, Podolia Governorate

Пребывание русских частей, сформированных в Польше и формально входящих в состав войск П.Н. Врангеля под названием 3-й Русской армии (3-й РА), на территории Волыни и Подолии осенью 1920 г. является одним из малоизученных эпизодов Гражданской войны. Немало вопросов вызывают и взаимоотношения этой армии с армией Украинской Народной Республики (петлюровцами), так как характер этих контактов был не очень типичен для политики Белого движения. Кое-какие упоминания про 3-ю РА и её «украинский поход» можно встретить в ряде работ, но они чрезвычайно скупы и носят отрывочный характер. Так, история формирования русских частей в Польше рассмотрена в работах З. Карпуса [43: 109–135], Д.Ю. Алексеева [1: 144–150, 163–165, 171–176] и Т.М. Симоновой [22: 56–99], но основное внимание в этих исследованиях уделяется периоду лета – начала осени 1920 г. Взаимоотношения 3-й РА с армией УНР кратко освещены в очерке Я.Ю. Тинченко [23].

Цель данной статьи – реконструировать «украинский поход» 3-й РА в октябре – ноябре 1920 г., уделив при этом внимание её отношениям с украинскими частями и местным населением, а также характеристикам некоторых представителей командного состава армии.

Мы не будем останавливаться на периоде формирования русских частей в Польше, так как он подробно освещён в указанных выше работах. Отметим лишь самые основные моменты. Летом 1920 г. в Варшаве группой эмигрантов, объединившихся вокруг Б.В. Савинкова и исповедовавших «демократические» взгляды, был создан Русский эвакуационный комитет (РЭК), впоследствии переименованный в Русский политический комитет (РПК). Под руководством этого комитета и при финансовой поддержке со стороны поляков в окрестностях Калиша началось формирование русских частей, в которые вступали бывшие военнослужащие армией генералов Н.Н. Юденича и Н.Э. Бредова, перешедшие на сторону поляков казаки, советские военнопленные. Первоначально эти части возглавил генерал-лейтенант П.В. Глазенап, а после его отставки – генерал-майор Л.А. Бобошко. Оба генерала исповедовали монархические взгляды, ориентировались на Врангеля и критически относились к «демократическому направлению» РПК. Даже после того, как Савинков признал верховенство Врангеля и начал координировать свои действия с его военным представителем в Польше генерал-лейтенантом П.С. Махровым, напряжение между командным составом русских частей в Польше и руководством РПК сохранялось [7: 1–3].

К концу сентября 1920 г. Врангель дал согласие на формирование русской армии в Польше, но поставил ряд условий: 1) армия должна быть выдвинута на правый фланг польско-украинских войск, чтобы при дальнейшем наступлении примкнуть к левому флангу врангелевских войск, наступающих из Северной Таврии (в это время Врангель готовил Заднепровскую операцию и надеялся на то, что при её успехе войска, идущие из Крыма, смогут объединиться с войсками, идущими из Польши, на Правобережной Украине); 2) армия должна называться 3-й РА, так как находящиеся в Крыму врангелевские войска состоят из двух армий; 3) командный состав 3-й РА должен назначаться Врангелем [5: 180]. Условия эти были приняты, и, таким образом, создалось двусмысленное положение: с одной стороны, 3-я РА подчинялась только Врангелю, но при этом из-за расстояния не могла управляться им непосредственно; с другой стороны, финансирование армии зависело от РПК, получавшего деньги от поляков благодаря тесным связям между Савинковым и начальником Польского государства маршалом Ю. Пилсудским. «Положение Комитета оставалось весьма двусмысленным: он был посредником между польскими властями и русскими частями; от него исходили все средства и от него же шло снабжение, и через него же – вооружение отрядов, но ни смещать, ни назначать командный состав Комитет не мог», – вспоминал В.В. Савинков, младший брат лидера РПК [21: 830].

Поляки в конце сентября 1920 г. приняли решение о выдвигании русских частей на фронт. К этому времени кроме дивизии Бобошко формировались и другие части под командованием генерал-майора Б.С. Пермикина (Пермыкина, Перемыкина), генерал-лейтенанта графа А.П. фон дер Палена, генерал-майора В.С. Трусова. 26 сентября

Махров издал приказ о назначении Пермикина начальником группы русских войск, в которую вошли 1-й пехотный отряд Бобошко и Казачий отряд Трусова [30: 121]. При этом назначение позиционировались как временное, так как на тот момент Махров не был лично знаком ни с кем из назначенных генералов, кроме Бобошко. Офи-

Б.С. Пермикин. Санкт-Петербург, 1911 г. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61099. Л. 60.

циальный приказ Врангеля о создании 3-й РА был отдан 3 октября 1920 г. Главнокомандующий приказывал «всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из Красной армии», вступить в её ряды и «честно бок о бок с польскими и украинскими войсками бороться против общего нашего врага, идя на соединение с войсками Крыма» [5: 201].

Предполагалось, что впоследствии группа русских войск объединится с другими русскими подразделениями в Польше, которые пока что не признали главенства Врангеля, такими как отряды генерал-майора С.Н. Булак-Балаховича и есаула М.И. Яковлева, и все вместе они и составят 3-ю РА. В связи с этим на повестку дня встал вопрос о том, кто будет командовать армией. Врангель хотел, чтобы 3-ю РА возглавил генерал-лейтенант Е.К. Миллер. Махровым, в свою очередь, была предложена кандидатура генерал-лейтенанта В.Ф. Кирея, но она не была одобрена окружением Врангеля [31: 277, 327–328]. «Передо мной стояла трудная задача, – вспоминал Махров. – Из всех наличных войсковых начальников я не видел ни одного, кроме генерала Бобошко, который был достоин во всех отношениях быть командующим этой русской армией, но, к сожалению, он был неприемлем для польского командования и для Савинкова. Другой генерал, граф Пален, был неспособен для этой роли и тоже не встречал симпатий ни со стороны польского командования, ни со стороны Савинкова, которого нельзя было игнорировать. Предложение генерала Врангеля назначить командующим армию генерала Миллера польским командованием было отклонено. Ждать дальше было невозможно. Савинков мне предложил двух кандидатов, желанных и для польского командования, и для Савинкова: генерала Пермыкина и ген[ерала] Трусова». 10 октября 1920 г. Махров пригласил генералов к себе и сделал обоим предложение возглавить армию. Трусов сразу же отказался, Пермыкин же дал согласие. «Пермыкин был ниже среднего роста, блондин лет 30, худой, с бледным лицом и большими светлыми глазами, спокойными и, казалось, задумчивыми. Человек благовопитанный и дисциплинированный, на груди его висел георгиевский офицерский крест. Он не был кадровый офицер, без военной школы, и был произведён в первый офицерский чин за боевые отличия. Его почему-то офицеры называли “Гамлет”, что, как я потом убедился, было недалеко от истины», – описывал свои впечатления Махров [31: 327–329]. Лейтенант Л.В. Камчатов, служивший в оперативной части штаба 3-й РА, отмечал, что Пермыкин «отличался личной отвагой и энергией, но не обладал опытом и знаниями» [10: 49]. Немного иначе характеризовал его глава французской военной миссии в

Польше генерал А. Ниссель в докладе военному министру А. Лефевру и маршалу Ф. Фошу: «Генерал Пермикин – человек молодой, но без особого авторитета и энергии» [29: 158]. По мнению В.В. Савинкова, назначение Пермикина оказалось ошибочным, так как генерал «вообразил себе, что он великая птица и, не выйдя даже ещё в поле, почувствовал себя героем», а кроме того, оказался монархистом, хотя раньше выдавал себя за сторонника демократических идей [21: 848].

11 октября 1920 г. Махров издал приказ, согласно которому группа войск генерала Пермикина должна была именоваться впредь 3-й РА, сам же Пермикин допускался к исполнению должности её командующего [2: 1а]. Впрочем, уже 13 октября Махров, понимавший, что новый командующий совершенно некомпетентен в военных вопросах и «непригоден для занятия этой должности», просил Врангеля назначить другого человека. Чтобы не поставить войска в беспомощное положение, Махров решил впредь до назначения нового командующего сделать начальником штаба 3-й РА полковника Б.П. Полякова, «человека энергичного, умного, образованного и отличного офицера Генерального штаба» [31: 350]. Бывший военспец Красной армии, одновременно с этим работавший в белом подполье, Поляков в 1919 г. занимал пост начальника управления снабжений Северо-Западной армии. Как и другие руководители 3-й РА, он придерживался монархических взглядов [6]. 14 октября Махров допустил Полякова к исполнению должности начальника штаба [30: 187]. Забегая вперед, отметим, что 4 ноября Врангель прикажет генерал-лейтенанту Я.Д. Юзефовичу безотлагательно выехать в 3-ю РА для вступления в должность её командира [32]. Юзефович действительно прибудет в Польшу, но вступить в командование армией так и не успеет.

13 октября Пилсудский пригласил Махрова в Бельведерский дворец и поставил его в известность, что политическая обстановка резко изменилась: польская делегация в Риге накануне подписала прелиминарный мир с большевиками, который должен вступить в силу через 144 часа. Таким образом, Пилсудский имеет в своём распоряжении только шесть дней для того, чтобы произвести войсковые перегруппировки, в связи с чем он предложил или вывести русские войска немедленно на фронт (за пределы новой польской границы), оказав при этом им материальную помощь, или разоружить и интернировать их. Пилсудский дал сутки на принятие решения, но Махров тут же попросил немедленно перебросить 3-ю РА на правый фланг польско-украинского фронта, как этого желал Врангель. В тот же день у Савинкова состоялось чрезвычайное заседание РПК, на котором присутствовал и Махров. Савинков заявил, что он решил

заключить соглашение с Петлюрой, и РПК одобрил это его решение. В тот же день выяснилось, что Булак-Балахович решил не подчиняться Врангелю и вывести свою армию в Белоруссию для самостоятельных действий [31: 348–349]. Савинков сделает основную ставку именно на Балаховича и отправится вместе с ним в наступление на Мозырь, а 3-я РА, нелояльная РПК, будет снабжаться по остаточному принципу [10: 42]. Решение выводить армию на Украину было поддержано и русскими дипломатами, полагавшими, что переброска её в Крым в текущих условиях трудноосуществима. По мнению дипломатического представителя в Варшаве В.М. Горлова, армия Пермикина, объединившись с армией УНР, возглавляемой генерал-поручиком М.В. Омеляновичем-Павленко, станет серьёзной силой «с русскими тенденциями, которые облегчат связь Украины с Южно-Русским правительством» [37].

В итоге Пермикин решил сам договариваться с петлюровцами, буквально за несколько недель до этого захватившими часть Подольской губернии, а теперь вынужденными, как и русские части, покинуть польскую территорию и продолжать борьбу с красными самостоятельно. Пермикин хотел предложить им посильную помощь и рассчитывал занять место на правом фланге. С этой целью 3-я РА была переведена в остающийся за поляками район города Ровно бывшей Волынской губернии, а оттуда походным порядком в сторону Волочиска [10: 54]. 22 октября Пермикин из Ровно отправил телеграмму находившемуся в Городке Омеляновичу-Павленко, предложив встретиться. Украинский командарм, прежде чем дать ответ, связался с Головным атаманом С.В. Петлюрой по прямому проводу и изложил предложение Пермикина. Петлюра ответил, что считает факт появления 3-й РА позитивным и не имеет ничего против встречи, но при этом потребовал, чтобы русский генерал подчинялся Главному командованию войск УНР, оперировал на северном (т.е. левом) крыле и не имел права проводить мобилизации людей и коней и делать реквизиции зерна без согласия украинского правительства. Кроме того, Петлюра надеялся на получение от 3-й РА патронов, а также выразил пожелание, чтобы Пермикин ушёл на территорию России после того, как украинские войска достигнут северной границы Украины [42: 321–322].

25 октября Пермикин сообщил руководству РПК в Варшаве, что вылетает на аэроплане на встречу с украинским командармом [8: 27–27 об.]. Омелянович-Павленко вспоминал, что Пермикин приехал в Городок, где тогда располагался штаб украинской армии, в сопровождении французского генерала Бонуа, заместителя главы французской военной миссии в Польше, и нескольких штабных офи-

церов. Встреча, по его словам, закончилась под вечер подписанием военной конвенции [16: 439–440]. Согласно мемуарам Пермикина, он приехал в штаб Павленко, находившийся на сахарном заводе в Городке, вместе с генералом Бобошко. «Мы были приглашены к обеду. На столе был огромный торт, украшенный шоколадным трезубцем. В застольной речи генерал Бобошко отвечал по-украински», – вспоминал Пермикин. По его словам, почему-то из разговора, переводимого Бобошко, ничего не получалось, и тогда командующий 3-й РА попросил Бобошко побеседовать с офицерами огромного украинского штаба, а сам остался наедине с Павленко. Генералы, разговаривая по-русски, договорились обменяться представителями, которые должны будут находиться при русских и украинских частях, а также урегулировали ряд других вопросов. «Так состоялось соглашение между Врангелевской армией и армией Петлюры», – заключал Пермикин в своих воспоминаниях [18: 88–89].

В действительности память подвела обоих генералов. Во-первых, никакого генерала Бонуа во французской миссии не было, а приезжал в украинский штаб вместе с Пермикиным прикомандированный к 3-й РА генерал О. Троньо [20: 220] (впоследствии за помощь армии Пермикин представит Троньо к награждению орденом Св. Владимира 3-й степени, а одного из варшавских сотрудников французской миссии, майора Ш. де Голля, наградит орденом Св. Анны 3-й степени [20: 113]). Во-вторых, никакого соглашения или военной конвенции подписано не было. В-третьих, была не одна встреча, а две. 26 октября Пермикин приезжал на разговор с украинским командармом в сопровождении Троньо, после чего вернулся в Ровно, где встретился с Пилсудским. 28 октября в штабе армии УНР состоялось совещание командиров дивизий, на которое был приглашён и Пермикин (видимо, в сопровождении Бобошко) [20: 221; 24: 317]. На этом совещании Пермикин сделал письменное заявление на имя Омеляновича-Павленко: «До подписания военной конвенции про совместную борьбу с большевиками между правительством головного атамана С.В. Петлюры и формировавшим армию Русским политическим комитетом в Польше я считаю по складывающимся обстоятельствам необходимым оказать посильную помощь дружественной армии Украинской Народной Республики, беру на себя обязанность относиться к правительству и населению Украины как к правительству и населению дружественного и союзного государства и не вмешиваться во внутренние дела этого государства. Я уверен, что командование армии Украинской Народной Республики со своей стороны даст определённую помощь, чтобы облегчить дело наискорейшего формирования порученной мне армии» [24: 317]. Таким образом, Пермикин взял на себя одно-

сторонние обязательства, причём не от имени Врангеля, никогда не дававшего ему подобных полномочий, а от имени РПК.

Омельянович-Павленко это заявление принял, после чего перешёл к вопросу о военной кооперации. Он сказал, что планирует вести наступление по направлению к югу, к Одессе, Пермикину же предложил действовать по направлению к северу. Ставить русские отряды на своём правом фланге украинский командарм решительно отказался [39]. Причины этого были вполне очевидны, так как создание непрерывного белого фронта в Новороссии петлюровцев не устраивало. К тому же им была необходима Одесса для организации вывоза сельхозпродукции и торговли с Францией и другими странами Антанты. Впрочем, Заднепровская операция Врангеля провалилась, и вопрос об объединении русских армий был отложен, так что максимум, на что мог рассчитывать теперь Пермикин – это попытаться оттянуть на себя часть красных войск, дав тем самым Врангелю хоть какой-то шанс на удержание Крыма, а для достижения этой цели было уже не так важно, на каком фланге, правом или левом, армия будет находиться. Перебрасывать 3-ю РА в Крым было уже поздно, поэтому Пермикин согласился на условия Омеляновича-Павленко, тем самым фактически нарушив инструкции, данные Махрову Врангелем. Из общения с украинским командармом Пермикин вынес, что «мнение о его русофильстве», распространённое во врангелевских кругах, «совершенно неосновательно», «он является самым “щирым” украинцем» [33: 5]. Несмотря на всё это, Пермикин выразил готовность подчиниться Омеляновичу-Павленко и даже настаивал на том, чтобы украинскими и русскими войсками в ближайшие дни были произведены совместные операции против большевиков [39]. В итоге командующие договорились, что 3-я РА сосредоточится в районе Подволочиск – Чёрный Остров, а к 3 ноября выдвинет к Проскурову всё, что будет способно к бою, в качестве армейской резервной группы. Район сосредоточения армии должна была прикрывать украинская 2-я Волынская дивизия [16: 440]. В начале ноября Пермикин отправил в Варшаву телеграмму, в которой кратко сообщил, что имел свидания с Пилсудским и Омеляновичем-Павленко, причём «результаты первого свидания вполне удовлетворительные, а второго отличные» [38]. Махров отнёсся к идее Пермикина наступать совместно с украинцами скептически, находя, что никаких ясных обещаний ему дано не было и никакого точного плана действий не выработано [39]. Впоследствии Махров напишет, что Пермикин – «личность совершенно ничтожная, но мнившая себя политическим деятелем» [31: 455].

После встречи с Омеляновичем-Павленко 3-я РА начала перемещение в район Проскурова, в тыл левого фланга армии УНР. Штаб

армии проследовал из Изяславля через Староконстантинов на Проскуров [10: 54–55]. 3 ноября Пермикин объявил об отъезде по делам службы в Варшаву, оставив вместо себя начальника штаба Полякова. Кроме того, он сообщил в приказе, что 4 ноября 3-я РА вступает в район расположения вооружённых сил УНР, и напомнил всем чинам, что армия УНР «дружественная нам» [2: 14–14 об.]. Поляков, став временным командующим, приказал немедленно организовать при станции Волочиск базу армии и этапную линию Волочиск – Проскуров с двумя промежуточными этапными пунктами в деревнях Порохня и Клиновцы. Сборным этапом стало село Копачёвка, а головной этап расположился в Проскурове в д. № 61 по ул. Шевченко [2: 21 об., 26]. Место расквартирования оперативного отдела штаба 3-й РА должно было обозначаться Георгиевским флагом, все остальные отделы штаба – национальными (бело-сине-красными) флагами и досками с обозначением отдела, штабы частей – национальными флагами с номером в левом верхнем углу [2: 3 об., 12]. Представителем 3-й РА при главном командовании армии УНР был назначен полковник Н.Н. Саламанов, его помощником – подполковник П.С. Булыгин, курьером – подпоручик Н.Д. Яворовский. В свою очередь, представителем главного командования армии УНР при штабе 3-й РА стал полковник А.А. Шаповал, его помощником – подполковник А.И. Макушенко, офицером для связи при них – сотник Н.Г. Тарнопольский [2: 25, 31, 70]. Несмотря на то, что 3-я РА не должна была вмешиваться во внутренние дела УНР, Поляков 14 ноября распространил на местности, занятые русскими войсками, приказ главнокомандующего Вооружёнными силами на Юге России об усилении наказаний на основании «Положения о полевом управлении войск в военное время в районе, занятом Вооружёнными Силами» и в соответствии с кн. XXII «Свода военных постановлений» 1869 г. [2: 27 об.–28].

«Взаимоотношения высших слоёв армий, командующих и штабов были дружественные, отношения же офицерства и солдат я назвал бы за редкими исключениями сердечными», – вспоминал Камчатов [10: 94]. Махров отмечал, что в момент прибытия 3-й РА в Подольскую губернию украинское командование переоценивало свои силы, надеясь справиться с большевиками собственными средствами, и потому относилось к русским частям недоброжелательно, но по мере ухудшения положения украинцев их отношение к 3-й РА стало улучшаться, а впоследствии, после прорыва украинского фронта красными, Омелянович-Павленко и вовсе переехал в Проскуров под её защиту [33: 4]. Украинский главком отмечал в мемуарах, что «между нами, националистами Украины, и этой группой воинов-великороссов не могло не быть достигнуто взаимопонимание», поэтому

на «корректное поведение командования 3-й Русской армии штаб украинской армии отвечал тем же». Украинский командующий выражал надежду, что события ноября 1920 г. в будущем могут быть отмечены «как первые фактические этапы в борьбе за достижение всеславянского взаимопонимания» [16: 474–475]. Правда, Пермикин вспоминал, что его начальник штаба Поляков, обозначенный в мемуарах как «полковник Х.», не понимал «боевой необходимости сотрудничества с украинцами» и отговаривал своего начальника от того, чтобы ехать первым к Омельяновичу-Павленко, считая, что это подорвёт его престиж [18: 98]. Впрочем, своего отношения к украинцам Поляков явно не демонстрировал, и украинский командующий оставил о нём вполне комплиментарные воспоминания, отметив, что это был человек «простой, без всякого жонглёрства, мастер в своём деле» [16: 474].

В то время как украинские военные относились вполне лояльно к 3-й РА, политические круги петлюровцев пытались внести в неё раскол. Так, например, официозная газета «Слово», издававшаяся в Каменце-Подольском, приветствуя начавшееся сотрудничество между двумя армиями, заявляла, что «украинская общественность никогда Врангелю искренне не поверит», и поэтому полагала, что РПК «должен порвать с Врангелем» [17]. «Войско Пермикина – сволочь. Есть там и савинковский элемент, но в малом количестве. <...> Эти отряды Врангель хотел бы поставить на наш правый фланг, но этого никак допустить нельзя», – ещё 22 октября писал один из представителей УНР на переговорах с РПК П.И. Зайцев главе своего правительства А.Н. Ливицкому. Зайцев предлагал вместе с РПК расколоть 3-ю РА, попытавшись перетянуть казаков в армию УНР, а «наихудшую часть отправив к Врангелю через Румынию» [25: 55 об.]. Натянутыми отношения у 3-й РА были и с казаками из Отдельной сводно-казачьей дивизии есаула М.И. Яковлева, примкнувшего к армии УНР. Впрочем, данный сюжет требует отдельного подробного разбора, поэтому мы не будем на нём останавливаться.

Согласно украинским данным, к 10 ноября 1-я дивизия Бобошко насчитывала 2 150 штыков, 100 сабель, 32 пулемёта и 12 орудий, Сводно-казачья дивизия Трусова – 620 штыков, 300 сабель, 20 пулемётов, 2-я же стрелковая дивизия Палена находилась в стадии формирования [24: 329]. По сведениям Махрова, в 3-й РА было около 9 000 человек и 2 500 лошадей [33: 9]. К ноябрю полностью сформирована была только 1-я дивизия, Сводно-казачья дивизия – наполовину, а 2-я дивизия формировалась прямо на фронте из офицеров и солдат, прибывающих из Эстонии. Относительно неплохо обмундирована и вооружена была лишь дивизия Бобошко.

Правда, согласно данным интендантского отдела, вместо запрошенных фуражек она получила папахи [3: 1–2 об.]. Камчатов, впервые столкнувшийся с военнотружущими дивизии на станции Оженин под Ровно, вспоминал: «Вокзал переполнен военными; все в старой русской форме, в погонах и маленьких отороченных серым барашком круглых шапках, так называемых “кубанках”. Это, оказывается, форма русских частей» [10: 24–25]. В отличие от дивизии Бобошко, дивизия Палена была полураздетой [10: 28–29]. У казаков также были большие проблемы с обмундированием. В начале октября они обратились к Махрову с просьбой помочь купить цветное сукно на лампасы, но у представителя Врангеля денег не было, и поэтому он перенаправил просьбу Савинкову [30: 180]. В воспоминаниях одного из красных, участвовавших в боях с 3-й РА, есть эпизод о столкновении 17 ноября у деревни Казимировка под Проскуровом с группой «странной пехоты» числом до 150 человек, у которых «на рукавах и на верхах фуражек нашиты белые кресты» [13: 291–292]. Из-за белых крестов мемуарист называл противников «белокрестниками», а затем уже советский историк Г.М. Шевчук превратит их в отдельное подразделение, утверждая, что «белокрестники» – это сформированный из денкинских и петлюровских офицеров отряд, «самые ярые враги трудящихся» [27: 190]. Белый крест могли носить как бывшие военнотружущие Северо-Западной армии, сохранившие свою старую форму и прежнюю символику, так и казаки из дивизии Трусова. Последние были одеты в ту форму, в которой перешли от большевиков к полякам, а казаки Уральского полка и вовсе носили «будёновки». Именно поэтому, по свидетельству есаула Е.Е. Ковалёва, было приказано нашить на левый рукав верхней одежды крест из белой тесьмы шириною полтора дюйма, в связи с чем среди казаков в ход вошло слово «крестоносцы» [12: 17]. В целом армия была вооружена и одета не более чем на 50 %. Пехота имела мало винтовок, пулемётов и патронов, лишь 1/5 часть конницы имела коней, у многих казаков не было пик, шашек и сёдел, артиллерия не имела снарядов, отсутствовали транспортные средства и средства связи, продовольствия армия получала в четыре раза меньше требуемого, а санитарная служба так и не была налажена. Поляки обещали снабдить армию, но так этого и не сделали. В результате многие солдаты были одеты в одно нижнее бельё и во время переходов покрывались вместо шинелей одеялами. 2-я дивизия передвигалась перебежками от одного до другого жилого помещения, где можно было хоть немного погреться [33: 10–12].

В этих условиях лишь хорошие отношения с местными крестьянами помогали армии хоть как-то существовать. «3-я Русская армия, именно

как армия русская, была встречена населением, всем без исключения, как давно жданная и желанная освободительница. В народе создалась легенда, что якобы это остатки старой русской царской армии, сохранившейся где-то за границей, – вспоминал Махров. – Народ открыто выражал свои симпатии, и в армию желало поступить большое количество добровольцев. Население просило объявить мобилизацию и было очень огорчено, когда по непонятным для него политическим соображениям сделать это было невозможно. Народ видел в 3-й армии освободительницу не только от большевиков, но и от петлюровцев» [33: 12–13].

Офицеры 3-й РА не скрывали своих монархических взглядов. Ещё во время пребывания на Волыни они, вызывая недовольство савинковцев, рисовали на стенах офицерских собраний двуглавых орлов с коронами и всеми царскими регалиями [9: 16 об.], так что слухи о том, что это остатки старой русской армии, возникали явно не на пустом месте. 6 ноября 1920 г. Махров писал в Севастополь и Париж: «Население Украины встречает части 3-й армии с радостью. Большое количество добровольцев просится на службу, лишь бы не служить в войсках Петлюры, имя которого непопулярно. Есть случаи перехода офицеров с украинской службы на русскую службу, причём в будущем есть основание предполагать если не переход целых частей, то сильное изменение настроения украинских войск в нашу пользу» [34]. В мемуарах Махров отмечал, что население Подольской губернии «настроено было антибольшевистски, но не менее враждебно оно относилось к петлюровцам», так как армия УНР, также имевшая проблемы со снабжением, грабила жителей подконтрольной территории [31: 379]. Камчатов вспоминал, что 3-я РА находилась на иждивении у населения: по приходе её в село или деревню к начальнику дивизии приглашались выборные представители крестьян, которым объяснялось положение и выражалась просьба помочь чем можно, после чего староста распределял людей и лошадей по дворам, вменяя в обязанность хозяевам содержать их. «И это делалось вполне добровольно, с чисто русским радушием, хотя такой военный постой, подчас продолжавшийся несколько дней и даже неделю, был зачастую не по силам крестьянам, разорённым целым рядом военных действий и последовательных перемен власти», – заключал мемуарист [10: 83]. Некий Н. Петров на страницах монархического журнала «Двуглавый орел» вспоминал, как крестьяне в районе Острога первоначально отнеслись к армии недоверчиво, но после того, как им была прочитана и объяснена земельная программа Врангеля, настроение «резко изменилось, и пытавшийся возражать петлюровский агитатор был выгнан толпой с совершенно недвусмысленными фразами, причём крестьяне совершенно не дали ему говорить» [19: 45–46].

Изначально украинцы планировали после окончания перемирия, действовавшего и на их фронте со второй половины октября, перейти в наступление, но, по мнению Полякова, приказ о наступлении попал в руки большевиков [20: 202]. В итоге Красная армия не стала дожидаться украинского наступления, ударив первой 10 ноября и прорвав фронт правой группы в районе села Берёзовка [24: 331]. Камчатов вспоминал, что Омельнович-Павленко лично приехал к Полякову с просьбой об оказании моральной поддержки путём выдвижения на фронт русских частей, но вскоре стало ясно, что поддержка нужна не только моральная, и поэтому приказание двигаться получили лишь боеспособные части 1-й дивизии Бобошко и некоторые казачьи. «Украинцам приходилось туго; это явствовало из всех их сообщений, и они рассчитывали нашей маленькой армией задержать начинавшееся бегство и разложение», – заключал Камчатов. На 14 ноября было назначено контрнаступление, причём части 1-й дивизии 3-й РА, занявшие накануне позиции на фронте южнее железнодорожной линии в районе станции Деражня, должны были, действуя совместно с украинцами, овладеть линией Елтушково – Бар [10: 75]. По сведениям, приведённым в докладе Махрова, против всех сил красных дрались только части 3-й РА, в то время как Мазепинский конный полк действовал очень нерешительно, 2-я же Волинская дивизия армии УНР не сдвинулась с места, а при появлении красных почти целиком сдалась в плен, перебив своих офицеров [33: 16]. «Фактически части ген[ерала] Бобошко были единственными выполнившими приказ о наступлении, в которое они и перешли, далеко отбросив противника на своём участке. Однако они не были поддержаны украинцами ни справа, ни слева, т. к. украинские части не выполнили приказа и в наступление не перешли. После целого дня боя 1-й дивизии пришлось, понеся крупные потери, вернуться в исходное положение из опасности быть отрезанной. После этого ничего не оставалось, как отступить, так как украинцы разбежались по домам и обозам и фактически уже не представляли никакой военной силы», – вспоминал Камчатов [10: 75–76]. В оперативной сводке от 16 ноября отмечалось, что накануне особый героизм проявили полки казачьей бригады есаула А.И. Сальникова, которые, «несмотря на ураганный ружейный и пулеметный огонь врага и подавляющее количество его конницы, несколько раз бросались в решительные атаки, неся тяжёлые потери, и умелыми манёврами наносили врагу также большие потери». Во время этих боев «пал смертью храбрых» командир 2-го стрелкового полка полковник А.Ю. Саулевич [24: 346]. Махров отмечал, что «вся тяжесть боя легла на 1-ю стр[елковую] див[изию] ген[ерала] Бобошко, проявившего распорядительность и

храбрость, части же его – большую стойкость. Окружённые противником, они пробивались без патронов штыками и ручными гранатами, и пример сдававшихся в плен украинцев не был для них заразителен» [33: 17]. Омелянович-Павленко также признавал храбрость и дисциплинированность частей 3-й РА, отмечая, что конница Пермикина покрыла себя славой [16: 504–505].

Ещё 15 ноября штаб 3-й РА перешёл из Проскурова в Чёрный Остров, а 17-го на станцию Войтовцы [10: 76]. Согласно воспоминаниям Махрова, во время отступления до границы русским частям «пришлось играть роль арьергарда украинской армии, потерявшей всякую боеспособность», а её командующий «со своим штабом нашёл убежище в 3-й армии» [31: 387]. Возможно, это некоторое преувеличение, хотя сам Омелянович-Павленко не отрицал, что 20 ноября вместе с некоторыми сотрудниками штаба и конвоем ездил по ближним тылам 3-й РА [16: 467]. «Постепенно на фронт вышли также все части казачьей дивизии, которые совместно с частями 1-й дивизии вплоть до самой польской границы отходили в соприкосновении с противником <...>. Целую неделю нашим частям приходилось выдерживать попеременно натиски неприятельской пехоты и кавалерии. Условия были самые тяжёлые, т. к. войска вели бои почти непрерывно, не получая ни продовольствия, ни боевых припасов», – вспоминал Камчатов [10: 76].

Омелянович-Павленко не хотел верить (или делал вид, что не верит) в конечный неуспех, но зато Полякову с первых же дней боёв стало ясно, что надо отходить в Польшу. 17 ноября Поляков поехал в штаб польской армии с целью обсудить условия на случай перехода границы и вынужденного интернирования. Договорившись с поляками, «он стал принимать меры для того, чтобы по возможности беречь бойцов и не проливать даром русской крови». К 19 ноября украинские и русские войска отошли к линии реки Збруч. Несмотря на то, что поражение было очевидно, Омелянович-Павленко вечером 18 ноября отдал приказ, в котором предписывал казачьей дивизии 3-й РА и конному полку 1-й дивизии двинуться в рейд на оставленные Чёрный Остров и Проскуров. В течение ночи Поляков получил сведения, что из нескольких тысяч украинской кавалерии в операции сможет участвовать лишь один полк Чёрных запорожцев, остальные же части или разбиты, или находятся слишком далеко. Патроны у 3-й РА уже заканчивались, а красная кавалерия пыталась отрезать её от границы. Не желая бесцельно губить безоружных людей и зведомо зная, что наступление украинцами поддержано не будет, Поляков отменил уже отданное приказание о наступлении. «Украинских частей в этот момент уже не существовало; все люди давно удрали в обозы

и только ожидали разрешения поляков, чтобы переправиться через Збруч и интернироваться. Изредка на фронте можно было встретить подводу с двумя офицерами и пулемётом. Зачастую это было всё, что осталось от того или иного полка – командир и адъютант, – вспоминал Камчатов. – План кавалерийской операции не рассчитывал на одержание серьёзного успеха. Очевидно, манёвр этот был предназначен, чтобы задержать наступление наседавших красных и тем дать возможность спокойно отойти на польскую территорию обозам украинцев, состоявшим из тысяч повозок, заваленных сахаром и иным ценным имуществом. Для такой цели не стоило рисковать людьми тем более, что одновременно полк[овник] Поляков получил известие о катастрофе, постигшей ген[ерала] Врангеля в Крыму, и наша роль была сыграна. У нас больше не было цели, ради которой стоило продолжать борьбу» [10: 77–81]. Поляков узнал о поражении Врангеля 18 ноября из польских газет в Волочиске, но частям об этом не сообщил [20: 203–203 об.]. Интересно, что всего лишь за неделю до этого Врангель в Крыму просил верховного комиссара Франции графа Д. де Мартеля помочь добиться от румынского правительства разрешения на пропуск его армии в 40 тыс. человек через территорию Румынии для соединения с отрядами Павленко и Пермикина в Подольской губернии [28: 50], газета же «Крымский вестник», сообщая о ходе эвакуации Крыма, убеждала своих читателей, что «военные операции украинцев продолжают развиваться успешно», а части Пермикина наступают на Коростень и Житомир [15].

3-й РА повезло, что во главе её в тот момент находился Поляков, изначально скептически относившийся к союзу с петлюровцами. Если бы армией командовал недалёкий Пермикин, желавший заслужить доверие Омеляновича-Павленко, приказ был бы выполнен и русские части понесли бы куда большие потери. К счастью для своих подчинённых, Пермикин до армии так и не добрался. Утром 17 ноября он вылетел из Варшавы на самолёте, но попал в авиакатастрофу [4]. В итоге Пермикин, получивший незначительное повреждение позвоночника, прибыл в армию и вступил в командование лишь 24 ноября, когда всё было уже кончено [2: 35; 10: 86]. Впоследствии он, недовольный действиями своего начальника штаба, обвинил его в ненадании контрудара противнику. По мнению Камчатова, обвинения эти были глубоко несправедливы, так как Поляков спас армию от бессмысленного истребления, Пермикин же, «человек высокой личной доблести и прекрасный командир малой боевой части, не был в состоянии постигнуть трудности и ответственности, лежащей на человеке, который призван стоять во главе армии» [10: 87–88].

Пока армия отступала к Збручу, в Варшаве продолжались пере-

говоры между представителями Петлюры и Савинкова. РПК хотел привлечь и Махрова к заключению договора с украинцами, но тот уклонился, сославшись на отсутствие полномочий [39]. К этому моменту представители Врангеля в Варшаве сделали вывод о низкой боеспособности петлюровских частей и бессмысленности продолжения переговоров. Генерал Юзефович, прибывший в Польшу, писал генералу Миллеру 16 ноября 1920 г.: «Разговоры с украинцами замерли, ибо фактически Петлюры почти нет. Большевики заняли Каменец-Подольск, рассеяли часть павленковских войск; некоторая их часть, небольшая, прижата к пермикинским войскам. Павленко, по-видимому, где-то в районе этих войск. <...> Поляки, по всем разговорам, склонны поставить крест на Петлюре. Население относится к нему враждебно, по совокупности всех предшествовавших причин, из коих главные: его базирование на немцев, поляков, и ужасающие грабежи, взяточничество, отсутствие мало-мальски приличной власти, и т. п. ...Одним словом, в настоящее время Петлюра и его правительство – ноль. С ними не стоит разговаривать. И Павленко – ноль, ибо остаток его войск – дрянь» [35]. 18 ноября, уже после отъезда Пермикина в армию, была подписана военная конвенция между УНР и РПК, согласно которой савинковцы признавали независимость Украины и правительство Петлюры, а войска «отдельной Русской армии, сформированной Русским политическим комитетом в Польше», объявлялись союзниками армии УНР. За Пермикина – как члена РПК, но не как командующего 3-й РА – конвенцию подписал Д.М. Одинец [40].

19 ноября Поляков издал приказ, в котором сообщил своим частям, что армии «после ряда упорных и славных боёв приходится отходить на территории Польской республики», и поблагодарил подчинённых за «подвиги и труды» [8: 62]. После этого части 3-й РА начали оставлять позиции и отходить к границе, сохраняя порядок и дисциплину. Переход на польскую территорию начался в 4 часа утра 21 ноября [24: 360]. Переправившись через Збруч в районе селе Токи (ныне – в составе Тернопольской области), армия была интернирована [10: 81]. При переходе границы поляки, опасавшиеся трений дипломатического характера, потребовали от офицеров снять погоны [9: 139]. Остатки армии УНР, включая Омельяновича-Павленко, закончили переправу в 17 часов [24: 360]. Всего в боях с 12 по 21 ноября погибло и пропало без вести не менее 33 офицеров и одного военного чиновника 3-й РА [2: 43, 47 об.]. По данным Махрова, армия за время боев понесла большие потери – «около 25 % офицеров и солдат выбыло из строя» [33: 18]. Положение интернированных было тяжёлым, армия начала голодать – ранее на Волыни и в Подолии её кормили крестьяне, теперь же, по словам Махрова, «расчётливый галичанин даром ничего не даёт» [33: 20]. В декабре 1920 г. в польских лагерях в

Торуни и Острове Ломжинском находилось около 7 300 интернированных военнослужащих 3-й РА [43: 130].

26 ноября Омелянович-Павленко объявил приказ по армии УНР, в котором отметил деятельное участие в боях дивизий Бобошко и Трусова, а также «достигнутую в короткий срок тесную боевую спайку и яркие отношения воинского братства, скреплённые совместно пролитой кровью на полях Подолии» [2: 37]. Несмотря на тёплые слова, сказанные в официальных обращениях, дальнейшего развития сотрудничества врангелевцев и петлюровцев не имело. Генерал Ниссель отмечал, что он постарается сохранить достигнутое соглашение, но при этом признавал, что у Пермикина больше нет причин оставаться в подчинении у Павленко [28: 76]. В декабре 1920 г. командующие двух армий неоднократно встречались в Варшаве и обсуждали дальнейшие планы, причём Омелянович-Павленко критически высказывался о Петлюре и говорил о желательности единения с Врангелем, хотя и оставался на самостоятельных позициях [41]. Впрочем, проекты их реализованы так и не были.

У Пермикина и Омеляновича-Павленко сложились неплохие личные отношения, но далеко не все бывшие военнослужащие двух армий испытывали друг к другу тёплые чувства. Вскоре начались споры, кто первый отступил и, соответственно, виновен в поражении. Украинский генерал-хорунжий В.М. Куц утверждал, что 3-я РА открыла часть фронта, покинув его вопреки приказу Омеляновича-Павленко, а затем первой перешла Збруч [26: 122]. Напротив, А.К. Рудин, находившийся при 3-й РА курьер для связи от штаба армии Булак-Балаховича, доносил Савинкову, что «украинские части сражались плохо, причём очень многие переходили к большевикам» [20: 204]. «Украинская армия проявила малую боеспособность. Составлена она из небольшой группы “щирых” украинцев. Вся остальная масса насильно мобилизованных относится недоброжелательно к ней и при первой возможности дезертирует. Население к Петлюре и его армии тоже недоброжелательно. Армия снабжена слабо и занимается грабежом», – отмечал Махров. В отличие от неё, 3-я РА «показала большую стойкость» и «только благодаря прикрытию ею отхода украинцы смогли спасти остатки их армии». Махров делал вывод, что «выступление 3-й армии обнаружило готовность масс идти под русским флагом на борьбу с большевиками» [33: 21–22].

В 1928 г. варшавская газета «За Свободу!» с возмущением написала, что комендант лагеря для интернированных в Калише генерал Куц запретил русским провести в лагерной церкви панихиду по Врангелю, хотя «в 1920 году украинская армия в союзе с III-ей армией ген. Врангеля совместно боролась с большевиками и 19–21 ноября

1920 г. переходила р. Збруч под прикрытием русских частей» [11]. Куш в ответ заявил, что никакого соглашения украинского правительства с Врангелем не было, а было соглашение с РПК, признавшим независимость Украины, и поэтому совместно с армией Врангеля армия УНР никогда не действовала. Кроме того, «было бы абсурдом и преступлением перед собственной национальной совестью дозволить в украинской церкви Службу Божью за командующего враждебной нам армии, прямого наследника ген[ерала] Деникина». Куш категорически отрицал, что 3-я РА прикрывала отход украинской армии 19–21 ноября. Армия УНР, по его словам, перешла Збруч с 12 до 17 часов в районе Волочиск – Ожиговцы, переправа её обеспечивалась полком Чёрных запорожцев, действовавшим вместе с бригадой есаула Яковлева, Мазепинским конным полком и Отдельной конной дивизией, отбивавшими атаки красных и не допустившими их к реке. 3-я РА, утверждал Куш, начала отходить за Збруч уже с полудня 20 ноября, вследствие чего возможность её участия в прикрытии переправы 21 ноября представлялась ему сомнительной [14]. В данном случае скорее прав был Куш, так как большая часть 3-й РА действительно перешла Збруч раньше армии УНР, но также очевидно и то, что сотрудник газеты просто неудачно выразился, в действительности же русские части ставили себе в заслугу бои 14–15 ноября и то, как они прикрывали отступление украинской армии до Збруча, а не сам переход через реку.

Ещё в октябре 1920 г., когда части 3-й РА только перебрасывались на Украину, В.М. Горлов писал: «Решения эти, принятые спешно, без возможности тщательного их обдумывания, крайне смелы, успех их будет зависеть от массы данных, которых нельзя ни правильно учесть, ни предвидеть» [36]. Таким образом, он не скрывал, что весь «украинский поход» был авантюрой, имеющей мало шансов на успех. Лишь благодаря здравомыслию полковника Полякова большую часть армии удалось спасти и вывести на польскую территорию. Изначальные надежды на соединение армии с основными силами Врангеля оказались несбыточными из-за провала Заднепровской операции. «Украинский поход» 3-й РА показал и всю иллюзорность надежд врангелевцев на то, что петлюровцы оттянут часть Красной армии на себя и тем самым помогут Крыму. Всё получилось ровным счётом наоборот: петлюровцы не только оказались неспособными оказать существенную помощь осаждённому Крыму, напротив, частям врангелевской 3-й армии, ещё не до конца сформированным и плохо вооружённым, пришлось срочно выдвигаться на фронт и спасать петлюровцев от полного разгрома, а затем прикрывать их отступление в Галичину. Кроме того, выяснилось, что крестьянское население Волыни и Подолии относится к русской армии с большей симпатией,

чем к армии украинской, в результате чего представители Врангеля в Польше пришли к выводу, что никакой нужды в петлюровцах, как потенциальных союзниках и возможных посредниках между белыми и населением Украины, нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Д.Ю.* Б.В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 251 с.
2. Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Архив ДРЗ). Ф. 39. Оп. 1. Д. 66. Приказы по III Русской армии (октябрь 1920 – февраль 1921 гг.).
3. Архив ДРЗ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 86. Финансово-хозяйственные документы III Русской армии (сентябрь – декабрь 1920 г.).
4. *Б.Е.* Смелый полёт // Свобода. 1920. 25 ноября. № 111. С. 2.
5. *Врангель П.Н.* Записки (Ноябрь 1916 г. – Ноябрь 1920 г.). Ч. 2 // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. VI. Берлин: Книгоиздательство «Медный всадник», 1928. С. 5–242.
6. *Ганин А.В.* «Это был человек, несомненно, умный и энергичный»: Полковник Б.П. Поляков и антибольшевистское движение на Северо-Западе России // История. Научное обозрение Ostkraft. 2019. № 4 (10). С. 105–135.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 170. Брошюра о деятельности белоэмигрантского Русского политического (эвакуационного) комитета в Польше за июнь 1920 – ноябрь 1921 г.
8. ГАРФ. Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 191. Переписка Б.В. Савинкова с III армией; приказы III армии. 1920–1921 гг.
9. ГАРФ. Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 192. Переписка РПК со своими отделами. 1920–1921 гг.
10. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 379. Камчатов Л.В. «3-я Русская армия генерала Врангеля в Польше и на Украине в октябре – ноябре 1920 г.» 1922 г.
11. *К. Калиш* // За Свободу! 1928. 3 мая. № 102 (2434). С. 4.
12. *Ковалёв Е.* Из Польши на Украину с III-й Русской армией генерала Врангеля // Военная быль. 1957. № 27. С. 14–17.
13. *Криворучко Н.* Конец петлюровщины // История 45-ой Волынской краснознаменной стрелковой дивизии. Т. 1. Киев: Издание Политотдела 45-й дивизии, 1929. С. 289–294.
14. *Куц В.* Слід пам'ятати // Табор. 1928. № 7. С. 32–34.
15. *М.Б.* Бои на Украине // Крымский вестник. 1920. 31 октября. № 242. С. 1.
16. *Омелянович-Павленко М.* Спогади командарма (1917–1920). Київ: Темпора, 2007. 608 с.
17. [Передова стаття] // Слово. 1920. 3 листопаду. № 30. С. 1.

18. *Пермикин Б.С.* Генерал, рождённый войной. Из записок 1912–1959 гг. М.: Посев, 2011. 284 с.
19. *Петров Н.* Савинков в Польше // Двуглавый орел. 1921. 15 (28) июня. № 10. С. 41–48.
20. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1703к. Оп. 1. Д. 464. Русский сектор. Антибольшевистские банды. Врангель. Перемыкин. 1920–1921.
21. *Савинков В.В.* Записки (1920–1927) // Три брата (То, что было): Сборник документов / сост., авт. пред. и коммент. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М.: Новый хронограф, 2019. С. 429–898.
22. *Симонова Т.М.* Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). 2-е изд. М.: Квадрига; Зебра Е, 2013. 368 с.
23. *Тинченко Я.* «Небажани» союзники: білогвардійські формування в Польщі та Україні у 1920 р. // Війна Україні проти Радянської Росії у 1920 році (документи та матеріали) / упоряд. і автор передм. Я. Тинченко. Київ: Темпора, 2020. С. 25–32.
24. Українсько-московська війна 1920 в документах. Ч. 1. Оперативні документи Штабу Армії Української Народньої Республіки / з передм. і під ред. В. Сальського, упор. П. Шандрук. Варшава, 1933. 423 с.
25. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 3696. Оп. 2. Д. 324. Копії нот, меморандумів та листування дипломатичної місії УНР в Речі Посполитій Польській, що були надіслані польському уряду. 1919–1920.
26. ЦГАВО Украины. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624. Інформаційні доповіді про події на польсько-українському фронті, огляд військових подій на Україні. 1920–1922.
27. *Шевчук Г.М.* Боротьба трудящих Радянської України проти контрреволюції на Півдні в 1920 р. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1956. 196 с.
28. Archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). 117PCOM 309. Forces antibolcheviques de Pologne et d'Ukraine. 1920, septembre – 1921, janvier.
29. AMAE. 117PCOM 673. Ukraine. Politique étrangère. 1920, août – décembre.
30. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). 2/59/0/3/39. Korespondencja przewodniczącego Rosyjskiego Politycznego Komitetu w Polsce z rosyjskim przedstawicielem wojskowym w Polsce. 1920–1921.
31. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). P.S. Makhrov papers. Box 4. Махров П.С. «Генерал Врангель и Б. Савинков (1920–1924 годы)». 1953 г.
32. BAR. P.S. Makhrov papers. Box 5. Folder “Telegrams to Warsaw, September 1920 – June 1921”. Телеграма Е.К. Миллера П.С. Махрову от 12 ноября 1920 г.
33. Hoover Institution Archives (HIA). Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 4. Махров П.С. «Военный обзор за ноябрь 1920 г.»

34. HIA. Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 9. Почтотелеграмма П.С. Махрова от 6 ноября 1920 г.
35. HIA. Evgenii Miller papers. Box 3. Folder 10. Письмо Я.Д. Юзefовича Е.К. Миллеру от 16 ноября 1920 г.
36. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 11 октября 1920 г.
37. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова М.Н. Гирсу от 21 октября 1920 г.
38. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова П.Б. Струве от 2 ноября 1920 г.
39. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 2. Письмо В.М. Горлова П.Б. Струве от 9 ноября 1920 г.
40. HIA. M.N. Girs papers. Box 29. Folder 3. Военная конвенция между Русским политическим комитетом в Польше и правительством Украинской Народной Республики.
41. HIA. P.N. Wrangel collection. Box 148. Folder 1. Доклад штабс-капитана Дейтрих-Белуха-Кохановского от 11 февраля 1921 г.
42. Józef Pilsudski Institute of America (JPIA). Ukraińska Misja Wojskowa w Polsce. Inw. 1. Dokumenty wraz z załącznikami. 1920.
43. *Karpus Z. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920.* Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1999. 230 s.

REFERENCES

1. Alekseev, D.Yu. (2002) *B.V. Savinkov i russkie vooruzhennye formirovaniya v Pol'she v 1920–1921 gg.* [B.V. Savinkov and Russian armed formations in Poland in 1920–1921]. History Cand. Diss. St. Peterburg.
2. The Archive of the A. Solzhenitsyn House of Russia Abroad (DRZ Archive). (1920–1921) *Prikazy po III Russkoy armii* [3rd Russian Army orders]. Fund 39. List 1. File 66.
3. The Archive of the A. Solzhenitsyn House of Russia Abroad (DRZ Archive). (1920) *Finansovo-khozyaystvennyye dokumenty III Russkoy armii* [Financial and economic documents of the 3rd Russian Army]. Fund 39. List 1. File 86.
4. B.E. (1920) Smelyy polet [Brave flight]. *Svoboda*. 25th November. p. 2.
5. Wrangel, P.N. (1928) *Zapiski* (Noyabr' 1916 g. – Noyabr' 1920 g.). Ch. 2. [Notes (November 1916 – November 1920). Part 2]. In: fon Lampe A.A. (ed.) *Beloe delo. Letopis' Belay bor'by* [The White Cause. Chronicle of the White Struggle]. Vol. 6. Berlin: Mednyy vsadnik. pp. 5–242.
6. Ganin, A.V. (2019) "Eto byl chelovek, nesomnenno, umnyy i energichnyy": Polkovnik B.P. Polyakov i antibol'shevistskoe dvizhenie na Severo-Zapade Ros-sii ["He was undoubtedly an intelligent and energetic man": Colonel Boris P.

Polyakov and the anti-Bolshevik movement in Northwestern Russia]. *Istoriya. Nauchnoe obozrenie Ostkraft*. 4(10). pp. 105–135.

7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1921) *Broshyura o deyatel'nosti beloemigrantskogo Russkogo politicheskogo (evakuatsionnogo) komiteta v Pol'she za iyun' 1920 – noyabr' 1921 g.* [Brochure on the activities of the White émigré Russian Political (Evacuation) Committee in Poland for June 1920 – November 1921]. Fund R-5866. List 1. File 170.

8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920–1921) *Perepiska B.V. Savinkova s III armiey; prikazy III armii* [B.V. Savinkov's correspondence with the 3rd Army; orders to the 3rd Army]. Fund R-5866. List 1. File 191.

9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920–1921) *Perepiska RPK so svoimi otdelami* [Correspondence between the RPC and its departments]. Fund R-5866. List 1. File 192.

10. Kamchatov, L.V. (1922) “3-ya Russkaya armiya generala Vrangelya v Pol'she i na Ukraine v oktyabre – noyabre 1920 g.” [“General Wrangel's 3rd Russian Army in Poland and Ukraine in October – November 1920”]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5881. List 2. File 379.

11. K. (1928) Kalish [Kalisz]. *Za Svobodu!* 3rd May. p. 4.

12. Kovalev, E. (1957) *Iz Pol'shi na Ukrainu s III-y Russkoy armiey generala Vrangelya* [From Poland to Ukraine with the General Wrangel's 3rd Russian Army]. *Voennaya byl'*. 27. pp. 14–17.

13. Krivoruchko, N. (1929) *Konets petlyurovshchiny* [The end of Petliurism]. In: *Istoriya 45-oy Volynskoy krasnoznamennoy strelkovoy divizionii* [History of the 45th Volyn Red Banner Rifle Division]. Vol. 1. Kiev: Political Department of the 45th Division. pp. 289–294.

14. Kushch, V. (1928) *Slid pamyatati* [It should be remembered]. *Tabor*. 7. pp. 32–34.

15. M.B. (1920) *Boi na Ukraine* [Battles in Ukraine]. *Krymskiy vestnik*. 31st October. p. 1.

16. Omelianovych-Pavlenko, M. (2007) *Spogadi komandarma (1917–1920)* [Memoirs of the Commander (1917–1920)]. Kiev: Tempora.

17. *Slovo*. (1920) [Leading article]. 3rd November. p. 1.

18. Permikin, B.S. (2011) *General, rozhdennyy voynoy. Iz zapisok 1912–1959 gg.* [General Born of War. From Notes from 1912–1959]. Moscow: Posev.

19. Petrov, N. (1921) *Savinkov v Pol'she* [Savinkov in Poland]. *Dvuglavyy orel*. 10. pp. 41–48.

20. The Russian State Military Archive (RGVA). (1920–1921) *Russkiy sektor. Antibol'shevistskie bandy. Vrangel'. Peremykin* [Russian sector. Anti-Bolshevik gangs. Wrangel. Peremykin]. Fund 1703k. List 1. File 464.

21. Savinkov, V.V. (2019) *Zapiski (1920–1927)* [Notes (1920–1927)]. In: Morozov, K.N. & Morozova, A.Yu. (eds.) *Tri brata (To, chto bylo): Sbornik dokumentov* [Three Brothers (What It Was): Collection of Documents]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 429–898.

22. Simonova, T.M. (2013) *Sovetskaya Rossiya (SSSR) i Pol'sha: Russkie anti-sovetskie formirovaniya v Pol'she (1919–1925 gg.)* [Soviet Russia (USSR) and Poland: Russian Anti-Soviet formations in Poland (1919–1925)]. 2nd ed. Moscow: Kvadriga; Zebra E.

23. Tynchenko, Ya. (2020) “Nebazhani” soyuzniki: bilogvardiys'ki formuvannya v Pol'shchi ta Ukrai'ni u 1920 r. [“Unwanted” allies: White Guard formations in Poland and Ukraine in 1920]. In: Tynchenko, Ya. (ed.) *Viyina Ukrai'ni proti Radyans'koi Rosii' u 1920 rotsi (dokumenti ta materialy)* [The war of Ukraine against Soviet Russia in 1920 (documents and materials)]. Kiev: Tempora. pp. 25–32.

24. Salsky, V. & Shandruk, P. (eds) (1933) *Ukrai'ns'ko-moskovs'ka viyna 1920 v dokumentakh* [The Ukrainian-Moscow War of 1920 in Documents]. Vol. 1. Warsaw: [s.n.].

25. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1919–1920) *Kopii' not, memorandumiv ta listuvannya diplomatichnoi' misii' UNR v Rechi Pospolityi Pol'skiy, shcho buli nadislani pol's'komu uryadu. 1919–1920* [Copies of notes, memoranda and correspondence of the UPR diplomatic mission in the Republic of Poland, which were sent to the Polish government]. Fund 3696. List 2. File 324.

26. The Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1919–1920) *Informatsiyni dopovidi pro podii' na pol's'ko-ukrai'ns'komu fronti, oglyad viys'kovikh podiy na Ukrai'ni. 1920–1922* [Information about the developments on the Polish-Ukrainian front, a look at the military developments in Ukraine. 1920–1922]. Fund 3696. List 2. File 624.

27. Shevchuk, G.M. (1956) *Borot'ba trudyashchikh Radyans'koi' Ukrai'ni proti kontrrevolyutsii' na Pivdni v 1920 r.* [The struggle of the workers of Soviet Ukraine against the counter-revolution in the South in 1920]. Kiev: Ukrainian SSR Academy of Sciences.

28. Archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). 117CPCOM 309. *Forces antibolcheviques de Pologne et d'Ukraine. 1920, septembre – 1921, janvier.*

29. Archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). (1920) *Ukraine. Politique étrangère.* 117CPCOM 673.

30. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). (1920–1921) *Korespondencja przewodniczącego Rosyjskiego Politycznego Komitetu w Polsce z rosyjskim przedstawicielem wojskowym w Polsce. 1920–1921.* 2/59/0/3/39.

31. The Bakhtmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1953) *Makhrov, P.S. “General Wrangel and B. Savinkov (1920–1924)”*. P.S. Makhrov papers. Box 4.

32. The Bakhtmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). (1920–1921) *Telegramma E.K. Millera P.S. Makhrovu ot 12 noyabrya 1920 g.* [Telegram from E.K. Miller to P.S. Makhrov, November 12, 1920]. P.S. Makhrov's Papers. Box 5. Folder “Telegrams to Warsaw, September 1920 – June 1921”.

33. Hoover Institution Archives (HIA). (1920a) *Makhrov P.S. “Voennyi obzor za*

noyabr' 1920 g.” [Makhrov, P.S. “Military review, November 1920”]. Evgenii Miller Papers. Box 3. Folder 4.

34. Hoover Institution Archives (HIA). (1920b) *Pochtotelegramma P.S. Makhrova ot 6 noyabrya 1920 g.* [Postal telegram from P.S. Makhrov, November 6]. Evgenii Miller Papers. Box 3. Folder 9.

35. Hoover Institution Archives (HIA). (1920c) *Pis'mo Ya.D. Yuzefovicha E.K. Milleru ot 16 noyabrya 1920 g.* [Letter from Ya.D. Yuzefovich to E.K. Miller, November 16]. Evgenii Miller Papers. Box 3. Folder 10.

36. Hoover Institution Archives (HIA). (1920d) *Pis'mo V.M. Gorlova M.N. Girsu ot 11 oktyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to M.N. Girs, October 11]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

37. Hoover Institution Archives (HIA). (1920e) *Pis'mo V.M. Gorlova M.N. Girsu ot 21 oktyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to M.N. Girs, October 21]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

38. Hoover Institution Archives (HIA). (1920f) *Pis'mo V.M. Gorlova P.B. Struve ot 2 noyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to P.B. Struve, November 2]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

39. Hoover Institution Archives (HIA). (1920g) *Pis'mo V.M. Gorlova P.B. Struve ot 9 noyabrya 1920 g.* [Letter from V.M. Gorlov to P.B. Struve, November 9]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 2.

40. Hoover Institution Archives (HIA). (1920h) *Voennaya konventsiya mezhdu Russkim politicheskim komitetom v Pol'she i pravitel'stvom Ukrainskoy Narodnoy Respubliki* [Military Convention between the Russian Political Committee in Poland and the Government of the Ukrainian People's Republic]. M.N. Girs Papers. Box 29. Folder 3.

41. Hoover Institution Archives (HIA). (1921) *Doklad shtabs-kapitana Deytrikh-Belukha-Kokhanovskogo ot 11 fevralya 1921 g.* [Report of Staff Captain Deitrich-Belukha-Kokhanovsky, February 11]. P.N. Vrangal collection. Box 148. Folder 1.

42. Józef Pilsudski Institute of America (JPIA). (1920) *Dokumenty wraz z załącznikami* [Documents with attachments]. Ukraińska Misja Wojskowa w Polsce. Inw. 1.

43. Karpus, Z. (1999) *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920* [Poland's Eastern Allies in the War of 1920. Ukrainian, Russian, Cossack and Belorussian Military Units in Poland in 1919–1920]. Toruń: Nicolaus Copernicus University.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 94+923.52

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/7

Фёдор Трифионович Узун (1885–1941)

И.Ф. Грек

Фонд «Български дух»

Республика Молдова, 7401, г. Тараклия, ул. К. Маркса, 120

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

Предпринята первая попытка дать обстоятельную научную статью о бессарабском болгарине, проявившем себя как деятель национально-культурного движения соплеменников в период оккупации Бессарабии Румынией (1918–1940) между двумя мировыми войнами. Освещены семейно-родословные, образовательные (два высших образования), профессиональные (адвокат), военно-политические (Первая мировая и Гражданская войны) и национально-культурные страницы биографии Фёдора Трифионовича Узун. Раскрыта зависимость его жизненного пути (со второго десятилетия XX в.) от событий Первой мировой войны 1914–1918 гг., Гражданской войны в России 1918–1920 гг. и румынской оккупации Бессарабии в 1918–1940 гг. Несмотря на это, семья, любимая жена и дети имели для него первостепенное значение. Семейный очаг органически вписывался в его профессиональную и общественно-политическую деятельность в качестве создателя болгарской организации в уезде Четатя-Албэ и проводника национально-культурных требований местных болгар. Ф.Т. Узун проявил себя одним из лидеров национальных меньшинств уезда, выступая против реакционной политики румынских властей по отношению к ним. 20-летний период жизни в румынской Бессарабии не изменил ядро его духовных ценностей на основе болгарских культурных традиций, русской образовательной системы, русской культуры и исторически сложившихся взаимоотношений бессарабских болгар и православной России в рамках образовательных и духовных процессов. Исчезновение из его жизни дореволюционной России не означало утраты им интереса к её трансформации после 1917 г. Ф.Т. Узун ожидал возвращения Бессарабии в состав СССР в 1940 г. Накануне нападения фашистской Германии и Румынии на Советский Союз в июне 1941 г. Советское государство арестами и высылкой из Бессарабии освобождало её территорию от враждебных ему румынских партийно-политических элементов. Советская власть приступила также и к высылке

представителей зажиточной части местного населения, относясь к ним как к классовым противникам. Ф.Т. Узун и его семья попали под жернова раскулачивания, были депортированы в Казахстан, где Фёдор Трифионович и скончался в конце 1941 г. За трагическим уходом из жизни его и его жены в первые месяцы депортации последовали трудные годы и десятилетия адаптации их детей и других близких родственников к советской действительности.

Ключевые слова: Узун, Бужак, Селиогло, Кишинёвская духовная семинария, Кишинёв, Одесса, Аккерман, Четатя-Албэ, болгары, Россия, Румыния, Бессарабия, СССР, Казахстан

Fyodor T. Uzun (1885 – 1941)

Ivan F. Grek

Fond “B”lgarski dukh”

ul. K. Marksa, 120, Taraclia, 7401, Republic of Moldova

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

This is the first attempt to provide a comprehensive article about a Bessarabian Bulgarian who distinguished himself as an activist of the national-cultural movement during the Romanian occupation of Bessarabia (1918–1940) between the two world wars. The article covers the genealogical, educational (two higher educations), professional (lawyer), military-political (First World War and the Civil War), and national-cultural aspects of Fyodor T. Uzun’s biography. As is shown, his life was greatly determined by the First World War (1914–1918), the Russian Civil War (1918–1920), and the Romanian occupation of Bessarabia in 1918–1940. Yet, his family, beloved wife and children were of primary importance to him. The family hearth organically fit into his professional and socio-political activities, since he was the founder of the Bulgarian organization in the Cetatea Albă County and actively championed the national and cultural demands of the local Bulgarians. Uzun showed himself to be a leader of the local national minorities, criticizing the reactionary policy of the Romanian authorities. The 20-year life in Romanian Bessarabia did not change the core of his spiritual values based on Bulgarian cultural traditions, the Russian educational system, Russian culture, and the historically established relationships between the Bessarabian Bulgarians and Orthodox Russia within the framework of educational and spiritual processes. After the Revolution, Uzun did not lose interest in the transformation of Russia and expected

Bessarabia to return to the USSR in 1940. On the eve of Nazi Germany's and Romania's attack on the Soviet Union in June 1941, the Soviet state purged Bessarabia from hostile Romanian party and political elements through arrests and expulsions. The Soviet government also began to expel representatives of the wealthy local people, treating them as class enemies. Uzun and his family fell under the millstones of dispossession, were deported to Kazakhstan, where he died in the late 1941. His and his wife's tragic death in the first months of deportation was followed by difficult years and decades of adaptation of their children and other close relatives to the Soviet reality.

Keywords: Uzun, Budzhak, Selioglu, Chisinau Theological Seminary, Chisinau, Odessa, Akkerman, Cetatea Alba, Bulgarians, Russia, Romania, Bessarabia, USSR, Kazakhstan

Как возникла идея о статье? Пользовательница сайта «Старый Аккерман» Наташа Гросу разместила на нем свой пост, состоящий из небольшого авторского текста, фотографии и «Списка» учеников, успешно сдавших экзамен по бакалавриату в Аккермане в 1930 г. В этот «Список» на румынском языке включён и Т. Узун (как выясняется, инициал является ошибочным). На фотографию и данную фамилию откликнулась комментарием Наталия Климанова: «Фамилия Узун – это фамилия моего деда, адвоката Фёдора Трифоновича Узуна, его сыновей и моя до замужества. По времени (1930) подходит старший сын Леонид Узун, который затем учился в Бухаресте». На вопрос Гросу: «Была ли сослана ваша семья в Казахстан?» Н. Климанова пишет: «Да, дед Ф.Т. Узун и бабушка Е.С. Узун, а также их сыновья Владимир (мой отец) и Николай были отправлены в село Астраханка (Казахстан). Старшие вскоре погибли, а парней забрали в трудармию. Поэтому и родилась я в Казахстане, а не в Аккермане». Я тут же обратился к Наталии Климановой с просьбой рассказать подробности депортации семьи дедушки и о судьбе всей его семьи. Наше общение по мессенджеру и электронной почте привело меня к убеждению о необходимости написать специальную статью о Фёдоре Трифоновиче Узуне с включением сведений о его биографии, трудовой, а также общественно-политической деятельности с трагическим её концом, предопределённым событиями двух мировых войн 1914–1918, 1939–1945 гг., о его судьбе, тесно переплетённой с судьбой Бессарабии и невинно пострадавших её жителей, среди которых был он и его семья.

Н. Климанова – это Наталия Владимировна, внучка Фёдора Трифоновича, дочь его среднего сына Владимира Фёдоровича Узуна. Многие из того, что будет изложено в статье, взято из её личного архива, собиравшегося ею много лет. В статью включены также и воспоминания Н. Климановой о том, что она слышала в детстве от

отца и других родственников о дедушке и бабушке, их семье, о трагической их судьбе, являясь свидетельницей нелёгкой, но успешной биографии своего отца и его брата. Повела она и о собственной биографии – дочери и внучки репрессированных. Привлечены и архивные источники, одна часть которых была предоставлена мне известным краеведом по истории бессарабских и приазовских болгар Альбертом Ивановичем Варбанским, которому выражаю искреннюю благодарность. Другая часть – личный архив Наталии Владимировны, которая в статье выступает в двух ипостасях – как архивовладелец и рассказчик личных воспоминаний. Указанный архив представлен в статье цитатами из источников, а также в её изложении. При написании статьи также использованы имеющиеся публикации, в том числе и в электронных средствах информации, в которых содержатся сведения о национально-культурной, профессиональной и общественно-политической деятельности Фёдора Трифионовича Узун.

* * *

Родословная история бессарабских предков Ф.Т.Узун. Тодор (Фёдор) Узун родился в 1885 г. в буджакском болгарском селе Селиогло в семье Трифона Фёдоровича Узун и при крещении получил имя в честь своего деда Тодора Христофоровича Узун.

Архивные источники раскрывают историю переселения его предков из-за Дуная в Пруто-Днестровское междуречье. 27 января 1805 г. сюда прибыла из «каазы Едирне» (района Адрианополя) 31 семья «болгар и сербов» и поселилась в имении «Баба Ян» в Кодрском округе [26: 1180]. Они переселились по приглашению молдавского господаря Александра Морузи (1802–1806 гг.). Среди переселенцев были семьи братьев Ивана и Афанасия Узун – так они записаны в архивном источнике, без указания имён отца и деда. Узун – это уличное прозвище братьев, оно имеет тюркское происхождение и означает «длинный, высокий» [7]. Оно и должно было стать в дальнейшем фамилией для их потомков.

В ходе Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. состоялось первое массовое переселение выходцев из-за Дуная. После войны началась их борьба за обустройство на казённых землях Буджака на правах Донского казачьего войска, в соответствии с обещанием, которое им дал главнокомандующий Молдавской армией М.И. Кутузов в 1811 г. [8: 766–783]. В эту борьбу включились и переселенцы конца XVIII – начала XIX в., известные как «старые переселенцы» [15]. По внешнеполитическим причинам царские власти отказались давать им статус казачьего войска и предложили в 1818 г. устроить их на правах иностранных колонистов, согласно которым в 1814 г. здесь

были поселились немецкие переселенцы. Но к этому времени происходило массовое бегство выходцев из-за Дуная, поселившихся ранее на землях молдавских помещиков. К концу декабря 1819 г., когда был принят Указ Правительствующего Сената об устройстве задунайских переселенцев на колониистских правах, поселенцы 1805 г. из Едирне в имени Баба Ян братья Узун бежали оттуда и вместе с другими выходцами из-за Дуная основали колонию Селиогло. В 1821 г. была проведена «ревизская» перепись жителей Селиогло, однако до сих пор не удаётся выяснить, в каком архиве она хранится. В «Ревизской сказке» 1835 г. есть сведения о том, кто был учтён в Селиогло по переписи 1821 г. В этом поселении, расположенном в Леовском уезде Нижне-Буджакского округа Бессарабской области, числится по этой переписи глава «ревизской» семьи Тодор Иванов Узун, а также все её члены. В ней был указан возраст главы семьи: ему было 60 лет. Выходит, он 1761 г. р. Следовательно, его отец, Иван, родился не раньше 1740 или 1741 г., и, когда он поселился с семьёй в Баба Яне в 1805 г., ему было примерно 65 лет. Дожил ли он до «Ревизской сказки» 1821 г., неизвестно.

По переписи 1835 г. Тодору Узуну было 74 года. В её материалах записано, что он «по старости к работе не способен, о чем в конце мая приложено свидетельство, заверенное от общества за № 91». Семья Тодора Иванова состояла из сына Христо, 29 лет; Тодора Иванова жены Златы; Христо Тодорова жены Занфиры; Христо Тодорова дочерей Марии, Стояны, Пены и Пауны [25: 46]. Поскольку в «Ревизской» переписи 1835 г. нет никакой информации об Афанасии Узуне и его семье, то в Селиогло тогда и впоследствии проживали только потомки Ивана Узун.

В «Ревизской сказке» 1850 г. по колонии Селиогло Кагульского уезда Нижне-Буджакского округа есть следующая запись: Тодор Иванов Узун, умер в 1837 г.; его сын Христо 44 года; его сыновья: Тодор, новорожден в 1840 г., Пётр – 1841 г., Диордий – 1843 г., Пантелей – 1846 г. Христа Узун жена Занфира Иванова – 41 год; его дочери Пауна – 17 лет, Тодора – 14 лет. Семья Христо Тодорова пополнилась четырьмя сыновьями и еще одной дочерью 1836 г. р., но в ней нет уже и жены Тодора Иванова Златы и трех старших дочерей Христо Тодорова, которые, вероятно, вышли замуж [25: 263].

В «Ревизской сказке» 1859 г. в колонии Селиогло Аккерманского уезда Нижне-Буджакского округа под № 33 записан Христо Тодоров Узун – 53 года; его сыновья: Петр – умер в 1857 г.; Диордий – 16 лет, Пантелей – 14 лет; Христа Узун жена Занфира Иванова – 50 лет. А под № 34 записана семья его сына Тодора Христова Узун – 19 лет и Тодора Узун жена Матрона Данилова – 19 лет. Детей у них ещё

не было [25: 455]. В «Ревизской сказке» 1859 г. нет информации о Трифоне, отце Фёдора Узун. Но нам известно его отчество – Фёдорович, Трифон Тодоров (Фёдорович) Узун. У Трифона Фёдоровича, как сообщают нам потомки фамилии Узун в Селиогло, было много сестёр и два брата. Одного из них звали Василием, у которого была дочь Елена Васильевна.

Трифон Фёдорович родился после проведённой в 1959 г. переписи жителей Селиогло. А полную бессарабскую родословную ветвь Фёдора Трифиновича открывает Иван Узун и продолжают его сын Тодор Иванов Узун – внук Христо Тодоров Узун – правнук Тодор Христов Узун – праправнук Трифон Тодоров (Фёдорович) Узун – прапраправнук Тодор (Фёдор) Трифионов (Трифонович) Узун – прапрапраправнук Владимир Фёдорович Узун – прапрапрапраправнучка Наталия Владимировна Узун (Климанова). Фёдор Трифинович Узун представляет 6-е поколение своих бессарабских предков, переселившихся в Пруто-Днестровское междуречье из района Едирне (Адрианополя) в 1805 г. и обосновавшихся сначала в Баба Яне, а затем в Селиогло.

У Трифона Фёдоровича и его жены Анны Симеоновны было 9 детей, но выжило четверо: сыновья Фёдор, 1885 г. р., Василий, 1892 г. р.,

Фёдор Трифинович Узун с семьёй

и дочери Софья и Елена. Дочери стали учительницами, Василий – агрономом, в годы советской власти работал преподавателем в Одесском Коммунистическом вузе (Комвузе). В феврале 1938 г. он был арестован, и его первый допрос при предъявлении ему обвинения, в котором есть сведения о его брате Фёдоре, станет предметом рассмотрения в настоящей статье.

Жизнь и деятельность Фёдора Трифоновича Узун. Он родился спустя 80 лет после переселения предков, в 1885 г. После аграрной реформы 1871 г. в колониях «задунайских переселенцев» его родители стали обычными крестьянами. Есть основание полагать, что, по крайней мере, его дед Тодор и отец Трифон обучались в одноклассном училище колонии Селиогло. Оно было открыто 6 марта 1842 г. Первым учителем в нем был измаильский мещанин Семен Балан. В указанном году училище посещали 26 мальчиков колонии [6: 92]. В 1860-х гг. в местном училище количество учеников выросло до 50 человек. Селиогльская школа известна тем, что в 1861–1865 гг. получала от болгарского возрожденца П. Калянджи книги на болгарском языке: «Житие на Светите» (в переводе Р. Бльскова), учебники по болгарской грамматике и Священной истории («Другар за децата», «Читанка») [24: 149, 151–152]. В 1873–1874 гг. в сельской школе Селиогло учились уже 68 детей. Учителем был Даниил Макрицкий, а Закон Божий преподавал Георгий Варзопов, представитель известной священнической фамилии из бессарабских болгар [24: 163–165]. О Георгии Варзопове следует сказать, что он проводил и внебюджетные собеседования с прихожанами Селиогло, написал статьи для Кишиневских Епархиальных ведомостей о новопостроенной церкви в селе и праздновании годовщины освящения храма [4], а также статью по истории села [3]. Таким образом, Федя Узун рос в семье, в которой почитали грамоту, и в селе, в котором соблюдалась традиция уважения к школьному обучению детей, а также к светскому и религиозному просвещению его жителей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Трофим Фёдорович Узун окончил прогимназию в Комрате, работал сельским писарем в Селиогло, все его дети оканчивали сельскую одноклассную школу, учились в двухклассном училище и продолжали учёбу в специальных учебных заведениях. Дочери стали учительницами, а сын Василий – специалистом-агрономом.

Фёдор учился в Измаильском духовном училище, окончил его в 1900 г. и поступил в Кишинёвскую духовную семинарию. В книге П.А. Лотоцкого приведены сведения о том, что в 1906 г. «21-м выпуском Кишинёвскую Духовную Семинарию по параллельному отделению» окончил «Узун Феодор, сын посел[янина] Трифона с. Селиогло Аккерт[анского] у[езда] род. в 1885 г.». Это же «параллель-

ное отделение семинарии в том же году окончил его друг Болдырь Александр Васильевич, уроженец Кишинёва [14: 144, 146].

В том же году он просит сельское общество Селиогло разрешить ему продолжить обучение в светском высшем учебном заведении России (многие выпускники Кишинёвской духовной семинарии продолжали учёбу в высших учебных заведениях Одессы, Харькова, Тарту, Санкт-Петербурга, Москвы). Разрешение он получает и вначале поступает в Тартуский университет, а после первого курса обучения в нем обращается к ректору Санкт-Петербургского университета с просьбой принять его на юридический факультет. Вероятно, это можно объяснить тем, что его друг по Кишинёвской семинарии Александр Васильевич Болдырь в 1906 г. стал студентом юридического факультета этого университета, и Фёдор Трифионович также решает обучаться в нем. Он оканчивает его более чем успешно в 1911 г. и получает Диплом первой степени «со всеми правами и преимуществами», как в нем сказано [9: 117]. Ещё в ходе обучения в Санкт-Петербургском университете между друзьями возникла необычная житейская ситуация. Александр Болдырь, став студентом университета в 1906 г., в 1907 г. женился на Елизавете Серафимовне Лавровой, 1883 г. р., выпускнице Санкт-Петербургского университета благородных девиц. Её отец, Лавров Серафим Михайлович, был военным врачом, а мать, Мария Николаевна Веденяпина, происходила из дворянской семьи. Кроме Лизы, у них было два сына и ещё две дочери.

У Александра Васильевича и Елизаветы Серафимовны в 1908 г. родилась дочь Наташа. Его жена была любительницей театрального искусства, а муж не имел такой склонности. И чтобы удовлетворить ее культурные запросы, он просил своего друга Фёдора сопровождать жену на театральные спектакли и другие культурные мероприятия в северной столице России. По воспоминаниям, сохранившимся у двоюродной сестры Лизы, она и Фёдор влюбились друг в друга и честно признались в этом Александру Васильевичу Болдырю. Дружья удаляются в отдельную комнату в доме, чтобы обсудить, с кем Лизе будет лучше жить. И муж Елизаветы Серафимовны принимает благородное решение в пользу своего друга Фёдора. Но поскольку брак у него с Лизой был церковный, то его расторгал Священный синод Русской православной церкви, после чего Фёдор и Лиза венчаются и вступают в законный брак. Дружья по университету сохранили тёплые дружеские отношения, Александр Васильевич часто приезжал в гости к Фёдору Трифионовичу Узуну, в том числе и в Аккерман. В его семье как равноправный её член жила всеми любимая Наташа – его и Елизаветы Серафимовны дочь.

С 1911 г. и далее в хронологии биографии Фёдора Трифионовича в использованных источниках есть несовпадения и даже лакуны,

особенно за 1915–1920 гг. Ф. Узун в 1911 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Работал помощником присяжного поверенного в Кишинёве [14: 146]. Косвенное подтверждение его должности находим в воспоминаниях его сестры Елены: «В 14 лет, когда Федя взял меня с собой в Кишинёв, где я поступила в 4 кл. женской гимназии и закончила там 4, 5, 6 кл. В Кишинёве Федя начал свою карьеру адвоката» (здесь и далее в цитатах орфография и пунктуация сохранены. – И.Г.) [13]. Мы не знаем точный год её рождения, но предполагаем, что это был 1897 г. Следовательно, в 1911 г. 14-летняя Елена Узун стала ученицей 4-го класса Кишинёвской женской гимназии, и тогда её старший брат начал работать помощником адвоката в Кишинёве. На самом праздновании 100-летия Семинарии 31 января 1913 г. Фёдор Трифионович был среди тех её выпускников, которые подносили её ректору икону Трёх Святителей и адрес, в котором указана его должность «присяжной поверенный» [1: 328]. Следовательно, Фёдор Трифионович мог быть в Кишинёве помощником присяжного поверенного в 1911–1912 гг., а в январе 1913 г. он стал присяжным поверенным, полноправным адвокатом и оставался в этой должности и в 1914 г.

Здесь необходимо отметить, что воспоминания как Елены Трифионовны, так и других родственников, в том числе сына Фёдора Трифионовича, Николая, писались спустя много десятилетий после происходившего. Они носят на себе печать личности автора, т. е. субъективны, и могут содержать неточности (это касается не самих событий, а дат, когда они происходили, имеющих отношение к его биографии). Поэтому при использовании воспоминаний желательнее привлекать другие источники, подтверждающие описанные в них факты и время, когда они имели место, либо уточняющие их и вносящие в них коррективы. Так, имеющиеся у нас противоречивые сведения о том, в каком городе, Одессе или Кишинёве, начиналась адвокатская деятельность Фёдора Трифионовича, были устранены благодаря воспоминаниям Елены Трифионовны, подтверждённые публикациями П.А. Лотоцкого и Кишинёвских Епархиальных ведомостей.

Но с января 1915 г. по январь 1920 г. мы располагаем отрывочными архивными сведениями и воспоминаниями противоречивого и локального характера, не позволяющими объективно и логично выстроить страницы биографии Фёдора Трифионовича. И у нас нет возможности опереться на его личный архив, который он частично уничтожил, ожидая ареста со стороны советской власти в июне 1941 г.

На наш взгляд, последние 26–27 лет его жизненного пути можно разделить на три периода: 1915 г. – январь 1920 г., 1920 г. – июнь 1940 г., июнь 1940 г. – декабрь 1941 г.

1915 г. – январь 1920 г. – жизнь в условиях, которые диктовались мировыми и российскими общественно-политическими процессами и оказали влияние на биографию В.Т. Узуна и членов его семьи. Казалось, семейная жизнь с любимой женщиной состоялась. Устойчивости ей придавали дети. Работа адвоката обеспечивала семье благосостояние, а ему – профессиональную известность и карьеру. С 1913 г. Фёдор Трифионович Узун становится присяжным поверенным по г. Кишинёву при Кишинёвском окружном суде. У него и Елизаветы Серафимовны 1 марта 1914 г. родился сын Леонид. К сожалению, нам ничего не известно об адвокатской деятельности Ф.Т. Узуна в дореволюционный период его биографии. Однако в 1914 г. началась Первая мировая война, и военно-политические события в стране круто изменили как профессиональные перспективы Фёдора Трифионовича, так и социально-бытовое положение его семьи, однако не коснулись нерушимости брачных уз супругов. Остаётся неизвестным, мог ли он продолжать свою карьеру адвоката с 1915 по 1920 г.

В Российском государственном военно-историческом архиве [22] находится «Послужной список младшего унтер-офицера 48 пехотного запасного батальона Фёдора Трифионовича Узуна» (на наш взгляд, под словами «младшего унтер-офицера» имеется в виду «младший офицерский состав», а не воинское звание «унтер-офицер». – *И.Г.*) Ф.Т. Узун был призван по мобилизации Государственного ополчения 19 января 1915 г. и назначен ратником в 48-й пехотный запасной батальон Херсонской дружины по первому разряду (как имеющий высшее образование). 20 февраля его командировали в школу прапорщиков при 6-й пехотной запасной бригаде; 23 февраля направили в Одессу для прохождения курса в школе прапорщиков; он зачислен в неё рядовым 13 марта, а 3 мая «произведён» в младшие офицеры и 20 мая – в прапорщики. Успешно окончил курсы 21 мая 1915 г. После этого Ф.Т. Узун должен был вернуться в 48-й пехотный запасной батальон Государственного ополчения и при необходимости мог быть отправлен на фронт. Но нам неизвестно, было ли в его военной биографии пребывание в действующей армии. Неизвестно даже, вернулся ли он из школы в Херсонскую дружину ратников. Елена Трифионовна вспоминает: «Когда началась война и Федю послали в Одессу, и он поехал с семьёй туда, я поехала к ним и закончила там 7-й класс» [13]. В Одессу его командировала воинская часть, и он не мог поехать туда с семьёй. Но если Елена Трифионовна утверждает, что в Одессе она окончила 7-й класс, а в нем она могла учиться с осени 1915 г. до лета 1916 г., то напрашивается предположение: прапорщика Фёдора Трифионовича Узуна могли оставить в Одессе и он перевёз семью из Кишинёва. Какую-то ясность вносит «Справка»

о 40-м пехотном запасном полке, дислоцированном в Одессе (входившем в Одесский военный округ). В «Списке (по старшинству в чинах) генералам, штаб и обер-офицерам и классным чиновникам 40-го пехотного Запасного батальона. На 01.01.1916» значится «Узун Фёдор Трифионович, 8.04.1885, прапорщик» [18]. Эту информацию нам предоставил Николай Филиппович Михайличенко, за что выражаем ему искреннюю благодарность. И оставался он здесь, по крайней мере, до июня–июля 1916 г., когда его сестра Елена должна была окончить 7-й класс Одесской женской гимназии.

Следующую страницу биографии Фёдора Трифионовича и жизни его семьи восстанавливает Елена Трифионовна. Она вспоминает, что 8-й класс женской гимназии она «закончила в Ромны, опять-таки, где был послан Федя и жил с семьёй» [13]. Известно, что воинские части 40-го пехотного запасного полка на уровне взводов, батальонов отправлялись на румынский фронт в 1916–1917 гг. [23]. Но Ф.Т. Узуна направляют в г. Ромны, расположенный в Сумском уезде Харьковской губернии. Если ориентироваться по времени учебного года, то автор воспоминаний училась в г. Ромны в 8-м классе с осени 1916 г. по лето 1917 г. Факт пребывания в качестве «головой Ромны» упоминается и в следственном деле, заведённом на Василия Трифионовича Узуна в феврале 1938 г. (его мы будем рассматривать ниже). Но кто его послал в Ромны и в каком качестве – неизвестно. Опись архивных дел «Роменской городской управы» дореволюционного периода открывается «Предисловием к описи», в которой есть следующее положение: «Один из членов городской управы (он же заступающий место городского головы) заведовал воинско-квартирной повинностью, осмотром нанимаемых для войск постоянных помещений, указанием квартир переходящим войскам, исполнением требований военного начальства» [20]. Но это выборная должность, соответствующее лицо избиралось из числа жителей г. Ромны. В годы Первой мировой войны действовали правила военного времени. Было создана специальная структура «Главное Интендантство», а в нем – подразделение «Главное управление квартирному довольствию войск», которое, кроме расквартирования мобилизованных военнослужащих, осуществляло расквартирование военных госпиталей, военных складов, арсеналов. В бытность пребывания Ф.Т. Узуна в г. Ромны, по информации Н.Ф. Михайличенко, председателем Главной комиссии по устройству казарм при Военном совете армии был назначен Иосиф Карлович Гаусман, который возглавлял квартирную службу до декабря 1917 г. В г. Ромны Ф.Т. Узун, вероятно, был «главой» интендантской службы расквартированной воинской части и занимался обеспечением военнослужащих квартирами, провиантом, оружием и амуницией.

Но кто направил в г.Ромны прапорщика Ф.Т.Узуна? Мы предполагаем, что он мог быть командирован штабом 40-го пехотного запасного полка, в котором числился прапорщиком, но не исключено, что откомандирование могло быть осуществлено приказом штаба дивизии, в которую входил запасной полк.

Война, революционные события 1917 г., происходившие при перемене власти в стране, отняли у Фёдора Трифионовича прежний размеренный, традиционный, устоявшийся в веках, но лично им планируемый для себя и реализуемый образ жизни в государстве и обществе. О его отношении к внутривнутриполитическим процессам в до-революционной России мы ничего не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем. Но из архивного источника, на который представлена ссылка выше, нам известно, что 10 апреля 1915 г., находясь на обучении в школе прапорщиков в Одессе, Фёдор Трифионович дал подписку о непринадлежности к тайным обществам. В ней есть следующее заверение: «Даю сию подписку в том, что ни в каких тайных обществах, думам, управам и прочим, под каким бы они названиям ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду (так в тексте. – И.Г.)». Хотя обстоятельства, в которых находился Ф.Т.Узун, требовали от него поставить под ней свою подпись, у нас нет оснований не верить в искренность главы крестьянско-дворянской семьи. Но с 1917 г. именно острые политические события в стране (две революции, Гражданская война, иностранная военная интервенция, русско-румынские отношения вокруг бессарабского вопроса) определяли его семейную жизнь, он должен был их учитывать, независимо от того, нравился ли ему тот путь, который они ему навязывают. И вместе с тем он искал выход из них для себя и своей семьи.

9 (22) января 1918 г. Центральная Рада провозгласила государственную самостоятельность Украинской Народной Республики, признанной Центральными державами (Германией, Австро-Венгрией) и, по условиям Брестского мира, – РСФСР. 22 марта указанного года г. Ромны был оккупирован немецкими и австрийскими войсками. Ф. Узун с семьёй и сестрой Еленой покинули Ромны и, вероятнее всего, вернулись в Одессу, которая до ноября 1918 г. также была оккупирована Германией и Австро-Венгрией. Можно предположить, что его возвращение в Одессу произошло вместе с Добровольческой армией А. Деникина не раньше 23 августа 1919 г. Но точную дату установить не представляется возможным, поэтому обозначим хронологические рамки, когда это могло иметь место: между 22 марта 1918 г. и 23 августа 1919 г. Основанием для возвращения в Одессу после марта 1918 г. мог послужить факт официального сохранения в городе структур 40-го пехотного запасного полка до конца 1918 г.

Политическая власть в Одессе в 1918–1920 г. многократно менялась: 29 января (2 февраля) 1918 г. была провозглашена Одесская Советская Республика; 13 марта 1918 г. в город вошли австро-германские войска, которые привели к власти Центральную Раду гетмана Скоропадского; 11 декабря устанавливается власть Директории Симеона Петлюры; 19 декабря после ухода австро-германских войск в город входят французские войска, власть передаётся генералу А.Н. Гришину-Алмазову, который правит от имени Добровольческой армии, но устанавливает свою авторитарную власть, не подчиняясь Особому совещанию генерала А. Деникина; в середине января 1919 г. французский генерал Ф. д'Асельма восстанавливает в городе власть Директории С. Петлюры, оставляя Гришина-Алмазова военным губернатором Одесского района (территория Херсонской губернии), убирая его из самого города; в первой половине марта 1919 г. командующий войсками Антанты на Восточном фронте на юге России проводит политику дистанцирования от Добровольческой армии Деникина, отстраняет от власти уже и в Одесском районе его генералов Гришина-Алмазова и Санникова и устанавливает власть УНР в лице вновь созданной Директории; с 23 марта по 23 августа в городе безвластие, связанное с уходом из Одессы французских войск; с 23 августа 1919 г. по 7 февраля 1920 г. Одесса находится под управлением Добровольческой армии, а после 7 февраля в городе устанавливается советская власть. При всех перечисленных сменах власти в Одессе, в городе бесчинствовала банда Мишки Япончика. За два года власть в городе менялась около 10 раз. Если же говорить о нахождении у власти в Одессе Добровольческой армии генерала Деникина, то оно продолжалось пять месяцев, четыре из которых приходятся на 1919 г. В письме младшего сына Фёдора Трифоновича, Николая, к Н.В. Климановой-Узун есть такие строчки: «Теперь, спустя годы, я понимаю, насколько был сложен выбор отца о дальнейших действиях. Конечно, было невыносимо тяжело бросить нажитое имущество» [13]. Вот эти 4 месяца деникинского периода биографии Ф.Т. Узун требуют подробного рассмотрения, особого анализа и оценки при изучении двух архивных источников: один отложился в октябре 1919 г., а второй – в феврале 1938 г.

Первый источник находится в Российском государственном военно-историческом архиве [21] и представляет собой каталожные карточки с нанесёнными на них данными о Ф.Т. Узуне из архивного дела № 1106 Деникинского фонда 409, хранящегося в Государственном архиве. Одна карточка заполнена 9 декабря 1940 г. на документ от 14 октября 1919 г., в котором Фёдор Трифонович указан поручиком запасного эскадрона сводно-драгунского полка Петроградского

уланского взвода; назван род документа – «приказ 5, параграф 2», место издания приказа – г. Одесса. На карточке отмечено, что дело хранится в Центральном государственном архиве Красной армии. На второй карточке указан этот же архив, фонд 409 и это же архивное дело, но с добавлением буквы «Д» (1106Д), которая и обозначает «фонд Деникина». Дата составления карточки не указана, но есть дата документа – 14 октября 1919 г. – и запись «поручик, Петр[оградский] Улан[ский] взвод». Подчеркнём: карточки составлены на основе реального документа, который, к сожалению, не удалось выявить. Но и та информация, которая приведена на карточках, даёт основания для анализа и вывода.

Точная дата прибытия Ф.Т.Узуна с семьёй в Одессу нам неизвестна. Но в день занятия города армией Деникина, 23 августа 1919 г., он с семьёй находился в нем. Теперь сопоставим две даты – 23 августа 1919 г. и 14 октября 1919 г. – день издания генералом А. Деникиным приказа № 5. Временной промежуток между указанными двумя датами составляет 53 дня. И все это время Ф.Т.Узун не входил в состав Деникинской армии. Только 14 октября данным приказом А.И. Деникин определяет его в Петроградский уланский взвод, т. е. в полевую разведку, в чине поручика – звание, которое, видимо, ему присваивает сам Главнокомандующий Вооружённых сил на Юге России (ВСЮР). Уланы в русской армии – кавалерийские формирования, которые были предназначены для несения пограничной службы на южных рубежах России, а в войнах России начала XX столетия в их задачи входила полевая разведка расположения войск противника перед боем, несение аванпостной службы.

Таким образом, до 14 октября 1919 г. Ф.Т.Узун не входил в ряды Добровольческой армии А. Деникина. А наступление Красной армии против ВСЮР, начатое 19 ноября 1919 г. и продолжавшееся в январе 1920 г., привело к тому, что «армия Деникина оказалась практически разбита и вытеснена из большей части Украины и Центральной России, <...> войска Юго-Западного фронта смогли захватить станцию Березовку, оказавшись вблизи Одессы» [2: 106–107]. Ф.Т.Узун, исходя из создавшейся ситуации, покидает развалившуюся белогвардейскую армию и вместе с семьёй в декабре 1919 г. или январе 1920 г. (но не «зимой 1918 г.», как вспоминает Елена Трифионовна Узун) уходит из Одессы и по льду Днестровского лимана у Овидиополя перебирается в Бессарабию. Как вспоминает со слов матери сын Ф.Т.Узуна Николай, «это был массовый переход, по ним стреляли, причём с обеих сторон, и из Бессарабии тоже; сани с лошадьми уходили под лёд и пускали в Бессарабию очень немногих. Деда с семьёй пустили, т. к. он уроженец Бессарабии» [13].

Но одновременно с формированием частей полевой разведки Штаб Добровольческой армии и её главнокомандующий А.И. Деникин занимались созданием контрразведывательных органов. Контрразведка – это деятельность особых государственных органов, подразделений или служб исполнительной власти по пресечению разведывательной деятельности соответствующих органов других государств и антиправительственных организаций.

Российский историк Н.С. Кермель рассмотрел проблему организации и функционирования спецслужб Белого движения в специальной монографии. Контрразведывательная служба создавалась как единый орган при Верховном правителе Российского государства А.В. Колчаке (ноябрь 1918 г.), которому подчинялись все контрреволюционные вооружённые формирования в Гражданской войне, в том числе и в Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. Её, как объединённую и системно функционирующую, так и не удалось организовать. Начальник контрразведывательной части А.С. Дмитриев докладывал 22 августа 1919 г.: «Прошло 6 месяцев со дня вступления моего в должность, и я с грустью должен констатировать, что все мои старания, все усилия организовать К.Р. (контрразведывательный. – И.Г.) аппарат ни к чему не привели». За все время «своего существования К.Р. не имела возможности выполнять свои задачи и, таким образом, не отвечала своему назначению. Главный её орган – агентура – глаза и уши организма – совершенно отсутствовал» (цитаты на работу Кермеля взяты из электронного ресурса. – И.Г.). Контрразведывательные органы (КТО) Добровольческой армии на юге России также начали создаваться в ноябре 1918 г. Генерал А.И. Деникин утвердил штаты КТО управления генерал-квартирмейстера штаба армии (16 человек), отдельных контрразведывательных пунктов (КРП) местностей (4 человека) и КРП при штабе дивизии (2 человека). В Одессе 18 октября 1919 г. А.И. Деникин, уже как главнокомандующий Вооружённых сил на Юге России, утвердил временный штат контрразведывательной части особого отделения отдела Генштаба Военного управления из 14 человек. Несмотря на проводимые преобразования, военно-политическому руководству Белого Юга также не удалось выстроить у себя стройную и функционирующую систему армейских контрразведывательных органов. Руководствуясь своими соображениями, генерал А.И. Деникин на коренные преобразования органов контрразведки не пошёл. Однако когда он решил заняться формированием контрразведывательного органа армии «из чинов судебного ведомства, то, как он писал впоследствии, «практически это можно было осуществить только тогда, когда было уже поздно». К тому же проблема взаимодействия спецслужб на Белом Юге усугублялась стихийным неуправляемым

ростом контрразведок. С увеличением территории, подконтрольной белым армиям (лето – осень 1919 г.), губернаторы, атаманы, штабы воинских частей, политические организации по своему усмотрению создали многочисленные контрразведки собственной подчинённости. В занятой французами Одессе «наряду с контрразведкой, подчинявшейся ВСЮР, там располагались Международное информационное бюро подполковника Тишевского, Информационное бюро генерала Глобачёва, Информационное бюро газетных работников, контрразведка Русско-германского союза монархистов-христиан во главе с капитаном Вачнадзе, контрразведывательная часть Штаба генерала Шварца, а также чины контрразведки Украинской Директории». Кроме них, в городе действовали контрразведывательные органы князя Кочубея, «Союза русских людей», капитана фон Кубе, поручика Браузе, английского и французского командований. По данному поводу А.И. Деникин писал: «За войсками шла контрразведка. Никогда ещё этот институт не получал такого широкого применения, как в минувший период Гражданской войны. Его создавали у себя не только высшие штабы, военные губернаторы. Почти каждая воинская часть, политические организации, Донское, Кубанское и Терское правительства, наконец, даже отделы пропаганды <...> Это было какое-то поветрие, болезненная мания, созданная разлитым по стране взаимным недоверием, подозрительностью» [12: 9–11].

Армейская разведка и контрразведка – две организации, принципиально отличающиеся друг от друга по целям, задачам, объектам деятельности. Такое разъяснение необходимо перед рассмотрением второго архивного источника, относящегося к февралю 1938 г.

Что касается одесского «белогвардейского эпизода» биографии Ф.Т. Узуна, то он отложился в материалах следственного «Дела № 115575 по обвинению Узуна Василия Трифионовича по ст. 54-10 УК УССР», заведённого в феврале 1938 г. Оно сохранилось в архиве Управления Министерства государственной безопасности по Одесской области и хранится в Государственном архиве Одесской области [5]. Дело было выявлено уроженкой болгарского села Заря (Камчик) Галиной Скомороховой, занимавшейся поиском архивных источников по советским репрессиям 1940–1941 г. в Измаильской области УССР. Выражаю ей искреннюю благодарность за предоставленную возможность пользоваться материалами следственного дела в контексте темы статьи.

В деле по обвинению Василия Трифионовича Узуна следователь, подводя итоги предварительного следствия, пишет в своём «Обвинительном заключении», что на предъявленные обвинения, которые были заранее им собраны на В.Т. Узуна, последний вначале признал, что «служил делопроизводителем в белой армии. Родной брат об-

виняемого Узуна Фёдор служил в белой армии в чине офицера, в данное время он проживает в Румынии. Обв[иняемый] Узун вёл переписку с братом до дня его ареста». Несмотря на это, пишет следователь, обвиняемый В.Т. Узун **«в дальнейшем от своих показаний отказался»**. Обвинительное заключение утверждено и направлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР.

В показаниях свидетелей относительно брата В.Т. Узуна утверждается, что «родной брат <...> Узун Фёдор Трифионович служил у белых в чине **прапорщика-офицера** и работал **контрразведчиком** во время пребывания белых в гор. Одессе»; **«Во время пребывания белых в гор. Одессе его брат Узун Фёдор Трифионович служил у белых контрразведчиком и при разгроме белых бежал за границу, в Румынию»** [5: 30]. В.Т. Узун отказался не только от того, с чем ранее согласился, а именно с выдвинутыми следователем обвинениями, но и стал утверждать следующее: **«...Показания свидетеля Стойкова, изобличающие меня на очной ставке в контрреволюционной деятельности, я отрицаю категорически»** [5: 31]. Но одно его показание следователю В.Т. Узун подтвердил. Оно касалось оказания помощи советом другу его брата Фёдора по Кишинёвской духовной семинарии и Санкт-Петербургскому университету А.В. Болдырю эмигрировать в румынскую Бессарабию. Стойков доносил следователю, что в 1925 г. к В.Т. Узуну как к «известному переправщику явился на квартиру б. юрист внешторга из Москвы Болдырь Александр Васильевич, уроженец Бессарабии – также с просьбой оказать ему содействие в нелегальной переправе через границу из СССР в Румынию, в чем Узун В.Т. оказал ему содействие в нелегальной переправе» [5: 49]; «В период моего пребывания за границей в Румынии до 1928 г., я в 1925 г. встретился в гор. Аккермане с гр-ном Болдырем А.В. на квартире Узуна Фёдора Трифионовича и в беседе он – Болдырев А.В. мне сказал, что Узун В.Т. содействовал в нелегальной переправе через границу в Румынию, указав ему, где можно перейти через реку Днестр, в местности, где река узкая и мелкая, что Болдырь А.В. и сделал» [5: 35].

Дело одесского следователя, представленное «Особому совещанию» при НКВД СССР, не признало «контрреволюционную агитацию» за «контрреволюционную деятельность». Постановление, принятое 5 октября 1939 г., гласило: «Узуна Василия Трифионовича за **контрреволюционную агитацию** заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ТРИ ГОДА, считая срок с 26 февраля 1938 года» [5: 46]. Напомним, что его арестовали в феврале 1938 г. при Н.И. Ежове. А массовые репрессии против «антисоветских элементов» готовились в июне–июле 1937 г. и начались в августе. Ими предусматривалось «ликвидировать физически или устранить в лагерях» потенциаль-

но опасные режиму группы населения: «бывших кулаков, бывших офицеров царской и белой армий, священнослужителей, бывших членов враждебных большевистской партии – эсеров, меньшевиков и многих других...». В советских органах госбезопасности давно вели учёт таких «враждебных» категорий». 30 июля 1937 г. Политбюро ВКП(б) утвердило оперативный приказ наркома МВД Н. Ежова № 00447. Согласно приказу, все репрессируемые «разбивались на две категории: первая – подлежащие немедленному аресту и расстрелу, вторая – подлежащие заключению в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Каждой области, краю и республике доводились планы на репрессии по каждой из двух категорий». По схожему сценарию проводились репрессии против ещё одной группы, третьей по счёту, известные как «национальные операции». В неё включали «советских граждан разных национальностей, выходцев из-за рубежа – поляков, немцев, румын, греков, болгар, македонцев и др.». Все они рассматривались «как питательная среда для шпионажа и коллаборационизма». Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 мая 1938 г. репрессии против лиц третьей группы были продлены «до 1 августа 1938 г.» по «упрощённому порядку» (вынесение приговоров Тройкой) и распространялись «на лиц польской, немецкой, латышской, эстонской, финской, болгарской, македонской, греческой, румынской, иранской, афганской, китайской национальностей и харбинцев, изобличённых в шпионской, террористической и другой антисоветской деятельности» [16: 22–24].

Братья Василий и Фёдор Узун подходили под репрессии 1937–1938 гг. и как офицеры «царской» и «белой армии», и как болгары, родившиеся в Бессарабии, которая входила в состав королевской Румынии с января 1918 г. Поэтому отказ В.Т.Узуна от своих признаний о своей и брата Фёдора службе в белой армии, решительное отвержение им и показаний свидетелей позволило затянуть следствие настолько, что решение по его делу принималось уже министром Л.П. Берия. Н. Ежов был освобождён от обязанностей министра МВД в 1938 г., арестован в 1939 г. и расстрелян в 1940 г. При министре Н. Ежове в октябре 1937 г. был арестован другой бессарабец, болгарин В.Н. Искимжи, за точно так же сфабрикованную следствием «антисоветскую и контрреволюционную деятельность» (таковой посчитали службу в царской армии прапорщиком и участие в деятельности эсеровской партии до 1917 г.) и был приговорён Тройкой по ст. 58-10 УК СССР к «заключению в ИТЛ, сроком на ДЕСЯТЬ ЛЕТ» [16: 38]. А племянники В.Н. Искимжи, Александр и Михаил Искимжи, бежавшие из Четатя-Албэ в СССР один в 1924, другой в 1930 г., чтобы не служить в румынской армии, были арестованы весной 1938 г. по

обвинению в шпионаже в пользу Румынии и расстреляны летом того года [16: 36–48].

На сайте «Старый Аккерман» Галиной Скомогоховой, уроженкой Камчик (ныне с. Заря), был опубликован пост; она, не приводя ссылку на архивный источник, поместила отрывок из следственного дела, который отражает позицию самого следователя по обвинению Фёдора Узуна: «Адвокат в Бессарабии, белый офицер, работал в Одесской **контрразведке**, бежал в Бессарабию; до революции – голова г. Ромны». Да, на предварительном следствии у В.Т.Узуна вырвали такое признание, но затем он от него отказался. И его отказ записан следователем в этом же отчёте: он до конца твёрдо стоял на позиции непризнания обвинения. И это спасло ему жизнь. Г. Смогорохова прошла мимо записи отказа В.Т.Узуна от вырванного у него следователем признания. Её мнение, идентичное выдвинутому одесским следователем обвинению Ф.Т. Узуна, создало превратное представление об объективной реальности.

Сын Фёдора Трифоновича Николай, письмо которого цитировалось выше, много лет спустя вспоминает сказанное ему умирающей матерью: «Но участие в Гражданской войне на стороне “белых” (о чем поведала мама после смерти отца) вызывало большие опасения» [13]. Пока семья жила в румынском городе Четатя-Албэ, заявление Василия Узуна о службе мужа в армии Деникина не представляло опасности для Фёдора Трифоновича и его семьи. Когда же семья уже год жила в Советском Союзе, а потом была депортирована из Бессарабии в статусе «спецпоселенческой» в Казахстан, отношение Елизаветы Серафимовны к этому заявлению В.Т. Узуна изменилось. И хотя любимого мужа уже не было в живых, оно могло быть использовано советскими карательными органами против её сыновей. Именно это вызывало у неё тревогу, опасения и страх.

На наш взгляд, обвинение Ф.Т.Узуна в участии в деникинской контрразведке сфабриковано одесским следователем в 1938 г. Что касается включения его в середине октября 1919 г. в расквартированный в Одессе Петроградский «уланский взвод» (о чем Елизавета Серафимовна знала ещё тогда), то такой факт в биографии Ф.Т. Узуна подтверждён архивным источником. Вместе с тем у нас нет ответа на вопросы: почему он до середины октября, спустя почти два месяца нахождения армии Деникина в Одессе, не входил в её состав и был ли сам Фёдор Трифонович инициатором вступления в неё? Кроме того, неизвестно, мог ли он участвовать в Гражданской войне на стороне белых в ноябре–декабре 1919 г. Документальных подтверждений этому нет.

Бессарабский период биографии Ф.Т. Узуна и его семьи (1920–1940). После поспешного выезда из Одессы в Бессарабию семья Ф.Т. Узуна обосновалась в его родительском доме в Селиогло – он

вернулся к себе домой, а не выбирал страну для эмиграции. В родном селе у него в 1921 г. появился на свет второй сын – Владимир. Вместе с тем Фёдор Трифионович понимал, что без адаптации к политическим реалиям в румынской Бессарабии он не сможет трудоустроиться по профессии адвоката. Он начал изучать румынский язык (и быстро его освоил), а также правовое законодательство и практику его применения в румынском государстве. Именно эти его познания и владение румынским языком позволили ему возобновить адвокатскую практику. Он также извлёк жизненный опыт из событий 1914–1920 гг., который учитывался им в его профессиональной и общественно-политической деятельности в условиях оккупации Бессарабии Румынией. Его внутреннее душевное состояние было подчинено Елизавете Серафимовне, мужественно переносившей все семейные невзгоды 1914–1920 гг. и переживавшей вместе с ним его проблемы. Фёдор Трифионович уделял особое внимание социальному положению своей многодетной семьи, которой он так дорожил. И в тоже время он, в отличие от дореволюционных лет, проникся жизненно важными общественными проблемами, в которых очутились его бессарабские соплеменники, национальные меньшинства Бессарабии в общественно-политических и политико-государственных реалиях Великой Румынии с 1918 г.

В Аккермане он обосновался, вероятно, в 1922 г., где в следующем году семья пополнилась ещё одним сыном, Николаем. Благодаря языковой подготовке в Селиогло Ф.Т.Узун «быстро приобрёл известность хорошего адвоката, особенно пользовался доверием крестьянства, и начал играть заметную роль в политической жизни Бессарабии» [13]. Он возглавлял Адвокатский корпус всего уезда Четатя-Албэ, т. е. имел высокую адвокатскую репутацию не только в самом городе, но и во всем уезде. Как адвокат он не был государственным служащим Румынии, и это обстоятельство давало ему определённую независимость и свободу действий по отношению к государственной власти и политической системе королевской Румынии в Бессарабии.

Как известно, Бухарест, оккупировав Бессарабию в 1918 г., проводил с 1922–1923 гг. политику этнического, этнокультурного, духовно-религиозного и социально-экономического угнетения национальных меньшинств края. Власти отказали болгарам в обучении на родном языке, требовали от них отказа от своей этничности и идентичности, ввели в церковных приходах григорианский религиозный календарь вместо юлианского, ущемляли их экономическую деятельность, проводили ущербную демографическую политику [11: 7–48]. Политика и практика румынского государства в отношении нацменьшинств ущемляла этнонациональную идентичность Фёдора Трифионовича и

относила его к второсортным гражданам Румынии. Это послужило для него побудительным мотивом включиться в общественно-политическую деятельность по защите болгарского меньшинства в уезде Четатя-Албэ.

В конце 1929 г. инициативная группа болгар опубликовала в кишинёвской газете «Бессарабская воля» воззвание к болгарскому населению уезда. В нем говорилось, что настало время, «когда болгары должны объединиться в национальную организацию», потому что «ни одна партия в государстве, какая бы она ни была демократическая, не может удовлетворить все нужды отдельных национальностей», т. е. национальных меньшинств Румынии. Болгарская организация должна иметь прежде всего «культурно-национальные цели», но одновременно заботиться об удовлетворении национально-политических, общественных и экономических нужд болгар. Девиз организации – «Мир и культура болгарам», её непосредственные задачи: сохранить болгарский язык и традиции, издавать болгарские газеты и книги, требовать изучения болгарского языка в школах, подбирать достойных болгарских представителей для участия в местных органах управления, содействовать решению [национальных] проблем меньшинств в Румынии [17: 232]. Хотя текст «воззвания» был обнародован от имени инициативной группы, однако, несомненно, главным в ней был Ф.Т. Узун. А редактором газеты, его опубликовавшей, пишет болгарский историк, был «Ал. Булдур». Это не кто иной, как Александр Васильевич Болдырь, друг Фёдора Трифоновича со студенческих лет. Выше было отмечено, что В.Т. Узун в 1925 г. помог А.В. Болдырю переправиться через Днестр, тогда же он гостил в Четатя-Албэ (Аккермане) у Фёдора Трифоновича и его семьи, членом которой была его дочь Наташа. Некоторое различие в написании фамилии, представленном двоюродной сестрой Елизаветы Серафимовны и присутствующем в болгарском варианте автора статьи Бл. Нягулова, не является препятствием утверждать, что это один и тот же человек.

Болгарский конгресс был проведён в Ново-Ивановке 29 декабря 1929 г., в 110-ю годовщину Указа Правительствующего Сената России об устройстве задунайских переселенцев на казённых землях Бужака на правах иностранных колонистов. Участие в нем приняли до 500–600 делегатов болгарских сел уезда. Председателем конгресса был избран Ф.Т. Узун, он и выступил на нем с докладом. Конгресс избрал «комитет» из 25 человек, который сформировал «президиум» в составе председателя Ф. Узуна, четырёх его заместителей, секретаря, помощника секретаря и кассира. Они представляли такие села, как Дельжилер, Чийшия, Чумлекиой, Ново-Ивановка, Гасан-Батыр. Конгресс прошёл в русле выдвинутых в «воззвании» в газете «Бессараб-

ская воля» национально-культурных, экономических и политических задач, стоявших перед болгарским населением уезда Четатя-Албэ. В частности, предлагалось добиваться введения изучения болгарского языка в государственных начальных школах, открытия в уезде среднего училища для болгар. Делегатами Конгресса было высказано пожелание издавать газету на болгарском языке [17: 232–233].

После съезда было начато издание в Четатя-Албэ еженедельной общественно-политической газеты «Наш глас», её директором стал Ф.Т. Узун. Газета печаталась в местной типографии П.К. Каратеодорова. Статьи в ней публиковались на болгарском и русском языках. Болгарская национальная организация приняла участие в уездных выборах. Президиум «Комитета болгарского объединения» созвал 19 января 1930 г. в Ново-Ивановке общее собрание с целью обсуждения болгарских кандидатур. Предвыборная кампания проводилась посредством публикации статей в газете «Наш глас» [17: 235–239]. Однако в связи с тем, что избирательный порог прохождения в депутаты был очень высоким – от 20% и выше для каждого избирательного бюллетеня – результаты окружных выборов для болгарской организации уезда Четатя-Албэ оказались неудачными. Другими причинами неудачи в деятельности болгарской организации уезда, по мнению Ф.Т. Узуну, являлись: изолированность лидеров от населения на местном уровне; проявленная болгарями осторожность и боязнь принять участие в национальном движении; отсутствие подготовленных кадров и финансовых средств, а также материальной и политической поддержки со стороны болгарского государства; противодействие румынских политических сил и особенно правящей партии [17: 239]. Болгары уезда, как и всего Буджака, были раздроблены политическими партиями Бухареста задолго до возникновения болгарской организации, у которой не было времени переориентировать болгар уезда на поддержку своей программы и кандидатов. Болгарская организация Аккерманского уезда «Комитет болгарского объединения» прекратила своё существование, вероятно, без процедуры её роспуска Бухарестом или самороспуска.

Общественно-политическую, культурно-образовательную деятельность в интересах болгарского меньшинства, как и других меньшинств уезда Четатя-Албэ, Фёдор Трифионович стремился осуществлять, опираясь на своё участие в партийно-политической жизни королевской Румынии. В личном архиве Наталии Владимировны собраны источники из печатных изданий о его участии в работе местной организации «Национальная партия уезда Cetatea-Alba» 16 декабря 1925 г. (Neamul Românesc, 16 decembrie 1925) [13]. Он был избран членом Сельскохозяйственной палаты уезда Четатя-Албэ

от уездной организации Национал-царанистской партии вместе с одним из создателей этой партии Константином Стере [13]. Возможно, он даже входил в уездный комитет этой партии. Фёдор Трифионович участвовал в парламентских выборах в Румынии в 1933 г. и одержал убедительную победу «от левой радикал-крестьянской партии», т. е. Национал-царанистской партии [13].

Газета *Universul* от 16 ноября 1933 г. опубликовала небольшую информацию «ОБСУЖДЕНИЕ ОПЛАТЫ ШКОЛЫ – ПРИНЯТЫЕ РЕШЕНИЯ». В ней сообщается о том, что в городе 29 октября в помещении гимназии для мальчиков состоялось заседание школьного комитета под председательством адвоката Э. Мэнеску. Обсуждался вопрос об увеличении налога с родителей, чтобы пополнить бюджет школы на оставшиеся два месяца указанного года. По этому вопросу выступил Ф. Узун, который «от имени специального комитета зачитал отчет комитета, в котором утверждается, что есть разделы бюджета, на которых можно добиться экономии», чтобы покрыть потребности на ближайшие 2 месяца». Его предложение «было поставлено на голосование», и «большинство его одобрило» [13].

Впечатляет сообщение газеты «Утро» от 15 февраля 1937 г. Оно имеет не столько профессиональный, сколько политический смысл и звучание. Сообщение опубликовано под заголовком «Предложение общего Союза журналистов было отклонено». Приведём её текст: «ЧЕТАТЕА-АЛБА, 15. – В зале заседания II отделения местного суда состоялось собрание членов местной коллегии адвокатов под председательством декана г-на адвоката Ф. Узуна. Обсуждался вопрос румынизации адвокатуры, предложенной генеральным советом Всеобщего союза адвокатов. В дебатах приняли участие несколько членов коллегии, в том числе г-н М. Стратан и г-н Ф. Узун, которые заявили, что никто не может ограничивать права меньшинств на регистрацию и работу в коллегии. Генеральная ассамблея после нескольких обсуждений решила отклонить предложение Союза и сообщить им, что коллегия выступает против ограничения прав адвокатов из числа меньшинств в коллегии. Собрание дало мандат декану Ф. Узуну поехать в Бухарест и довести до сведения Союза решения, принятого присутствующими на заседании юристов. Затем была избрана комиссия для составления меморандума в духе обсуждавшегося и представления его в Бухарест». Как видим, Фёдор Трифионович до конца 1930-х гг. остался на позиции защиты прав национальных меньшинств в уезде, не только болгарского. Он не был оппонентом партийно-политической системы Румынии и такой задачи перед собой не ставил, а использовал её в своей адвокатской и общественной деятельности, защищая интересы простых жителей

уезда Четатя-Албэ. Таким образом, адаптация Фёдора Трифионовича к румынской партийно-политической системе и общественной жизни была относительной. Его сын Николай пишет Наталии Владимировне о том, что его отец, «невзирая на неприятности, защищал участников Татарбунарского восстания 1924 г.» [13], среди которых были и бессарабские болгары, и гагаузы. Это способствовало росту его личного авторитета не только у болгарского населения уезда Четатя-Албэ.

Советский период биографии Ф.Т. Узуна и его семьи. День 28 июня 1940 г. Фёдор Трифионович Узун встретил в своём доме в центре Аккермана вместе с женой и двумя сыновьями, Владимиром и Николаем. Старший из них, Леонид, в 1930 г. стал студентом Электротехнического института в Тимишоаре и по его окончании остался жить в Старом Королевстве. Наташа вышла замуж, в 1934 г. родила дочку Натусю, но умерла от родильной горячки. Фёдору Трифионовичу в 1940 г. исполнилось 55, а его жене Елизавете Серафимовне – 57 лет. Он имел репутацию успешного и уважаемого адвоката, «придерживался левых взглядов, единственный в городе выписывал советскую газету «Известия», истинно верил в успехи СССР и скептически относился к информации о СССР, поступавшей с Запада [13]. Двадцать два года проживания в оккупированной Румынией Бессарабии сделали его критически воспринимающим идеологию и практику Великой Румынии, защитником бессарабского крестьянства, болгарского национального меньшинства.

Советский период биографии Ф.Т. Узуна проходил в условиях начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны, силового решения советско-румынских территориальных проблем, обусловленных оккупацией Румынией Бессарабии в 1918 г. и воссоединением Бессарабии с СССР 28 июня 1940 г. События советского довоенного периода истории Южной Бессарабии или Буджака в 1940–1941 гг. освещены в книге И.Ф. Грека «Очерки истории болгар Онглоса – Бессарабии – Буджака» [9]. Насколько позволяли доступные при её написании источники, в книге особое внимание уделено репрессиям советской власти против местного населения в 1940–1941 гг. К сожалению, мне не удалось выйти на архивные источники, освещающие информацию об арестах и высылке жителей города Аккермана, несмотря на все предпринятые усилия. Несколько строк о высылке Ф.Т. Узуна на сайте «Старый Аккерман» содержат неверную информацию относительно причин смерти Фёдора Трифионовича. Здесь впервые история его депортации из Аккермана с семьёй без судебной процедуры и жизни в казахстанском селе как «спецпоселенцев» освещается по материалам личного архива Н.В. Климановой-Узун. Но перед этим рассмотрим причины, характер и особенности репрессий

1940–1941 гг. Они состоят в том, что советские карательные органы разделили всех, подлежащих аресту и выселению из Бессарабии, на три категории. В первую категорию входили те местные жители края, которые были интегрированы в румынскую государственную и партийно-политическую систему власти. Это руководители уездных, волостных (пласы) и сельских (коммуны) органов власти, офицеры румынской и белой армий, службы безопасности (секуритата), руководители местных организаций румынских политических партий. Их действительно арестовывали и, как правило, отправляли в ГУЛАГ. Это были политические враги Советского Союза, они угрожали его безопасности и существованию на политической карте мира. В условиях ожидания нападения фашистской Германии и её сателлита Румынии на СССР их необходимо было выселить, и подальше от Бессарабии.

Во вторую группу репресслируемых советские органы включали членов семей первой группы. Их высылали на поселение как «спецпоселенцев» и за ними был установлен особый контроль со стороны репрессивных органов. К ним относились как к членам семей врагов Советского Союза.

Третья группа жителей Бессарабии, подвергшаяся депортации вглубь Советского Союза, состояла из так называемых кулаков и зажиточных горожан. В неё советская власть включала землевладельцев, использовавших в своём хозяйстве труд наёмных работников. Эта группа образовалась при проведении коллективизации в 1940–1941 гг. В неё входили и городские жители Бессарабии – владельцы сельхозугодий, садов и виноградников, использовавших в своём хозяйстве труд наёмных работников, а также купцов, торговцев, владельцев движимого и недвижимого имущества, промышленных предприятий, применявших наёмную рабочую силу. К этой группе лиц, высылаемых из родных мест, подходили с социально-классовых позиций, в условиях Бессарабии часто имевших формальные признаки. Их относили к классовым противникам советского социалистического строя, но не причисляли к врагам Советского государства. Они считались идеологическими противниками советской (тогда большевистской) власти, но не СССР.

К Фёдору Трифионовичу Узуну органы советской власти подошли как к представителю третьей группы репресслируемых жителей Бессарабии. В семейном архиве Наталии Владимировны хранится письмо Николая Фёдоровича Узун, на которое мы ссылались выше. Он написал его по просьбе Наталии Владимировны, будучи уже взрослым, на 18 страницах. В нем он повествует о событиях, предшествовавших их высылке из Аккермана вглубь Советского Союза. 18-летний сын Фёдора Трифионовича пишет, что отца неоднократно приглашали в

НКВД на проверку его лояльности, ему предлагали отказаться от владения домом и поселиться с семьёй на частной квартире. К этому времени во владении Фёдора Трифоновича был не только собственный дом, но и дача («вилла») в Будаках, и участок земли (документы на владение на румынском языке хранятся в семейном архиве Н.В. Климановой-Узун) [13]. Характеризуя идеологический климат в Аккермане, Николай пишет: «...в классе, где раньше не было и намёка на какую-либо принадлежность к буржуазному сословию», в новых условиях открыто проявлялась «классовая принадлежность». Его брат Владимир окончил гимназию в 1940 г., а он ещё учился.

К Фёдору Трифоновичу Узуну правоохранительные органы советской власти не предъявляли никаких политических обвинений по 1918–1920 гг., в том числе и по эпизоду якобы его службы в контрразведке белой армии. К нему не отнесли также как к юристу, работавшему в системе юриспруденции Румынии, т. е. не считали его связанным с органами власти Румынии. Их не интересовали ни его воинские звания прапорщика и поручика 1915–1919 гг., ни принадлежность к политической партии Румынии. Иными словами, в нем правоохранительные органы не увидели врага Советского государства. Но зато налицо было все, что позволяло НКВД отнести Фёдора Трифоновича и его семью к группе социально-классовых, идеологических противников Советской власти (дом, вилла, участок земли), а именно к третьей группе депортируемых из Измаильской области УССР. Указанную собственность Ф.Т. Узуну власти конфисковали.

Наталья Владимировна передаёт в своём изложении ту часть письма дяди Николая, в котором он пишет о депортации: «...13 июня 1941 г. ночью в комнату братьев вошла Елизавета Серафимовна и разбудила их словами: “Вставайте, нас вроде арестовали”. На сборы было отпущено около получаса, они впопыхах толком ничего не взяли и были погружены в грузовик. Семью выгрузили на импровизированном железнодорожном разъезде, где уже было множество людей и стояли “телячьи вагоны”. Семье Узун был присвоен статус “спецпереселенцы” (правильно “спецпоселенцы”. – И.Г.), и при очередной переключке дядя подсмотрел, что о Фёдоре Трифоновиче было написано, что он является крупным землевладельцем и владельцем участка земли. Во время пути на остановках были “изъятия” отдельных лиц, но семья Узун доехала до Казахстана, и вместе с другими их выгрузили на ст. Матрук. Только тогда они узнали о начале войны. Семью Узун и ещё несколько семей привезли в село Астраханское Хобдинского района, неизмеримо бедное азиатское село. “Жили мы в убогой заброшенной избушке”. Братьев отправили на работу в колхозе – скирдовать солому, а Фёдора Трифоновича – за каким-то грузом на подводе с

быками. Дядя пишет, что они “жили без мыла, стирки, купания, какой-либо медицинской помощи и лекарств”, он весь покрылся нарывами, и ему становилось все хуже. К несчастью, отсутствие медицинской помощи, лекарств, антисанитария сгубили и Фёдора Трифоновича. Дядя пишет, что “при сборе хвороста в саксауловом лесу он сильно поранился, рана воспалилась, и он вскоре скончался”. Я думаю, что смерть наступила от сепсиса, правда, вспомнила, что папа говорил, что от столбняка. Дядя Коля не пишет дату, когда умер дед, но я поняла, что до окончания 1941 г. Дядя работал тогда трактористом и похоронил отца на территории МТС (машинно-тракторная станция), где в 1942 году он похоронил и свою мать. Весной 1942 г. Володю мобилизовали в трудовую армию и послали в город Актюбинск, где строился металлургический завод ферросплавов. Дядя Коля пишет, что они остались вдвоём с мамой, и он делал для неё все, что мог, но от голода и лишений бабушка “таяла на глазах”, сознавала, что умирает, просила, чтобы Володе не сообщали о её смерти. Я, прочтя все письмо дяди Николая, очень живо представила их жизнь там, и не очень понимаю, как выжило хотя бы молодое поколение семьи Узун» [13].

Наталья Владимировна продолжает излагать содержание письма Николая Узун, дополняя его воспоминаниями от себя: «После окончания войны дядя получил от НКВД разрешение ехать в Актюбинск к брату. В Жилгородке – пос. Заводской г. Актюбинска, братья жили в одной комнате, папа в 1946 г. женился на моей маме Венцевич Валентине Евгеньевне, а в 1947 г. родилась я. Дядя поступил в вечернюю школу и в 1948 г. получил аттестат. В это же время с братьев сняли ограничения как с депортированных и дали паспорта. Дядя уехал в Куйбышев, где, как было известно, была у него родня, в частности, сестра его матери. Отец также закончил 10-й класс вечерней школы (нужен был советский аттестат) и в 1949 г. поехал поступать в Саратовский Университет. Он блестяще окончил гимназию (в Аккермане), был первым учеником и до самой смерти отлично знал французский, немецкий, румынский (сама слышала в Кишинёве в 1969 г.), греческий, латынь. Моей маме помогал с латынью, когда она училась на фельдшера, а мне в школе – с английским. Также блестяще он сдал вступительные экзамены в СГУ на физический факультет, но в списках зачисленных его не было. Он мне рассказывал, что пошёл на приём к ректору. У них был откровенный разговор, при котором ректор сказал: “Ну, Вы же понимаете, что с такой биографией, я не могу Вас зачислить на этот факультет”. Отец спросил: “А на какой можете?” – “Могу на биолого-почвенный, хотите?” И папа с отличием окончил в 1954 г. этот факультет, а во время учёбы был Ленинским

стипендиатом. Мы с мамой переехали к нему в Саратов, там я окончила физматшколу и химфак СГУ, тоже с отличием. В Саратове у нас также оказались родственники со стороны бабушки, в частности, ее двоюродная сестра, которая рассказывала мне о бабушке, она тоже окончила Институт благородных девиц в Саратове. Все моё детство прошло среди “бывших”, только жаль, что тогда меня это мало интересовало. Хорошо, что память кое-что сохранила, а теперь собираю информацию по архивам. Отец был блестящим преподавателем, доцентом, а потом и зав. кафедрой почвоведения сельскохозяйственного института, и я много раз, уже после его смерти в 1990 г., встречала бывших студентов и, называя фамилию Узун, выслушала много прекрасных слов. Ему много раз настойчиво рекомендовали вступить в партию, но он как-то умел деликатно уйти от этой темы... Он почти ничего не рассказывал о жизни в Четатя-Албэ, иногда, правда, какие-то детали всплывали. Его учила музыке мама, он говорил, что она была прекрасно образована, знала несколько языков, а вот румынский так и не выучила» [13].

Депортированная на основе социально-классового принципа семья Фёдора Трифионовича Узун не роптала по поводу несправедливости действий власти по отношению к себе, да это было и бесполезно. Депортация являлась политической, что прекрасно понимал адвокат Узун, лишённый права на защиту и самозащиту. В 1918–1920 гг. он уже жил в условиях отсутствия в Одессе законного судопроизводства. И понимал, что к нему и его семье в 1941 г. подошли не с юридической, а с политической, даже геополитической меркой, для которой не существует понятия о защите законных прав гражданина посредством судебных решений. Фёдор Трифионович и Елизавета Серафимовна погибли в первые два года жизни в депортации. Так трагически закончилась жизнь крестьянского сына Ф.Т. Узун, благодаря своей целеустремлённости добившегося семинарского и блестящего юридического образования в царской России, и дворянки Елизаветы Серафимовны, выпускницы Смольного Института благородных девиц. Она полюбила талантливого простолюдина-интеллектуала, родила ему трех сыновей, прошла с любимым мужем все тяготы политических потрясений, постигших их в царской России в последние годы её существования и во время Гражданской войны 1918–1920 гг. Эхо этих потрясений было им слышно в королевской румынской Бессарабии, но оно настигло их в СССР в предвоенные 1940–1941 гг.

***

Фёдору Трифионовичу Узуну было отведено всего 56 лет жизни. В статье они вместились в два больших периода: первый насчитывает

29 лет (1885–1914), второй – 27 лет (1.08.1914–1941 гг.) Они связаны между собой вступлением России в Первую мировую войну и началом Второй мировой войны, но существенно отличаются друг от друга, в том числе и отношением к ним самого Фёдора Трифоновича.

Первый период его биографии характерен принятием самостоятельных решений его родителями, а также им самим о подготовке к взрослой жизни. Отец и мать Фёдора Трофимовича принимали личные решения о будущем своих детей, а оно было связано, прежде всего, с церковью и школой. Именно в болгарском селе Селиогло у крестьянского ребёнка и подростка Феди Узуна были заложены православная духовность и серьёзное отношение к приобретению знаний, к просвещению. Сельская школа, духовное училище и духовная семинария – это ступени его интеллектуального роста, участие в котором принимали учителя, сельский священник, а также родители, обеспечивавшие его всем необходимым. Первую самостоятельность, поддержанную родителями и жителями села, он проявил, выразив желание продолжить обучение в светском высшем учебном заведении, что было распространённым явлением среди выпускников Кишинёвской духовной семинарии. И оно стало для него судьбоносным. У 20-летнего Фёдора Узуна созрело понимание, что светской профессией он сможет эффективнее проявить себя и быть полезнее людям, сумеет лучше реализовать свою индивидуальность, чем церковным богослужением и личными проповедями. Остановив свой выбор на юридическом факультете университета, Фёдор Узун отдаёт предпочтение адвокатскому направлению в юриспруденции, а не следовательскому или прокурорскому. Он видит свою задачу в защите обвиняемых, в защите прав тех, кто подвергается унижению, оскорблению, ограблению, обесчещиванию. Мы не видим его среди борцов против существующей власти, но, выступая в защиту людей, за правду и справедливость можно бороться и в рамках выбранной профессии. Социально-экономические и общественно-политические процессы в Российской империи шли в направлении разрушения её внутренних государственных устоев, но бессарабская крестьянская деревня, в которой вырос юноша Фёдор Узун, ещё не была втянута в них, особенно до 1904–1905 гг. В стране бушевали революционные страсти, и её монархистская система власти претерпевала определённую эволюционную трансформацию. Как мы понимаем, она соответствовала его патриархальному образу жизни.

Второй самостоятельный поступок Фёдора Узуна – устройство личной жизни, создание семьи с любимой женщиной таким исключительно неожиданным, но морально чистым и заслуживающим уважения образом. Это было поддержано Елизаветой Серафимовной и потому стало их общим решением. Их жизнь протекала спокойно,

размеренно, выстраивалась на базе существовавшей политической системы в России, её внутренних законов.

Второй период жизненного пути Фёдора Трифоновича Узун (1914–1941) – это годы и десятилетия бурной общественно-политической жизни и острых межгосударственных противоречий, вместивших в себе Первую мировую войну 1914–1918 г., революционные события 1917 г., Гражданскую войну и иностранную интервенцию в Советской России, оккупацию Бессарабии королевской Румынией и Вторую мировую войну 1939–1945 г. Именно эти гигантские разрушительные процессы мирового масштаба определяли жизнь и поступки простых людей, в том числе и на юге России, где жил с семьёй Фёдор Трифонович Узун. Именно они диктовали ему условия для принятия решений личного и семейного порядка. Начало было положено в январе 1915 г. призывом его в Государственное ополчение, зачислением в ратники первого разряда, ускоренным обучением в школе прапорщиков и присвоением в мае указанного года воинского звания прапорщика. И все, что происходило дальше с ним и его семьёй до 1920 г., было продиктовано военно-политическими внутренними обстоятельствами кризиса российского государства, требовавшими принятия Фёдором Трифоновичем вынужденных решений. Мы мало что знаем о его биографии с января 1915 по декабрь 1920 г. Скорее всего, с призывом в Государственное ополчение и получением воинского звания прапорщика, его карьера присяжного поверенного в Кишинёве была прервана. Нет объяснения причине его переезда с семьёй из Одессы в Ромно. Его возвращение в Одессу можно объяснить установлением в январе 1918 г. власти Центральной Рады на Украине и вхождением в Ромны 22 марта части германской армии. Как офицер русской армии и как гражданин Российского государства он этого не принимает. Отъезд для себя и семьи в Бессарабию, оккупированную в 1918 г. Румынией, он считал тогда невозможным, в том числе из-за незнания румынского языка, невозможности заниматься адвокатской деятельностью по той причине, что не владел румынским законодательством в области юриспруденции. Хотя выбор Фёдором Трифоновичем Одессы объясним, но ничего хорошего здесь его и его семью не ожидало. Она также была оккупирована в начале 1918 г. германо-австрийскими войсками, а в конце указанного года – французскими войсками, представлявшими Антанту. В течение 1918–1919 гг. власть в Одессе менялась около 10 раз. Захват города Добровольческой армией А. Деникина 23 августа 1919 г. и его удержание до 7 февраля 1920 г. ознаменовались для Фёдора Трифоновича его зачислением в звании поручика в уланский взвод армии Деникина 14 октября 1919 г. Спустя

полтора месяца (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.), из-за того, что Добровольческая армия стала терпеть поражение, Фёдор Трифонович принимает ещё одно смелое самостоятельное решение – перебраться с семьёй к себе домой, в Селиогло, считаясь с фактом оккупации Бессарабии Румынией. Перед ним и его женой Елизаветой Серафимовной не стоял тогда вопрос выбора между румынской Бессарабией и Советской Россией. Но Бессарабия для них не была территорией политической белой эмиграции. Он вернулся в родное село. Это не был эмигрантский политический выбор «белого офицера», хотя из двух зол – Советское государство или румынская Бессарабия – он выбирает меньшее. В Бессарабии, точнее на своей малой родине в селе Селиогло, он рассчитывал уберечь любимую женщину и детей, обеспечить их благополучие.

С 1920 по 1940 г. Фёдору Трифоновичу и его семье пришлось встраивать свою жизнь в политико-государственную систему Румынии. Её социально-экономическая система принципиально не отличалась от той, в которой он жил прежде. Но 20 лет жизни в ней показали всю неприглядную сторону румынской власти – проведение ею политики насильственной ассимиляции национальных меньшинств. И дореволюционная Россия не отличалась безупречным отношением к ним, но ее политика не была насильственной, а общественно-политическое движение на ее национальных окраинах дало свои результаты в начале XX в. В 1917 г. национальные меньшинства Бессарабии добились обучения в сельских школах на родном языке. В 1918 г. в Болграде были открыты курсы по подготовке учителей для таких школ. Из Болгарии стали поступать болгарские учебники. Румыния, захватив Бессарабию, не посмела тогда закрыть национальные школы. Однако сделала это в 1925 г., установив обучение в них только на румынском языке. Давление на национальные меньшинства в Бессарабии Бухарест проводил и по другим направлениям их национально-культурной, этнической, церковной и социально-экономической жизни. Фёдор Трифонович Узун не смог пройти мимо этой политики румынской власти и возглавил национально-культурное движение болгар в уезде Четатя-Албэ. В его дореволюционной биографии эта его болгарская этническая, этнокультурная и этнополитическая идентичность не проявлялась. Значение появления организованного болгарского национального движения в границах «Великой Румынии» и большую патриотическую роль в этом Фёдора Трифоновича Узуна имеет смысл рассматривать в широком историческом контексте, как продолжение той этнической и традиционной духовной и культурной идентичности, которой болгарские выходцы из-за Дуная, в том числе и его предки, добивались с 1811–1812 гг. при устройстве в Буджаке

[15]. Они боролись за неё против молдавских и румынских правителей в 1857–1861 гг. [11] и отстаивали её, участвуя в российском революционном движении в 1905–1917 гг. А в 1918 г. требовали создания для всего населения Буджака автономии как необходимого условия независимости от румынской оккупации Бессарабии [10: 15–18]. Требования болгарского национально-культурного развития, прозвучавшие в румынский период истории бессарабских болгар, благодаря деятельности Ф.Т.Узуна, были подхвачены его духовными последователями в советский период истории болгар Буджака, в том числе и после 1991 г. [19].

Фёдор Трифионович Узун, лишённый с 1915 г. права личного выбора решений по профессиональной самореализации и созданию благоприятных условий жизни для своей семьи, испытал на себе всю тяжесть российских, европейских (а по сути мировых) военно-политических и геополитических процессов. Несмотря на это, за 20-летний период своей биографии во время румынской оккупации он сохранил лицо честного человека, безупречного семьянина, отличного адвоката-профессионала, наконец, мировоззренчески обогатился, став болгарским патриотом. Его политическое самосознание развивалось в условиях румынской политической действительности в направлении понимания значения событий конца 1917 г. в политическом, культурном и социально-экономическом развитии Советского государства. Он оставался приверженцем российского государства, в котором родился, вырос и реализовал свой интеллектуальный и профессиональный потенциал. После июня 1940 г. Фёдор Трифионович не был антисоветски настроенным человеком, более того, он ожидал прихода Советского Союза в Бессарабию. Однако советская власть его не приняла. Она не отнесла Ф.Т.Узуна к категории врагов Советского государства, но посчитала его опасным для своей социально-экономической и идеологической системы ценностей. Фёдор Трифионович в неё не вписывался, и потому в условиях надвигающейся войны она выселила его с семьёй вглубь Советского Союза – в Казахстан. Он и его семья без суда и следствия были репрессированы советской властью, и она ответственна за безвременную кончину Фёдора Трифионовича и Елизаветы Серафимовны.

Вместе с тем оба их сына не только выжили в казахстанских условиях депортации. В условиях тогдашней советской власти, при внешне остром, но участливом отношении к ним советских граждан различного общественного положения они реализовали тот большой интеллектуальный потенциал, который был заложен в них генами их родителей и их воспитанием. Они стали эффективной, профессиональной и интеллектуальной частью здорового советского общества. А отличное воспитание

и образование, которое Фёдор Трифионович и Елизавета Серафимовна вложили в своих детей, передалось следующему поколению.

ЛИТЕРАТУРА

1. 100-летие Кишинёвской Духовной семинарии // Кишинёвские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1913. № 7, 8. 17, 24 февраля. С. 297–357.
2. Акулин Е.В. Разгром вооружённых сил Юга России Красной Армией в конце 1919 – начале 1920 гг. // Вестник науки. Международный научный журнал. 2020. № 7 (28), т. 1. Июнь. С. 105–107.
3. Варзопов Г. Селение Селиогло Аккерманского уезда // Кишинёвские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1874. № 18. 15–30 сентября. С. 687–703.
4. Варзопов Г. Новопостроенная церковь в селении Селиогло, 4 округа Аккерманского уезда // Кишинёвские епархиальные ведомости. Отдел неофиц. 1893. № 3. 1 февраля. С. 75–80.
5. Государственный архив Одесской области (ГАОО). Д. 16454. Т. 1.
6. Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века. Кишинёв: Штиинца, 1993. 106 с.
7. Грек И.Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX вв.) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 289–340.
8. Грек И.Ф. Проекты устройства «задунайских переселенцев» на казенных землях Буджака (1806–1820 гг.) // Firul viu, ce leagă timpuri – Времен связующая нить. Ad Honorem Victor Tvircun. Culegere de articole. Chişinău: Cartdidact, 2020. С. 766–783.
9. Грек И.Ф. Очерки по истории болгар в Онглосе – Бессарабии – Буджаке (VII–XX вв.). Кишинев: Lexon-Prim, 2024. 201 с.: фото, ил.
10. Грек И., Михайличенко Н. Возвращение из небытия. Василий Искимжи – учитель, революционер, воин, жертва репрессий. Кишинёв: [S. n.], 2020. 120 с.
11. Забытые страницы истории Южной Бессарабии. Сб. документов и материалов / сост. И.Ф. Грек. Chişinău: F.E.P. «Tipografia Centrală», 2012. 231 с.
12. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М.: Вече, 2013. 320 с.
13. Личный архив Н.В. Климановой-Узун.
14. Лотоцкий П.А. Список и краткие биографии окончивших полный курс Кишинёвской духовной семинарии за сто лет её существования (1813–1913 гг.). Кишинёв: Епархиальная типография, 1913. [6], 164, [13] с.
15. Мещеряк И.И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинёв: Госиздат Молдавии, 1957. 116 с.
16. Михайличенко Н. Приговорённые к высшей мере. Братья-болгары Александр и Михаил Искимжи, 1938 год. Кишинёв: Lexon-Prim, 2020. 199, [1] с: табл., фото.

17. Нягулов Бл. Прояви на организирано малцинствено движение сред българите в Бесарабия (1929–1930 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 3. В. Търново: УИ «Св. св. Кирил и Методий», 1994, с. 229–242.

18. Офицеры русской императорской армии. 40-й пехотный запасный полк. URL: https://www.ria1914.info/index.php/40-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA (дата обращения: 28.10.2024).

19. По пути национальной духовности болгар Молдовы. Документы и материалы (конец 80-х – 90-е гг. XX в. / науч. ред. И. Грек, Н. Червенков. Кишинёв: SŞB, 2005. 600 с.

20. Предисловие к описи // Государственный архив Сумской области (ГАСО). Ф. 997. Роменская городская управа г. Ромны, Роменский уезд Полтавской губернии. О. 1. Дел постоянного хранения за 1871–1916 г. Т. I. Государственный архив Сумской области. С. 2.

21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Послужной список младшего унтер-офицера 48 пехотного запасного батальона Фёдора Трифоновича Узуна».

22. РГВИА. Ф. 409. Послужные списки офицеров. Д. 1106 и 1106 «Д».

23. Татаринов И. Уроженцы Бессарабии – участники Первой войны. Ч. 1. URL: <https://izmail.es>article/35643/> (дата обращения: 13.10.2024).

24. Челах Е. Училищно дело и културно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия. София: Лик, 1999. 243 с.

25. Agenția Națională a Arhivelor (Национальное архивное агентство). F. 134. I. 2.

26. Agenția Națională a Arhivelor. F. 220. I. 2.

REFERENCES

1. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*. (1913) 100-letie Kishinevskoy Dukhovnoy seminarii [The 100th Anniversary of the Chişinău Theological Seminary]. 17th, 24th February. pp. 297–357.

2. Akulin, E.V. (2020) Razgrom vooruzhennykh sil Yuga Rossii Krasnoy Armiey v kontse 1919 – nachale 1920 gg. [The Defeat of the Armed Forces of the South of Russia by the Red Army in Late 1919 – Early 1920]. *Vestnik nauki. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 7(28). pp. 105–107.

3. Varzopov, G. (1874) Selenie Selioglo Akkermanskogo uezda [The Village of Selioglo, Akkerman District]. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*. 15th – 30th September. pp. 687–703.

4. Varzopov, G. (1893) Novopostroennaya tserkov' v selenii Selioglo, 4 okruga Akkermanskogo uezda [Newly built church in the village of Selioglo,

4th district of Akkerman district]. *Kishinevskie eparkhial'nye ведомosti*. 1st February. pp. 75–80.

5. The State Archives of Odessa Region (GAOO). File 16454. Vol. 1.

6. Grek, I.F. (1993) *Shkola v bolgarskikh i gagauzskikh poseleniyakh yuga Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka* [School in the Bulgarian and Gagauz settlements of the south of the Russian Empire in the first half of the 19th century]. Chişinău: Shtiintsa.

7. Grek, I.F. (2010) Antroponimiya “zadunayskikh pereselentsev” (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XIX vv.) [Anthroponymy of the “Transdanubian settlers” (last third of the 18th – early 19th centuries)]. *Stratum plus*. 6. pp. 289–340.

8. Grek, I.F. (2020) Proekty ustroystva “zadunayskikh pereselentsev” na kazennykh zemlyakh Budzhaka (1806–1820 gg.) [Projects for the settlement of “Transdanubian settlers” on the state-owned lands of Budzhak (1806–1820)]. In: *Firul viu, ce leagă timpuri – Vremen svyazuyushchaya nit'. Ad Honorem Victor Tvircun. Culegere de articole*. Chişinău: Cartdidact. pp. 766–783.

9. Grek, I.F. (2024) *Ocherki po istorii bolgar v Onglose – Bessarabii – Budzhake (VII–XX vv.)* [Essays on the history of Bulgarians in Onglos – Bessarabia – Budzhak (7th – 20th centuries)]. Chişinău: Lexon-Prim.

10. Grek, I. & Mikhaylichenko, N. (2020) *Vozvrashchenie iz nebytiya. Vasilij Iskimzhi – uchitel', revolyutsioner, voyn, zhertva repressiy* [Return from oblivion. Vasile Iskimzhi – teacher, revolutionary, warrior, victim of repression]. Chişinău: [s. n.].

11. Grek, I.F. (ed.) (2012) *Zabytye stranitsy istorii Yuzhnoy Bessarabii. Sb. dokumentov i materialov* [Forgotten Pages of the History of Southern Bessarabia. Collection of documents and materials]. Chişinău: Tipografia Centrală.

12. Kirmel, N.S. (2013) *Spetssluzhby Belogo dvizheniya. 1918–1922. Kontrrazvedka* [Special Services of the White Movement. 1918–1922. Counterintelligence]. Moscow: Veche.

13. N.V. Klimanova-Uzun's personal archive.

14. Lototskiy, P.A. (1913) *Spisok i kratkie biografii okonchivshikh polnyy kurs Kishinevskoy dukhovnoy seminarii za sto let ee sushchestvovaniya (1813–1913 gg.)* [List and brief biographies of those who completed the full course of the Kishinev Theological Seminary during the hundred years of its existence (1813–1913)]. Chişinău: Diocesan Printing House.

15. Meshcheryuk, I.I. (1957) *Antikrepostnicheskaya bor'ba gagauzov i bolgar Bessarabii v 1812–1820 gg.* [The Anti-Serfdom Struggle of the Gagauz and Bessarabia Bulgarians in 1812–1820]. Chişinău: Gosizdat Moldavii, 1957. 116 s.

16. Mikhaylichenko, N. (2020) *Prigovorennyye k vysshey mere. Brat'ya-bolgary Aleksandr i Mikhail Iskimzhi, 1938 god* [Sentenced to Capital Punishment. The Bulgarian Brothers Alexander and Mikhail Iskimzhi, 1938]. Chişinău: Lexon-Prim.

17. Nyagulov, B.I. (1994) Proyavi na organizirano maltsinstveno dvizhenie sred b'lgarite v Besarabiya (1929–1930 g. In: *B'lgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniya i materialy*. Vol. 3. T'rnovo: UI “Sv. sv. Kiril i Metodiy.” pp. 229–242.

18. Ria. (n.d.) *Ofitsery russkoy imperatorskoy armii. 40-y pekhotnyy zapasnyy polk* [Officers of the Russian Imperial Army. 40th Infantry Reserve Regiment]. [Online] Available from: https://www.ria1914.info/index.php/40-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA (Accessed: 28th October 2024).

19. Grek, I. & Chervenkov, N. (2005) *Po puti natsional'noy dukhovnosti bolgar Moldovy. Dokumenty i materialy (konets 80-kh – 90-e gg. XX v.* [On the path of national spirituality of the Bulgarians of Moldova. Documents and materials (late 80s – 90s of the 20th century)]. Chişinău: SŞB.

20. The State Archives of Sumy Oblast (GASO). *Predislovie k opisi* [Preface to the inventory]. Fund 997. Vol. I. p. 2.

21. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Posluzhnoy spisok mladshego unter-ofitsera 48 pekhotnogo zapasnogo batal'ona Fedora Trifonovicha Uzuna* [Service record of junior non-commissioned officer of the 48th infantry reserve battalion Fyodor Trifonovich Uzun]. Fund 409.

22. The Russian State Military Historical Archive (RGVIA). *Posluzhnye spiski ofitserov* [Service records of officers]. Fund 409. Files 1106 and 1106 “D”.

23. Tatarinov, I. (n.d.) *Urozhentsy Bessarabii – uchastniki Pervoy voyny* [Natives of Bessarabia – participants of the First War]. Part 1. [Online] Available from: <https://izmail.es>article/35643/> (Accessed: 13th October 2024).

24. Chelak, E. (1999) *Uchilishchno delo i kulturno-prosvetniyat zhitov na b"lgarskite preselnitsi v Besarabiya* [Educational work and cultural-educational life in the Bulgarian settlement in Bessarabia]. Sofiya: Lik.

25. Agenția Națională a Arhivelor. Fund 134. I. 2. p. 46.

26. Agenția Națională a Arhivelor. Fund 134. I. 2. p. 263.

27. Agenția Națională a Arhivelor. Fund 134. I. 2. p. 455.

28. Agenția Națională a Arhivelor. Fund 220. I. 2. p. 1180.

Грек Иван Фёдорович – доктор истории, член фонда «Български дух» (Молдова).

Ivan F. Grek – «Bulgarian Spirit» Fund (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mail.ru

УДК 94(437)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/8

Великий иеродул чехословацкой и чешской историографии Мюнхена (памяти профессора Роберта Квачека)

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

Авторское резюме

Статья посвящена памяти крупнейшего историка международных отношений межвоенного периода в контексте внешней политики Чехословакии профессора Р. Квачека. Кратко рассмотрены жизненные вехи становления его личности как исследователя международных отношений и, в частности, историка Мюнхенской конференции 1938 г. Проставлены акценты и даны оценки его взглядов на проблему Мюнхена с точки зрения новейших достижений нынешней российской историографии и современных событий в мире. Проведена научная аналогия, основанная на исследовании Г. Препарата, между финансистом Я. Шахтом, президентом Э. Бенешем и профессором Р. Квачеком и применен термин «иеродул».

Ключевые слова: профессор Р. Квачек, проблема Мюнхена, 1938 г., симптом морально-политической неполноценности, чешская историография Мюнхена

The Great Hierodule of Czechoslovak and Czech Historiography of Munich (in memory of the historian Robert Kvaček)

Stanislav V. Morozov

Belgorod State National Research university
85 st. Victory, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to the memory of professor Robert Kvaček, the greatest historian of interwar international relations in the context of Czechoslovakia's foreign policy. The article briefly reviews the milestones in the development of his personality as a researcher of international relations and, in particular, as a historian of the Munich Conference of 1938. The author focuses on his views on the Munich problem in the lense of the latest achievements of current Russian historiography and world contemporary events. In conclusion, based on the research of Guido Giacomo Preparata, the author draws an analogy between the financier Hjalmar Schacht, president Edvard Beneš and professor Kvaček and uses the term "hierodule".

Keywords: Professor Robert Kvaček, the Munich problem, 1938, a symptom of moral and political inferiority, Czech historiography of Munich

Различные времена порождают разного масштаба личности, и предвоенное десятилетие является тому убедительным подтверждением. 1920-е–1930-е гг. – период, когда в международных отношениях закулисными «режиссерами» из числа, прежде всего представителей талассократического капитала, формировался уклад, готовивший разнообразные предпосылки для развязывания грядущей Второй мировой войны. Для этого (т. е. для развязывания), среди прочего, был сформирован «правовой механизм “подталкивания” Германии на Восток», в жернова которого первой попала Чехословакия. Чтобы усилить гитлеровский Третий рейх и подтолкнуть Германию далее на Советский Союз, Чехословакия в 1938 г. была принесена мюнхенскими соглашателями в жертву молоху войны. Изучению данного периода через призму стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности Чехословакии, уделяли и продолжают уделять внимание десятки, если не сотни учёных [1; 4; 10; 12; 14; 16; 19; 20; 32 – 34]. Но особое, весьма уважаемое место среди них занимал и будет занимать выдающийся чешский историк Роберт Квачек, посвятивший исторической науке всю сознательную жизнь, который завершил свой земной путь весной 2024 г.

Вот, что о нём сообщал в связи с кончиной чешский новостной портал: «Чешский историк, специализировавшийся на периоде XIX и XX вв. Среди его ведущих интересов были история дипломатии между мировыми войнами и в период Второй мировой войны, а также история культуры конца XIX – начала XX в. Он работал в чешских университетах (Карлов университет в Праге, Технический университет в Либерце) и выступал с публичными лекциями, его издательская деятельность принесла ему несколько наград в виде

премии Эгона Эрвина Киша за научно-популярную литературу» [35]. Сразу же подключились взыскательные коллеги по профессии: «С большим сожалением мы получили печальное известие о кончине известного историка профессора доктора Роберта Квачека. Он был одной из важнейших персон послевоенной чешской историографии, а также популярным преподавателем, работавшим в нескольких чешских университетах. За свою работу он получил множество наград, в том числе “Медаль за заслуги первой степени”» [30]. Более щедрым на похвалы был источник с чешского телевидения: «Историк Роберт Квачек умер в субботу вечером <27 апреля 2024> в возрасте 91 года, – сообщила Яна Чечурова с факультета искусств Карлова университета, кафедры новой и новейшей истории. – Квачек был одной из величайших личностей послевоенной чешской исторической науки, он пользовался уважением даже среди экспертов за рубежом. Он также был уважаемым университетским профессором. Среди его основных интересов были история дипломатии между мировыми войнами и Второй мировой войны, а также история культуры конца XIX – начала XX в.» [15]. Однако это лишь безличная, общая информация, мало что сообщающая о личности самого историка. Как же происходило становление и развитие личности Р. Квачека?

Роберт Квачек родился 5 июля 1932 г. в деревне Дворце недалеко от городка Йичин, что в Краловеградцкой области на северо-востоке Богемии, история которого связана с именем военачальника времен 30-летней войны Альбрехта фон Валленштейна. Когда Роберту было четыре года, семья переехала из деревни в упомянутый выше Йичин, в район, который местные жители называли Раисовска Чtvrť, потому что он расположен за холмом Шибеняк, где когда-то находился ипподром и была воздвигнута виселица. С юности он был заядлым спортсменом, отличным теннисистом и футболистом. И именно в Йичинской школе у него появится приятель, инцидент с отцом которого во многом определит, согласно его свидетельству, его последующий интерес к изучению истории Чехословакии сквозь призму 1938 г. Отец его друга, работавший учителем, которого юный Роберт видел в деревне всего-то пару раз, исчез тогда на границе в районе г. Фридланд, где он занимал учительскую должность. «Я не мог перестать думать об этом; я был очень заинтригован. По мере того, как шла война, время от времени я вспоминал, что с ним случилось. Мой интерес никогда не ослабевал. Позже я узнал, что отец моего друга – учитель по имени Кодеш – был убит членами отряда Судетского немецкого фрайкора (судетско-немецкой военизированной организации), которые напали на него и немецкого социал-демократа.

Последний был тяжело ранен; а отец моего друга был убит, а тело сокрыто в куче навоза» [18: 250].

Ещё одной причиной интереса к 1938 г. станет его впечатлительность, вызванная произведениями кинематографа. «Меня глубоко тронула экранизация книги “Бабичка” Божены Немцовой, снятая режиссером Франтишеком Чапом в 1940 г. с Терезией Брзковой в главной роли и Наташей Танской в роли её внучки Барунки. В фильме показаны горы. Люди в кинотеатре говорили, что когда-то это были наши горы, но теперь это не так. Я никогда этого не забывал... Я был так глубоко им тронут... Однако это была ещё одна причина, по которой я начал интересоваться событиями 1938 г. Сразу после войны я отправился посмотреть пограничные районы сам. Это была также моя первая поездка в Либерец, который показался мне очень хаотичным местом» [18: 250].

В сентябре 1945 г. он перевёлся из школы, которая располагалась в здании так называемого Раисовского педагогического училища на улице Гуса, на третий курс Лепаржовской гимназии там же в Йичене и в 1951 г. окончил учёбу с аттестатом средней школы [36].

Однако один лишь ход событий и киновпечатления отнюдь не определили путь юного Роберта в историческую науку, его, в частности, интересовала медицина, но отпугивала необходимость вскрытий – он их боялся. У него было определённое преимущество в том, что он получил хорошие оценки в аттестате зрелости и мог выбрать любой университет, какой захочет. В те дни выпускные экзамены были довольно сложными. Если у выпускника были такие оценки, как у Р. Квачека, двери были открыты в любой университет. Так что у него была роскошь выбора, но в последний момент Р. Квачек передумал. Учителя в гимназии Йичина предлагали ему различные варианты. Он также размышлял, стоит ли ему поступать в тот же университет, что и девушка, которая ему нравилась в то время. Она собиралась изучать химию. «Я бы не возражал – на самом деле я неплохо разбирался в физике и химии. Но в конце концов я выбрал факультет искусств, это и победило». Он ещё в шестом классе думал, что попадёт на факультет искусств, но когда он, оказавшись с приятелем в Праге, куда они приехали с другом на футбольный матч «Спарта» против «Славии», впервые увидел огромное здание, в котором он размещался, то оно его почти отпугнуло. «Если бы мне тогда кто-то сказал, что я не только буду учиться на этом факультете, но и преподавать там и даже работать в администрации университета, я бы его выгнал как неизлечимого сумасшедшего. Поэтому решение пришло в последний момент» [18: 251].

В 1951 г. он пошёл на собеседование, и ему предложили курс на выбор. Наряду с историей для будущих профессоров там открывал-

ся новый экспериментальный курс по специальной истории, и «в своём замешательстве я согласился на него. Нас было всего около двенадцати человек. Это как-то собиралось по ходу дела. Факультет искусств тогда был совсем другим. Это было тихое место, очень трудолюбивое» [18: 251]. Позднее он так вспоминал этот момент: «Когда председатель комиссии... узнал, что я родом из “Лепаржова”, он сказал мне, что принял бы меня на работу только из-за него. По его словам, это было учреждение, в котором обращали внимание на уровень выпускников...» [17: 138–139].

Новоиспечённому первокурснику удалось вскоре привлечь внимание к своей персоне. Правда, самым неожиданным образом. «Мне удалось разозлить профессора Вацлава Халупецкого, шаркая своими ботинками со стальными носами, когда я шёл по коридору. Я помню, как он вылетел из своего кабинета и крикнул мне: “Где ты находишься? Может, в свинарнике или в конюшне? Люди пытаются здесь учиться! Нам нужна тишина”! И всё, что я мог сделать, это съёжиться под его яростью. Он был крайне раздражительным парнем. Он умер через две недели – у него случился инсульт. Спешу добавить, что инцидент в коридоре тут ни при чём» [18: 251].

Что касается научных интересов студента-младшекурсника Квачека, то пришёл он к теме Мюнхена в самом конце учёбы, потому что ему с коллегами приходилось посещать семинары, где они учились работать как над старыми, так и над новыми материалами. Его первая работа касалась проповедника итальянского происхождения Иоанна Капистрано, который действовал в гуситской Богемии и Моравии в начале 1450-х гг. Среднекурсником он продолжал совершенствовать свои исследовательские навыки, работая над средневековой статистикой, что, по его признанию, было кропотливой работой. Однако эта работа научила их группу смотреть на первоисточники и понимать их. Кстати, профессора на самом деле не очень много общались со студентами. Первые предполагали, что последние сумеют понять источники, даже если те были написаны на разных языках. Затем он начал посещать семинары по более современной истории. Прежде всего, семинары, которые проводил доцент Йозеф Полишенский, с которым студент Квачек договорился, что будет работать над 1938 годом [18: 252].

Пан Йозеф выбрал в качестве темы миссию лорда Ренсимена, попросив молодого исследователя взглянуть на неё с широкой точки зрения. Тот с энтузиазмом согласился. Когда руководитель дипломного семинара профессор Олдржих Ржиха узнал, что старшекурсник Квачек работает над миссией Ренсимена, то сказал, что это отличная идея и что ему следует сосредоточиться на американском

империализме как архитекторе Мюнхенского соглашения. Тогда у юного упряма, успевшего к тому времени ознакомиться с частично опубликованными документами британской внешней политики, французской «Желтой книги», мемуарами многих французских деятелей, неожиданно проявилась черта будущего крупного исследователя. Он не побоялся сообщить своему научному руководителю, что американский империализм не был архитектором Мюнхенского соглашения, и что вместо этого всё было связано с англичанами и французами. Он добавил Ржихе, что хочет изучить дипломатическую подоплеку Мюнхенского соглашения. Тот был, мягко говоря, несколько обескуражен и заявил, что поскольку дипломник явно знает об этом больше научного руководителя, то справится сам. Дипломник Квачек исправно посещал его семинары в течение полутора лет, и тот ни разу не взглянул на него. Последующая дипломная работа составила около шестисот страниц, и только часть её была посвящена миссии Ренсимена. Перед её защитой Квачек посетил профессора Ржиху в его квартире, где тот прочитал каждую страницу рукописи и признал, что прав был студент, а он ошибался. Впоследствии Квачек не мог не оценить это признание [18: 252].

На момент окончания студенческого этапа в 1956 г. Квачек уже начал трудовую деятельность там же в Карловом университете в должности ассистента в Институте истории Чехословакии имени Я. Гуса. К этому времени он уже успел посотрудничать в качестве автора публикаций с некоторыми изданиями, в том числе журналом «Hlas revoluce» («Голос революции»), с которым был связан главный редактор издательства «Naše vojsko» Яромир Горжец. Последнего заинтересовала тема вышеуказанной дипломной работы, и он предложил извлечь часть о Ренсимене и превратить её в книгу, что и было сделано. Однако неожиданно возникло препятствие. Когда книга была уже набрана и поступила к даме-цензору, та решила, ни много ни мало, что это подрывной текст, направленный на реабилитацию президента Бенеша, что автор работает на британскую разведку и что его в качестве агента курирует профессор Бетс, специалист по гуситизму, который находился в то время в Праге. Горжец попытался спасти книгу, он извлёк третью главу, не прошедшую цензуру и конфискованную госбезопасностью, и вставил туда цитаты из современных газет, которым там вообще не было места, создававшим неорганическое впечатление¹ [18: 252].

Тем не менее для книги забрезжил свет в конце туннеля, чего не скажешь об авторе, так как его ожидало испытание: предстояло выяснить, достоин ли тот статуса крупного учёного. Ему пришлось пойти на собеседование в штаб-квартиру тайной полиции – StB

(Státní bezpečnost) – в Праге на улице Бартоломейска. Для него это было впервые, тогда он был совершенно наивным в этом отношении, так как никто из его друзей не мог ему сказать, что следует делать, поэтому он прошёл через эту преграду, ничего не зная об этой практике. Позднее он вспоминал: «Было два следователя, хороший полицейский и плохой полицейский, в роли последнего выступала женщина. Она взялась за меня основательно. Она спросила меня, как я мог написать, что Бенеш сказал британскому послу? Он никак не мог этого сказать, это исключено. На это я ответил: “Почему он не мог этого сказать? Вы что, под столом прятались, когда он разговаривал с английским посланником”? Вот каким глупым я был тогда. Она рассердилась и выбежала из комнаты. Тогда “хороший” полицейский повернулся ко мне и сказал: “Слушай, почему бы тебе не оставить это в покое, а? Четыре года назад то, что ты написал, принесло бы тебе пожизненное заключение» [18: 252–253]. Масштаб возможных потерь позволял условно рассматривать данное испытание как испытание огнём. Вышеприведённый диалог не может не свидетельствовать о том, что во время испытания огнём молодой учёный держался достойно.

Но это была лишь его первая часть, вскоре последовало продолжение. Для книги полагалась обложка, и Горжец поинтересовался у молодого автора, не будет ли тот возражать против кандидатуры своего близкого друга – запрещённого художника-графика Яна Котика? Тот ответил, что нет, совсем наоборот, это будет честью для него, и Котик создал прекрасную обложку, которая действительно выделялась среди всех серых и часто неинтересных книг того времени. В результате достойное содержание получило не менее достойное облачение, и в 1958 г. на свет появилась книга «Роковая миссия» [26]. Её не могли не «оценить» его уважаемые коллеги из Исторического института Коммунистической партии, решившие исследовать ревизионизм в историографии и пришедшие к выводу, что «Роковая миссия» является идеальным примером. Они планировали заставить молодого учёного публично отречься от своей ереси. Квачек, понятия не имевший о готовившемся сюрпризе, был вовремя предупреждён коллегой-историком Франтишекком Червинкой об опасности. Последний предложил остановить намечавшуюся инквизицию, что ему и удалось сделать через свою жену Миладу, которая была секретарем профессора (историка, политика и музыковеда) Зденека Неедлы. Последний прочитал «Роковую миссию» в санатории в Подебрадах, и Червинка передал Квачеку, что тот её похвалил. Нашёлся авторитетный историк, который должен был признать её истинную ценность и сделал это. Милада и Франтишек

сумели распространить слова Неедлы в нужных кругах, и начинающее дарование было спасено [18: 253].

Следует отметить, что в период данного испытания проявилась ещё одна черта автора, свидетельствующая о масштабе его дарования. Ему попутно удалось невозможное – выяснить, кто был инициатором развернувшейся интриги, написавшим и приславшим экспертизу его книги. Во время одного из допросов на улице Бартоломейска один из следователей упомянул о присланном письме, подписанном неким Франтишекком Новотным. Затем он добавил, что это, вероятно, вымышленное имя, и спросил, знает ли Квачек кого-нибудь по фамилии Новотный. Тот ответил, что единственный Новотный, которого он знал, был историком, умершим в 1932 г. Затем случилось невероятное и следователь заинтересовался, узнаёт ли тот почерк и, получив положительный ответ, показал ему текст письма. Тот запомнил почерк и позже принял меры, чтобы установленный им автор экспертизы не навредил ему в дальнейшем [18: 253]. Данный эпизод может свидетельствовать о незаурядной харизме восходящего исследователя Роберта Квачека, относительно которой не удалось устоять даже следователю госбезопасности. Впрочем, может быть имел место и другой вариант – среди следователей чехословацкой госбезопасности тоже иногда встречались приличные люди.

Однако всё же следует полагать, что имело место первое утверждение касательно харизмы. Подтверждением является тот факт, что впоследствии с Квачеком для его исследований почитали за честь встретиться несколько бывших высокопоставленных политиков, и ни один из них не отказался говорить с ним. Он общался с политиками самого разного толка: от национал-демократов до аграриев, от членов национал-социалистической партии до социал-демократов. «Я узнал, что они рекомендовали меня друг другу, говоря, что я заслуживаю доверия. Было приятно, когда не только я, но и мои студенты-исследователи обнаружили в их письмах после их смерти, что они не только говорили, что мне можно доверять, но и что было бы неплохо поговорить со мной» [18: 253].

Нередко они сами проявляли инициативу в желании встретиться с Квачеком, стремясь, чтобы их свидетельства были сохранены. Последний вспоминал в 2018 г. одну из своих первых встреч, в частности, с влиятельным политиком, юристом и журналистом Львом Сихравой, который сам обратился к нему в 1957 г. «Это был ранний вечер в октябре. Я был на работе во Дворце Кинских, который использовался факультетом искусств – там хранились коллекции важных чешских историков Йозефа Пекаржа и Отакара Одложлика – когда зазвонил телефон. Я ответил, и голос на другом конце провода произнес:

“Это – Лев Сихрава”. Ошеломленный, я спросил: “Доктор Сихрава, вы звоните из Лондона?”, что было глупостью, поскольку он недавно вернулся из изгнания. Он сказал, что нет, он вернулся в Прагу и очень хотел бы встретиться со мной и поговорить о Мюнхене, и не только о Мюнхене. Меня порекомендовал другой политик – фактически член национал-социалистической партии, который сказал, что тому следовало бы связаться со мной. Я понятия не имел, что он в Праге. И так мы встретились. Так что мне повезло, что никто из политиков, с которыми я связался, не отказался со мной разговаривать. Конечно, если бы сеть была расширена ещё больше, то я уверен, что нашёл бы кого-то, кто бы сказал “нет”, но должен сказать, что мне удалось нормально поговорить даже с военными, такими как бывший начальник штаба генерал Людвик Крейчи» [18: 254].

Свидетельства участников и наблюдателей того времени не могли не иметь для молодого исследователя важного значения, тем более что многие из них уже работали над своими мемуарами. Некоторые из них в 1950-е гг. недавно освободились из тюрьмы. Пока они находились за решёткой, им предложили начать работу над мемуарами. Они согласились, потому что это сделало их положение более терпимым. Им разрешали заказывать копии газет 1920-х и 1930-х гг., которые доставляли им в тюрьму. Поэтому они использовали их в своих воспоминаниях [18: 254].

Успешно прошедший испытание огнём молодой учёный завоевал себе прочный авторитет как в научных кругах, так и среди чешской общественности, а накопленные материалы позволили ему продолжать вести исследовательскую работу и опубликовать в 1966 г. одну из своих наиболее известных и оказавших значительное влияние на дальнейшие исследования в области изучения международных отношений в Европе в межвоенный период книгу «Над Европой облачно. Чехословакия и Европа 1933–1937». Эта книга стала своеобразным следствием «Роковой миссии», в которой был основательно проработан 1938 год. В новой же книге был не менее основательно изучен предшествовавший период 1933–1937 гг., где анализировалась внешняя политика великих держав, Малой Антанты, Польши и Венгрии в 1930-е гг. Однако главным образом он поставил в центр внимания, причём впервые не только в чешской, но и мировой литературе, внешнюю политику Чехословакии на широком фоне европейской истории. В ней рассматривались действия глав государств, премьер-министров, министров и дипломатов, которые разрабатывали грандиозные, но безуспешные планы. Он показал путь, который неизбежно вёл Прагу к Мюнхену и Второй мировой войне [24].

Новая книга настолько укрепила авторитет молодого учёного, что всего через год, в 1967 г., он был назначен доцентом всё того же Карлова университета. Исследовательская деятельность шла также своим чередом, и в 1968 г. увидела свет его новая книга, в которой научный интерес Квачека распространился за пределы Чехословакии, достиг Италии и ввёл в чешский научный оборот персону итальянского диктатора Б. Муссолини. Исторически достоверный репортаж описывал не только взлёт и падение дуче, его частную жизнь, его двойной захват и похищение германскими десантниками. Однако это шло на фоне наступления союзных войск и партизан, осуществления роялистского переворота, забастовочных волнений, кризиса фашистского режима, завершившегося распадом, и последних моментов фашистской республики. В нём также кратко прослеживалась карьера и конец соратников Муссолини [23].

1968 год, ставший своеобразной новой точкой отсчёта для Чехословакии, тамошнего общества и многих областей внутренней и внешней политики страны, в определённой степени скорректировал и сферу научных интересов доцента Квачека. В последующий период, получивший название «время нормализации», его контакты со студентами были ограничены, ему запретили читать лекции по истории XX в., что побудило Квачека, наряду с межвоенным периодом, сосредоточить свой интерес на истории века предшествовавшего – XIX. Тем не менее большая часть вышедших из-под его пера исследований впоследствии по-прежнему будет посвящена тем или иным сюжетам, связанным с Первой и Второй мировыми войнами, межвоенного периода.

Все опубликованные работы носили неизменно высококачественный характер. Можно перечислить некоторые из них: «История одного года» о 1936 годе, ключевом, по мнению автора, годе межвоенного периода, изданная в 1976 г. [22], в то же время большой интерес вызвала его книга «Дипломаты и остальные. История дипломатии во время Второй мировой войны», вышедшая в 1988 г. [21]. Падение коммунистического режима в 1989 г. позволило Роберту Квачеку полностью вернуться к преподаванию, в 1990 г. он был назначен штатным профессором. С тех пор он опубликовал целый ряд работ. Он внёс большой вклад в популяризацию современной истории не только благодаря своим книгам, которые относятся к категории фактической литературы, например «Дело Эмиля Гахи» (1995 г.) [27], «Генерал Алоис Элиаш: одна чешская судьба» (1996 г.) [31], и «Правительство на суде» (1999 г.) [28], созданным совместно с Душаном Томашеком, но также благодаря выступлениям в средствах массовой информации и публичным лекциям.

Иногда процесс подготовки и издания книги у него был связан с какими-то почти полумистическими обстоятельствами. Так, в 1989 г. Карлов университет опубликовал первый том его работы «Трудный союз. Политические и дипломатические отношения между Чехословакией и Францией 1937–1938 гг.» о политических и дипломатических отношениях между Чехословакией и Францией в указанный период [25]. Были собраны документы для второго тома, но их уничтожила пожарная команда при следующих обстоятельствах. Квачек ремонтировал свой дом в Йичине и обнаружил сухую гниль. Ему пришлось вынести всё самому из комнаты (его сын проходил национальную службу), разобрать полы и обжечь стены. Ему приходилось взламывать каждую щель в кирпичной кладке. Это была ужасная работа. Изоляция в спальне загорелась от паяльной лампы, а его мать увидела пламя и вызвала пожарную команду. Квачек, узрев служивых с брандспойтом, сказал им, что всё под контролем, но они на всякий случай направили туда свои шланги. При этом они уничтожили документы для второго тома, включая тщательно отобранные выдержки из больших томов французских дипломатических материалов [18: 254].

Опыт научного знания касательно внешнеполитических сюжетов межвоенной Чехословакии со временем позволил маститому учёному Квачеку прийти к определённым выводам. В частности, относительно мюнхенского кризиса на закате своей научной карьеры он считал, что в распоряжении чешских историков уже есть все важные источники и вера в то, что запертый сейф обязательно должен содержать секрет, который раскроет что-то необычное, что-то, что превратит черное в белое и наоборот – это форма невежества. Он также утверждал о преимуществе по сравнению с западными исследователями в понимании языков менее известных участников мюнхенского кризиса: «Мы можем читать румынские, польские и русские документы, тогда как они способны писать о советской политике 1930-х гг., но не говорят по-русски. Поэтому наша точка зрения может быть более всеобъемлющей» [18: 255].

Относительно глубины исследования мюнхенского кризиса он высоко оценивал возможности чешской исторической науки, утверждая, что её «способность всесторонне понимать первоисточники исключительно широка и представляет для нас преимущество по сравнению, например, с западной историографией». Но этот пассаж он предварял определённым «реверансом» в сторону западной, дескать, «великая держава видит вещи по-другому. Но мы уважаем это, хотя “попасть в голову” великой державы и понять, как она смотрела на вещи, может быть для нас сложно. Мы можем только догадываться, что они действительно так думали» [18: 255].

Здесь, пожалуй, относительно роли или, вернее, места Мюнхена в чехословацкой историографии, включая выдающегося историка Квачека, стоит сделать небольшое, но весьма важное отступление. Феномен Мюнхенской конференции, вследствие которого народы целой страны – Чехословакии в совокупности с самой страной, были принесены западными державами, прежде всего Англией и Францией, в качестве жертвы на алтарь молоха войны, вызвал целый ряд последствий для ментальности её народов [8]. Вынужденное соучастие в процессе передачи западными державами Судетской области – части чехословацкой, т. е. западнославянской, территории гитлеровской Германии с целью, с одной стороны, усилить её военный потенциал для дальнейшего продвижения² – а с другой, подтолкнуть её далее на Восток, т. е. с целью дальнейшего захвата и порабощения Советского Союза с государственно-образующим восточно-славянским русским народом, не могло не вызвать определённых последствий для ментальности чехов и словаков³. Ведь данное деяние, вынужденно совершенное политическим руководством Чехословакии под давлением английских и французских коллег в отношении восточнославянского русского народа, было сродни двум библейским деяниям – ветхозаветного Каина, убившего своего брата Авеля из корыстных побуждений, и новозаветного Иуды, предавшего за 30 сребреников Иисуса Христа. С тем лишь отличием, что корысти чехословацкие лидеры и народы не извлекли, а сребреники у них ещё и отобрали⁴. Среди этих последствий одно из заметных мест стало занимать чувство *ментально-политической неполноценности*, которое в ещё большей степени усилилось с момента оккупации чехословацких земель Германией и Венгрией. Ведь для чешского народа, лишённого собственной государственности с середины XVII в. и поощрённого решениями Версальской конференции (в т. ч. за послушные действия чехословацких легионов в 1918 г. на территории России), период весны – осени 1938 г. был дарован исторической логикой развития событий в качестве шанса восстановить после трёх веков покорности иностранцам «мужественность» своего народа – провести сакральное действие пролития собственной крови за женское начало этой самой собственной государственности, т. е. за землю предков.

Мюнхен лишил Чехословакию данного шанса, тем самым создав своеобразный прецедент и укрепив традицию *исторической покорности завоевателям* её народов. Более того, освобождение Чехословакии стало возможным и состоялось благодаря опять же мужчинам не её народов, а мужчинам Советской армии, т. е. советского, прежде всего русского, народа. Данные факты, среди многих прочих, сублимировались в ментальной среде многих чехословацких

историков, включая почившего в Бозе уважаемого историка Квачека, в *комплекс морально-политической неполноценности* относительно рассмотрения многих научных проблем, в т. ч., относительно Мюнхена. Неспроста на вопросы относительно «травмы Мюнхена» уважаемый историк профессор Квачек заявлял, «что использование слова “травма” немного преувеличено. Оно использовалось как аргумент для определённой внешнеполитической ориентации Чехословакии. Но люди действительно чувствовали удовлетворение и возмездие в 1945 г., что Немезида взяла то, что ей причиталось» [18: 257]. К сожалению, в последние годы так называемые процессы декоммунизации, затронувшие некоторые территории постсоветского пространства, а также страны бывшего СЭВ, распространились и на Чехию, где в 2020 г. был демонтирован памятник маршалу И.С. Коневу. Получается, что относительно комплекса ментальной неполноценности, вызванного «травмой Мюнхена», имеет место процесс попыток его преодоления – по сути дефактологизация исторического процесса и появления новых фигур относительно Мюнхена, в частности древнегреческой богини мести Немезиды. Это не столько прискорбно, сколько удивительно, учитывая тот факт, что профессор Квачек был неоднократно награжден премиями в области фактической истории [36].

Выдающийся историк Квачек почему-то упорным образом в 2000-е гг. демонстративно проявлял узость своего кругозора, стремясь не замечать российские исследования, обосновывавшие на серьёзных первоисточниках процесс завершения создания западноевропейскими державами в 1925 г. на Локарнской конференции, прежде всего Англией, т. н. «правового механизма “подталкивания” Германии на Восток». Ведь именно правовые шестерни последнего – 19-я статья Устава Лиги Наций в совокупности с германо-чехословацким арбитражным договором, заключённым в Локарно наряду с германо-польским арбитражным договором и документами Рейнского пакта, и позволили произвести в 1938 г. мюнхенскую *правовую экзекуцию* относительно целого государства – Чехословакии [8].

Первым шагом на пути к её проведению был «пакт четырёх», заключённый летом 1933 г., который, кстати, ратифицировала только Англия. Данный «директорат четырёх держав» и стал тем самым международным арбитром, т. е. международным органом, который был наделён правовыми полномочиями на основе вышеупомянутой 19-й статьи Устава Лиги Наций изменять границы государств мирным путем. А арбитражные договоры Германии, заключённые в Локарно с Чехословакией и Польшей, указали именно на эти две страны, в отношении которых появилась правовая возможность применить вышеуказанную 19-ю статью,

предусматривавшую возможность «изменения границ государств мирным путём», т. е. передачи части территории той (Чехословакии) или иной (Польши) страны [9].

Маршал Пилсудский, угрозами проведения превентивной войны вынудив Гитлера сделать заявление в мае 1933 г. о неизменности польско-германских границ, подписав декларацию Липский–Нейрат (26 января 1934 г.) и пакт Пилсудский–Гитлер (25 февраля 1934 г.), в значительной степени устранил от Польши перспективу применения к ней германо-польского арбитражного договора [6; 10]. А вот президент Бенеш, доверивший судьбу своей страны формальному союзнику Франции, выходит, просчитался, поскольку последняя не смогла защитить интересы своего младшего союзника, что впоследствии и позволило в Мюнхене *осуществить предварительную стерилизацию чехословацкой государственности*. Ведь члены «пакта четырёх» – Англия, Франция, Германия и Италия – это будущие главные действующие лица мюнхенского диктата. И сколько бы президент Бенеш в сентябре 1938 г. не тянул время, выжидая окончания строительства т. н. «буковинской железной дороги», которой предстояло соединить через румынскую территорию чехословацкую и советскую железнодорожные системы для обеспечения материальной деятельности советско-чехословацкого договора о взаимопомощи от 16 мая 1934 г., правительства Англии и Франции не дали себя перехитрить и осуществили мюнхенское судилище даже без участия пражского «хитрована» [5; 7; 10: 456–500].

В одном из своих последних интервью профессор Квачек не забыл упомянуть и о восточной историографии касательно мюнхенской проблемы. Он вынужден был признать, что, отвергая в течение многих лет идею о том, что Мюнхен был антисоветским соглашением, постепенно пришёл к выводу, что это правда. Однако тут же зачем-то делал оговорку: «Но не в том смысле, как это представляли русские и Советы». Ему не было чуждо стремление, присущее польской историографии и многим польским политикам межвоенного периода воспринимать собственную страну в качестве великой державы. «Влияние Мюнхена было исключительным. Альянс *великих держав* (курсив мой. – С.М.), который Черчилль и Бенеш хотели создать в 1938 г., был сформирован только в 1941 г. Почему так поздно? Из-за Мюнхена. Потому что советско-германский пакт 1939 г. никогда бы не был подписан, если бы не Мюнхен» [18: 256].

Подводя некий итог мюнхенской теме в трактовке профессора Квачека, можно вновь обратить внимание на следующие его слова: «Так что касается травмы Мюнхена, её можно использовать как аргумент, если мы говорим о 1945 годе, но лично я убеждён, что общество не

пережило её в таких драматичных и радикальных терминах, как иногда думают. Потому что мы получили свою месть. Они [т. е. общество] получили то, что хотели» [18: 257]. Сводя проблему травмы Мюнхена лишь к аспекту мести и упорно не замечая преднамеренного подталкивания Англией нацистской Германии на СССР и для этого сознательно скормившей его родную Чехословакию в пасть Гитлера, Роберт Квачек невольно продемонстрировал наличие ещё одной важной и скрытой проблемы – более близком духовном родстве чехов с западноевропейской цивилизацией, а не с восточнославянской Россией. Даже если народы последней ценой десятков тысяч своих жизней освободили его народ от нацистского рабства и позорного ига мюнхенского судилища, незримые духовные узы наставляют чехов и поныне хранить верность западноевропейским лидерам, отдавшим его народ на съедение нацистам, и демонстрировать даже пиететное отношение к одному из главных творцов Мюнхена. В частности, профессор Квачек в интервью 2018 г. процитировал письмо британского «мюнхенца» своей сестре Иде: «Чемберлен считал, что великие державы смогут достичь соглашения с Германией и Италией. Он считал, что эти “бешеные псы” восстанут друг против друга и разорвут друг друга на части» [18: 256]. Даже через 80 лет после мюнхенской стерилизации чехословацкой государственности такой неординарный и крупный учёный, как Квачек, умудрился оправдать одного из творцов Мюнхена Чемберлена и его же устами поставить знак равенства между будущими завоевателями Чехословакии и её освободителями.

Учитывая столь грандиозную морально-этическую гибкость мэтра чешской истории, здесь, пожалуй, впору поинтересоваться его соответственными воззрениями. На вопросы «Как вы видите моральную ответственность историка по отношению к этике своего ремесла? Существует ли такая вещь? Стараются ли историки соблюдать её?» он дал исчерпывающий ответ. «Это очень индивидуально. Я не знаю, можно ли говорить об этике. Можно говорить о честности. Я бы даже сказал, о профессиональной честности. Это означает, что вы не идёте дальше фактов, имеющихся в вашем распоряжении, если они не соответствуют вашей академической концепции; напротив, вы должны изменить эту концепцию, чтобы она соответствовала фактам, вы должны переформулировать её. Или это означает, что нормально быть неуверенным в чем-то. Вы можете быть удивлены чем-то, но вы не можете молчать об этом. Поэтому вы меняете свой язык, чтобы описать спорный отрывок или спорное изображение событий, смягчая свои слова, например» [18: 255].

Затем он уточнил. «Мне не нравится идея, что у историков есть особая моральная миссия или моральная ответственность. Мы не

исключительные. Что является исключительным в нас, что мне кажется исключительным в том, что мы делаем, так это то, что мы никогда не можем ограничиваться одной единственной темой, эта тема всегда должна иметь более широкую основу. И что нас не беспокоит необходимость изучать древнюю историю, когда мы специализируемся на более современной истории. Наша основа не должна быть узкой и замкнутой или суетливой. Есть историки, которые знают исторические календари наизусть. Но какая от этого польза? Всегда можно найти нужные данные, если вы знаете, как работать. Но размышление, созерцание – вот в чем заключается работа на самом деле. Что касается исторической ответственности, она призывает нас быть очень осторожными в том, как мы выражаемся. Чешский язык не только остроумен, но и богат. Мы должны стремиться выражать себя – даже обсуждая сложные вопросы – понятным образом. Другими словами, мы несём ответственность за то, что пишем, потому что в тот момент, когда мы это записываем, это уже не наша собственность. В этот момент это зависит от читателя. Мы можем захотеть навязать им своё мнение, это вполне естественно. Мы хотим, чтобы они разделяли это мнение. Но если впоследствии они его не разделяют и выражают своё несогласие таким образом, что это заставляет нас вернуться и ещё раз подумать об этом вопросе, то, конечно, это тоже имеет для нас ценность. Для меня это мораль такого рода ответственности» [18: 256].

Рассуждая о проблеме Мюнхена, профессор Квачек, дабы переложить ответственность за моральную ущербность, нанесенную мюнхенским судом, хоть на чьи-то плечи, выдвинул идею об определённой неполноценности политиков. «Это похоже на то, что происходит сегодня. Нам не хватает сильных личностей в политике, потому что политика – это то, чем занимаются третьесортные люди. Лучшие люди занимаются наукой и искусством, вторые – бизнесом, и только потом вы попадаете к людям третьего сорта, которые идут в политику. Вот почему люди так часто обращаются к Мюнхену, чтобы объяснить, почему всё сложилось именно так» [18: 256–257]. Наверное, всё-таки стоит не согласиться по этому поводу с маститым учёным Квачеком как относительно мюнхенского предательства, так и относительно нынешних времён. Президент Бенеш сделал осенью 1938 г. всё от него зависящее, дабы подготовить Чехословакию к защите своих рубежей, включая назначение на пост главы правительства национального единства и министра обороны военного человека генерала Я. Сырового, и начал тянуть время с передачей Судетской области Германии, стремясь к завершению строительства заключительного участка т. н. «буковинской железной дороги», дабы обеспечить условия для получения военной помощи со стороны

СССР. Однако столкнувшись с дипломатическим демаршем Лондона и Парижа, пригрозившими, что в случае принятия помощи от Москвы именно Прага «будет признана единственной виновницей неизбежной войны», которая может принять форму крестового похода против большевиков с участием Англии и Франции, он был вынужден уступить. Другими словами, правящие круги западноевропейских стран, одна из которых даже была союзницей Чехословакии, дабы натравить Гитлера на Советский Союз, предали Бенеша в самый последний момент [10: 404; 3: 634–635].

Что же касается современности, то опять же трудно согласиться с профессором Квачеком относительно отсутствия личностей в нынешней политике и их залежалости и третьесортности, во всяком случае относительно России. Ведь объявить и начать современный поход России против нацизма на Украине и его покровителей на Западе вряд ли бы отважилась серая, незаметная и третьесортная персона. Другое дело, что личности, способные возглавить народы своей страны и сокрушить гитлеровский фашизм и достойно сражаться с современным укронацизмом вкупе с трансгуманизмом, рождались да, пожалуй, и продолжают рождаться действительно не в Чехии, а в России. Не исключено, что масштаб личностей политиков может быть каким-то непостижимым образом находится во взаимозависимости с масштабом страны.

Дабы приблизить завершение рассмотрения мюнхенской темы, следует ещё раз обратиться к её оценке Р. Квачеком: «Они приняли это с удовлетворением, не осознавая, что это было возмездие, построенное на ещё больших проблемах, большем конфликте и сокращении жизней. Что мы знаем о сегодняшнем дне, что будет завтра? Завтра может быть хуже, чем мы можем себе представить. Или нет. В конце концов, мы не прорицатели. И даже если бы мы были, лучше не знать» [18: 257].

На это можно заметить, что в своё время мюнхенские соглашатели принесли в жертву молоху войны западнославянскую Чехословакию, дабы, скормив её гитлеровской Германии, усилить последнюю для дальнейшего пожирания восточнославянской России для захвата с целью обладания намеченного ещё Хэлфордом Маккиндером [29] вожделенного «хартленда». Однако народам СССР во главе с российским, ведомым отнюдь не третьесортной личностью И.В. Сталина, удалось отстоять как свою землю с её богатствами, так и освободить от нацистской напасти земли Восточной и Центральной Европы, включая Чехословакию.

Что же касается исторических аналогий с Мюнхеном, то цели и задачи мюнхенских соглашателей, прежде всего Англии, несколько

не изменились, только в роли основных возжелателей «хартленда» ныне выступают США, на молох войны ныне принесена не Чехословакия, а Украина. И нынешняя специальная военная операция России ведётся не только для того, чтобы отстоять свои российские богатства, но и не дать нынешним мюнхенцам-трансгуманистам, таинственным невидимкам из *deep state*, уничтожить бóльшую часть человечества не только взращённых и взлелеянных ими укронацистов, но также ГМО и искусственно созданных лабораторных вирусов. Крупнейший чехословацкий учёный профессор Квачек в 2018 г. говорил: «Я понимаю широко распространённый страх перед войной, которая вот-вот должна наступить. Мюнхен – пример того, как вещи, о которых мы мало или совсем не подозреваем, могут войти в нашу жизнь и решить, будут ли эти жизни сокращены. Эти шестьдесят миллионов жертв Второй мировой войны должны были прожить гораздо дольше, чем они прожили» [18: 257]. Так вот современный аналог Мюнхена – это есть ни что иное, как нынешняя бандеровская Украина, а российские народы, проливающие свою кровь, вновь вынуждены приносить священную жертву на жизненный алтарь планеты, дабы 4 млрд её жителей не были впоследствии уничтожены, главное, чтобы нынешним мюнхенцам-трансгуманистам не удалось их предать, как они предали в 1938 г. Чехословакию. Здесь не последняя роль будет принадлежать нынешнему российскому лидеру.

Подводя своеобразный итог оценки личности крупнейшего чехословацкого и чешского историка международных отношений межвоенного периода, прежде всего Мюнхена Роберта Квачека, то для адекватной оценки иногда уместно использование метода аналогий. Масштаб его фигуры для чехословацкой и чешской историографии указанной проблематики сопоставим с фигурой президента Эдварда Бенеша. Что имеется в виду? Для ответа на данный вопрос уместно будет использовать научный подход и термин, предложенный американским учёным итальянского происхождения Гвидо Джаккомо Препарата. Так, оценивая германского финансиста Ялмара Шахта в ракурсе его деятельности как инструмента в руках талассократического капитала, в частности Директора Банка Англии М. Нормана по втягиванию Германии и её народа в жернова Второй мировой войны, был применен термин «иеродул»⁵ [11: 8, 241].

На наш взгляд, применение данного термина будет уместно и относительно определённых персон в межвоенной Чехословакии и чешской исторической науки. Так, в роли иеродула невольно пришлось выступить президенту Э. Бенешу, принуждённому руководством Англии и Франции принести в жертву молоху войны свою страну – Чехословакию и её народ. В таком же качестве иеродула,

на наш взгляд, можно рассматривать и крупнейшего исследователя международных отношений межвоенного периода Чехословакии Роберта Квачека, закрывавшего глаза и тем самым скрывавшего от собственного народа неблагоприятную деятельность талассократического капитала по втягиванию Чехословакии и её народа в жернова Второй мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Позднее Квачек узнал, что конфискованные части использовались на выставке для сотрудников тайной полиции как пример идеологической диверсии.
2. Спецкор газеты «Дейли мейлз» в Мемеле Уорд Прайз, «ссылаясь на свои беседы с приближенными Гитлера, писал, что немцы были сами поражены столь огромным количеством военных материалов, которые попали в их руки при захвате Чехии и Моравии. Одних только пулемётов они получили 40 тысяч. “Немцы заявляют, что чехословацкая армия была в 5 раз лучше оснащена по сравнению с германской армией”» [2: 60; 10: 490].
3. Проблема «правового механизма “подталкивания” Германии на Восток» была подробно исследована С.В. Морозовым [8].
4. Французский посол в Берлине Кулондр утверждал, что немцам после захвата Чехословакии удалось наложить лапу, в частности, на золотовалютные запасы чешского эмиссионного банка, оцениваемые в 50 млн тогдашних долларов [10: 491; 13: 253–254].
5. Иерóдулы (греч. *ιερóδουλοι* от др.-греч. *ιερός* «священный» + *δοῦλος* «раб») – в Древней Греции слуги храма и вообще все, кто в храме нёс какую-нибудь службу по доброй воле или *будучи поставлен кем-либо*. Другими словами, Я. Шахт – служитель финансовой талассократии, принесший на алтарь молоха войны германский народ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М.: Наука, 1966. 271 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 333.
3. История дипломатии. Т. 3. М.; Л.: Госполитиздат, 1945. 884 с.
4. Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1977. 287 с.
5. Морозов С.В. Железная дорога, которая привела Бенеша в Мюнхен // Экономические стратегии. 2019. № 1. С. 96–102. URL: <http://www.inesnet.ru/magazine/es2019/es2019-01/page/2/> (дата обращения: 16.10.2024).

6. *Морозов С.В.* К вопросу о несостоявшейся превентивной войне маршала Пилсудского против Германии в 1933 г. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 160–169. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=2160 DOI: 10.17223/15617793/471/19 (дата обращения: 16.10.2024).

7. *Морозов С.В.* К вопросу о роли так называемой буковинской железной дороги в развитии мюнхенского кризиса // 2010. Славяноведение. № 1. С. 31–43.

8. *Морозов С.В.* К вопросу о создании в 1925 г. «правового механизма “подталкивания” Германии» на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–89. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1482 (дата обращения: 16.10.2024).

9. *Морозов С.В.* Н.А. Бердяев, мессианизм по-польски и «пакт четырёх» // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 4 (72). С. 146–151. URL: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=2132 DOI: 10.17223/19988613/72/21 (дата обращения: 16.10.2024).

10. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудалённости» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 527 с.

11. *Препарата Г.Д.* Гитлер, Inc: как Британия и США создавали Третий рейх / пер. с англ. А.Н. Анваера. М.: Поколение, 2007. 446 с.

12. *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937–сентябрь 1939 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 460 с.

13. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. 671 с.

14. *Чемпалов И.Н.* Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне Второй мировой войны (1933–1939 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Пермь: [б. и.], 1973. 64 с.

15. Award-winning historian Robert Kvaček has died – ČT24 – Czech Television. April 27, 2024. URL: <https://www.memesita.com/award-winning-historian-robert-kvacek-has-died-ct24-czech-television/> (accessed: 20.09.2024).

16. *Batowski H.* Między dwiema wojnami 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1988. 548 s.

17. *Bílková E, Carda V., Čeliš J.K.* Jičínské gymnázium 1624–1999: almanach k 375. výročí založení. Jičín: Lepařovo gymnázium, 1999. 304 s.

18. *Kokoška S., Pažout J., Portmann K.* A Topic That Keeps Returning. An interview with Professor Robert Kvaček about his research into the context and historical impact of the Munich Agreement (and much more) // Securitas Imperii. 2019. Vol. 35, № 2. S. 250–263.

19. *Kožeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1964. 319 s.

20. *Král V.* Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1935–1939. Praha: Academia, 1970. 483 s.

21. Kvaček R. *Diplomaté a ti druzí. K dějinám diplomacie za 2. světové války.* Praha: Panorama, 1988. 397 s.
22. Kvaček R. *Historie jednoho roku.* Praha: Mladá fronta, 1976. 266 s.
23. Kvaček R. *Konec diktátora.* Praha: Vydavatelství časopisů MNO, 1968. 215 s.
24. Kvaček R. *Nad Evropou zataženo: [Československo a Evropa 1933–1937].* 1. vyd. Praha: Svoboda, 1966. 450 s.
25. Kvaček R. *Obtížné spojenectví: politicko-diplomatické vztahy mezi Československem a Francií 1937–1938.* 1. vyd. Praha: Univerzita Karlova, 1989. 214 s.
26. Kvaček R. *Osudná mise.* Praha: Naše vojsko, 1958. 240 s.
27. Kvaček R., Tomášek D. *Causa Emil Hácha.* Praha: Themis, 1995. 221 s.
28. Kvaček R., Tomášek D. *Obžalována je vláda.* Praha: Themis, 1999. 236 s.
29. Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction.* London: Constable and Company Ltd, 1919. 273 p.
30. Prof. Robert Kvaček passed away. Institute of Contemporary History. 27.04.2024. URL: <https://www.usd.cas.cz/aktuality/zemrel-prof-robert-kvacek/?l=en> (accessed: 20.09.2024).
31. Tomášek D., Kvaček R. *Generál Alois Eliáš: jeden český osud.* Praha: Epoque, 1996. 107 s.
32. Valenta J. *Česko-polské vztahy v letech 1918–1920 a Těšínské Slezko.* Ostrava: Krajské nakladatelství, 1961. 501 s.
33. Wandycz P.S. *The Twilight of French-Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland.* Princeton: Princeton University Press, 1988. xvii, 537 p.
34. Wojciechowski M. *Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938.* Poznań: Instytut Zachodni, 1965. 571 p.
35. Zemřel historik Robert Kvaček. Bylo mu 91 let // Novinky. www.novinky.cz [online]. 2024-04-27. URL: <https://www.novinky.cz/clanek/domaci-zemrel-historik-robert-kvacek-bylo-mu-91-let-40469573> (accessed: 20.09.2024).
36. Zemřel Robert Kvaček. *Divadelní noviny.* 27.04.2024. URL: <https://www.divadelni-noviny.cz/zemrel-robert-kvacek> (accessed: 20.09.2024).

REFERENCES

1. Volkov, V.K. (1966) *Germano-yugoslavskie otnosheniya i razval Maloy Antanty. 1933–1938* [German-Yugoslav relations and the collapse of the Little Entente. 1933–1938]. Moscow: Nauka.
2. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 4459. List 28/2. File 333.
3. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gospolitizdat.

4. Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1931–1935* [Soviet-Polish relations 1931–1935]. Moscow: Nauka.
5. Morozov, S.V. (2019) Zheleznaya doroga, kotoraya privela Benesha v Myunkhen [The railway that brought Beneš to Munich]. *Ekonomicheskie strategii*. 1. pp. 96–102. [Online] Available from: <http://www.inesnet.ru/magazine/es2019/es2019-01/page/2/>
6. Morozov, S.V. (2021) On the Failed Preventive War of Marshal Pilsudski Against Germany in 1933. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 160–169 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/471/19
7. Morozov, S.V. (2010) K voprosu o roli tak nazyvaemoy bukovinskoj zheleznoy dorogi v razvitii myunkhenskogo krizisa [On the role of the so-called Bukovina railway in the development of the Munich crisis] *Slavyanovedenie*. 1. pp. 31–43.
8. Morozov, S.V. (2016) On the creation of a legal mechanism for “pushing” Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–89 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/412/14
9. Morozov, S.V. (2021) N.A. Berdyaev, Polish messianism and the “Pact of the Four.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (72). pp. 146–151 (in Russian). doi: 10.17223/19988613/72/21
10. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoj “ravnoudalennosti” ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovakian Relations. 1933–1939. What was hidden behind the “equidistance” policy of Minister J. Beck]. Moscow: MSU.
11. Preparata, G.G. (2007) *Gitler, Inc: kak Britaniya i SShA sozdavali Tretiy reykh* [Conjuring Hitler. How Britain and America Made the Third Reich]. Translated from English by A.N. Anvaer. Moscow: Pokolenie.
12. Pushkash, A.I. (2003) *Vneshnyaya politika Vengrii. Fevral' 1937–sentyabr' 1939 g.* [Foreign Policy of Hungary. February 1937 – September 1939]. Moscow: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences.
13. Gromyko, A.A. (ed.) (1971) *SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 – avgust 1939 g.). Dokumenty i materialy* [The USSR in the Struggle for Peace on the Eve of World War II (September 1938 – August 1939). Documents and Materials]. Moscow: Politizdat.
14. Chempalov, I.N. (1973) *Politika velikikh derzhav v Yugo-Vostochnoy Evrope nakanune vtoroy mirovoy voyny (1933–1939 gg.)* [The policy of the great powers in South-Eastern Europe on the eve of World War II (1933–1939)]. Abstract of History Dr. Diss. Perm.
15. Czech Television. (2024) *Award-winning historian Robert Kvaček has died*. 27th April. [Online] Available from: <https://www.memesita.com/award->

winning-historian-robert-kvacek-has-died-ct24-czech-television/ (Accessed: 20th September 2024).

16. Batowski, H. (1988) *Między dwiema wojnami 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

17. Bílková, E., Carda, V. & Čeliš, J.K. (1999) *Jičínské gymnázium 1624–1999: almanach k 375. výročí založení*. Jičín: Lepařovo gymnázium.

18. Kokoška, S., Pažout, J. & Portmann, K. (2019) A Topic That Keeps Returning. An interview with Professor Robert Kvaček about his research into the context and historical impact of the Munich Agreement (and much more). *Securitas Imperii*. 35(2). pp. 250–263.

19. Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.

20. Král, V. (1970) *Spojenství československo-sovětské v evropské politice 1935–1939*. Praha: Academia.

21. Kvaček, R. (1988) *Diplomaté a ti druzí. K dějinám diplomacie za 2. světové války*. Praha: Panorama.

22. Kvaček, R. (1976) *Historie jednoho roku*. Praha: Mladá fronta.

23. Kvaček, R. (1968) *Konec diktátora*. Praha: Vydavatelství časopisů MNO.

24. Kvaček, R. (1966) *Nad Evropou zataženo: [Československo a Evropa 1933–1937]*. Praha: Svoboda.

25. Kvaček, R. (1989) *Obtížné spojení: politicko-diplomatické vztahy mezi Československem a Francií 1937–1938*. Praha: Univerzita Karlova.

26. Kvaček, R. (1958) *Osudná mise*. Praha: Naše vojsko.

27. Kvaček, R. & Tomášek, D. (1995) *Causa Emil Hácha*. Praha: Themis.

28. Kvaček, R. & Tomášek, D. (1999) *Obžalována je vláda*. Praha: Themis.

29. Mackinder, H.J. (1919) *Democratic Ideals and Reality. A Study in the Politics of Reconstruction*. London: Constable and Company Ltd.

30. Institute of Contemporary History. (2024) *Prof. Robert Kvaček passed away*. 27th April. [Online] Available from: <https://www.usd.cas.cz/aktuality/zemrel-prof-robert-kvacek/?l=en> (Accessed: 20th September 2024).

31. Tomášek, D. & Kvaček, R. (1996) *Generál Alois Eliáš: jeden český osud*. Praha: Epoque.

32. Valenta, J. (1961) *Česko-polské vztahy v letech 1918–1920 a Těšínské Slezko*. Ostrava: Krajské nakladatelství.

33. Wandycz, P.S. (1988) *The Twilight of French-Eastern Alliances 1926–1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland*. Princeton, (New Jersey): Princeton University Press.

34. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.

35. Novinky. www.novinky.cz. (2024). *Zemřel historik Robert Kvaček. Bylo mu 91 let*. 27th April. [Online] Available from: <https://www.novinky.cz/clanek/>

domaci-zemrel-historik-robert-kvacek-bylo-mu-91-let-40469573 (Accessed: 20th September 2024).

36. Divadelní noviny. (2024) *Zemřel Robert Kvaček*. 27th April. [Online] Available from: <https://www.divadelni-noviny.cz/zemrel-robert-kvacek> (Accessed: 20th September 2024).

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

УДК 271.2-054(478)“1941-1944”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/9

Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова)

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107

E-mail: sodol_slv@mail.ru

Авторское резюме

Неотъемлемой частью оккупационной политики румынской администрации на территориях губернаторств Бессарабия и Транснистрия была румынизация их населения. Активным проводником румынизации стало духовенство Румынской православной церкви, численно преваляровавшее над представителями местного клира и установившее господство над ним и верующими. Целям румынизации служили общеобразовательные школы, средние и высшие духовные учебные заведения, а также т. н. «очаги культуры». Духовенство создавало румынские националистические организации и издавало газеты, журналы и брошюры националистического и профашистского антиславянского толка. Часть священников была вовлечена в осуществление политического надзора. Несмотря на прилагавшиеся усилия, население теряло доверие к священникам – румынским миссионерам. Цели румынизации в период румынской оккупации Бессарабии и Транснистрии 1941–1944 гг. достигнуты не были.

Ключевые слова: Бессарабия, Транснистрия, Румынская православная миссия, Бухарестский патриархат, румынизация, оккупация

Romanian occupation of the Moldavian SSR in 1941–1944: The Bucharest Patriarchate and the policy of Romanization (based on the materials of the National Archives of the Republic of Moldova)

Veacheslav A. Sodol

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 October 25th str., Tiraspol, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol_slv@mail.ru

Abstract

The Romanian occupation policy in Bessarabia and Transnistria was aimed at Romanization of the local population. The clergy of the Romanian Orthodox Church was an important tool in this process, since it prevailed over the local clergy and managed to establish its dominance over the priests and believers from Bessarabia and Transnistria. Other instruments of Romanization included general education schools, secondary and higher theological educational institutions, as well as the so-called “cultural centers.” Secondary schools admitted Religion and Christian Morality lessons, where school students were to read Romanian chauvinistic literature. The clergy created Romanian nationalist organizations (“Romanians from Bug”) and published newspapers and magazines of a nationalist and pro-fascist anti-Slavic nature (*Sunday, Transnistria Christina*). A theological seminary was opened in Dubossary, and a Department of Theology at Odessa University. These institutions had libraries of books with Romanian nationalist content. Some priests (at least 56 in Bessarabia and 19 in Northern Bukovina) were involved in political supervision. Despite the efforts made, the population was losing confidence in the Romanian missionary priests. The goals of Romanization during the Romanian occupation of Bessarabia and Transnistria in 1941–1944 were not achieved.

Keywords: Bessarabia, Transnistria, Romanian Orthodox Mission, Bucharest Patriarchate, Romanianization, occupation

Проведение политики румынизации на захваченной румынскими вооружёнными силами в ходе Великой Отечественной войны территории Молдавской ССР и пограничных областей Украинской

ССР является предметом изучения ряда исследователей Молдавии, России, Украины и Приднестровья. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как И.Э. Левит [3; 4], П.М. Шорников [19–21], С.М. Назария [7], Н.И. Михайлуца [5], Н.В. Бабилунга [1] и др. Освещая интересующие нас вопросы, эти учёные не могли пройти мимо использования румынской оккупационной администрацией в своих целях структур и институтов Румынской православной церкви, являвшейся частью административного аппарата Румынского королевства.

Этими исследователями были затронуты такие аспекты, как идеология румынского государства, цели Румынии в войне против СССР, ряд аспектов конкретной деятельности румынских священников по реализации поставленных правительством И. Антонеску целей по денационализации покоренных народов, с одной стороны, и румынизации части населения оккупированных территорий – с другой.

Несмотря на наличие целого ряда работ по данной проблематике, нельзя признать настоящий уровень разработанности вопросов использования структур Румынской православной церкви в целях румынизации покорённого населения Молдавской ССР достаточным.

В то же время материалы Кабинета по администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии Национального архива РМ (фонд 706) позволяют в значительной степени детализировать имеющуюся картину, а также оценить результативность проводившихся оккупационными властями мероприятий данной политики. Например, в нем хранятся планы реализации оккупационных мероприятий по различным отраслям хозяйственной, общественной жизни, по установлению идеологического контроля над населением. В частности, весьма примечателен «План работы дирекции национальной пропаганды по организации румынской пропаганды в «Транснистрии» на 1942 г.» [11]. Результаты деятельности оккупационной администрации представлены в отчётах административного отдела, например о деятельности губернаторства «Транснистрия» с 1941 по 1943 г. [9]. Особый интерес представляет и единственный отложившийся в данном фонде отчёт митрополита Виссариона (Пую) маршалу И. Антонеску о деятельности православной миссии в Транснистрии в 1942–1943 гг. [10]. Наконец, проследить обратную связь от реализации мероприятий оккупационных властей позволяет такой уникальный источник, как докладные записки и донесения резидентов, агентов ССИ из населённых пунктов оккупированных румынами территорий. Типовыми разделами таких докладных записок и отчётов, в частности, являются: «Состояние духа населения (в городах и сёлах)», «Политическая ситуация» (движение коммунистов, украинское движение, евреи, легионеры), «Культурная

ситуация» (церковь, школы, культурные проявления, пропаганда), «Циркулирующие слухи» и др. [12].

Непосредственно накануне нападения фашистского блока на СССР, румынские экуменические круги отталкивались от тезиса о том, что украинские, русские и другие славяне являются народами родственной веры. Но этот тезис впоследствии стал противоречить официальной политике королевской Румынии, которая утверждала расистскую идеологию. Заместитель председателя Кабинета министров Румынии и министр иностранных дел М. Антонеску заявлял, что уничтожение коммунизма и славянства необходимо, поскольку они «создают угрозу алтарям, собственности, семьям и нашей вере». Если в начале войны раздавались обещания по предоставлению права населению на отправление культа на родном языке, то со временем акценты стали ставиться на «рехристианизации» и воспитании населения в румынском христианском духе. Затем стала реализовываться программа полного церковно-религиозного подчинения местного клира и верующих Румынской патриархии. Даже тогда, когда немцы на первых порах смотрели сквозь пальцы на попытки украинских сил возродить свою национальную церковь в западных и центральных украинских областях, румыны выступали против образования и существования в губернаторстве Транснистрия украинских церквей [5: 100]. Результатом такой религиозной политики, исходя из долгосрочных аннексионистских планов Румынии на эти земли, должен был стать переход украинского населения, как и других народов, населявших губернаторство, под омофор Румынской православной церкви [5: 101].

После отступления из Молдавии Красной армии вместе с румынскими и немецкими войсками в Кишинёв вернулся местоблюститель митрополичьей кафедры Ефрем (Енэреску), являвшийся в 1939–1940 гг. в Бессарабии церковным наместником Румынии. По словам священника Варлаама (Кирицы), он успел стяжать себе в Бессарабии «недоверие и холодность духовенства», поскольку «в монастырях протезировал и выдвигал отъявленных негодяев»; верующие называли его Ефрешкой [19: 213]. 12 января 1944 г. он стал архиепископом Кишинёвским и митрополитом Бессарабским. Во главе других бессарабских епархий в 1941 г. были назначены приехавшие из Румынии новые архиереи: Четатя-Албскую и Измаильскую кафедру занял Поликарп (Морушка), епископом Хотинским и Бельцским стал Партений (Чиорпон) [16: 236].

19 августа 1941 г. И. Антонеску издал декрет, на основании которого на оккупированной румынскими войсками территории между Днестром и Бугом под руководством полномочного представителя

Румынии профессора Г.Алексяну создавались 5 дирекций, одной из которых была дирекция просвещения, культов и пропаганды [17: 304]. Незамедлительно сюда была направлена церковная миссия, которая первоначально обосновалась в Тирасполе, а в октябре перебралась в Одессу. О создании миссии, подборе для нее миссионеров и об осуществлении их деятельности указания давал лично румынский диктатор [19: 223]. В территориально-административном отношении Миссия включала 13 окружных благочиний и одно городское (для Одессы), им подчинялись 64 районных благочиния (в румынской традиции «субпротопопии»). Первым главой миссии стал архимандрит Юлий (Скрибан), профессор богословского факультета Бухарестского университета, его викарием был архимандрит Антим (Ника) [16: 236].

Нормативные документы, издававшиеся румынским правительством и оккупационными властями, неоднократно подчёркивали, что «кардинальной задачей политики правительства является румынизация отвоёванных провинций» [4: 262]. Особое место в достижении этой цели отводилось области между Днестром и Бугом, никогда ранее не входившей в состав Румынского королевства и отличавшейся наиболее пёстрым национальным составом населения. Разговаривая с министром культуры Румынии И. Петровичем, И. Антонеску заявил: «Мы ведем в Транснистрии титаническую борьбу... Не секрет, что я не намерен упускать из рук то, что приобрёл. Транснистрия станет румынской территорией, мы ее сделаем румынской и высадим оттуда всех иноплеменных» [6: 103].

Особая роль в достижении этих целей отводилась румынской церкви. Выступая в апреле 1942 г. в г. Бельцы, И. Антонеску отчеканил: «В церкви правительство видит, прежде всего, орган национальной пропаганды» [22: 166]. Руководящие круги Румынии провозглашали, что «в первую очередь необходимо внедрять идею о существовании единого румынского государства и единой румынской народности, проживающей на территории всей страны...» [6: 113].

Тезис о принадлежности молдаван к румынской нации румынские власти сами рассматривали как цель, которой необходимо добиваться, а не как реальность. «Бессарабский крестьянин, – в июне 1942 г. отмечал заместитель директора ведомства пропаганды губернаторства «Бессарабия» Д. Мыцулеску, – всегда считал себя молдаванином, а не румыном, и смотрел на выходцев из Старого королевства с некоторым пренебрежением, что является следствием того, что он находился в составе великой империи» (цит. по: [20: 278, 279]). Оккупанты проводили политику «национального перевоспитания» молдаван в духе румынизма. Живший в Кишиневе уроженец Олте-

нии Сабин Попеску-Лупу в статье «Национальное перевоспитание», ещё раз отметив отсутствие у молдаван румынского национального сознания, сформулировал задачу румынских властей так: «Сформировать национальное сознание всего молдавского народа Бессарабии... и его следует научить мыслить по-румынски» [20: 280]. В целях формирования у молдаван духовных связей с Румынией учитель К.В. Пушкашу в 1942 г. в статье «Как их приблизить к нам?» предложил сочетать пропаганду и репрессии. Главную ставку он рекомендовал сделать на колонизацию области румынами и ассимиляцию местного населения. Эти идеи учитывались политическим руководством Румынии [20: 280].

С особым усердием проводилась в губернаторствах кампания по румынизации имён и фамилий молдаван. В октябре 1941 г. после очередной инспекционной поездки кондуктора по Бессарабии, в ходе которой он установил наличие в этом губернаторстве якобы «славянизированных румын», появилась директива, в которой говорилось: «Его высочество приказал, чтобы через соответствующие органы сообщить этим лицам: или они становятся румынами и, следовательно, принимают румынские фамилии, делаются настоящими румынами, или же они являются и остаются чуженационалами, и тогда к ним будут относиться соответственно» [4: 281].

Особая роль в процессе румынизации имён и фамилий населения на захваченных территориях отводилась церкви. Директива губернатора Бессарабии, изданная 6 июня 1942 г., предписывала: «В сельской среде священники, учителя и все государственные служащие должны действовать силой убеждения, доказывая селянам, что являются румынами и использование русских имён – недостойный и позорный поступок. Священники и учителя должны проникнуться этим высоким национальным долгом и действовать вдохновенно и старательно... Священники не будут крестить детей с чисто русскими именами (Всеволод, Игорь, Татьяна, Люба и т. д.) или с румынскими русифицированными именами» [6: 115].

В июне 1943 г. священник с. Буруяны Хотинского уезда Василе Мафтей опубликовал собственную программу румынизации местных руснаков, отдававших предпочтение даже не «русской мове», а литературному русскому языку. Расходясь во взглядах с самим «правителем», он выступил даже против использования в богослужении церковнославянского языка: «Главное звено румынизации – школа. Но какая от неё польза, если изгнанный из примарии и школы иностранный язык найдёт прибежище в церкви?» [19: 218]. Преимущество церкви в осуществлении языковой дискриминации он усматривал в том, что использование румынского языка в бого-

служении не может вызвать недовольства даже в селе, населённом «самыми фанатичными украинцами».

Важнейший участок своей деятельности оккупанты в рясах усматривали в воздействии на детские умы. Как отмечалось в отчёте губернаторства Транснистрия, «для продвижения религиозного обучения и образования введено в начальное, среднее и высшее обучение изучение религии и христианской морали. В университете создана кафедра богословия» [9: 176]. В школах они «работали» как с учащимися, так и с педагогами. Было введено преподавание Закона Божия, причём уроки эти «миссионеры» сопровождали чтением румынской шовинистической литературы и заучиванием румынских националистических гимнов и стихотворений. У детей, которым пришлось учиться по новым румынским образовательным программам, о процессе обучения сохранились малоприятные воспоминания. Так, уроженец с. Белочи Г.И. Пономарь отмечал: «Нас, детей, насильно заставляли учить Закон Божий и молитвы на румынском языке» [8: 388]. Улита Григорьевна Шаповалова из с. Кицканы уточняла: «Учителя над нами издевались любыми методами. Каждое воскресенье нас гоняли насильно в церковь на молитву, и я до сих пор помню “Татэл ностру...”» [8: 397].

Особое внимание военно-фашистское правительство уделяло румынизации сирот, в связи с чем в Тираспольском районе, например, по приказу претора учителям и священникам в срочном порядке было вменено в обязанность составлять на беспризорных детей-молдаван списки, чтобы затем отправить их в «Страну» и вырастить в румынском духе [2: 36].

14–15 декабря 1941 г. в Тирасполе состоялись торжества по случаю открытия Национального научного института румын Транснистрии. В торжествах участвовали Г. Алексяну, делегат Румынской Академии П. Халиппа, профессор университета г. Клуж-Сибиу О. Гибу, президент Ассоциации заднеэстровских румын Е. Смокинэ. Отчёт информатора ССИ, присутствовавшего на этом мероприятии, зафиксировал: «Господин Никулеску, ревизор школ Транснистрии говорил о Церкви и школе. Благодарил Министра просвещения за полученные книги (28 тыс.), которые были распределены по сёлам и городам... Господин Ильин призвал учить детей обычаям и колядкам святых праздников. Господин Никулеску ревизор школ дошёл до сведения, что дано распоряжение об этом. Потом взял слово священник, происходящий из Транснистрии, который говорил о Церкви и вере» [12: 379].

В Одесском университете была учреждена кафедра богословия, располагавшая библиотекой книг румынского националистического и профашистского антиславянского, антирусского и антиукраинского

толка. Студентов обязали слушать курс богословия, который читал румынский архимандрит Антоний (Харгел). Летом 1942 г. для педагогов были организованы богословские курсы, в Одессе их посещали 200, а в Тирасполе 150 учителей [19: 226].

30 ноября 1942 г. в Дубоссарах была открыта Духовная семинария, ректором которой был назначен румынский священник Думитру Христеску. На обучение было принято 80 человек. Семинария должна была обеспечить румынизацию церковной жизни и населения губернаторства Транснистрия, поэтому занятия в ней проводились на румынском языке [21: 185].

В Одессе, Тирасполе, Рыбнице, Балте и ряде других городов были открыты «дома христианской культуры» – церковно-политические клубы, где «миссионеры» проводили собрания верующих, лекции, вечера с пением румынского гимна. Согласно Отчёту губернаторства Транснистрия, «Службой культуры народа субдирекции пропаганды организованы на данный момент 13 уездных Центров культуры – в каждом уездном центре, 80 Очагов культуры молдавских в общинах с 86 % молдавским населением и 34 Очага культуры немолдавских. Каждый Центр культуры и каждый Очаг культуры, молдавский или немолдавский, управляется румынским государственным служащим – школьным инспектором, протоиереем, врачом, учителем, священником, примаром и т. п.» [9: 191]. В Бессарабии общее число «очагов» уже в апреле 1942 г. было доведено до 607, что почти в два раза превысило число этих учреждений в 1930-е гг. Как отмечал в августе 1943 г. губернатор О. Ставрат, деятельность учреждений национальной пропаганды на 80 % обеспечивалась священниками [19: 216]. В сёлах священники создавали религиозные «кружки культуры». Объектами внимания румынских миссионеров являлись также тюрьмы, трудовые и концентрационные лагеря, лагеря для военнопленных [19: 225]. На предприятиях члены румынской церковной миссии читали лекции, сопровождаемые чтением стихов на румынском языке, пением румынских песен, исполнением румынской музыки.

Одним из добровольных проводников румынизации стал Варлаам (Кирица), с февраля 1942 г. работавший миссионером-благочинным Бершадского района Винницкой области. Находясь на этой должности, он создал антисоветскую румынскую националистическую организацию «Румыны с Буга», ставившую своей задачей румынизацию украинского населения. Он стал издателем журнала «Воскресенье» на русском и молдавском языках, в котором наряду с чисто религиозными статьями помещались статьи на исторические темы, в которых говорилось, что земля, лежащая между Днестром и Бугом, издавна принадлежит румынам, и теперь пришло время воссоединения её

в одном румынском государстве [14: 192]. Аналогичный характер и содержание имели и издававшиеся Румынской православной миссией журнал «Транснистрия христианская», еженедельный листок «Христианская жизнь» [12: 161]. Глава православной миссии в Транснистрии Виссарион (Пуя) констатировал в своем отчёте: «Для активизации и духовного руководства населения [осуществляется] ... публикация брошюр и статей призывающих к лучшей общественной жизни, обновленной христианством, пробуждение вновь через духовенство национального чувства в румынских сёлах, совершаемого благотворительностью, помогая приютам и больницам и поддерживая больных, старых и нищих» [10: 4].

Постоянно насыщался румынскими священнослужителями клир. В губернаторстве Транснистрия из 461 священника, проводивших службу к концу 1942 г., 265 были румыны; к октябрю 1943 г. число священников-румын было доведено до 328 [20: 277]. Как следует из отчётов ССИ с мест, румынские священники преобладали в районах и населенных пунктах с преобладанием немолдавского населения. Так, по Рыбницкому району в 1941–1942 гг. из 12 священников 9 были румынами, 3 – украинцами [13: 68]. Спустя некоторое время это соотношение стало ещё более разительным: «Священников 20, из них 16 румын, прибывших из Страны, и 4 украинца из региона» [13: 46]. В Каменском районе из 6 священников пятеро были румынами, лишь один – украинец [13: 38]. Отчёт субцентра ССИ Тирасполя за февраль 1943 г. констатировал: «В Раздельнянском районе в 80 коммунах и сёлах всего 6 церквей, из которых религиозные службы проводятся только в 3, в остальных трёх священникам запрещено проводить службы, потому что они были местными и они не смогли доказать документально свой сан» [12: 21].

К лету 1943 г. в Бессарабии насчитывалось 1 196 священников [19: 216]. При этом румынские иммигранты составили более трети. В частности, из 85 священников, служивших к началу 1944 г. в Кагульском уезде, 32 являлись уроженцами «остальной страны», т. е. Румынии, 49 – «бессарабскими румынами», т. е. молдаванами, и лишь 4 принадлежали к национальным меньшинствам [19: 216].

По инициативе Антима (Ника) Измаильской епископией в начале 1944 г. была учреждена комиссия по проверке документов у священников-русских и украинцев, бежавших из губернаторства Транснистрия и опасавшихся наказания за сотрудничество с врагом. Тех, кого уличали в нежелании проводить румынизацию населения, комиссия передавала румынской жандармерии для отправки их в концлагерь. Русских и украинских священников не допускали к занятию приходов, лишали их права церковного служения [19: 231].

Часть священников была вовлечена в осуществление политического надзора. По предложению И. Антонеску накануне войны органами ССИ были созданы секретные команды миссионеров, укомплектованные священниками, учителями, врачами и призванные вести скрытую «пропаганду и контрпропаганду» и выявлять противников оккупационного режима. На каждое предприятие с числом работников 200 и более человек надлежало внедрить одного «миссионера» [19: 217]. Летом 1941 г. в Бессарабию были направлены первые 56 «миссионеров», а в Северную Буковину – 19. По записям в церковных книгах румынская полиция с ведома священников разыскивала крещённых евреев [22: 169].

Таким образом, Румынская церковь приняла деятельное участие в пропагандистском обосновании агрессии против СССР. В оккупированных областях она действовала как оккупационное учреждение, проводя политическую пропаганду и оказывая содействие политической полиции. Деятельность Румынской церкви на оккупированной территории Молдавии была направлена на установление духовного контроля над населением и его румынизацию.

Каковы же были результаты процесса румынизации, проводившейся на протяжении почти трёх лет? Судя по сообщениям агентов ССИ, а также признанию руководителей оккупационной администрации, результаты эти были ничтожными. Так, в марте 1942 г. губернатор Бессарабии К. Войкулеску констатировал: «Мало-помалу возобновилась старая система исключения румынского языка из обращения государственными служащими... На улицах, в магазинах, общественных местах русский язык преобладает. Что особенно прискорбно, установлены случаи, когда священники уступают настояниям верующих и проводят службу на русском языке» [18: 252]. По признанию одного из официальных печатных органов оккупационной администрации, «почувительные и вызывающие наилучшие духовные эмоции в сердцах верующих богослужения, протекают при очень малом количестве молящихся, особенно прискорбно отсутствие учащейся молодёжи высших, средних и низших школ» [15: 47].

Агенты сигуранцы сообщали: «На совершение религиозных служб приходят большей частью старые женщины и немного детей, молодёжь исключена совершенно. Нельзя констатировать, что что-то делается для приближения молодёжи к церкви... О миссионерской деятельности можно сказать речь не идёт. Священники утверждают, что население их спрашивает: какая существует разница между румынами и большевиками, если под румынами: религиозная свобода ограничена, по праздникам и особенно воскресеньям они работают в поле, торговля не свободная, налоги платятся и натурой. На эти

вопросы священники отвечают по случаю, что не удовлетворяет население» [12: 70]. «Церковь не может выполнить свою миссию», – констатировал глава Рыбницкого отделения ССИ [13: 162]. Следовательно, цели румынизации населения оккупированной румынами территории Молдавии достигнуты не были.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабилунга Н.В.* Бессарабия под румынским правлением. История края в жизнеописании его оккупационных правителей в первой половине XX в. Тирасполь, 2020. 184 с.

2. *Гратинич С.А.* На левом берегу Днестра (Страницы совместной борьбы трудящихся смежных районов Молдавии и Украины против немецко-румынских фашистских захватчиков. 1941–1944). Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1985. 188 с.

3. *Левит И.Э.* Крах политики агрессии диктатуры Антонеску (19.XI.1942–23.VIII.1944). Кишинев: Штиинца, 1983. 376 с.

4. *Левит И.Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1.IX.1939–19.XI.1942). Кишинев: Штиинца, 1981. 392 с.

5. *Михайлуца Н.И.* Деятельность Румынской православной миссии в губернаторстве «Транснистрия» (осень 1941 – весна 1944 годов) // Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии: сб. ст. М., 2010. С. 90–111.

6. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза: в 2 т. Т. 2. Кишинев: Штиинца, 1976. 676 с.

7. *Назария С.М.* Холокост. Страницы истории (на территории Молдовы и в прилегающих областях Украины, 1941–1944). Кишинев, 2005. 304 с.

8. «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время: сб. ст., документов и воспоминаний. Тирасполь; Бендеры: Полиграфист, 2011. 608 с.

9. Национальный архив Республики Молдова (далее НАРМ). Ф. 706. Оп. 1. Д. 518. Отчёт о деятельности губернаторства «Транснистрия» с 19 августа 1941 по 1 августа 1943.

10. НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1049. Докладная митрополита Виссариона маршалу Антонеску о деятельности православной миссии в «Транснистрии». 5–16 января 1943.

11. НАРМ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 1109. План работы дирекции национальной пропаганды в «Транснистрии». Газеты и журналы, издаваемые в «Транснистрии». 25 апреля – 28 ноября 1942.

12. НАРМ. Ф. 706. Оп. 3. Д. 4. Отчёты, докладные записки, информационные донесения агентов о морально-политическом состоянии населения Тирас-

польского уезда. Списки коммунистов, советских активистов и религиозных сект. 20 ноября 1941 – 4 июня 1943.

13. НАРМ. Ф. 706. Оп. 3. Д. 5. Докладные записки и донесения агентов о морально-политическом и экономическом состоянии населения «Транснистрии». Списки украинских националистов и советских активистов. 31 декабря 1941 – 25 февраля 1943.

14. Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. Т. 1. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 823 с.

15. Реакционная роль религии и церкви. Архивные документы о деятельности священнослужителей в Молдавии. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. 256 с.

16. Святыни русского православия юга Украины и Молдавии. Историко-документальный фотоальбом. Тирасполь, 2016. С. 236.

17. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 520 с.

18. Шорников П.М. Война режима Антонеску против русского языка // «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время: сб. ст. Тирасполь; Бендеры: Полиграфист, 2011. С. 250–254.

19. Шорников П.М. Молдавия в годы Второй мировой войны. К 70-летию Великой Победы над фашизмом. Кишинэу, 2014. 448 с.

20. Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь: Изд-во Приднестровского университета, 2007. 400 с.

21. Шорников П.М. Народное православие в Молдавии. Тирасполь: ИСПИРР, 2018. 232 с.

22. Шорников П.М. Церковная агрессия Румынии. 1941–1944 гг. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.): сб. ст. М.: РИСИ, 2011. С. 162–187.

REFERENCES

1. Babilunga, N.V. (2020) *Bessarabiya pod rumynskim pravleniem. Istoriya kraia v zhizneopisanii ego okkupatsionnykh praviteley v pervoy polovine XX v.* [Bessarabia under Romanian rule. The history of the region in the biography of its occupation rulers in the first half of the twentieth century]. Tiraspol: [s.n.].

2. Gratinich, S.A. (1985) *Na levom beregu Dnestra (Stranitsy sovместnoy bor'by trudyashchikhsya smezhnykh rayonov Moldavii i Ukrainy protiv nemetsko-rumynskikh fashistskikh zakhvatchikov. 1941–1944)* [On the left bank of the Dniester (Strategies of the joint struggle of neighboring working regions of Moldova and Ukraine against the German-Romanian fascist invaders. 1941–1944)]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

3. Levit, I.E. (1983) *Krakh politiki agressii diktatury Antonesku (19.XI.1942 – 23.VIII.1944)* [The collapse of the policy of aggression of the Antonescu dictatorship]. Chişinău: Shtiintsa.

4. Levit, I.E. (1981) *Uchastie fashistskoy Rumynii v agressii protiv SSSR. Istoki, plany, realizatsiya (1.IX.1939 – 19.XI.1942)* [The participation of fascist Romania in the aggression against the USSR. Origins, plans, implementation (September 1, 1939 – November 19, 1942)]. Chişinău: Shtiintsa.

5. Mikhaylutsa, N.I. (2010) *Deyatel'nost' Rumynskoy pravoslavnoy missii v gubernatorstve "Transnistriya" (osen' 1941 – vesna 1944 godov)* [Activities of the Romanian Orthodox Mission in the Transnistria Governorate (autumn 1941 – spring 1944)]. In: Dyukov, A.R. (ed.) *Zabytyy agressor. Rumynskaya okkupatsiya Moldavii i Transnistrii* [The forgotten aggressor. Romanian occupation of Moldova and Transnistria]. Moscow: Istoricheskaya pamyat'. pp. 90–111.

6. Levit, I.E. (ed.) (1976) *Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne Sovetskogo Soyuza* [Moldavian SSR in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Vol. 2. Chişinău: Shtiintsa.

7. Nazariya, S.M. (2005) *Kholokost. Stranitsy istorii (na territorii Moldovy i v privileyushchikh oblastiakh Ukrainy, 1941–1944)* [The Holocaust. Pages of history (on the territory of Moldova and in the adjacent regions of Ukraine)]. Chişinău: [s.n.].

8. Babilunga, N.V. et al. (2011) *"Natisk na Vostok": agressivnyy rumynizm s nachala XX veka po nastoyashchee vremya* [The "Onslaught on the East": Aggressive Romanianism from the early 20th century to the present]. Tiraspol; Bendery: Poligrafist.

9. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Otchet o deyatel'nosti gubernatorstva "Transnistriya" s 19 avgusta 1941 po 1 avgusta 1943* [Report on the activities of the Governorate of Transnistria from August 19, 1941 to August 1, 1943]. Fund 706. List 1. File 518.

10. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Dokladnaya mitropolita Vissariona marshalu Antonesku o deyatel'nosti pravoslavnoy missii v "Transnistrii". 5 – 16 yanvary 1943* [Report of Metropolitan Vissarion Marshal Antonescu on the activities of the Orthodox mission in Transnistria. January 5–16, 1943]. Fund 706. List 1. File 1049

11. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Plan raboty direksii natsional'noy propagandy v "Transnistrii". Gazety i zhurnaly, izdavaemye v "Transnistrii". 25 aprelya – 28 noyabrya 1942* [Work plan of the directorate of national propaganda in Transnistria. Newspapers and magazines published in "Transnistria." April 25 – November 28, 1942]. Fund 706. List 1. File 1109.

12. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Otchety, dokladnye zapiski, informatsionnye doneseniya agentov o moral'no-politicheskom sostoyanii naseleniya Tiraspol'skogo uезда. Spiski kommunistov, sovetских aktivistov i religioznykh sekt. 20 noyabrya 1941 – 4 iyunya 1943* [Reports, final notes, and informative

statements by agents on the moral and political condition of the population of Tiraspol Uezd. Reports of communists, soviet activists, and religious sects. November 20, 1941 – June 4, 1943]. Fund 706. List 3. File 4.

13. The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). *Dokladnye zapiski i doneseniya agentov o moral'no-politicheskom i ekonomicheskom sostoyanii naseleniya "Transnistrii."* Spiski ukrainskikh natsionalistov i sovetских aktivistov. 31 dekabrya 1941 – 25 fevralya 1943 [Reports and final notes by agents on the moral, political, and economic condition of the population of "Transnistria." Reports of Ukrainian nationalists and soviet activists. December 31, 1941 – February 25, 1943]. Fund 706. List 3. File 5.

14. Pasat, V. (2009) *Pravoslavie v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940 – 1991. Sobranie dokumentov* [The Orthodoxy in Moldavia: The power, the church and believers. Collected documents]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

15. Lisovina, A.P. (ed.) (1969) *Reaktsionnaya rol' religii i tserkvi. Arkhivnye dokumenty o deyatel'nosti svyashchennosluzhiteley v Moldavii* [The reactionary role of religion and the Church. Archival documents on the activities of the clergy in Moldova]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

16. Transnistria. (2016) *Svyatyni russkogo Pravoslaviya yuga Ukrainy i Moldavii: istoriko-dokumental'nyy fotoal'bom* [Shrines of Russian Orthodoxy in the South of Ukraine and Moldova: a historical and documentary photo album]. Tiraspol: [s.n.].

17. Nemyatyy, V.N. (ed.) (1985) *Sovetskaya Ukraina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945. Dokumenty i materialy* [Soviet Ukraine during the Great Patriotic War. 1941-1945. Documents and materials]. Vol. 1. Kiev: Naukova dumka.

18. Shornikov, P.M. (2011) *Voyna rezhima Antonesku protiv russkogo yazyka* [The Antonescu regime's war against the Russian language]. In: Babilunga, N.V. et al. (2011) *"Natisk na Vostok": agressivnyy rumynizm s nachala XX veka po nastoyashchee vremya* [The "Onslaught on the East": Aggressive Romanianism from the early 20th century to the present]. Tiraspol; Bendery: Poligrafist. pp. 250–254.

19. Shornikov, P.M. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Moldova during the Second World War]. Chişinău: [s.n.].

20. Shornikov, P.M. (2007) *Moldavskaya samobytnost'* [Moldovan Identity]. Tiraspol: Pridnestrovian University.

21. Shornikov, P. (2018) *Narodnoe pravoslavie v Moldavii. Ocherki istorii* [People's Orthodoxy in Moldova. Essays]. Tiraspol: Poligrafist.

22. Shornikov, P.M. (2011) *Tserkovnaya agressiya Rumynii. 1941–1944 gg.* [The Church aggression of Romania. 1941–1944]. In: Kashirin, V.B. (ed.) *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)*. [Eastern policy of Romania in the past and present (late 19th – early 21st centuries)]. Moscow: RISI. pp. 162-187.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института государственного управления и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Республика Молдова, Приднестровье).

Veacheslav A. Sodal – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Republic of Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol_slv@mail.ru

УДК 811

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/10

Языковые контакты славянских и неславянских языков: семантика и функционирование германизмов в словацком языке

Д. Саболова¹, М. Кашова², М.А. Харламова³

¹Католический университет

Словакия, 034 01, г. Ружомберок, Грабовска цеста, 1

E-mail: drahomirasabolova@gmail.com

²Прешовский университет

Словакия, 080 01, г. Прешов, ул. 17 ноября, 1

E-mail: martina.kasova@unipo.sk

³Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55-А

E-mail: khr-spb@mail.ru

Авторское резюме

Проводится анализ лексики немецкого происхождения, заимствованной словацким языком. Процесс заимствования основывался на контактах словацкого и немецкого населения, причём самая многочисленная немецкая колонизация на территории Словакии относится к XII–XVII вв. Обращается внимание на влияние немецкого населения, его языка и культуры на культурно-языковые традиции нашей страны. Одной из задач анализа является выявление результатов влияния германизмов на формирование словарного запаса словацкого языка. Собранный лексический материал распределён по нескольким тематическим группам (например, германизмы, относящиеся к социальной сфере, трудовой, бытовой и др.). В центре внимания – способы их заимствования. Возможно как полное заимствование слова, включая весь семантический объём (с небольшим изменением формы), так и заимствование слова в том или ином значении, например, *šálka* (e Schale) (чашка) ‘сосуд для питья’, но значение ‘сосуд для еды или миски весов’, как было в исходном языке, в словацком языке отсутствует. У некоторых единиц наблюдается расширение/сужение семантики слова в результате адаптации на словацкой почве: *fenig* (r Pfennig) озна-

чало 'немецкая денежная единица', позже стало употребляться и для названия денег вообще; *bažant* (r Fasan) в немецком языке – это название птицы – 'фазан', позже – 'название новобранца', а также 'медицинская утка'; слово *cech* (e Zeche) обладало значением 'привести в порядок', которое в современном словацком языке не было зафиксировано. Еще один процесс отмечается при адаптации лексики немецкого происхождения – это приобретение негативной коннотации в словацком языковом пространстве у нейтрального в немецком языке слова. Так, s Häusel > *hajzel* в немецком языке представляет собой наименование домика, а в словацком употребляется для обозначения туалета, уборной в варианте 'сортир', (груб. прост.). Сдвиг в семантике наблюдается у единицы, обозначающей в немецком языке финансовую систему (e Finanz), а в словацком слово *financ* означает 'сотрудник финансовой или налоговой системы, таможенник'. Расширение лексического фонда словацкого языка происходит и за счет формирования терминологии разных отраслей знаний: на базе нетерминологических единиц немецкого языка возможно образование терминов, например, глагол *fahren* со значением 'быстро идти, ехать' в словацком *fárat* употребляется в горном деле для обозначения спуска в шахту. Лексические процессы, связанные с усвоением германизмов словацким языком, представлены на историко-культурном фоне, обусловленном разными этапами немецкой колонизации. Сделан вывод, что германизмы представляют собой значительный пласт в литературном словацком языке, причём часть лексем функционирует в нелитературной сфере национального языка.

Ключевые слова: лексическая единица, заимствование, семантика, немецкий, словацкий, русский языки

Language contacts of Slavic and non-Slavic languages: Semantics and functioning of Germanisms in the Slovak language

Drahomira Sabolova¹, Martina Kasova²,
Marina A. Kharlamova³

¹ Catholic University

¹ Hrabovská cesta, Ružomberok, 034 01, Slovakia

E-mail: drahomirasabolova@gmail.com

² University of Presov

17 November St., Prešov, 080 01, Slovakia

E-mail: martina.kasova@unipo.sk

³ Omsk State University of F.M. Dostoyevsky
55-A Mira Prospect, Omsk, 644077, Russia
E-mail: khr-spb@mail.ru

Abstract

The article analyses German loan words in the Slovak language, borrowed in the course of contacts between the Slovaks and the Germans, with the largest German colonization on the territory of Slovakia dating back to the 12th–17th centuries. The collected lexical material was divided into several thematic groups (e.g. Germanisms related to the social sphere, labor, everyday life, etc.) with the focus on how they were borrowed. These include both complete borrowing of a word and its meaning and semantic borrowing, i.e. borrowing of a separate meaning, e.g. *šálka* (cup) in the sense of a drinking vessel, but not in the sense of a vessel for food or a bowl of scales, as it was the case in the source language. Some units show an expansion/narrowing of the semantics of the word after borrowing, e.g. *fenig* (German monetary unit), later used for money in general; *bažant* (the original name of a bird – pheasant), later used with the meaning of recruit or medical bed-pan; the word *cech* (e Zeche) also had the meaning ‘to put in order’, which is not registered in modern Slovak. Another process in the adaptation of German vocabulary is the emergence of a negative connotation in the Slovak language for an originally neutral German word, e.g. *hajzel* – the original German lexeme for a house is used in Slovak to denote a toilet). A shift in semantics is observed in the unit denoting the financial system in German (e Finanz), while in Slovak the word *financ* means ‘an employee of the financial or tax system, a customs officer’. There are also cases of forming terms on the basis of German non-terminological units, e.g. the verb *fahren* (to go fast) is used in Slovak to denote the descent into a mine (*fárat*). The article also presents the individual stages of German settlement and the Slovak regions affected by this settlement. Attention was paid to the fact that a significant part of lexical units borrowed from German has been preserved in the Slovak literary lexicon and have become the basis for derivation. Germanisms represent a significant part of non-literary lexicon as well.

Keywords: lexical unit, loan word, semantics, germanism, German, Slovak, Russian languages

Введение

В последнее время одной из главных общественно-политических тем является миграция и связанные с ней как положительное воздействие на страну, принимающую мигрантов, так и отрицательное, что в основном обусловлено (не)готовностью принимающей страны к большому количеству мигрантов. Следует отметить, что в истории

Словакии было несколько волн миграции. В XIX–XX столетиях с территории Словакии переселение словаков, в основном «за океан», т. е. в Северную и Южную Америку, было нередким явлением. И самым известным представителем такой миграционной волны был Энди Уорхол, предки (русины по национальности) которого эмигрировали в США из Восточной Словакии (тогда – части Австро-Венгерского государства). Но в то же время на территорию Словакии прибывали переселенцы из соседних государств, в частности из Германии.

В фокусе нашего внимания – отдельные этапы колонизации со стороны немецкого населения и, как следствие, влияние немецкого языка на словацкий язык, результатом чего явились активные процессы заимствования германизмов словацким языком. Целью нашего исследования является анализ малоизученных германизмов с точки зрения их закрепления в активном или пассивном словарном запасе словацкого языка; выявление способов и путей заимствования. Методика анализа предполагает тематическую классификацию собранного материала, выявление семантики и сферы употребления лексических единиц разных групп. К заимствованным единицам предлагаются эквиваленты в русском языке. Различия и/или совпадения в семантическом и/или формальном плане тех или иных заимствований в западнославянских языках по необходимости комментируются. При верификации данных о прямых заимствованиях и заимствованиях через язык-посредник приводятся результаты аналогичных процессов в русском и других славянских языках.

Источником материала послужили этимологические словари словацкого [6], немецкого [2], русского языков (онлайн), Словарь современного словацкого языка [8–11], Словарь русского языка [15], а также переводные онлайн-словари (Lingea). Исследование опирается на труды известных словацких [3; 6; 7; 13] и немецких [5; 12] лингвистов, занимающихся историей языков, а также чешского автора П. Бенеша, анализирующего антропонимы германского происхождения в чешском языке [1]. Хотим отметить, что вопросы этимологии лексических единиц словацкого языка разработаны, на наш взгляд, недостаточно, и первый этимологический словарь словацкого языка был издан только в 2015 г. (отсюда обращение в некоторых случаях к работе чешского лингвиста) [6].

Языковой контакт – это процесс взаимодействия двух или нескольких языков в языковом сознании отдельного человека или в языковом сообществе. В широком смысле речь идёт о носителе языка – билингве, а в более узком – это историко-социальный контакт без тесного языкового родства. Как отмечают исследователи, термин «контакт» особо был

актуален для раннего периода немецкой колонизации Верхней Венгрии, когда была воспринята преимущественно специализированная терминология (из сферы религии, администрации, ремесла, горного дела), позже и бытовая [13: 11]. Словацкий лингвист Ян Доруля в своей монографии по истории языковых контактов словацкого языка в разделе, посвящённом немецкому языку, отмечает, что этот язык служил основным для заимствования иноязычной лексики в период Средневековья. Автор акцентирует роль немцев в хозяйственной жизни и привнесение ими новых реалий и названий, обогащающих словацкий язык [3: 76–77].

Лингвист С.Я. Тот в своей монографии приводит факт, что в период до 1650 г. было заимствовано 599 германизмов. В настоящее время часто употребляемыми являются примерно 12,5 % из них, например *bavlna* ('хлопок'), *blikat* ('мигать'), *drôt* ('провода'), *špagát* ('шпагат'), *šора* ('сарай'), *hoblík* ('рубанок'), *šalát* ('салат'), *šachta* ('шахта'), *šálka* ('чашка'), *žumpa* ('выгребная яма'), *bríle* ('очки'), *grobían* ('грубиян'), *kufor* ('чемодан'), *marcipán* ('марципан'), *matrac* ('матрас'), *paštéta* ('паштет'), *piškóta* ('бисквит'), *cúvať* ('отступать, ехать задним ходом'), *marhúla* ('абрикос') [13: 19].

Миграционные волны немцев на территорию современной Словакии

На территории Словакии проживают, наряду с другими национальностями, немцы. Для их обозначения закрепилось название *карпатские немцы* (нем. *Karpatendeutsche*). Название это появилось в начале XX в., и ввёл его в оборот немецкий историк и этнолог Раймунд Фридрих Кайндл (1866–1930) с целью отличить немцев, проживавших в Карпатском регионе. После образования Чехословакии данное наименование стало применяться к немцам, живущим в Словакии (около 150 тыс.) и Подкарпатской Руси (сегодня – Закарпатская Украина; около 18 тыс. человек), чтобы отличить их от немцев, проживавших в Чехии, т. е. судетских немцев [4].

Немцы переселялись на территорию нынешней Словакии постепенно, известно о нескольких волнах немецкой колонизации [12: 90–91]. В большом количестве они начали селиться в середине XII в. по приглашению венгерских королей и феодалов в качестве гостей (лат. *hospites*) с обещанием, что они смогут жить по своему немецкому праву (= немецким законам) (т. е. не по законам, действовавшим тогда в Венгрии). Этот период называют колонизацией по немецкому праву. Во время первой волны колонизации (со второй половины XII века до монгольского нашествия 1241–1242 гг.) немецкие ремесленники, купцы и шахтёры поселились в окрестностях Братиславы, Трнавы,

Банска-Штьявницы и получили от венгерских королей городские привилегии на основании «немецкого права». В начале XIII в. некоторые поселились в регионе Спиш.

Самая многочисленная переселенческая волна относится ко 2-й половине XIII – началу XIV в., когда венгерские правители пригласили немецких гостей для заселения территорий, опустошённых после монгольских нашествий. Помимо собственной правовой системы, немецкие колонисты принесли в Венгрию (и, соответственно, в Словакию) более развитые формы сельского хозяйства, горного дела и торговли. В Средневековье немцы составляли самую богатую часть городского населения, где и занимали привилегированное положение, контролируя не только городскую администрацию и судебную систему, но и торговлю, ремесла и школы.

Следующую волну представляет расселение группы немецких анабаптистов (Новые христиане), которые в XVI–XVII вв. поселились в Южной Моравии и Западной Словакии. Первые последователи движения пришли в Моравию в 1526 г. из альпийских регионов. Их лидером был Й. Хаттер (также Хутер), поэтому их называют хаттеритами. Название «хабаны» (вероятно, от немецкого Haus haben – ‘иметь дом’) они получили только после прибытия в Словакию. Это слово использовалось только словацкими жителями региона, а сами анабаптисты считали его уничижительным (они называли друг друга братьями). Хабаны заселяли территорию Западной Словакии с середины XVI в. до первой четверти XVII в. Их присутствие стало возможным благодаря некаатолическому дворянству, разрешившему (в основном по экономическим причинам) им селиться, так как они были искусными ремесленниками, особенно в тех отраслях, которые были неизвестны или слабо развиты в стране (часть своей продукции они отдавали в качестве платы за защиту). Хабаны принесли с собой новые технологические приёмы в области керамического производства, металлообработки, обработки кожи и т. д., что было положительно воспринято и местным населением.

Следует отметить, что немецкие колонисты расселились по разным районам Словакии, чаще всего – в районе Малых Карпат, в Среднем и Нижнем Спише, в Центральнословацкой рудной области. Ими, например, в XIII в. был основан город Левоча в Восточной Словакии. В Братиславе, Спише и городах словацкого Рудногорья немцы составляли основное население.

В отличие от судетских немцев, карпатские немцы не заселяли географически компактную территорию, а до 1945 г. жили в основном в трех крупных районах (языковых островах): в Братиславе и окрестностях (около 49 тыс.), Гауэрланде (Центральнословацкая

рудная область – около 40 тыс.) и Спише (около 35 тыс.), меньшая часть (около 26 тыс.) расселились по всей Словакии (в основном в городах Зволене, Крупине, Жилине, Кошице, Бардеёве) [4].

Взаимные контакты людей разных национальностей и языков всегда находили отражение в языке. Слова иностранного происхождения попадали в словацкий язык разными путями. В основном это было прямое заимствование слов, которые обогащали словацкий язык немецкими, венгерскими, польскими и русинскими лексическими единицами, что было обусловлено обозначенными контактами, а также языковой близостью последних названных языков и их диалектов. К случаям прямого заимствования следует добавить латынь, так как этот язык функционировал в качестве официального языка и языка церкви в многонациональном монархическом государстве почти до конца XVIII в., когда при правителе Иосифе II главным стал немецкий язык. Длительное существование двуязычия стало одной из основных причин перехода слов из одного языка в другой. К непрямым процессам заимствования относим результаты влияния немецкого языка как посредника в усвоении лексики итальянского, французского, английского, польского и другого происхождения на словацкий язык.

Итак, в словацком языковом пространстве бытовало несколько языков. Иоханнес Вебер, бургомистр города Прешова, в своем труде «Янус Бифронс», изданном в городе Левоча в 1662 г., писал, что Wenden/Winden (так автор называл словаков) в Прешове были трехязычными, с детства говорили на словацком, немецком и венгерском, а образованные люди добавляли к этим языкам латынь в качестве четвертого (в то время официального) языка [14].

Таким образом, проникновение лексики немецкого происхождения в словацкий язык можно объяснить средневековой колонизацией, длительным сосуществованием немецкого и словацкого населения. Кроме того, важно подчеркнуть, что в определённый период немецкий был официальным языком империи. Однако, безусловно, не следует забывать, что слова из немецкого языка заимствовались не только в Средневековье, но и в последующие исторические периоды.

Анализ заимствований из немецкого языка

Исследуемую лексику с точки зрения функционирования можно разделить на две группы:

а) германизмы, которые стали частью литературного словацкого языка и используются до сих пор. К ним относятся лексемы *šnúra* (e Schnur ‘шнур’), *flaša* (e Flasche ‘бутылка’), *fúra* (e Fuhre ‘фура, воз’; ‘куча, уйма’), *furman* (r Fuhrmann – тот, кто занимается перевозкой

грузов на повозке, архаичное слово), *brak* (s Brack ‘брак’), *cibula* (e Zibolle / e Zwiebel ‘лук’), *fara* (e Pfarre ‘приход’), *marcipán* (r/s Marzipan ‘марципан’), *marhuľa* (e Marille ‘абрикос’), *maršál* (r Marschall ‘маршал’), *matrika* (австрийск.-нем. e Matrik, вариант нем. e Matrikel – ‘метрика, метрическая книга’), *placka* (r Platz – от *platzen* – трескаться – ‘лепёшка’), *plech* (s Blech ‘противень’), *proviant*, воен. (r Proviant ‘провиант’), *richtár* (r Richter ‘староста’), *cech* (e Zeche ‘цех’), *cúvať* (разг. *tsoufn* ‘отступать, ехать задним ходом’), *triafať/trafiť* (*treffen* ‘попасть в цель’, ‘найти дорогу’), *patrola* (e Patrolle ‘патруль’ – из фр. *patrouille* [6: 428], *žemľa* (e Semmel – ‘булка’ из лат. *simila*) [6: 694] и др.;

б) германизмы, распространённые в разговорной речи и диалектах. К ним относятся: *šuter* ‘гравий, щебень’ – восходит к немецкому r *Schotter*, литературный словацкий аналог – слово *štrk*; *šuster* – транслитерация немецкого слова r *Schuster* ‘сапожник’ (лит. *obuvník*), *šmalec* – от s *Schmalz*, что означает ‘сало’ (лит. *mast*), слово *kripel’* (r *Krüppel*) – ‘калека’ (лит. *mrzák*). Исходное значение следующей лексической единицы *fuška* (от e *Pfuscherei*) ‘непоследовательная работа’, но в словацком языке употребляется в переносном значении. Словарь современного словацкого языка предлагает следующие три значения: ‘1. разг. ‘работа, выполняемая как подработка, помимо основной рабочей ставки’; 2. разг. ‘незаконное занятие (ремесленнической) профессией’; 3. разг. экспр. ‘тяжелая работа, изнурительный труд’ [8: 1035]. Слово *fuška* стало центром словообразовательного гнезда, в которое входит несколько существительных (*fuškár*, *fuškárka*, *fuškárstvo*), глаголов (*fuškáriť*, *fuškárčiť*, *fušovať*) и прилагательное (*fuškársky*) [8: 1035].

С лексической точки зрения мы можем выделить две группы германизмов в словацком языке. Первую группу составляют лексемы, которые имеют эквивалент – синоним с соответствующим значением в литературном словацком языке: (разг.) *štrimfl’a* (r *Strumpf* ‘чулок’) – *pančucha*, (разг.) *štrikovať* (*stricken* ‘вязать’) – *pliešť*, (разг.) *šmakovať* (*schmecken* ‘нравиться’) – *chutiť*, (диал.) *firhang* (r *Vorhang* ‘занавес’) – *záclona*, (диал.) *špiglo* (r *Spiegel* ‘зеркало’) – *zrkadlo*. Во вторую группу входят те, у которых наблюдается сдвиг в семантике: *grati* (e *Geräte* ‘инструменты’) – в диалекте означает ‘посуда’; *gánok/ganek* (r *Gang* ‘коридор’) – диал. ‘балкон, коридор’; *reklík* (s *Röcklein* ‘юбка’) – диал. ‘рубашка младенца’.

Заемствованные слова адаптируются в языковой системе, приобретают соответствующие морфологические характеристики, включаются в словацкую систему склонения, спряжения. Встречаются случаи, когда род существительных определяется по аналогии с литературным наименованием. В качестве примера можно представить существи-

тельное *špiglo* (r *Spiegel* 'зеркало'): в немецком языке существительное относится к мужскому роду, а в словацком, аналогично литературному *zrkadlo*, – к среднему.

Германизмы в словацкой лексике можно разделить на несколько лексико-тематических групп в соответствии со сферой функционирования:

(1) предметы быта: *deka* (e *Decke* 'одеяло'), *matrac* (e *Matratze* 'матрас'), *hokerlík* (r *Hocker* 'стульчик с местом для хранения, размер кухонного стула, но без спинки'), *špajza* (e *Speisekammer* 'кладовка'), *šporhelt*, *šparhet* (r *Sparherd* 'печь, плита'), *brile* (e *Brille* 'очки'), *flaša* (e *Flasche* 'бутылка'), *fusak* (r *Fußsack* 'детский конверт'), *kanva* (e *Kanne* 'лейка'), *škátula* (e *Schatulle* 'коробка');

(2) одежда и ее производство: *hakľovať* (*häckeln* 'вязать крючком'); *hosentragle* (r *Hosenträger* 'подтяжки'); *šiltovka* (e *Schildmütze* 'кепка'); *šlajer* (r *Schleier* 'вуаль, фата'); *štrikovať* (*stricken* 'вязать'), *štepovať* (*steppen* 'стегать'), *šnurovat'* (*schnüren* 'шнуровать, стягивать шнурком');

(3) еда и напитки: *beštelovať* (*bestellen* 'заказывать'), *dunstovať* (*dünsten* 'тушить, например мясо'), *frištik* (r *Frühstück* 'завтрак'), *grís* (r *Griesbrei* 'манная крупа, манная каша'), *knedľa* (r *Knödel* 'кнедлики'), *košťovať* (*kosten* 'пробовать, стоить'), *kuchyňa* (e *Küche* 'кухня'), *placka* (*platzen* – трескаться – 'ленёшка'), *šnicľa* (r *Schnitzel* 'шницель'), *šnaps* (r *Schnaps* 'шнапс'), *šunka* (r *Schinken* 'ветчина'), *pasírovať* (*passieren* 'протираť'), *šmakovať* (*schmecken* 'нравиться' – от нем. 'пробовать на вкус');

(4) рабочие инструменты и материал: *hák* (r *Hacken* 'крючок'), *mangel* (e *Mangel* 'каток для белья'), *šmirgel'* (r *Schmirgel* 'шлифовальная бумага'), *špachtľa* (r/e *Spachtel* 'шпатель'), *rošt* (r *Rost* 'решётка'), *drôt* (r *Drath* 'проволока'); *špagát* (r *Spagat* 'шпагат, верёвка'), *šindľa* (e *Schindel* 'мелкая галька'), *knôt* (r *Knoten* 'фитиль');

(5) глаголы, обозначающие человеческую деятельность: *bigľovať* (*bügeln* 'гладить, утюжить'), *glancovať* (*glänzen* 'полировать, глянцевать'), *hecovať* (*hetzen* 'подстрекать, разг. 'подзуживать, науськивать'); *montovať* (*montieren* 'монтировать, собирать, устанавливать'), *pucovať* (*putzen* 'чистить, полировать'), *šmirgľovať* (*schmirgeln* 'шлифовать'), *vinšovať* (*wünschen* 'поздравлять');

(6) административная и деловая сфера: *cifra* (e *Ziffer* 'цифра'), *kasa* (e *Kasse* 'касса' – из итал. > нем. > словац., ср.: в рус. яз. < польск. < нем.), *jarmok* (r *Jahrmarkt* 'ярмарка' – ср.: в рус. яз. < польск. < нем.), *interes* (s *Interesse* 'интерес' – ср.: в рус. яз. < польск. < нем.), *štempel'* (r *Stempel* 'печать, штемпель');

(7) транспорт: *blinker* (r *Blinker* 'поворотник, указатель поворота'), *kufor* (r *Koffer* 'чемодан'), *štreka* (e *Strecke* 'путь, дорога'), *karovať/kérovat'*

(kehren 'вести машину, поворачивать'), *blikat* (blicken 'мигать');

(8) здания и их части: *cokel* (r Sockel 'цоколь'), *hala* (e Halle 'зал; холл, вестибюль'), *dila* (e Diele 'половая доска');

(9) здоровье, болезни: *blatfús, platfus* (r Plattfuß 'плоскостопие'), *hexenšús* (r Hexenschuss 'боль в пояснице, крестце'), *šlak* (r Schlag 'инсульт'), *špital* (r Spital 'госпиталь'); *maród* (marode 'больной');

(10) военное дело: *bunker* (r Bunker 'бункер' – от англ. через нем.), *front* (e Front 'фронт'), *láger* (r Lager 'лагерь'), *árešt* (r Arrest 'тюрьма'), *fakla* (e Fackel 'факел'), *maršál* (r Marschall 'маршал'), *patrola* (e Patrolle 'патруль'), *patrón* (e Patrone, от фр. и лат. 'патрон'), *láger* (r Lager 'лагерь'), *verbovať* (werben 'вербовать'), *regiment* (s Regiment – от лат. regimentum 'полк'), *mundúr* (e Montur, от фр. Monture 'форма (военная)', Proviant (r Proviant – от лат. Praebenda 'провиант, продовольствие для военных');

(11) хозяйство: *fúra* (e Fuhre 'фура, воз'), *grunt* (r Grund 'земля, участок'), *šora* (r Schuppen 'сарай', ср.: в юж.-рус. гов., в псков. *шона/шофа* > 'сарай'), *planírovať* (planieren 'выравнивать, планировать' – от лат. 'равнина, ровнять, нем. – посредник), *sviňa* (s Schwein 'свинья');

(12) номинации лица, внешности, черт характера: *fešák* (ein fescher Kerl / ein Fescher 'красавец, шикарный мужчина'), *frizúra* (e Frisur 'причёска'), *frajer* (r Freier 'парень'), *vandrák* (r Wanderer 'бродяга, оборванец'), *truc* (r Trotz 'упрямство, каприз'), *špicel* (r Spitzel 'доносчик'), *lump* (r Lump 'мерзавец, негодяй'), *grobian* (r Grobian 'грубиян'), *frajla* (s Fräulein 'молодая девушка', но в словацком языке слово получило негативную коннотацию > 'девушка лёгкого поведения').

Единичные номинации представляют разные семантические группы. Так, слова *štólňa* (r Stollen 'штольня'), *šachta* (r Schacht 'шахта, рудник'), *pumpa* (e Pumpe 'насос', разг. 'бензоколонка'), *šichta* (e Schicht '(трудовая, рабочая) смена') относятся к производственной сфере.

Еще одну группу заимствований из немецкого языка составляют антропонимы. Жителей нынешней Словакии сначала называли по собственным именам, и идентификатором было имя отца (аналог отчества), прозвище, профессия или место жительства. Средневековый период, к которому относится и заселение немцами современной Словакии, характеризуется созданием фамилий для более точной идентификации и регистрации населения. Особенно это касается периода XIV–XVI вв., хотя самые старые фамилии датируются XII–XIII вв. [5: 111–112].

Антропонимы, которые приводятся в данной статье, – это реальные фамилии, встречающиеся и в наше время в районе Центральной Словакии, а именно в городе Брезно (Bries). Фамилии образовывались несколькими способами. Они формировались на базе имени собственного, которое становилось одновременно и фамилией: *Kolman*

(Кольман) – австрийское имя, имя святого (< от Кельт, Кольманус) [1: 104]; *Lámer/Lamoš/Lamper* (Ламмер/Ламос/Лампер) происходит от адаптированного на словацкой почве немецкого имени Ламберт/Лампрехт [1: 109]; Ролко – уменьшительная номинация от немецкого имени Роланд [1: 110].

Второй способ представляют фамилии, образованные от места проживания: фамилия *Schwarzbacher* (Шварцбахер) мотивирована словами «Schwarz+Bach+er» (черный + ручей + суффикс), обладающая значением ‘тот, кто живёт у Чёрного ручья’ (‘тот, кто с Чёрного ручья’) или же *Weissenbacher* (Вайсенбахер) – «Weiss+en+Bach+er» (белый + ручей + суффикс) – ‘тот, кто живёт у Белого ручья’ (функционирует и в сокращенной форме *Weissbacher* – Вайсбахер) [1: 211].

Фамилии возникали на основе профессии, которой занимался человек. Так, антропоним *Scherer* образован от профессии стригалы (вероятно, овец): существительное *Schære* ‘ножницы’, глагол *scheren* ‘стричь’ сейчас фиксируется в форме *scheren* > глагольная основа + словообразовательная морфема -er) [1: 117, 259]. На базе глагола *gerben* (‘выделывать кожу’) образовалось название профессии – кожевник, и отсюда > фамилия *Gerbery* (в наименовании Герберы – [y] указывает на члена семьи – выходца из семьи *Gerber*) [1: 323]. Название *Heidelmeier* (Гейдельмайер), вероятно, произошло от лат. *maior*, означающего управляющего помещьем (крупный, зажиточный крестьянин) [1: 210]. Первая часть композита – название двора, возможно, владельца. К этой группе относятся фамилии *Majer*, *Majoránsky* (Майер, Майоранский). Фамилия *Richter* (Рихтер) указывает на судью, а *Gierti* (Гиертли) и *Giertl* – на ремешника (‘тот, кто делал пояса, ремни’; производящее слово *Gürtel* ‘ремень’) [1: 270]. *Šuránek* (Шуранек) был разжигателем огня в печи (*schüren* ‘разжигать огонь в печи’) [1: 261], а *Šrámka* (Шрамка) занимался лесозаготовкой и лесным хозяйством (*Schrammen* ‘зубчатый калибр на пилораме’, *schremmen* ‘регулировать зубчатый калибр на пилораме’) [1: 264].

В основе мотивации лежат отличительные черты характера и физическая характеристика человека. При формировании фамилий частотна подобная модель именования. Например, *Floch* (Флох) образовано на базе прилагательного *flach* ‘плоский, прямой, гладкий’ [1: 339], а *Schön* < от слова ‘красивый’ [1: 339]. Слово *Vais* известно в разных вариантах: наименование *Wais*, *Vajs*. *Weiss* возникло на базе цвета, в данном случае белого [1: 340], а *Wick* (*Wig*, диалектное *wik*-) восходит к *wenig* ‘маленький’ [1: 338]. Происхождение фамилии *Baldovský* связано с основой прилагательного *balt* ‘смелый, дерзкий’ (ср: наречие *balde*) [1: 341]. Поскольку в прошлом не было нумерации домов, то люди ставили на двери пиктограммы. Их наименования

также могли лечь в основу антропонима: *Wolf* ‘волк’ (также *Volf*), *Engel* ‘ангел’ [5: 111–112].

Обратим внимание на интересный факт: бывший (второй) президент Словакии относится к карпатским немцам, и его фамилия Шустер восходит к названию профессии > ‘сапожник’ [1: 269]. В чешском языке также функционируют антропонимы немецкого происхождения, о чём пишет Ян Бенеш [1].

Наше исследование показало, что при заимствовании германизмов происходят изменения в области орфографии и графики: *r Rat* > *rada* (‘совет’), *e Farbe* > *farba* (‘цвет’), *s Ziel* > *ciel* (‘цель’), *s Los* > *lós* (‘жребий’), *e Hütte* > *huta* (‘металлургический завод’). Процесс заимствования может сопровождаться расширением значения слова: существительное *fenig* стало употребляться не только для обозначения монеты, но и денег вообще; *bažant* функционирует как наименование новобранца и медицинской «утки». Сужение семантики обнаружено в слове *fúra*, которое означало сначала ‘путь, езду вообще’, а позже – ‘повозку, её содержимое’. Изменение в семантике отмечаем в лексеме *financ*. В языке-источнике оно закрепилось для наименования финансовой системы, а в словацком сузило семантику до обозначения сотрудника финансовой или налоговой системы.

Адаптация германизмов нередко сопровождается изменением стилистической маркировки. Приобретение негативной коннотации наблюдается у слова *hajzel* < *s Häusel*. Исходное немецкое наименование дома в словацком языке употребляется для обозначения уборной, сортира (разг.) и в качестве бранного слова > ‘сволочь, паршивец’. Лексема *herberk* < *e Herberge* в немецком языке имела значение ‘ночлежный дом’, но в словацком языке этим словом называется ‘беспорядок, неурядица’. А обозначение магазина (*e Butikee* / *e Boutique* ‘маленький магазин’ – из франц. > нем. > словац.) в словацком языке трансформировалось в ‘низкосортный кабак’ под названием *putika* (разг., уничижит.) [13: 30–32].

При сопоставлении процессов заимствования из немецкого языка в словацком и русском языках обнаруживаются как черты сходства, так и отличия. Больше всего аналогичных результатов заимствования наблюдается в лексике, относящейся к административно-деловой и военной сферам, но встречаются и в других, как например, слова *матрас*, *шпатель*, *шпагат*, *глянцевать*, *монтировать*, *цоколь*, *шахта*, *фура*, *штольня*. Номинация с отрицательной коннотацией и переносной семантикой *свинья* (бран.) широко распространена в словацком языке. Слово *свинья* ‘животное’ широкоупотребительно, однако под влиянием немецкого языка у него возникло переносное значение и лексема стала использоваться в словацкой разговорно-просто-

речной стихии как ругательство (ср.: то же самое в русском языке). Особо отметим слова *шпитал* и *госпиталь*, которые совпадают по значению, но образованы формально от разных слов. В русском языке это нем. *Hospital* 'лечебное учреждение, больница' [15], а у словаков заимствована его сокращённая форма – существительное *Spital* с той же семантикой.

В отдельных случаях зафиксированы похожие по форме лексические единицы с частично совпадающим значением. Слово *фляга*, восходящее к немецкому *e Flasche* – не просто бутылка, а 'плоский сосуд, иногда оплетённый или обшитый чем-н., приспособленный для ношения на поясе или через плечо' или же 'большой сосуд с крышкой для перевозки жидкостей' [15]. Расхождение значения обнаруживаем при сопоставлении словацкого слова *frejla* и русского *фрейлина*. Словацкое слово, кроме устаревшего значения 'взрослеющая девушка, незамужняя женщина, гувернантка', содержит смысл 'грубоватое обозначение женщины лёгкого поведения'. А в русском языке – это 'придворное звание, дававшееся представительницам знатных дворянских фамилий, состоящим в свите императрицы, королевы, великих княгинь и принцесс; лицо, носящее это звание' [15], что переводится на словацкий как 'dvorná dáma'. И значение следующей единицы *frajer*, заимствованной из немецкого *r Freier* 'жених' (производное от *freien* 'свататься, жениться'), отличается по значению в исследуемых языках. В словацком актуальна семантика, общая с семантикой языка-источника: 'парень, молодой человек', русский эквивалент означает любого мужчину > (прост.) 'тот, кто нарядно, модно одет; щёголь, франт' [15].

В рамках исследования обнаружены определённые сходства в бытовании германизмов в славянских языках. Так, лексема *шнур*, образованная от немецкого *e Schnur*, встречается во всех западнославянских языках: *šnúra* (слов.) / *šňůra* (чеш.) / *sznur* (польск.). Совпадение наблюдается и у слов *патуша* (*s Rathaus*) – *radnica* (слов.), *radnice* (чеш.), *ratusz* (польск.) и *цех* (*e Zeche*) – *cech/cech/cech*. Все указанные лексемы функционируют и в русском языке. Среди проанализированных германизмов были зафиксированы формы, известные западнославянским языкам, но в русском им соответствуют другие лексемы: *farba* (от немецкого *e Farbe*) находим в польском (*farba*) и чешском (*barva*) языках, а на русский язык это слово переводится как *цвет*. Словоформы *šuplík*, *šuflík* (*e Schublade*) – *šuplík* (чеш.), *szuflada* (польск.), а в русском языке – это *ящик*. И слова *šora* (слов. и чеш.) и *szora* (польск.) – тоже германизмы. Последнее восходит к немецкому < *r Schuppen* (образовано на базе средневерхненемецкого *schopf(e)*), в русском языке соответствует другая

единица – *saraj*. А слово *celta* (s Zelt) заимствовано словацким и чешским, но в польском это *brezent*, что совпадает с русским *брезент*. Аналогично *flaša, flaška* (слов.), разг. *flaška* (чеш.) < e Flasche, но *бутылка* и *butelka* (польск.). Лексема *фартук* (r Vortuch) встречается в польском – *fartuch*, в словацком языке представлена в диалектах в вариантах > *fertuch/fartuch*, но не встречается в чешском языке. В некоторых случаях наблюдается функционирование аналогичных германизмов в русском и польском языках: *buchalter* – в польском, *бухгалтер* – в русском (r Buchhalter), а в словацком и чешском с этой семантикой употребляются слова с другим корнем: *účtovník* и *účetni* соответственно.

Заключение

В центре нашего внимания были процессы заимствования германизмов словацким языком. Как отмечалось, значительная часть таких единиц была заимствована в период Средневековья, особенно при колонизации немцев территории нынешней Словакии (599 единиц). Германизмы широко представлены в литературном словацком языке. Они являются частью активного словарного запаса и не воспринимаются носителями языка как «неродные». Заимствованная лексика немецкого происхождения употребляется и в отдельных диалектах. Некоторые из анализируемых лексических единиц зафиксированы и в других славянских языках. При их сопоставлении обнаруживаем общее в усвоении и функционировании слов немецкого происхождения. Усвоены и практически одинаково используются в западнославянских языках слова *шнур, ратуша, цех* (эти слова заимствованы и в русском языке), *šuplík, šora, farba* (в русском языке это *ящик, сарай, цвет*). Некоторые отличия выявлены в западнославянских языках, например, функционирует слово в словацком, но отсутствует в чешском или польском, однако обнаружено в аналогичной форме и с той же семантикой в русском языке: *celta* (слов., чеш.) / *брезент* (польск, рус.); *flaša, flaška* (слов.), *flaška* (чеш.) / *butelka* (польск.), *бутылка* (рус.); *buchalter* (польск.), *бухгалтер* (рус.) / *účtovník* (слов.), *účetni* (чеш.).

При переводе германизмов словацкого языка на русский язык обнаружены совпадения на семантическом и формальном уровне в лексико-тематической группе, обозначающей административную и военную сферу. На наш взгляд, это обусловлено тем, что Словакия была частью Австро-Венгерской империи и, естественно, испытывала влияние немецкого языка, на основе заимствований из которого формировался терминологический аппарат названных выше сфер человеческой дея-

тельности (ср.: в России, особенно в Петровскую эпоху, заимствовались аналогичные лексические единицы). В результате анализа было выявлено, что в некоторых случаях близкие по форме лексические единицы могут не полностью совпадать по значению (*фляга, фрейлина, фраер*). С другой стороны, некоторые заимствования освоены и активно используются в русском языковом пространстве, но не встречаются в словацком языке (*бухгалтер, бутерброд, галстук, юнкер, ефрейтор*).

Следует отметить, что как в западнославянских языках, так и в русском процессы заимствования и адаптации часто осуществлялись с помощью языка-посредника. Так, в словацком языке заимствования из латинского, итальянского, французского и других языков происходили при посредстве немецкого языка (см. примеры в лексико-тематических группах: *patrola, patrón, proviant, matrac* и др.; ср.: языком-посредником при усвоении немецкой лексики в русском языке часто выступал польский язык). Таким образом, при помощи языков-посредников осваивалась и усваивалась терминологическая лексика разных сфер производства, строительства, военного дела.

В заключение можно сказать, что германизмы составляют значительный пласт в национальном словацком языке во всех его разновидностях: они прочно вошли как в литературный словацкий язык, так и в нелитературные пласты языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beneš J. Německá přijmění u Čechů I-II. Brno: UJEP, 1998. 359 s.
2. DUDEN Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 839 S.
3. Doruľa J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava: Veda, 1977. 136 s.
4. Encyklopaedia Beliana – slovenská všeobecná encyklopédia. SAV. URL: <https://beliana.sav.sk/> (дата обращения: 21.10.2024).
5. Ernst P. Deutsche Sprachgeschichte. Wien: Facultas WUV, 2012. 252 S.
6. Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, 2015. 704 s.
7. Papsonová M. Historische Entwicklung des Deutschen. Prešov: Filozofická fakulta, 1990. 171 s.
8. Slovník súčasného slovenského jazyka. A–G / Šéfred. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2006. 1134 s.
9. Slovník súčasného slovenského jazyka. H–L / Šéfred. A. Jarošová, K. Buzássyová. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2011.

1087 s.

10. Slovník súčasného slovenského jazyka. M–N / Šéfred. A. Jarošová. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2015. 1100 s.

11. Slovník súčasného slovenského jazyka. O–Pn / Šéfred. A. Jarošová. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2021. 1128 s.

12. Stedje A. *Deutsche Sprache gestern und heute*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1989. 223 S.

13. Tóth S.J. *Z funkčno-pragmatických aspektov kontaktovej a areálovej lingvistiky*. 1. vyd. Ružomberok: Verbum, 2013. 104 s.

14. Weber J. *Ianus Bifrons Seu Speculum Physico-Politicum Das ist Naturlicher Regenten-Spiegel*. Leutschaw: Brewer, 1662. doi: 10.25673/opendata2-19307

15. Грамота – справочно-информационный портал о русском языке. URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения: 23.10.2024).

REFERENCES

1. Benes, J. (1998) *German surnames among the Czechs I-II*. Brno: UJEP.

2. DUDEN. (1989) *Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache*. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag.

3. Dorula, J (1977) *Slováci v dejinách jazykových vzťahov*. Bratislava: Veda.

4. *Encyklopaedia Beliana – slovenská všeobecná encyklopédia*. [Online] Avaiable from: <https://beliana.sav.sk/> (Accessed: 21st October 2024).

5. Ernst, P. (2012) *Deutsche Sprachgeschichte*. Wien: Facultas WUV.

6. Králik, L. (2015) *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV.

7. Papsonová, M. (1990) *Historische Entwicklung des Deutschen*. Prešov: Filozofická fakulta.

8. Buzássyová, K. & Jarošová, A. (eds) (2006) *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

9. Buzássyová, K. & Jarošová, A. (eds) (2011) *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

10. Buzássyová, K. & Jarošová, A. (eds) (2015) *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

11. Jarošová, A. (ed.) (2021) *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

12. Stedje, A. (1989) *Deutsche Sprache gestern und heute*. München: Wilhelm Fink Verlag.

13. Toth, S.J. (2013) *Z funkčno-pragmatických aspektov kontaktovej a areálovej lingvistiky*. Ružomberok: Verbum.

14. Weber, J. (1662) *Ianus Bifrons Seu Speculum Physico-Politicum Das ist Naturlicher Regenten-Spiegel*. Leutschaw: Brewer. [Online] Avaiable from: <http://>

[dx.doi.org/10.25673/opendata2-19307](https://doi.org/10.25673/opendata2-19307) (Accessed: 21st October 2024).

15. *Gramota*. Reference and information portal about the Russian language. [Online] Available from: <https://gramota.ru/> (Accessed: 23rd October 2024).

Саболова Драгомира – доцент кафедры иностранных языков Педагогического факультета Католического университета в г. Ружомберок (Словакия).

Drahomira Sabolova – Catholic University in Ružomberok (Slovakia).

E-mail: drahomirasabolova@gmail.com

Кашова Мартина – профессор института германистики и романистики Философского факультета Прешовского университета в г. Прешов (Словакия).

Martina Kasova – University of Prešov in Prešov (Slovakia).

E-mail: martina.kasova@unipo.sk

Харламова Марина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия).

Marina A. Kharlamova – Omsk State University (Russia).

E-mail: khr-spb@mail.ru

УДК 81'23

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/11

Восприятие концептуального и грамматического числа русского языка китайско-русскими инофонами

В.Е. Владимирова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: picture_perfect@mail.ru

Авторское резюме

Представлены результаты экспериментального исследования когнитивной обработки грамматического числа русского языка носителями русского языка как родного и инофонами. Количественные отношения в языках чаще всего выражаются последовательно: если объект представлен в единственном экземпляре, то употребляются формы единственного числа; если объектов несколько, то используется форма множественного числа. Хотя количество единиц в парадигме категории числа в разных языках может варьироваться, основное правило остаётся неизменным. В случаях, когда подсчёт объектов в единицах невозможен, речь идёт о вещественных, неисчисляемых существительных. Но наряду с грамматическим можно говорить ещё о концептуальном числе, которое при употреблении вещественных существительных может быть не только несогласованным с грамматическим числом, но и выражаться с помощью дополнительных счетных слов. Понимание концептуального числа и отображение его в грамматике помогает выявить различия в когнитивных структурах носителей разных языков. В русском языке концептуальное число также может не соответствовать грамматическому (вещественные существительные всегда употребляются в форме единственного числа). В отличие от славянских языков, в китайском языке отсутствует грамматическая категория числа, поэтому мы предполагаем, что когнитивная обработка существительных носителями китайского языка будет отличаться, но возможны пересечения в обработке концептуального числа. Носители русского языка, вероятно, более чётко различают грамматическое и концептуальное число, в то время как у носителей китайского языка это различие не настолько чёткое, что может проявляться в различной обработке вещественных и конкретных существительных. В статье обсуждаются паттерны обработки грамматической и кон-

цептуальной категории числа русского языка в зависимости от представленности грамматической категории числа в родном языке участника. Был проведён поведенческий эксперимент на принятие лексическо-синтаксического решения с фиксацией времени и точности реакции в программе PsychoPy. Результаты выявляют эффект конгруэнтности, а также эффект билингвизма при обработке категории числа в заданных экспериментальных условиях, что открывает новые фокусировки в изучении билингвизма и межкультурной коммуникации исследуемой языковой пары.

Ключевые слова: славянские языки, инофон, грамматическое число, концептуальное число, психолингвистический эксперимент, время реакции

Perception of conceptual and grammatical number of the Russian language by Chinese-Russian late bilinguals

Valeriia E. Vladimirova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: picture_perfect@mail.ru

Abstract

The article presents the results of an experimental study of cognitive processing of grammatical number in Russian by native and foreign speakers. Quantitative relations in languages are most often expressed consistently: if an object is presented in a single copy, then singular forms are used; several objects require the plural form. Although the number of units in the paradigm of the category of number may vary, the basic rule remains unchanged. In cases where counting objects in units is impossible, we deal with material, uncountable nouns. However, along with the grammatical number, there is the conceptual number, which, with material nouns, may not agree with the grammatical number or may be expressed with the help of additional count words. Understanding the conceptual number and its reflection in grammar will help to identify differences in the cognitive structures of native speakers of different languages. In Russian, the conceptual number also may differ from the grammatical one (material nouns are always used in the singular). Unlike Slavic languages, Chinese lacks a grammatical category of number, so we expect that Chinese speakers will process nouns differently. Native speakers of Russian are likely to distinguish grammatical and conceptual number more clearly, while this distinction may not be as clear for native speakers of Chinese, which

may manifest itself in different processing of mass and concrete nouns. This article discusses patterns of processing the grammatical and semantic category of number in Russian depending on the representation of the grammatical category of number in the participant's native language. A behavioral experiment on making a lexical-syntactic decision with recording the time and accuracy of the reaction was conducted in the PsychoPy software. The results reveal the effect of congruence, as well as the effect of bilingualism in processing the category of number under the given experimental conditions, which opens up new focuses in the study of bilingualism and intercultural communication of the studied language pair.

Keywords: Slavic languages, foreign language, grammatical number, conceptual number, psycholinguistic experiment, reaction time

Введение

Проблемы когнитивной обработки грамматических категорий частей речи привлекают внимание исследователей, работающих в разных плоскостях языкового контактирования, языковой идентичности и межкультурной коммуникации. Так, например, конференция «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (чтения памяти И.А. Анцупова)» ежегодно обращается к обсуждению результатов исследований, посвящённых языковым и культурным контактам в рамках секции «Межэтническое пограничье: проблема диалога культур; межэтнические взаимодействия в зонах контактов и этническая идентичность». Некоторые исследования выполняются на методологической основе экспериментальной и когнитивной психолингвистики в широком спектре проблем обработки языковых единиц славянских языков, как, например, в [1; 3]. Разные аспекты исследования славянских языков представляются и на других международном форумах (например, ежегодная конференция «Русский язык в многоязычном мире», ВШЭ, г. Москва), хотя в области психолингвистики исследований представлено не так много.

Вопросы когнитивной обработки грамматических форм и в частности грамматической категории числа и связи с концептуальным числом как носителями языка, так и инофонами, менее представлено в научном сообществе по сравнению с обсуждением именных грамматических категорий – род и падеж – ввиду разных структурных и психолингвистических особенностей. Однако проблема когнитивной обработки числа включается в разработку более общих теоретических концепций, таких как хранение частных грамматических значений и грамматических парадигм в менталь-

ном лексиконе носителя языка, как родного, так и усваиваемого, а также соотношения семантики и формы в процессе когнитивной обработки.

Грамматическая категория числа имеет преимущественно последовательное выражение в разных языках мира, она отражает непосредственное значение количества объектов действительности: обычно различаются единично и неединично представленные объекты, также в парадигму может быть включено двоичное представление объекта. Однако во многих языках выражение неединичности неодушевлённых объектов не является обязательным вовсе [14], что подтверждает меньшую значимость неодушевлённых объектов. Также грамматическая категория числа может быть связана и с другими грамматическими категориями, например с конкретностью/абстрактностью или определённой [5]. Связь с другими грамматическими категориями также осложняет определение влияния грамматической категории числа на формирование когнитивных структур, актуализирующих количественные отношения.

В России в последние годы качественно меняется направление межкультурных и, соответственно, межъязыковых связей, в Российских университетах растёт количество китайских студентов и партнеров. В связи с этим актуализируются проблемы культурного и языкового взаимодействия носителей типологически разных языков, а также их межъязыковой интерференции. Русский славянский и китайский сино-тибетский языки структурно значительно отличаются, поэтому славянские языки с развитой морфологией сложны для усвоения носителям сино-тибетского изолирующего языка.

Исследования учебного билингвизма предоставляют множество данных как о процессах усвоения неродного языка, так и о межъязыковой интерференции [8; 16]. Хорошо изучен билингвизм на материале германских и романских языков [17; 28], однако славянский русский и сино-тибетский китайский языки представлены в данной парадигме меньше [23].

Обращение к этой паре языков в области обработки грамматических категорий является актуальным вследствие высокой морфологической развитости русского языка при выражении грамматических категорий и малой представленности грамматических категорий и форм в китайском языке. Мы предполагаем, что при изучении русского языка (РЯ) носитель китайского языка как родного формирует новые когнитивные связи и ячейки для определённых грамматических категорий. Психолингвистические исследования нацелены на то, чтобы узнать, формируются ли эти когнитивные связи и каким образом они формируются [9].

Изучение влияния грамматической категории числа на восприятие мира человеком в основном представлено в исследованиях связи цифр и категории числа на материале языков, в которых нет цифр и категории числа [21], а также в исследованиях усвоения количественной информации детьми, носителями разных языков [11; 26; 27]. Исследование когнитивных процессов при обработке категории числа взрослыми носителями в основном встречается при изучении обработки синтаксической информации, где категория числа рассматривается наряду с другими категориями [1; 2; 11; 13; 22; 25]. При анализе обработки грамматической категории вне контекста взрослыми носителями языка исследователи обращаются к смежным дихотомическим категориям имени, таким как счётность/несчётность и конкретность/вещественность [15; 18].

Наряду с грамматическим числом выделяется концептуальное число, которое также исследуется во взаимосвязи с грамматическим числом, особенно при актуализации смежных категорий [22]. N. Fieder, H.C. Wang, B. Biedermann, L. Nickels в 2017 г. представили первое исследование эффектов обработки концептуального числа вещественных существительных вне контекста на материале английского языка [15].

В области исследований языка особое внимание уделяется взаимодействию языков в сознании людей, владеющих иностранным языком, а также соответствующей картине мира при восприятии и производстве данного языка. Устоявшаяся языковая картина мира взаимодействует со смыслами и концептами, представленными в изучаемом языке, создавая сложные отношения между разными языковыми структурами.

Изучение сложных связей между различными картинками мира в сознании инофона представляет особый интерес с точки зрения грамматических категорий, которые могут по-разному выражаться в родном и изучаемом языках. Процесс естественного усвоения языка инофоном может также зависеть от уровня соответствия качественного и количественного состава грамматических категорий [10], представленных в языках, которыми владеет инофон.

И в их числе сложную структуру связей имеет грамматическая категория числа, поскольку у неё есть разные уровни регулярности, способы выражения и количество уровней парадигмы. Для нашего исследования важно, что в родном языке инофонов (носителей китайского языка) грамматическая категоризация числа отсутствует, а в русском языке представлена двухместной парадигмой, нерегулярной в периферии.

Как мы указывали выше, часто изучение числа проводится в рамках усвоения языков детьми либо в связи с другими грамматическими

категориями. Исследования продемонстрировали, что существует тесная связь между грамматическими и когнитивными концепциями у монолингвов [19]. Недавние исследования также показали, что билингвы, языки которых различаются по грамматическим концепциям, могут менять свои когнитивные предпочтения в зависимости от уровня владения языком [7] или культурного погружения [6; 12]. Эти результаты показывают, что приобретение новых грамматических категорий приводит к когнитивной реструктуризации в двуязычном сознании и имеет последствия для взаимосвязи между языком и когнитивной обработкой. Грамматическая структура языка может влиять на когнитивные структуры определённым образом, и предполагают, что усвоение второго языка может изменить эти когнитивные структуры, установленные первым языком [7]. Похожие исследования посвящены онлайн-обработке существительных разных типов на материале корейско-английского билингвизма [20]. Показано, что билингвы при обработке опираются на лексико-семантическую информацию, а не грамматическую (билингвы имеют трудности с усвоением маркировки множественного числа).

Таким образом, носитель языка, погружаясь в новую языковую среду, а соответственно, и картину мира, опирается в когнитивной деятельности на уже имеющиеся когнитивные структуры, однако с увеличением уровня владения языком когнитивные структуры, сформированные благодаря грамматическому строю родного языка, входят во взаимодействие с усвоенными когнитивными структурами, которые выстраиваются под влиянием усваиваемого второго языка. В отношении количественной информации создаются сложные структурные связи, поскольку при отсутствии грамматической категоризации числа, концептуальное число отсутствовать не может в силу необходимости счёта и определения количества предметов.

В нашей статье мы изучаем схожую языковую ситуацию на примере взаимодействия китайского родного языка инофона с изучаемым русским языком. Респондентами выступают поздние функциональные билингвы, начавшие изучать русский язык в академической практике.

Гипотеза исследования заключается в том, что при восприятии вещественных имён существительных русского языка проявятся разные паттерны активации группами респондентов (носители РЯ как родного и инофоны) формальных особенностей числа и концептуального числа.

Целью нашего исследования является экспериментальная проверка наличия различий в восприятии грамматической категории числа вещественных существительных носителем русского как родного и инофоном, обусловленных влиянием родного языка инофона, в котором отсутствует парадигма грамматического числа (китайский).

Это влияние может быть отражено в разных паттернах при активации формальных и концептуальных характеристик числа.

Далее охарактеризуем грамматическую категоризацию числа в исследуемых языках.

Грамматикализация количества имён существительных в языках мира: славянский (русский) язык vs сино-тибетский (китайский) язык

В китайском языке склонение существительных отсутствует, существительное нейтрально в отношении числа: оно может обозначать как единичный предмет, так и совокупность однородных предметов (в зависимости от контекста). Единственным морфологическим показателем числа является суффикс *men*, хотя он имеет ограниченное употребление. Суффикс *men* образует главным образом множественное число лиц и животных. Иногда данный суффикс присоединяется к существительным собственным в значении «и другие». В тех случаях, когда существительное бывает употреблено с числительным, оно не получает оформления суффиксом [5].

Таким образом, носитель китайского языка не опирается на морфологические показатели для определения количественных связей, и различия между единственным и множественным определяются только числительными. Простое употребление имени существительного обозначает объект как класс. Для того, чтобы указать на предметность или выделить предмет из класса объектов, используются классификаторы. Классификаторы – это служебные слова, указывающие, к какому классу относится существительное. Использование классификаторов ограничено употреблением существительного с числительными или местоимениями.

В русском же языке морфологическая категория числа существительных представляет собой словоизменительную категорию, которая отражается в системе двух противопоставленных рядов форм: единственного и множественного числа. Каждая форма существительного однозначно относится либо к единственному, либо к множественному числу.

Морфологические значения единственного и множественного числа отражают различия, связанные с единичностью и неединичностью предметов, обозначаемых существительными, во внеязыковом контексте. Существительные русского языка в зависимости от их лексико-грамматического разряда (ЛГР) могут иметь полную парадигму форм, а могут иметь либо формы только единственного числа, либо только множественного.

У существительных, представляющих названия конкретных одушевлённых и неодушевлённых предметов, обозначение единичности и множественности проявлено наиболее последовательно. Такие существительные составляют ядро лексической системы русского языка. В то время как существительные, имеющие формы только единственного или только множественного числа, являются словами с невыраженным противопоставлением по числу и формируют семантические группы, входящие в различные лексико-грамматические разряды существительных.

Формы единственного числа существительных с выраженной противопоставленностью по числу могут иметь две мотивации: а) могут соотноситься с реальной единичностью, б) не иметь такой соотносённости, т.е. употребляться в обобщённо-собирательном значении. К группе слов, лексические значения которых не позволяют выразить отношение «единичность – множественность», относятся: вещественные существительные (можно измерить, но нельзя пересчитать); собирательные существительные; существительные с отвлеченным значением. В случаях, когда необходимо выразить отношение «единичность – множественность», у некоторых существительных *singularia tantum* могут быть образованы формы множественного числа, при этом существует расхождение в лексических значениях форм единственного и множественного числа. Вещественные существительные во множественном числе обозначают виды, типы или сорта упоминаемых веществ [4]. Таким образом, основным значением грамматической категории числа в русском языке является разграничение единичности и неединичности предмета; далее, как мы предполагаем, следует обобщённо-собирательное значение. А к периферии относятся существительные с усечённой парадигмой по числу (вещественные, собирательные, абстрактные). Обобщённо-собирательное значение имени существительного в китайском языке является ядерным, однако различие единичности и неединичности как таковое отсутствует. Для указания предметности используются счетные слова и числительные – для указания количества определённых предметов. Учитывая эти различия языковых структур, мы предполагаем, что и когнитивные структуры носителей языков различаются. Так, носителями русского языка как родного наименования объектов прежде всего концептуально связываются с отдельным предметом, а носителями китайского языка как родного – с целым классом предметов.

Концептуальное число мы считаем универсальной категорией, присущей в одинаковой степени носителям русского и китайского языков. Носителям языков не представляется сложным различить количество

предметов как таковое вне зависимости от языковых рамок и правил. Если мы видим объект, мы можем определить его количество, будь это класс объектов, вещественное или собирательное. Однако в зависимости от структуры языка носители задействуют когнитивную нагрузку разной интенсивности при определении количества объектов. Особенно сложным для количественного определения видятся предметы, которые единичными быть не могут.

Мы проверяем, учитывают ли китайско-русские учебные билингвы грамматические особенности маркирования категории числа вещественных существительных русского языка при отсутствии грамматически выраженной категории числа в родном китайском языке или опираются только на концептуальное число.

Экспериментальное исследование

Повторим, что гипотеза нашего исследования заключается в том, что при восприятии противопоставленных по единичности-неединичности слов русского языка группами респондентов (носители РЯ как родного и инофоны) в разной степени будут активированы грамматические особенности, а также концептуальные количественные отношения. Для проверки данной гипотезы нами частично реплицируется исследование N. Fieder, H.C. Wang, B. Biedermann, L. Nickels 2017 г., в результате проведения которого были выявлены эффекты обработки концептуального числа вещественных существительных вне контекста [15]. Авторы экспериментально проверили возможность влияния информации о концептуальном числе на лексико-синтаксическую обработку вещественных существительных у здоровых носителей языка. Участникам были представлены изображения вещественных или конкретных существительных, изображенных как одиночные или множественные объекты, и их попросили решить, какой из двух определителей будет правильным грамматическим выбором для названия картинки. Критическая манипуляция заключалась в том, что для вещественных существительных правильный определитель мог быть конгруэнтным или неконгруэнтным по числу (в эксперименте 1 выбор был между определителями «a» и «some», в эксперименте 2 – между «this» для вещественных существительных и исчисляемых существительных в единственном числе и «these» для исчисляемых существительных во множественном числе). Для вещественных существительных «some» является правильным выбором, но имеет множественное семантическое число. Соответственно, были конгруэнтное (изображение нескольких головок чеснока и «some») и неконгруэнтное (изображение одной головки чеснока и «some»)

условия. Исчисляемые существительные неизбежно всегда совпадали по числу со своими определителями. В исследовании участвовала группа из 30 участников (средний возраст – 20–47 лет). Половина изображений (30 изображений предметов, названных исчисляемыми существительными, 30 изображений предметов, названных вещественными существительными, и 30 изображений совокупности предметов, названных вещественными существительными) требовала определителя «this», в то время как другая половина (30 изображений совокупности предметов, названных исчисляемыми существительными, и 60 филлеров) требовала определителя «these». Авторами был доказан эффект конгруэнтности.

Нами был проведен эксперимент с похожим дизайном и процедурой на материале русского языка. В силу структурных различий между русским и английским языками полная репликация была невозможна. Мы выбрали три типа определителя по числу: указательные местоимения (в первой сессии «этот», «эта» для вещественных и конкретных существительных в единственном числе, «эти» для конкретных существительных во множественном числе; во второй сессии «тот», «та» и «то» для вещественных и единичных конкретных, «те» для конкретных существительных во множественном числе) и форма глагола в единственном или множественном числе. Первая сессия с выбором указательного местоимения наиболее соответствовала исходным параметрам, однако было необходимо исключить все существительные среднего рода. Для включения полной парадигмы были введены вторая и третья сессии, включающие все слова и изображения. Нами были отобраны конкретные и вещественные существительные, тематически отнесенные к продуктам питания. Это те слова, которые изучаются билингвами на ранних уровнях владения вторым языком. Для соотнесения изображений и слов, а также для определения субъективной частотности и концептуальной знакомости мы провели вводное анкетирование, в котором имена существительные были представлены вместе с изображениями.

Были выявлены средние значения концептуальной знакомости и субъективной частотности. Анкетирование проводилось с помощью шкалирования Ликерта от 1 до 7. Результаты показали, что все слова отлично знакомы участникам сессии (средняя оценка носителей русского языка как родного – 6,99, SD = 0,10; средняя оценка китайско-русских билингвов – 6,07, SD = 1,53), а также обладали высокими показателями субъективной частотности (средняя оценка носителей русского языка как родного – 4,91, SD = 1,56; средняя оценка китайско-русских билингвов – 5,13, SD = 1,90).

Дополнительно участникам сообщалось, что если на экране пред-

ставлено вещество в ёмкости либо невозможно однозначно сказать, что именно представлено, то необходимо выбирать определитель для вещественного существительного.

Таким образом, **дизайн эксперимента** представлял собой сочетание четырёх независимых переменных:

1) грамматическое согласование по числу с двумя уровнями – ед. ч., мн. ч.;

2) концептуальное число слова с двумя уровнями – ед. ч., мн. ч.;

3) совпадение условия с двумя уровнями – конгруэнтное, неконгруэнтное;

4) родной язык респондента с двумя уровнями – русский, китайский.

Зависимыми переменными выступали скорость реакции и точность ответов.

Материал исследования

В качестве целевых стимулов было отобрано 68 неодушевлённых имён существительных (30 конкретных (9 имён женского рода, 19 – мужского, 2 – среднего), например *конфета, кость, сигарета, дыня, груша, сосиска*; 38 вещественных (12 имён женского рода, 21 – мужского, 5 – среднего) существительных, например, *спирт, сахар, табак, уксус, масло, варенье*)), называющих предметы, на изображениях, представленных в одном экземпляре либо в виде совокупности предметов.

Изображения представлены на рис. 1.

Чтобы избежать влияния других психолингвистических значимых факторов на скорость обработки, все слова-стимулы контролировались по субъективной частотности и знакомости.

Рис. 1. Пример изображения-стимула: ананас в единичном варианте и ананас во множественном варианте

В качестве экспериментальной задачи была выбрана задача на лексическо-синтаксическое решение (*determiner decision task*). Участникам предлагалось ответить, с каким определителем согласуется слово, обозначенное изображением.

Участники

В качестве участников мы привлекли две группы респондентов – группу носителей русского языка как родного и группу китайско-русских инофонов, изучивших правила согласования имён существительных по числу в соответствии с учебной программой и достигших, по мнению преподавателя, требуемого уровня владения русским языком. Уровень владения русским языком по оценкам варьировался между средним и высоким (B1–B2) в зависимости от времени погружения в русскую языковую среду: китайско-русские инофоны являются студентами 3-го и 4-го курсов Томского государственного университета и активно усваивают русский язык. В экспериментальной сессии принял участие 41 носитель РЯ как родного (средний возраст – 22 года, SD = 7,36) и 37 китайско-русских билингов (средний возраст – 21 год, SD = 1,57).

Для всех участников билингвальной группы русский являлся вторым или третьим языком и языком обучения. Родной язык (китайский) являлся доминирующим и активным в настоящее время.

Процедура

Перед началом экспериментальной сессии в соответствии с требованиями этической комиссии Международного центра исследований развития человека Томского государственного университета испытуемые заполняли лист информированного согласия на участие в эксперименте и знакомились с процедурой эксперимента.

Процедура включала тренировочную и экспериментальную сессии. В тренировочной сессии участникам были доступны правильные ответы, чтобы они смогли привыкнуть к выполнению задания. На экране были показаны изображения, каждое из которых нужно было отнести к определителю, грамматически согласующемуся с именем, называющим изображённый предмет. Участнику необходимо было нажать на клавишу «1», если определитель, например *этот*, согласовался с именем, называющим изображённый предмет, в единственном числе, например *ананас*, или клавишу «3», если определитель, например *эти*, согласовался с именем, называющим изображённый предмет, во множественном числе, например *ананасы*. Между нажатиями кла-

виш указательный палец необходимо было возвращать на клавишу «парковки» (клавиша «2»). Клавиша «парковки» используется для того, чтобы избежать влияния предыдущего решения.

Эксперимент проводился под контролем исследователя на базе лаборатории лингвистической антропологии ТГУ на платформе с использованием программного продукта PsychoPy [24]. Обработка данных была проведена в программе RStudio на языке R.

Результаты и обсуждение

Всего нами было получено 16 324 наблюдения в группе носителей русского языка как родного и 14 295 наблюдений в группе инофонов.

Мы проанализировали точность ответов обеих групп участников. Носители русского языка как родного показывают высокую точность ответов при совпадающем концептуальном и грамматическом числе (вещественные существительные, грамматически и концептуально в единственном числе – 95 %, конкретные существительные – 93 %). При несовпадении условия точность ответов ожидаемо снижается (вещественные существительные грамматически – единственное число, и концептуально – множественное число – точность 75 %).

Китайско-русские билингвы также показывают достаточно высокую точность ответов при совпадающем концептуальном и грамматическом числе (вещественные существительные, единственное число грамматически и концептуально – 91 %, конкретные существительные – 93 %). Однако при несовпадении условия точность ответов значительно снижается (вещественные существительные грамматически в единственном числе и концептуально – множественное число – точность 11 %). Таким образом, несмотря на то что участники знакомы с правилами согласования имён существительных по числу, согласование по числу вещественных имён существительных вызывает значительные затруднения при когнитивной обработке. Мы предполагаем, что китайско-русские билингвы в основном ориентировались только на единичность и неединичность, обозначенные на изображениях.

Для анализа результатов скорости реакции нами были отобраны только корректные ответы респондентов. Данные были нормализованы и обработаны с помощью параметрических методов (ANOVA и пост-хок-анализ Тьюки).

В результате было выявлено влияние родного языка на скорость обработки слов: инофоны значительно быстрее обрабатывали стимулы, чем носители русского языка как родного ($p < 0,01$). Вероятно, такой результат мы получили благодаря тому, что китайско-русские билингвы долго не задумывались перед принятием решения – отсюда и

более низкая точность ответов. Китайско-русские билингвы не сталкиваются с конфликтом между концептуальным и грамматическим числом в их языковом сознании, поэтому решение принималось быстрее носителей русского языка как родного, для которых конфликт между грамматическим и концептуальным числом является базовым при решении задачи.

Также был отмечен эффект ЛГР имени существительного: конкретные имена существительные (*ананас*) обрабатывались значимо быстрее вещественных (*молоко*) носителями русского языка как родного ($p < 0,01$), похожий паттерн наблюдается и при обработке имён существительных билингвами, однако различие не достигает статистически значимых результатов ($p = 0,29$), вероятно, также ввиду отсутствия противоречия в сознании между концептуальным и грамматическим числом вещественных имён существительных.

Нами был выявлен эффект конгруэнтности условий: конгруэнтное условие (*этот ананас*) значимо быстрее обрабатывалось носителями русского языка как родного ($p < 0,01$), близкий к значимому паттерн наблюдался и при обработке конгруэнтных условий билингвами, однако различие не достигло статистической значимости ($p = 0,06$).

Рассматривая паттерны обработки условий внутри групп, мы видим, что носителями русского языка как родного значимо быстрее обрабатываются вещественные имена существительные в единственном числе (*молоко стоит* и изображение одной порции молока), затем по увеличению сложности обработки стоят конкретные имена существительные (*ананас стоит*). Наиболее когнитивно трудозатратным условием для обработки являются вещественные имена существительные, грамматически требующие единственного числа, но концептуально представленные во множественном числе (*молоко стоит* и изображение нескольких порций молока). Китайско-русскими билингвами эти условия обрабатываются примерно одинаково.

Полученные результаты, наличие и отсутствие эффектов, свидетельствуют о том, что китайско-русские билингвы в целом оказываются менее чувствительными к рассогласованию грамматического и концептуального числа. В связи с этим мы наблюдаем более высокие показатели скорости реакции, а также низкий процент точности в неконгруэнтных условиях. Результаты, полученные в группе носителей русского как родного, согласуются с теми, которые были получены на материале исследований, привлекающих носителей одного языка.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о том, что довольно сложная система выражения количественных отношений в русском языке действительно требует большой когнитивной нагрузки, когда условия грамматической репрезентации ограничивают наши когнитивные структуры, соответствующие концептуальному числу, не зависящему от грамматической структуры языка. При этом значение предметности, свойственное носителям русского языка как родного, лежит в основе когнитивной структуры, репрезентирующей количественные отношения вследствие ядерного значения дихотомии единственного и множественного числа. Однако это значение предметности не свойственно носителям других языков, например китайского, в котором отсутствует грамматическая категория числа и имена существительные подразумеваются как класс объектов, а для выражения предметности используются классификаторы и числительные. Мы предполагаем, что в основе когнитивной структуры носителя китайского языка лежит обобщённо-собирательное значение. И, возможно, при актуализации количественной информации (стимул-изображение), автоматически подключается предметное значение, которое игнорирует разный тип согласования имён существительных по числу во втором русском языке. Об этом свидетельствует низкая точность ответов. Отсутствие статистически значимых результатов внутри группы в свою очередь свидетельствует об отсутствии актуализации конкретных грамматических значений. Такие результаты могут быть вызваны как структурой родного китайского языка, так и недостаточным уровнем владения русским языком либо недостаточными условиями для успешного усвоения и актуализации грамматических значений числа имён.

Сформулированная гипотеза о влиянии родного языка инофона с отсутствующей категорией грамматического числа на когнитивную обработку вещественных существительных русского языка подтвердилась, однако требует дальнейшего подтверждения и изучения.

Полученные результаты соотносятся с выводами, полученными в предыдущих исследованиях [15; 20]. При этом мы также можем отметить, что усвоение грамматики согласования вещественных имён существительных влияет на более глубокие когнитивные процессы в сознании носителя языка с отсутствующей грамматической категорией числа, чем усвоение правил согласования конкретных имён существительных. К данному выводу мы приходим в связи с выявленной когнитивной нагрузкой в группе носителей русского языка как родного. Вообще, выявление столь малых и труднодоступных эффектов при семантико-направленной задаче оказывается сложным

психолингвистическим вопросом и в монолингвальных исследованиях, не говоря о билингвальных исследованиях и исследованиях межязыковой интерференции [29].

Степень сложности исследования подобных эффектов отмечалась и другими коллегами в [3; 6; 7; 19].

В перспективе данного исследования предполагается проведение посттеста для выявления знания билингвами о счетности всех имён существительных, введенных в экспериментальное исследование. Будет проверено, знают ли испытуемые, как употребляются вещественные существительные (имеют ли формы множественного числа, могут ли согласовываться с глаголами во множественном числе). Впоследствии будет проведен повторный анализ по результатам дополнительного анкетирования, проверяющего знание правил согласования имён существительных. Проведение дополнительных тестов и введение дополнительных факторов позволит уточнить выборку и ограничить данные, выявить возможные нерелевантные ответы билингвальных участников. Таким образом мы сможем верифицировать полученные в экспериментальных сессиях данные.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева А.В.* Восприятие эмоциональной лексики первого и второго языков в условиях языкового контактирования (тюркско-русский херитажный билингвизм) // Русин. 2022. № 70. С. 260–275. doi: 10.17223/18572685/70/15
2. *Горелов В.И.* Теоретическая грамматика китайского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-в по специальности «Иностранные языки». М.: Просвещение, 1989. 318 с.
3. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Когнитивная обработка маркированных и немаркированных членов грамматических оппозиций в русском и болгарском языках // Русин. 2017. № 2 (48). С. 126–139. doi: 10.17223/18572685/48/9
4. Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 466 с.
5. *Щербак А.М.* Способы выражения грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1957. № 1. С. 18–26.
6. *Athanasopoulos P.* Interaction between grammatical categories and cognition in bilinguals: The role of proficiency, cultural immersion, and language of instruction // Language and Cognitive Processes. 2007. Vol. 22, № 5. P. 689–699. doi: 10.1080/01690960601049347
7. *Athanasopoulos P.* Effects of the grammatical representation of number on cognition in bilinguals // Bilingualism. 2006. Vol. 9, № 1. P. 89–96. doi: 10.1017/s1366728905002397

8. *Bialystok E., Craik F., Luk G.* Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2008. Vol. 34, № 4. P. 859–873. doi: 10.1037/0278-7393.34.4.859

9. *Bialystok E., Herman J.* Does bilingualism matter for early literacy? // *Bilingualism: Language and Cognition*. 1999. Vol. 2, № 1. P. 35–44. doi: 10.1017/S1366728999000139

10. *Boroditsky L.* First-language thinking for second language understanding: Mandarin and English speakers' conceptions of time // *Proceedings of the 21st Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Vancouver, BC, 1999.

11. *Clahsen H., Felser C.* Grammatical processing in language learners // *Applied Psycholinguistics*. 2006. Vol. 27, № 1. P. 3–42. doi: 10.1017/S0142716406060024

12. *Cook VJ., Bassetti B., Kasai C., Sasaki M., Takahashi J.A.* Do bilinguals have different concepts? The case of shape and material in Japanese L2 users of English // *International Journal of Bilingualism*. 2006. Vol. 10. P. 137–152.

13. *Dominguez A., Cuetos F., Segui J.* The Processing of Grammatical Gender and Number in Spanish // *J. Psycholinguist Res.* 1999. Vol. 28. P. 485–498. doi: 10.1023/A:1023216326448

14. *Dryer M.S., Haspelmath M.* (eds.). *WALS Online (v2020.4) [Data set]*. Zenodo, 2013. doi: 10.5281/zenodo.13950591

15. *Fieder N., Wang H.C., Biedermann B., Nickels L.* Counting on number: effects of number information on grammatical processing of mass and count nouns // *Language, Cognition and Neuroscience*. 2017. Vol. 32, № 8. P. 1034–1047. doi: 10.1080/23273798.2017.1281428

16. *Garrappa M., Sorace A., Vender M., Schwieter J.W.* *Bilingualism Matters: Language Learning Across the Lifespan*. Cambridge University Press, 2023. doi: 10.1017/9781009333375

17. *Kroll J.F., Stewart E.* Category interference in translation and picture naming: evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations // *Journal of Memory and Language*. 1994. Vol. 33, № 2. P. 149–174. doi: 10.1006/jmla.1994.1008

18. *Lucy J.A.* *Grammatical categories and cognition: A case study of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

19. *Lucy J.A., Gaskins S.* Interaction of language type and referent type in the development of nonverbal classification preferences // *Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought* / eds. by D. Gentner, S. Goldin-Meadow. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. P. 465–492.

20. *MacDonald D., Carroll S.E.* Second-language processing of English mass-count nouns by native-speakers of Korean // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2018. Vol. 3, № 1. P. 46. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.363>

21. *Overmann K.A.* Numerosity Structures the Expression of Quantity in Lexical Numbers and Grammatical Number // *Current Anthropology*. 2015. Vol. 56, № 5. P. 638–653. doi: 10.1086/683092
22. *Patson N.D., George G., Warren T.* The Conceptual Representation of Number // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2014. Vol. 67, № 7. P. 1349–1365. doi: 10.1080/17470218.2013.863372
23. *Pavlenko A.* I feel clumsy speaking Russian: L2 influence on L1 in narratives of Russian L2 users of English // *Effects of the Second Language on the First* / ed. by V. Cook. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2003. P. 32–61.
24. *Peirce J.W., Gray J.R., Simpson S., MacAskill M.R., Höchenberger R., Sogo H., Kastman E., Lindeløv J.* PsychoPy2: experiments in behavior made easy // *Behavior Research Methods*. 2019. doi: 10.3758/s13428-018-01193-y
25. *Riordan B., Dye, M., Jones M.N.* Grammatical number processing and anticipatory eye movements are not tightly coordinated in English spoken language comprehension // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00590
26. *Rips L.J., Bloomfield A., Asmuth J.* From numerical concepts to concepts of number // *Behavioral and Brain Sciences*. 2008. Vol. 31, № 6. P. 623–642. doi: 10.1017/S0140525X08005566
27. *Sarnecka B.W.* On the relation between grammatical number and cardinal numbers in development // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01132
28. *Schwartz A., Kroll J., Diaz M.* Reading words in Spanish and English: Mapping orthography to phonology in two languages // *Language and Cognitive Processes*. 2007. Vol. 22. P. 106–129. doi: 10.1080/01690960500463920
29. *St. James J.D., Schneider W., Eschman A.* PsychMate student guide, version 2.0: Experiments for teaching psychology. Pittsburgh, PA: Psychology Software Tools, Inc., 2005. Chapter 5.1.

REFERENCES

1. Vasilyeva, A.V. (2022) Perception of the emotional vocabulary of the first and second language lexicons in terms of language contact (Turkic-Russian heritage bilingualism). *Rusin*. 70. pp. 260–275 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/70/15
2. Gorelov, V.I. (1989) *Teoreticheskaya grammatika kitayskogo yazyka* [Theoretical Grammar of the Chinese Language]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Cognitive processing of marked and unmarked members of grammatical oppositions in Russian and Bulgarian. *Rusin*. 2(48). pp. 126–139 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/48/9
4. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

5. Shcherbak, A.M. (1957) Sposoby vyrazheniya grammaticheskikh znacheniy v tyurkskikh yazykakh [Ways of expressing grammatical meanings in Turkic languages]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1. pp. 18–26.

6. Athanasopoulos, P. (2007) Interaction between grammatical categories and cognition in bilinguals: The role of proficiency, cultural immersion, and language of instruction. *Language and Cognitive Processes*. 22. pp. 689–699. doi: 10.1080/01690960601049347

7. Athanasopoulos, P. (2006) Effects of the grammatical representation of number on cognition in bilinguals. *Bilingualism*. 9. pp. 89–96. doi: 10.1017/S1366728905002397

8. Bialystok, E., Craik, F.I. M. & Luk, G. (2008) Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 34(4). pp. 859–873. doi: 10.1037/0278-7393.34.4.859

9. Bialystok, E. & Herman, J. (1999) Does bilingualism matter for early literacy? *Bilingualism: Language and Cognition*. 2. pp. 35–44. doi: 10.1017/S1366728999000139

10. Boroditsky, L. (1999) First-language thinking for secondlanguage understanding: Mandarin and English speakers' conceptions of time. *Proceedings of the 21st Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Vancouver, BC.

11. Clahsen, H. & Felser, C. (2006) Grammatical processing in language learners. *Applied Psycholinguistics*. 27(1). pp. 3–42. doi: 10.1017/S0142716406060024

12. Cook, V.J., Bassetti, B., Kasai, C., Sasaki, M. & Takahashi, J.A. (2006) Do bilinguals have different concepts? The case of shape and material in Japanese L2 users of English. *International Journal of Bilingualism*. 10. pp. 137–152.

13. Dominguez, A., Cuetos, F. & Segui, J. (1999) The Processing of Grammatical Gender and Number in Spanish. *Journal of Psycholinguistic Research*. 28. pp. 485–498. doi: 10.1023/A:1023216326448.

14. Dryer, M.S. & Haspelmath, M. (2013) *WALS Online (v2020.4) [Data set]*. Zenodo. doi: 10.5281/zenodo.13950591

15. Fieder, N., Wang, H.C., Biedermann, B. & Nickels, L. (2017) Counting on number: effects of number information on grammatical processing of mass and count nouns. *Language, Cognition and Neuroscience*. 32(8). pp. 1034–1047. doi: 10.1080/23273798.2017.1281428

16. Garraffa, M., Sorace, A., Vender, M. & Schwieter, J. W. (2023) *Bilingualism Matters: Language Learning Across the Lifespan*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781009333375

17. Kroll, J.F. & Stewart, E. (1994) Category interference in translation and picture naming: evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations. *Journal of Memory and Language*. 33. pp. 149–174. doi: 10.1006/jmla.1994.1008

18. Lucy, J.A. (1992) *Grammatical categories and cognition: A case study of the linguistic relativity hypothesis*. Cambridge: Cambridge University Press.

19. Lucy, J.A. & Gaskins, S. (2003) Interaction of language type and referent type in the development of nonverbal classification preferences. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in Mind: Advances in the Study of Language and Thought*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 465–492.
20. MacDonald, D. & Carroll, S.E. (2018) Second-language processing of English mass-count nouns by native-speakers of Korean. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 3(1). pp. 46. doi: 10.5334/gjgl.363
21. Overmann, K.A. (2015) Numerosity Structures the Expression of Quantity in Lexical Numbers and Grammatical Number. *Current Anthropology*. 56(5). pp. 638–653. doi: 10.1086/683092
22. Patson, N.D., George, G. & Warren, T. (2014) The Conceptual Representation of Number. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 67(7). pp. 1349–1365. doi: 10.1080/17470218.2013.863372
23. Pavlenko, A. (2003) I feel clumsy speaking Russian: L2 influence on L1 in narratives of Russian L2 users of English. In: Cook, V. (ed.) *Effects of the Second Language on the First*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. pp. 32–61.
24. Peirce, J.W., Gray, J.R., Simpson, S., MacAskill, M.R., Höchenberger, R., Sogo, H., Kastman, E. & Lindeløv, J. (2019) PsychoPy2: experiments in behavior made easy. *Behavior Research Methods*. doi: 10.3758/s13428-018-01193-y
25. Riordan, B., Dye, M. & Jones, M.N. (2015) Grammatical number processing and anticipatory eye movements are not tightly coordinated in English spoken language comprehension. *Frontiers in Psychology*. 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00590.
26. Rips, L.J., Bloomfield, A. & Asmuth, J. (2008) From numerical concepts to concepts of number. *Behavioral and Brain Sciences*. 31(6). pp. 623–642. doi: 10.1017/S0140525X08005566
27. Sarnecka, B.W. (2014) On the relation between grammatical number and cardinal numbers in development. *Frontiers in Psychology*. 5. doi: 10.3389/fpsyg.2014.01132
28. Schwartz, A., Kroll, J. & Diaz, M. (2007) Reading words in Spanish and English: Mapping orthography to phonology in two languages. *Language and Cognitive Processes*. 22. pp. 106–129. doi: 10.1080/01690960500463920.
29. St. James, J.D., Schneider, W. & Eschman, A. (2005) *PsychMate student guide, version 2.0: experiments for teaching psychology*. Pittsburgh, PA, Psychology Software Tools, Inc.

Владимирова Валерия Евгеньевна – младший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета, старший преподаватель кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Томского государственного университета (Россия).

Valeriia E. Vladimirova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: picture_perfect@mail.ru

УДК 81'33

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/12

Этнолингвокультурные особенности ценностных ориентаций в языковом сознании полилингвов (носителей памирских языков на материале анкетирования)

М.Б. Давлатмирова

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзоде, 30
E-mail: mdavlatmirova76@gmail.com

Авторское резюме

Рассматриваются этнолингвокультурные особенности ценностных ориентаций в языковом сознании носителей бесписьменных памирских языков. Акцент на изучение ценностных ориентаций, норм поведения и различных аксиологических установок делается с опорой на междисциплинарный подход к исследованию поставленной проблемы, поскольку помимо этнолингвокультурного анализа актуальность исследования заключается также в социолингвистическом освещении особенностей языкового сознания носителей памирских языков. Такой подход позволяет выявить динамику изменений в бесписьменных памирских языках. Исследование лингвокультурных и этнолингвистических особенностей ценностной картины полилингвов-носителей памирских языков с применением социолингвистического метода дает возможность документировать результаты анкетирования носителей бесписьменных языков. Этот метод позволил выявить традиционные ценности и установки носителей памирских языков, понять, как они воспринимают аксиогенные установки, а также как влияют на их жизнь и поведение в различных ситуациях. Анализируются результаты анкетирования, которые отражают ключевые ценностные доминанты памирского народа, а также представлены их культурно-символические значения и степень сохранности в условиях полилингвизма и контакта с доминирующими языками, такими как таджикский и русский. Результаты анкетирования позволяют выявить специфические особенности национально-культурного кода носителей памирских языков.

Ключевые слова: традиционные ценности, памирские языки, социолингвистический аспект, этнолингвокультурные особенности, языковое сознание, полилингвальная среда

Ethnolinguocultural specificity of value orientations in the linguistic consciousness of polylinguals (speakers of Pamir languages) on the questionnaire data

Manizha B. Davlatmirova

Russian-Tajik Slavonic University
30 V. Tursunzode str., Dushanbe, 734025, Tajikistan
E-mail: mdavlatmirova76@gmail.com

Abstract

The paper studies the ethnolinguistic and cultural specificity of value orientations in the linguistic consciousness of speakers of non-written Pamirian languages. The interdisciplinary approach to value orientations, norms of behaviour, and various axiological attitudes involves both the ethnolinguocultural analysis and the sociolinguistic description of the linguistic consciousness of speakers of the Pamir languages, which allows identifying and recording the dynamics of changes in the unwritten Pamirian languages. The sociolinguistic method used to study linguocultural and ethnolinguistic specificity of values of polylingual speakers of Pamirian languages allows documenting the questionnaire data of speakers of unwritten languages to identify their traditional values and attitudes, to understand how they perceive axiogenic attitudes, as well as how their values influence their lives and attitudes to various situations. The article analyses the questionnaire data on the key value dominants of the Pamirian people in terms of their cultural-symbolic meanings and the degree of their preservation in the polylingual environment and in contact with dominant languages such as Tajik and Russian. The questionnaire data allow identifying the specificity of the national-cultural code of the speakers of Pamirian languages.

Keywords: traditional values, Pamirian languages, sociolinguistic aspect, ethnolinguistic and cultural peculiarities, linguistic consciousness, polylingual environment

Введение. Постановка проблемы

Одной из самых актуальных проблем современного общества является столкновение разных культур, переоценка ценностей и их изменение. Ценностные доминанты, нормы поведения и различные аксиологические установки являются объектом изучения как социальных, так и гуманитарных наук, в частности лингвистических направлений, таких как лингвоаксиология, этнолингвистика, лингвокультурология, психоллингвистика и социоллингвистика.

Актуальность изучения традиционных ценностей заключается в столкновении традиций и современности. Как известно, под традициями мы понимаем историю, описывающую практический опыт, корнями уходящий в прошлое. Выбранный нами метод анкетирования даёт возможность определить, что происходит с традиционными ценностями в современном обществе. В нашей работе, вслед за В.И. Карасиком, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Г.Г. Слышкиным, Д.М. Искандаровой и другими учёными, мы предпринимаем попытку провести этнолингвокультурный анализ на основе экспериментальных данных. Ранее М.Б. Давлатмировой были освещены некоторые вопросы ценностной картины мира на материале анкетирования [2: 78–84; 3: 22–29]. Следует отметить, что в данной статье представлены первые результаты исследования традиционных ценностей памирского народа.

Основная цель работы заключается в выявлении этнолингвокультурных особенностей традиционных ценностей носителей памирских языков на основе полученных результатов анкетирования.

Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) Республики Таджикистан является родиной для малочисленных так называемых памирских народов [7: 9]. Следует отметить, что рушанский, шугнанский, бартангский, ваханский, ишкашимский языки входят в группу памирских языков, которые относятся к восточноиранским языкам, и все они являются бесписьменными.

Особое внимание следует уделить важности социоллингвистического аспекта исследования. Как известно, полилингвизм – это использование разных языков в многоязычном сообществе в различных ситуациях. Многоязычие памирского народа является очевидным, поскольку кроме родных языков таджикский язык считается первым, так как является государственным. В общеобразовательных школах с первого класса обучение проходит на национальном таджикском языке. Художественную, научную и популярную литературу читают также на таджикском языке. Известные классические и современные поэты и писатели всегда были билингвами, создавая свои произведе-

ния на персидском и таджикском языках. Шугнанский язык является доминирующим и распространён в Шугнанском и Рошткалинском районах, а также в административном центре – городе Хороге. Кроме того, следует упомянуть русский язык, который занимает особое место.

Д.М. Искандарова [6: 328] выделяет три этноконтактные зоны на территории современного Таджикистана и отмечает, что данные зоны играют важную роль в развитии билингвизма и мультилингвизма среди населения.

Исследователь выделяет Бадахшан как особую этноконтактную зону: «Бадахшан – третья наиболее интересная с точки зрения этнолингвоконтактов зона. Она характеризуется широким использованием местных языков, а также таджикского и русского, т. е. мультилингвизмом. Здесь выделяют особую подзону Мургабский район, где люди в основном используют кыргызский и наряду с ним таджикский, русский, шугнанский и бартангский языки в различных би- и мультилингвальных вариациях» [6: 329].

В исследовании очень важен социолингвистический аспект. Все его участники по национальности являются таджиками, родными языками которых выступают шугнанский, рушанский, ваханский и ишкошимский. Особое внимание следует обратить на межъязыковое взаимодействие, а также на влияние культурных и социальных факторов на языковую идентичность и ценностные установки респондентов.

Х.Дж. Шамбезода утверждает, что в первые годы советской власти Памир остро нуждался в специалистах в различных областях. В связи с этим из столицы республики и других городов в этот регион были направлены специалисты, основную массу которых составляли русские, и это создавало дополнительные возможности для развития шугнано-русского билингвизма [13: 36].

Также Х.Дж. Шамбезода отмечает, что возникновение и развитие шугнано-таджикско-русского многоязычия в советский период объясняется активизацией языковых контактов благодаря снятию изоляции горных регионов, культурному развитию и экономическим изменениям. Социальные и экономические преобразования того времени способствовали формированию устойчивых форм билингвизма среди населения Памира [13: 56].

С.Н. Плеханов в своей монографии пишет: «В Горном Бадахшане заметно лучше говорили по-русски. Может быть, отчасти по этой причине мне сразу показалось, что образовательный уровень жителей Памира выше, чем в соседних регионах. Впрочем, вскоре я с удовлетворением отметил, что беглые первые наблюдения подтверждает и статистика – ГБАО выделялась на фоне всей Средней Азии по числу людей с высшим образованием» [10: 11].

Начиная с XIX в. на территории Бадахшана проводились разные экспедиции. В состав экспедиций входили как военные, так и этнографы, геологи, филологи, поэтому параллельно с другими проблемами они изучали языки и культуру данного народа, после чего в рамках иранистики начинает развиваться такое направление как, памироведение. Эти учёные исследовали множество проблем не только в области филологии, но и в других направлениях. Среди них англичанин Т. Джойс, датчанин О. Олуфсен, немец А. Шульц, а также русские учёные: М.С. Андреев, А.А. Бобринский, И.И. Зарубин, Л.Ф. Моногарова, А.К. Писарчик, Т.Н. Пахалина, А.З. Розенфельд, В.С. Соколова, И.М. Стеблин-Каменский, Д.И. Эдельман и др.

Д.Н. Худоназаров в своей работе «Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895–1901 годов» [12] пишет, что во время поиска материала осенью 2007 г. в архиве Института этнологии нашёл русско-ваханско-шугнанский словарь из небольшого количества слов на девяти страницах. Учёный отмечает, что в документе представлена надпись «Список слов Ваханцев и Шугнанцев, записанный летом 1895 г. А.А. Бобринским и Н.В. Богоявленским во время путешествия по Памирам» [12: 39], который подтверждает исследование русскими учёными шугнанского и ваханского языков.

В полевые исследования памирских языков и их этнографию внесли свой вклад такие выдающиеся учёные, как Д.Н. Анучин, Н.Н. Харузин, Ф.Е. Корш и К.Г. Залеман.

Огромный и неоченимый вклад внесли учёные Школы лингвистики и Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ в исследование и документирование памирских языков. Учёным удалось на материале полевых исследований, а также ресурсов Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова создать и запустить корпус шугнанского языка – Pamiri.online (<https://pamiri.online>) [11: 11–22].

Методика и материалы исследования

Для выявления личных, традиционных культурных ценностей, а также национально-специфических и этнолингвокультурных особенностей бесписьменных памирских языков мы обратились к экспериментальной методике. С целью сбора данных о ценностных ориентациях и их языковом выражении в памирских языках был выбран социолингвистический метод, поскольку в социолингвистике используется широкий спектр подходов. Как известно, к группе методов сбора материала относятся непосредственное наблюдение, анкетирование и интервьюирование. Для исследования мы

выбрали метод анкетирования. С целью подготовки и составления анкет были изучены работы учёных Л.А. Шкатовой, С.В. Клеменчук, Х.Дж. Шамбезода, Д.М. Искандаровой и Н.И. Каримовой. Анкетирование представляет собой метод получения информации на основе опроса.

Вопросы, включённые в анкету, были сформулированы на основе интроспективного анализа, который является одним из базовых методов исследования языка и предполагает обращение к собственному сознанию. Исследователь, как носитель языка и культуры, при составлении вопросов анкеты и анализе полученных результатов опирается на собственный опыт, знания и языковое сознание. В эксперименте участвовали респонденты, являющиеся носителями памирских языков и культуры.

Методика проведения эксперимента предполагает определённую процедуру. На первом этапе нашего исследования нужно было составить список вопросов, содержащих лингвокультурную и этнолингвистическую характеристику. В начале анкет респондентам предлагалось указать личные данные, принимая во внимание возраст, пол, национальность, место жительства, профессию, социальное положение, так как эти факторы способствуют более точному анализу и интерпретации полученных ответов. Информативная часть анкеты включает вопросы, воздействующие на языковое сознание испытуемых и определяющие отношение респондентов к традиционным ценностям. Количество респондентов, в зависимости от целей проведения эксперимента, не ограничено, нам удалось анкетировать 100 респондентов. Так как исследование связано с традиционными ценностями, нам важно было выбрать респондентов – носителей памирских языков от 18 до 55 лет. Среди испытуемых были студенты, преподаватели образовательных учреждений городов Хорога и Душанбе, сотрудники Института гуманитарных наук имени академика Б. Искандарова в городе Хороге. Анкетирование проводилось в несколько этапов. Первый этап – это составление анкет и формулировка вопросов. Второй этап – проведение очного группового и заочного анкетирования¹ среди носителей памирских языков. Важно указать, что в заданиях не было никаких ограничений: временных, языковых, также количество реакций-ответов не было ограничено. Вопросы были как на таджикском, так и на русском языке. Респонденты также могли отвечать на родном языке.

В описании и анализе традиционных ценностей носителей бесписьменных памирских языков следует обратить внимание на особенности менталитета данного народа, так как менталитет реализуется в картине мира, включая её ценностную составляющую

как более конкретный уровень осмысления реальности в духовном воплощении. По мнению Ю.А. Зубока, О.А. Александровой и М.Б. Булановой, «ментальность проявляется как совокупность устоявшихся бессознательных и частично отрефлектированных форм мировосприятия» [5: 30]. Исследователи отмечают, что ментальные компоненты культуры передаются по наследству, расширяют и конкретизируют обобщённый образ реальности, сформированный в архетипах.

Объектом нашего исследования являются полученные реакции респондентов, которые отражают ценностную картину памирского народа.

В зарождение аксиологической науки огромный вклад внесли такие известные зарубежные философы, культурологи, как Э. Кассирер, Г. Коген, Ф. Ницше, Г. Риккерт, М. Шелер, Дж. Мур, Н. Гартман, М. Гессен, Д. Юм, Д. Бидни, а также русские философы Н.Ф. Фёдоров, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьёв.

Лингвоаксиология – это самостоятельное направление лингвистических исследований, которое возникло на стыке философии и культурологии и занимается изучением вербальной экспликации ценностей и антиценностей в различных лингвокультурах. В данном направлении исследований следует особо отметить учёных Н.Д. Арутюнову, Л.К. Байрамову, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Г.Г. Слышкина, В.И. Карасика, Н.В. Уфимцеву и др.

В монографическом исследовании Л.В. Баевой [1] представлены историко-аксиологический анализ феномена ценностей, экзистенциальная сущность ценности, ценностные основания бытия, ценности общественного бытия и вопросы, связанные с инновационной цивилизации. Учёный справедливо подчёркивает, что ценности – идеальный феномен, особенностью которого, в отличие от материальных объектов, является принадлежность к субъективному восприятию и сознанию [1: 65].

Анализ результатов анкетирования

С целью выявления личных и культурно-традиционных ценностей носителей памирских языков нами был проведён эксперимент, поскольку человеческие представления и знания отражены в языковом сознании, которое включает восприятие языка как культурного кода и средства общения. Как известно, многоязычие влияет на вариативность мышления и способствует переключению между языками.

В анкетировании приняли участия 100 респондентов – носителей шугнанского, рушанского, ваханского и ишкашимского языков. В ходе эксперимента было получено 425 реакции. Возрастные категории

опрошенных варьировались от 18–55 лет. По половому признаку среди 100 респондентов было 65 женщин и 35 мужчин. Респонденты в ответах исследователей как отдельные слова и словосочетания, так и целые предложения на таджикском, русском и родных языках.

Итак, первый вопрос, представленный в анкете, предполагал выявление ценностей в языковом сознании респондентов: «*Чиро шумо муқаддас меҳисобед?*» (Что для вас является ценностью?). Второй вопрос: «*Кадам шахс барои шумо муқаддас аст?*» (Кто для вас является олицетворением высших ценностей?).

Из полученных 425 реакций 157 были на памирских языках, 140 – на таджикском, 128 – на русском языке. Русский язык в Горно-Бадахшанской автономной области занимает особое место: *Коран* (8); *Духовный Лидер Исмаилитов* (6); *Создатель* (4); *Духовный отец*; *Духовный наставник и лидер Имам Времени* (2); *Духовность* (1); *Священный Коран*; *Религия в первую очередь* (1); *Язык* (1); *Семья* (12); *Мама* (8); *Папа* (6); *Родители* (6); *Сестра* (6); *Брат* (5); *Мама и учитель* (3); *Родители, муж и дети* (2); *Дети* (1); *Родители* (1); *Муж и дети* (1); *Муж* (1); *Родители, их любовь, поддержка и моральные принципы всегда для меня были опорой* (1); *Родина* (10); *Мой народ* (12); *Честность* (6); *Честность и открытость в отношениях* (1); *Комфорт* (1); *Мои традиции* (1); *Доброта и уважение* (1); *Любовь* (1); *Преподаватель* (5); *друзья* (5); *Здоровье* (2); *Работа* (2); *Труд* (1); *Счастье* (1); *Мир* (1); *Ценности со временем могут меняться и это зависит от жизненных обстоятельств* (1); *Это те вещи, которые придадут смысл моему существованию и направляют мои действия. Для меня важны: семья и близкие, здоровье, образование и саморазвитие, честность и доверие, помощь другим* (1) (128).

Полученные ответы-реакции были распределены по четырём основным ценностно-традиционным группам, отражающим аксиологические ориентации в языковом сознании респондентов.

Духовные ценности (136 реакций). В данную группу были включены ответы-реакции, связанные с восприятием философских принципов и религиозных убеждений, которые испытуемые считают значимыми аспектами своей жизни.

Семейные ценности (130). Эта группа объединяет ответы-реакции, которые указывают на важность семейных отношений, таких как взаимопомощь, уважение к родителям, особенности воспитания, сплочённость, а также приверженность сохранению семейных ценностей.

Патриотизм и социальные ценности (89). Представленная категория охватывает реакции, которые отражают идеи, связанные с искренней любовью к Родине, родному языку.

Универсальные культурно-этические ценности (70). В эту группу были включены ответы-реакции, которые отражают общечеловече-

ские ценности, такие как справедливость, честность, совесть, трудолюбие, мудрость, гуманность и взаимопонимание.

Духовные ценности (136).

Религиозные ценности (85): *Мазхаб* (12); *Аллоҳ* (12); *Ми Мавлӯ* (10); *Коран* (8); *arwogʻin* (8); *Духовный Лидер Исмоилитов* (6); *bowari Хиѓбуард* (4); *sunat* (4); *Создатель* (4); *Падари рухонӣ* (духовный отец) (4); *Духовный наставник и лидер Имам Времени* (2); *Imoti Zamõn* (2); *Пайғамбар* (1); *Пайғамбарен* (2); *to be a Muslim* (1); *Духовность* (1); *Священный Коран; Религия в первую очередь* (1); *ху суннат* (1); *Китоби Куръон, Инчил, Авесто, Таврот* (1); *Пайғамбарат Имом* (1); *rost-at porso odat* (честный и верующий человек) (1).

Национально-специфические ценности (51): *garѓa* (14); *Poteri ѓїd* (10); *kicõr* (8); *бучкаўч* (6); *osoayaѓ* (2); *Помери рақс* (памирские танцы) (6); *romiray jirab* (1); *toqay* (1); *tazor* (1); *qadamgoh* (1); *зиддӣн, жѓв, йоц, хамер, гарѓa* (1).

В языковом сознании респондентов духовные ценности (152) отразились очень ярко. Респонденты указали как религиозные, так и национально-специфические ценности своего народа. Разными лексемами были отмечены специфические имена, действия как код исламской картины мира, в которых отражается духовная культура народа.

Арабское заимствованное *Аллоҳ* (12), русское *Создатель* (4) и шугнанское *bowari Хиѓбуард* (4) показывают веру респондентов в единого Бога, Создателя.

Священная книга Коран, пророк Ислама, вера, честность и справедливость – это те традиционные ценности, которые передаются из поколения в поколение и являются столпами религии: *Коран* (8); *Священный Коран; Пайғамбар* (10); *Пайғамбарен* (2); *Пайғамбарат Имом* (1); *Духовность* (1); *Мазхаб* (12); *Религия в первую очередь* (1); *rost-at porso odat* (честный и верующий человек) (1); *ху суннат* (1); *Китоби Куръон* (1). Также респонденты упомянули прецедентные тексты, такие священные книги как *Инчил «Евангелие», Авесто и Таврот «Тора»* (1).

Лексическая вариативность проявилась в обозначении респондентами религиозного и духовного лидера исмаилитов (24): *Ми Мавлӯ* (10); *Духовный Лидер Исмоилитов* (6); *Падари рухонӣ* (духовный отец) (4); *Духовный наставник и лидер, Имам Времени* (2); *Imoti Zamõn* (2). Как известно, носители шугнанского, рушанского, ваханского, иш-кашимского языков, а также жители кишлака Йогета Дарвазского района исповедуют исмаилизм. Как отмечает Т.С. Каландаров, «памирская община – одна из крупнейших в исмаилитском сообществе. Как самостоятельное религиозное течение исмаилизм берѓт истоки в середине VIII в.» [7: 17].

Мавлоно Хазир Имам является духовным лидером исмаилитов всего мира. Об этом пишет Фарход Дафтари: «Мавлоно Хазир Имам Шах Карим ал-Хусайни, как к нему обращаются его последователи, стал сорок девятым и нынешним имамом исмаилитов низаритов, четвертым имамом, носящим титул Ага-Хана IV. Он всемирно известен как Его Высочество принц Карим Ага-Хан IV» [4: 212].

Респонденты также упомянули слово *arwogʻin* (8), которое занимает особое место в духовной культуре памирского народа, и данное представление имеет древние корни. Арабское слово ارواح (*arwah*) – «души» от единственного числа روح (*rūh*) «душа, дух, призрак» с присоединением суффикса шугнанского языка *gʻin*, означающего множественное число, широко распространено в памирских языках, при этом сохранились все арабские значения. В традиционной культуре памирских народов понятия روح (*rūh*) ارواح (*arwah*) – «души» также используется в качестве сверхъестественной силы. С древнейших времён и до нашего времени народ Бадахшана придерживается философско-религиозной теории о том, что когда человек умирает, его тело *jism* предают земле, а душа остаётся навечно, и эта философско-теологическая теория играет важную роль в памирской языковой картине.

В памирской духовной культуре номинативные единицы *garḁa* (14) – «лепёшка»; *ziddʻin* – «кладовка; чулан», *жӀв* – «закрома», *йоц* – «огонь», *хамер* – «тесто» (1) реализуют культурно-специфические особенности духовно-культурных ценностей.

Для всех таджиков *нон* – «лепёшка, хлеб» является национально-специфическим понятием, аксиологической доминантой. Таджики Бадахшана для обозначения понятия лепёшки используют лексику *garḁa*, которая восходит к общеиранской лексике: перс. *garda* – «круг», перс.-тадж. *gird* – «круглый», наименование на основе формы лепёшки [9: 75]. Ш.С. Некушоева указывает, что лепёшка символизирует благополучие и богатство в культуре памирского народа и поэтому до сих пор сохраняется почтительное отношение к хлебу. Исследователь отмечает, что «кусочек лепёшки кладут у изголовья младенца в качестве шуг. *хоjbʻin* (букв. «страх стеречь, *хоj* «страх» – *bʻin* «стеречь»), считая, что хлеб будет оберегать его от нечистых сил. Хлеб также сопровождает человека и в пути» [9: 75].

Единичная реакция *ziddʻin* обозначает «кладовка; чулан» для хранения запасов пищи, одежды и т. д. У стен при помощи камней в виде ям делали сооружения разных размеров и хранили там зерно или муку, *жӀв* – это помещение предназначенное для хранения зерна – «закрома» [9: 40–41].

Респонденты в своих ответах указали памирский дом *Pomeri čʻid* (10) и отдельные его компоненты, такие как *kicōr* (8) – «очаг» и

бучкауїч – «дверная перекладина при входе». Ценностная доминанта *Poteri čīd* (10) ярко отражается в философско-культурной картине носителей памирских языков. В ней заложены все нормы поведения, ценностные установки, этикет, философия и психолингвокультурные аспекты жизни горцев Памира.

Каждый уголок памирского дома отражает философию, культурные ценности, которые существуют испокон веков, сохранившиеся благодаря этому архитектурному сооружению.

Семейные ценности (130).

Семья (12); *Падару модар* (12); *Фарзандон* (10); *Мама* (8); *jamāt* (8); *Модар* (7); *Папа* (6); *Волидайн* (5); *Родители* (6); *ти nān* (6); *Сестра* (6); *Mi tāt* (5); *му бобат мум* (5); *Брат* (5); *виродат ях* (4); *Мама и учитель* (3); *Родители, муж и дети* (2); *ти bōbyūn* (2); *Оила* (2); *ziryōt* (2); *Parents* (2); *ти katananen* (1); *Оила* (1); *Дети* (1); *Родители* (1); *awlōd* (1); *яхат нан хурмат чидов* (1); *čīd* (1); *ти ziryot* (1); *γin-at ziryot-en* (1); *Му мум Суратмо* (1); *хола, амак* (1); *Муж и дети* (1); *Муж* (1); *ти dod-at virod* (1); *Родители, их любовь, поддержка и моральные принципы всегда для меня были опорой* (1).

Результаты эксперимента показывают, что традиционные семейные ценности памирского народа глубоко укоренены в его духовной культуре, отражая почтение и уважение к своему роду. Таким образом, эти ценности сохраняются и передаются из поколения в поколение вместе с нормами и поведенческими установками, заложенными с древних времён.

Родители, члены семьи, муж, жена, сестра, брат являются для них опорой и всегда поддерживают друг друга в трудные времена, не оставляют в беде: *Семья* (12); *Падару модар* (отец и мать) (12); *Фарзандон* (дети) (10); *Мама* (8); *Модар* (мать) (7); *Папа* (6); *Волидайн* (родители) (5); *Родители* (6); *ти nān* (моя мама) (6); *Сестра* (6); *Mi tāt* (мой отец) (5); *Брат* (5); *виродат ях* (брат и сестра) (4); *Мама и учитель* (3); *Родители, муж и дети* (2); *Оила* (семья) (3); *ziryōt* «Ребёнок» (2); *Parents* (2); *Дети* (1); *Родители* (1); *ти ziryot* (мой ребёнок) (1); *γin-at ziryot-en* (жена и дети) (1); *Муж и дети* (1); *Муж* (1); *ти dod-at virod* (мой отец и брат) (1); *яхат нан хурмат чидов* (1); *Родители, их любовь, поддержка и моральные принципы всегда для меня были опорой* (1).

В языковом сознании и духовной культуре коллективизм, почитание старшего поколения и получение от них благопожеланий считаются аксиогенно маркированными установками: *jamāt* (традиционная большая семья) (8); *ти bōbyūn* (мои предки) (2); *ти katananen* (мои прабабушки) (1); *awlōd* (род) (1); *čīd* (очаг, дом) (1); *му бобат мум* (мой дедушка и моя бабушка) (5); *хола, амак* (тётя и дядя) (1); *Му мум Суратмо* (моя бабушка Суратмо) (1).

Благословение родителей, старшего поколения в роду является обязательным для каждого члена памирской семьи, особенно когда человек отправляется в дальнюю дорогу или вступает в брак.

Благопожелание служит основой нравственных ценностей носителей памирских языков и играет важную роль в традиционной духовной культуре Бадахшана. Родительская молитва и напутствие обладают особой силой и значимостью. Считается, что такие слова одобрения от родителей приносят детям процветание и обеспечивают счастливую и долгую семейную жизнь.

Патриотизм – социальные ценности (89).

Респонденты своими ответами показали любовь и преданность родному горному краю, языку и указали с гордостью *maš mulk* (наша родина), место рождения: *maš mulk* (20); *Ватан* (16); *maš ziv* (15); *Зодгоҳ* (14); *Мой народ* (12); *Родина* (10); *Забон* (1); *Язык* (1). Такие установки как патриотизм, поддержка и уважение к своему народу отчётливо прослеживаются в языковом сознании респондентов.

Ценность родного языка *maš ziv* (15) – «наш язык» занимает особое место. Как известно, родной язык для каждого человека является важнейшим инструментом, в котором отражаются духовная культура, народная психология, менталитет, повседневная бытовая лексика, ментальный лексикон, специфические выражения и благопожелания, – то, что носители языка чувствуют и что у них заложено в их универсальном предметном коде. Своими ответами респонденты показывают, что они гордятся своими уникальными бесписьменными языками и стремятся сохранить их для будущих поколений в условиях глобализации.

Т.С. Каландаров справедливо отмечает: «В преамбуле Конституционного закона Республики Таджикистан о Горно-Бадахшанской автономной области (подписан Президентом РТ 30 июля 2007 г.) сказано, что ГБАО наряду с другими ценностями географического и культурного характера обладает также «уникальными языковыми ценностями»» [8: 171].

Универсальные культурно-этические ценности (70).

Столкновение культур, переоценка и изменение ценностей сильно влияют на духовную культуру общества. В современном мире в условиях глобализации сохранение традиционных универсальных ценностей, таких как *инсоф* – «совесть», *номус* – «гордость и честность», зависят от воспитания в духе культурно-этических ценностей для сохранения и формирования устойчивых механизмов передачи данных ценностей через воспитание молодого поколения. Народная психология, менталитет и духовная культура носителей памирских языков свидетельствуют о том, что универсальные традиционные

ценности в них явно присутствуют: *Инсоф* («совесть») (18); *Номус* («гордость») (9); *Честность* (6); *Одамгарӣ* (человечность) (4); *Нангу номус* (честь и гордость) (2); *Честность и открытость в отношениях* (1); *Комфорт* (1); *Мои традиции* (1); *Доброта и уважение* (1); *Любовь* (1).

Респонденты в своих ответах отмечают роль преподавателя как близкого и родного человека, а также роль книги как источника ценностей – труда, братства и дружбы: *Преподаватель* (5); *друзья* (5); *Вироддори «Братство»* (1); *Здоровье* (2); *Работа* (2); *Труд* (1). Была также указана реакция *Чор унсур (Нахустасос)* «четыре стихии (Первооснова)».

Респонденты отмечают мирное небо, спокойную и счастливую жизнь: *Osoyaxi* (2); *Счастье* (1); *Мир* (1). Для жителей горного региона *свобода и самореализация* (1) являются ценностными доминантами, так как они всегда стремятся посредством труда и реализации интеллектуальных способностей достичь того, в чём нуждаются.

Также респонденты указали: *Ценности со временем могут меняться и это зависит от жизненных обстоятельств* (1); *Это те вещи, которые придают смысл моему существованию и направляют мои действия. Для меня важны семья и близкие, здоровье, образование и саморазвитие, честность и доверие, помощь другим* (1).

Заключение

Таким образом, в результате проведённого анкетирования среди носителей памирских языков нами были получены ответы как на памирских языках, так и на русском и таджикском. Отчётливо прослеживается, что респонденты являются полилингвами, так как ответы были даны на шугнанском, рушанском, ваханском, таджикском и русском языках. Некоторые респонденты отвечали на таджикском или памирских языках, а также представили их перевод на русском. Метод анкетирования позволил выявить традиционные ценности и установки жителей Горно-Бадахшанской автономной области – носителей памирских языков, расширить понимание процессов трансформации ценностей в условиях глобализации.

Анализ показал, что наибольшее количество реакций (136) отражает духовные ценности, что подчёркивает их значимость для испытуемых и говорит о том, что философские принципы и религиозные убеждения определяют основу их мировоззрения.

Полученные результаты указывают на сохранение и важность семейных ценностей (130 реакций) в традиционной культуре памирского народа, они свидетельствуют о ключевой роли семьи в воспитании и сохранении культурных традиций в обществе.

Патриотизм и социальная ответственность (89 реакций) также очень важны для респондентов, но они уступают духовным и семейным аспектам. Это может быть связано с личными ассоциациями испытуемых, трудными условиями жизни в высокогорном регионе. Например, жители отдалённых регионов не имеют доступа к качественному высшему образованию и медицинским услугам, а также сталкиваются с другими экономическими проблемами. Ещё один важный фактор – сложные климатические и природные условия Памира. Указанные обстоятельства способствуют миграции населения, т. к. молодёжь стремится получить качественное образование, а родители нуждаются в работе, чтобы обеспечить свою семью.

Универсальные культурно-этические ценности (70 реакций) воспринимаются как дополнение духовных и семейных ценностей, они верифицируют актуальность общечеловеческих ценностей в период глобализации и столкновения культур в современном обществе.

В группу «Духовные ценности» были включены этноспецифические ценности, отражающие особенности духовной культуры памирского народа, которые отсутствуют в других этнолингвокультурах.

Полученные результаты и их анализ дают возможность лучше понять культурные коды, ценности, которые определяют мировоззрение народа в контексте изучения межкультурной коммуникации и традиционных ценностей Таджикистана.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Респондентам из города Хорога анкеты были разосланы по электронной почте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баева Л.В.* Ценности изменяющегося мира: Экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. 275 с.

2. *Давлатмирова М.Б., Искандарова Д.М., Каримова Н.И.* Отражение национально значимых элементов макроконцепта СУДЬБА в таджикской и памирской лингвокультурах: результаты анкетирования в университетской среде Таджикистана // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 78–84. doi: 10.20916/1812-3228-2016-4-78-84

3. *Давлатмирова М.Б.* Метафоризация ценностной доминанты «Лаъли Бадахшон / Рубин Бадахшана» в языковом сознании студентов Республики Таджикистан // Материалы Республиканской научно-практической конференции. СПб.: Сциентиа, 2024. 187 с.

4. *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма: Традиции мусульманской общины / пер. с англ. Л.Р. Додыхудоевой, Л.Н. Додхудоевой. М.: АСТ: Ладомир, 2004. С. 212.

5. *Зубок Ю.А., Александрова О.А., Буланова М.Б.* Саморегуляция в молодёжной среде: типологизация и моделирование // ФНИСЦ РАН. Белгород: Эпицентр, 2022. 360 с. doi: 10.19181 / monogr.978-5-89697-382-9.2022

6. *Искандарова Д.М.* Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // Русин. 2023. № 75. С. 319–338. doi: 10.17223/18572685/74/16

7. *Каландаров Т.С.* Исмаилиты Памира. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 216 с.

8. *Каландаров Т.С.* Памирские народы, их языки и перепись: этнический дискурс // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 162–178. doi: 10.31857/S086954150001482-0

9. *Некушоева Ш.С.* Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале языков шугнано-рушанской группы). Душанбе: ЭР-граф, 2019. 190 с.

10. *Плеханов С.Н.* Раскрытая ладонь Ага-Хан и его мюриды. М.: Национальное обозрение, 2006. 189 с.

11. *Плунгян В.А.* К изучению шугнанского языка: ретроспектива и перспектива // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. С. 11–22. doi: 10.28995/2686–7249-2022-5-11-22

12. *Худоназаров Д.Н.* Памирские экспедиции графа А.А. Бобринского 1895–1901 годов: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2013. 324 с.

13. *Шамбезода Х.Дж.* Функциональная дистрибуция языков малочисленных народов в условиях многоязычия (на материале функционирования языков Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан). Душанбе: Ирфон, 2007. 385 с.

REFERENCES

1. Baeva, L.V. (2004) *Tsennosti izmenyayushchegosya mira: Ekzistentsial'naya aksiologiya istorii* [Values of a Changing World: An Existential Axiology of History]. Astrakhan: Astrakhan State University.

2. Davlatmirova, M.B., Iskandarova, D.M. & Karimova N.I. (2016) Nationally significant elements of the macro-concept DESTINY in Tajik and Pamir linguocultures: The questionnaire in the university environment of Tajikistan. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 78–84 (in Russian). doi: 10.20916/1812-3228-2016-4-78-84

3. Davlatmirova, M.B. (2024) Metaforizatsiya tsennostnoy dominanty “La”li Badakhshon / Rubin Badakhshana” v yazykovom soznanii studentov Respubliki

Tadzhikistan [Metaphorisation of the value dominant 'La'li Badakhshon / Ruby of Badakhshan' in the linguistic consciousness of students of the Republic of Tajikistan]. In: *Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the Republican Conference]. St. Peterburg: Stsientia. pp. 22–29.

4. Daftari, F. (2004) *Kratkaya istoriya ismailizma: Traditsii musul'manskoj obshchiny* [A Brief History of Ismailism: Traditions of the Muslim Community]. Translated from English L.R. Dodykhudoeva, L.N. Dodkhudoeva. Moscow: AST: Ladomir.

5. Zubok, Yu.A., Aleksandrova, O.A. & Bulanova, M.B. (eds) (2022) *Samoregulyatsiya v molodezhnoy srede: tipologizatsiya i modelirovanie* [Self-regulation in youth: Typologies and modelling]. Belgorod: Epitsentr. doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9

6. Iskandarova, D.M. (2023) Language situation in Tajikistan: Ethno-contact zones. *Rusin*. 74. pp. 319–338 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/16

7. Kalandarov, T.S. (2022) *Ismaility Pamira* [Ismailis of Pamir]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

8. Kalandarov, T.S. (2018) Pamirskie narody, ikh yazyki i perepis': etnicheskij diskurs [Pamir peoples, their languages and the census: An ethnic discourse]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 162–178.

9. Nekushoeva, Sh.S. (2019) *Etnolingvisticheskoe i sravnitel'noe osveshchenie predmetno-bytovoy leksiki (na materiale yazykov shugnano-rushanskoy gruppy)* [Ethnolinguistic and comparative coverage of everyday vocabulary (based on the Shugnan-Rushani group of languages)]. Dushanbe: ER-graf.

10. Plekhanov, S.N. (2006) *Raskrytaya ladon' Aga-Khan i ego myuridy* [The open palm of the Aga Khan and his murīd]. Moscow: Natsional'noe obozrenie.

11. Plungyan, V.A. (2022) K izucheniyu shugnanskogo yazyka: retrospektiva i perspektiva [Towards the study of the Shugnan language: retrospective and prospect]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya."* 5. pp. 11–22. doi: 10.28995/2686-7249-2022-5-11-22

12. Khudonazarov, D.N. (2013) *Pamirskie ekspeditsii grafa A.A. Bobrinskogo 1895–1901 godov: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN* [Pamir expeditions of Count A.A. Bobrinsky 1895–1901: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Nauka.

13. Shambezoda, Kh.Dzh. (2007) *Funktsional'naya distributsiya yazykov malochislennykh narodov v usloviyakh mnogoyazychiya (na materiale funktsionirovaniya yazykov Gorno-Badakhshanskoy avtonomnoy oblasti Respubliki Tadzhikistan)* [Functional distribution of languages of small peoples in the context of multilingualism (based on the functioning of the languages of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region of the Republic of Tajikistan)]. Dushanbe: Irfon.

Давлатмирова Манижа Бораковна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (Таджикистан).

Davlatmirova Manizha Borakovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics Russian-Tajik (Slavonic) University (Tajikistan).

E-mail: mdavlatmirova76@gmail.com

УДК 81-114.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/13

Образ русского в таджикском языковом сознании

Д.М. Искандарова¹, О.Л. Козлова²

^{1,2} Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

¹ E-mail: diloroiskandarova@gmail.com

² E-mail: olga108229@gmail.com

Авторское резюме

В современном мире в эпоху глобальной цифровизации представления о той или иной этнической группе формируются и изменяются очень быстро. В этом контексте исследование стереотипов и ассоциативного поля, связанного с понятием «русский», в таджикской лингвокультуре становится особенно актуальным. Взаимодействие таджикского и русского народов имеет глубокие корни, и понимание стереотипов, связанных с этими культурами, может способствовать улучшению межкультурной коммуникации и взаимопонимания. Стереотипы, как устойчивые представления о группах людей, формируются под воздействием исторических, социальных и культурных факторов. Они могут как способствовать интеграции и взаимопониманию, так и приводить к конфликтам и недопониманиям. В таджикской лингвокультуре понятие «русский» может вызывать различные ассоциации, которые, в свою очередь, влияют на восприятие русских как этнической группы. В статье анализируются результаты ассоциативного эксперимента среди носителей таджикского языка, целью которого является выявление стереотипов, связанных с понятием «русский». Этот метод исследования позволяет получить непосредственные данные о том, какие ассоциации возникают у участников эксперимента при упоминании русских. Результаты эксперимента проанализированы с целью выявления устойчивых стереотипов и их культурного контекста. Это поможет не только понять, как воспринимаются русские в таджикской культуре, но и выявить, какие языковые выражения используются для описания указанной этнической группы. Таким образом, данное исследование направлено на глубокое понимание стереотипов и ассоциативного поля, связанного с понятием «русский», в контексте таджикской лингвокультуры. Оно будет способствовать не только научному осмыслению рассматриваемой проблемы, но и пра-

клическому применению полученных результатов для улучшения межкультурной коммуникации и взаимопонимания между этническими группами.

Ключевые слова: стереотип, языковое сознание таджиков, билингвальная среда, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле «русский», психолингвистическое описание слова

The image of the Russians in the Tajik linguistic consciousness

Diloro Iskandarova¹, Olga Kozlova²

^{1,2} Russian-Tajik Slavonic University

30 M. Tursunzode str., Dushanbe, 734025, Tajikistan

¹ E-mail: diloroiskandarova@gmail.com

² E-mail: olga108229@gmail.com

Abstract

In the era of global digitalization, ideas about a particular ethnic group are formed and changed very quickly, which makes the study of stereotypes and the associative field of the concept 'Russian' in the Tajik linguaculture especially relevant. The interaction of the Tajik and Russian peoples has deep roots, so the knowledge of cultural stereotypes can improve intercultural communication and mutual understanding. Stereotypes, as stable ideas about groups of people, are formed under the influence of historical, social and cultural factors. They can both contribute to integration and mutual understanding, and lead to conflicts and misunderstandings. In the Tajik linguaculture, the concept 'Russian' can evoke various associations, which, in turn, affect the perception of Russians as an ethnic group. The associative experiment among native Tajik speakers, aimed at identifying stereotypes about 'Russians', provides the direct data on what associations arise in native Tajik speakers when Russians are mentioned and what linguistic expressions are used to describe this ethnic group. Thus, this study aims at a deep understanding of stereotypes and the associative field of the concept 'Russian' in the Tajik linguistic culture, which will contribute not only to a better comprehension of the problem, but also to the practical application of the data to improve intercultural communication and mutual understanding between ethnic groups.

Keywords: stereotype, linguistic consciousness of Tajiks, bilingual environment, associative experiment, associative field 'Russian', psycholinguistic description of the word

Вводные замечания

В последние два десятилетия наблюдается значительный рост интереса к исследованиям стереотипов во многих социально-гуманитарных науках: психологии, социологии, культурологии, лингвистике, в частности, в таких антропоцентрически ориентированных лингвистических направлениях, как лингвокультурология, психолингвистика, этнопсихолингвистика, межкультурная коммуникация и др. Такой живой интерес обусловлен прежде всего сложившимся мнением о том, что стереотипы носителей различных культур непосредственно отражают особенности национального характера.

Стереотипы, формирующие восприятие той или иной этнической группы, играют ключевую роль в межкультурных взаимодействиях. В контексте таджикской лингвокультуры представление о русских включает в себя множество ярких образов, которые возникают на пересечении истории, политики и повседневной жизни. Ключевой аспект темы заключается в том, что эти стереотипы не статичны, они изменяются под воздействием времени и социального контекста, что делает их предметом динамического изучения.

Ввиду междисциплинарной разноплановости сам термин «стереотип» не имеет однозначного толкования. Представители разных наук выделяют в стереотипе те свойства и признаки, которые они изучают в рамках своей области. Так, социология исследует социальные стереотипы – образец мышления и поведения личности, этнокультурология сосредоточивает внимание на этнокультурных стереотипах – обобщённых представлениях о типичных чертах, характеризующих тот или иной народ (медлительность эстонцев, немецкая пунктуальность, русское гостеприимство и т.п.). При этом, по словам И.Г. Насталовской, многими исследователями называются также универсальные свойства стереотипов: «эмоциональная окрашенность, устойчивость, тесная связь с ментальностью, постоянность, массовость, обусловленность национально-культурной спецификой» [5: 58].

Проблемой стереотипа в российском языкознании занимаются Е.Ф. Тарасов [9], В.В. Красных [4], Н.В. Уфимцева [11], Ю.Е. Прохоров [6], Н.В. Сорокина [8] и др. С лингвистической точки зрения стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры и представляет фрагмент языковой картины мира. Так, в понимании В.В. Красных, стереотип – это «некоторое “представление” фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная “картинка” как результат отражения в сознании личности “типového” фрагмента реального мира, некий инвариант определённого участка картины мира» [4: 177–178].

В таджикском языкознании проблемами мониторинга существующих стереотипов и толерантности в образовательной среде Таджикистана (на основе ассоциативного эксперимента) занимаются представители научной школы под руководством профессора Д.М. Искандаровой [1; 2] – М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, З.А. Гулова и др. [2].

Важной особенностью таджикского восприятия русского является то, что оно формируется на пересечении двух идентичностей: таджикской и русской. Для многих таджиков, которые выросли в билинговокультурной или даже мультилинговокультурной среде¹, русские – не просто представители другой культуры, а часть собственного культурно-языкового пространства. Это создаёт особую сложность при оценке стереотипов, так как они могут сосуществовать в сознании одного человека и приводить к внутренним конфликтам.

Кроме того, на создание стереотипов и образов влияют и современные медиа (кино, телевидение, музыка и социальные сети), создавая новые образы и закрепляя старые. Образы, представленные в массовой культуре, могут отображать как идентичность, так и определённую предвзятость со стороны создателей контента. Очевидно, что стереотипы продолжают меняться, и данная трансформация требует тщательного анализа.

Изучение стереотипов того или иного народа непосредственно связано с исследованием его языкового сознания, под которым Е.Ф. Тарасов понимает «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [10: 4], т. е. опосредованный языком образ мира той или иной культуры.

З.И. Резанова, опираясь на традиции российской (советской) психолингвистической школы (А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Л.С. Выготский), определяет языковое сознание «как механизм, регулирующий речевую деятельность, автоматизированные действия говорящего при порождении и восприятии речи» [7: 226].

Методы, материал и источники исследования

Ассоциативные эксперименты являются ценным инструментом для исследования стереотипов и формирования ассоциативного поля, в частности в контексте таджикской лингвокультуры. Участники в ходе эксперимента должны представить первые ассоциации на определённое слово или фразу, таким образом, фиксируется набор ассоциаций, возникающих в ответ на стимулы. В случае исследования стереотипов о русских это позволяет выявить не только поверх-

ностные представления, но и глубинные, нередко подсознательные ассоциации.

Участникам эксперимента предлагается как можно быстрее записать первое слово, которое приходит в голову при восприятии заданного стимула. Это может быть слово, выражающее эмоции, отношения, ассоциации с культурными особенностями. Полученные данные позволяют создать ассоциативное поле слова-стимула. В процессе работы с полученными данными можно использовать статистические методы для анализа частоты и распространённости определённых ассоциаций. Это позволяет не просто создавать качественные описания языкового сознания, но и устанавливать количественные показатели, которые могут быть сопоставлены с результатами других исследований.

Таким образом, проведение ассоциативного эксперимента позволяет сформулировать основные результаты исследования, направленные на выявление стереотипов, существующих в языковом сознании таджикской молодёжи, в том числе билингвов, в отношении русских сквозь призму их ассоциативного восприятия.

В качестве единицы изучения выступают ассоциаты, полученные в ходе проведения психолингвистического опроса в студенческой среде Российско-Таджикского (Славянского) университета. Эксперимент проводился среди студентов, обучающихся на разных факультетах и по различным специальностям:

- на филологическом факультете (направления подготовки «Филология», «Педагогическое образование» и «Лингвистика»);
- на юридическом факультете (направление подготовки «Юриспруденция»);
- на факультете истории и международных отношений (направления подготовки «Культурология» и «Международные отношения»);
- на факультете учёта и информационных технологий (направление подготовки «Прикладная информатика»).

После обработки анкет ассоциативного эксперимента нами были получены следующие данные относительно испытуемых.

Всего в эксперименте приняли участие 120 человек в возрасте от 18 до 26 лет.

По гендерной принадлежности – 69 юношей, 51 девушка.

По национальной принадлежности большую часть составили таджики – 104 чел. (86,66 %), меньшую – представители других национальностей, среди которых: узбеки – 8 (6,66 %), русские – 3 (2,25 %), азербайджанцы – 2 (1,66 %), татары – 2 (1,66 %), осетины – 1 чел. (0,83 %). При этом родной язык для большинства из них оказался таджикский – 82,5 %, русский язык назвали родным² 10,83 опрошенных,

узбекский – 4,16, азербайджанский, туркменский и шугнанский³ – 0,83 % (единичные случаи).

В анкете респондентам предлагалось письменно охарактеризовать *русского человека*, ответив первое, что придёт в голову на следующие слова и словосочетания-стимулы: 1) внешность; 2) характер; 3) качества; 4) поведение; 5) что любит; 6) что не любит; 7) что знает; 8) во что верит.

Результаты

Исследование стереотипов о русском в таджикской лингвокультуре привлекает внимание как лингвистов, так и социологов, поскольку оно отражает глубокие культурные связи и исторические контексты. В ходе анализа были выделены ключевые стереотипы, формирующие ассоциативное поле «русский», которые отражают уровень взаимопонимания между этническими группами и особенности межкультурной коммуникации в молодёжной среде Таджикистана.

В результате обобщения данных нами построено ассоциативное поле «Характерно для русского», состоящее из 8 отдельных подполей («Внешность русского», «Характер русского», «Качества русского», «Поведение русского», «Русский любит», «Русский не любит», «Русский знает», «Русский верит»). Данное ассоциативное поле даёт важные сведения об особенностях восприятия современной таджикской молодёжью русского народа, о специфических чертах, отличающих русских от других национальностей, об образах, возникающих при описании отдельных сторон русского человека, а также о том, какую оценку получает это описание.

Каждое ассоциативное подполе описывается автономно в следующей последовательности:

1. *Построение ассоциативного подполя*, которое формируется в процессе обработки данных путём вычисления частотности реакций испытуемых и их представления в порядке убывания их частоты. Числовое значение, указывающее на частотность, отображается рядом с каждой реакцией. После слова-стимула указывается количество испытуемых, участвующих в эксперименте.

2. *Интерпретация реакций* – процесс анализа и трактовки результатов.

3. *Выявление отдельных признаков, их распределение по зонам ядро – периферия*. Все реакции информантов распределяются по группам на основе их семантической близости. В ядро ассоциативного поля включаются группы реакций, отличающиеся наибольшей частотностью, к периферийной зоне – менее частотные группы ассоциатов. Значимость тех или иных признаков и, следовательно, отнесение той или иной группы ассоциатов к ядру или

периферии поля напрямую зависит от частотности реакций респондентов. При этом граница между ядром и периферией может представляться нечёткой, размытой.

По итогам анализа ассоциативного поля «Характерно для русского» нами были выявлены типичные черты русского человека (внешность, качества, характер, поведение и т. д.). Как показало исследование, ассоциации информантов основаны либо на той или иной оценке (например, при описании характера, качеств или поведения), либо на стереотипных представлениях о русских (например, при описании предпочтений, антипатий и т. п.).

Ассоциативное подполе «Внешность русского» (171 реакция): красивый 20, светлый 19, глаза голубые 19, светлая кожа 13, рыжий 12, светловолосый 8, высокий 7, волосы 6, славянская 6, карие глаза 5, блондин 3, приятная 3, зелёные глаза 3, нормальная 3, русский 2, нормального роста 2, скромный 2, солидный 2, худая 2, светлые волосы 2, средняя 2, светло-русые волосы 1, стройная 1, очаровательная 1, маленький 1, черный 1, обычная 1, европейская 1, доверчивый 1, яркая 1, жестокий человек 1, хитрые 1, большинство рыжеватые 1, опрятный 1, иностранный 1, не очень 1, нет 1, глаза 1, обычная 1, с румяными щеками 1, культурно одет 1, простой 1, хорошая 1, отличная 1, притягивающий 1, толстый 1, лицо яркого цвета 1, аккуратный 1, некрасивая 1, добровольный 1, бородатый 1.

При описании внешности русского преобладают ответы с указанием на отдельные черты облика: глаза, волосы, цвет кожи, рост, телосложение и т. п.

Особое внимание акцентируется на цвете, в частности глаз (голубые, зелёные глаза), волос (светлые, светло-русые, рыжие волосы), кожи, что даёт возможность построить образ человека, внешне обладающего преимущественно светлыми чертами.

Данные ассоциации составляют **68 %** от общего количества реакций (171), что позволяет включить их в ядро ассоциативного подполя.

В периферию вошли ответы информантов, связанные с описанием общего внешнего вида русского и сообщающие о той или иной оценке (**27 %**), большей частью положительной, а также реакции, определяющие его внешность как человека, принадлежащего к другой расе, национальности (**5 %**).

Ассоциативное подполе «Характер русского» (137 реакций): хороший 11, добрый 9, нормальный 9, твердый 6, честный 5, спокойный 5, прекрасный 4, скромный 4, жёсткий 3, сильный 3, веселый 3, понимающий 2, честолюбивый 2, непонятный 2, обычный 2, упрямый 2, пофигистический 2, грубый 2, недружелюбный 2, не знаю 2, средний 2, воинственный 2, в зависимости от человека 2, вежливый 1, плохой

1, слабый 1, злой 1, колкий 1, резкий 1, мягкий 1, наивный 1, нацист 1, завистливый 1, благородный 1, разный 1, так себе 1, отличный 1, вспыльчивый 1, милый 1, уверенный 1, целеустремленный 1, устойчивый 1, говорит правду 1, смелый 1, жестокий человек 1, прямой 1, холодный 1, любопытный 1, строгий 1, дружелюбный 1, нет 1, супер 1, умный 1, не зависит от национальности 1, идеальный 1, гуманный 1, миролюбивый 1, патриоты 1, трудолюбивый 1, тяжелый 1, начитанные 1, крепкий 1, мужественный 1, прямолинейный 1, уравновешенный 1, смелый среди своих 1, изменчивый 1, беспокойный 1, неплохой 1, русский 1, патриот 1, иногда плохой 1, высокомерный 1, жадные 1.

Ядро подполя «Характер русского» составили реакции (58 %) с положительными оценками характера русского человека (русский – добрый, сильный, весёлый, целеустремлённый и т. п.).

К периферии отнесены ответы информантов, связанные с описанием отрицательных черт русского характера (*резкий, жёсткий, недружелюбный, упрямый, высокомерный* и др.) (24,5 %), а также говорящие о том, что русский человек обладает обычным (*нормальный, средний, неплохой* и др.) (10,5 %) либо особым характером, не всегда понятным для информанта (*изменчивый, в зависимости от человека, непонятный, русский* и др.) (8 %).

Ассоциативное подполе «Качества русского» (113 реакций): хорошие 17, доброта 12, смелость 8, нормальные 5, не знаю 4, высокие 4, умный 4, целеустремленность 3, лучшие 3, отличные 3, средние 2, высокомерный 2, трудолюбивый 2, патриотизм 2, лидера 2, смекалка 1, остроумие 1, наглость 1, голубые глаза 1, доброта, иногда хамство 1, заботливый 1, мирный 1, оригинальные 1, выносливый 1, злые 1, веселый 1, добродушие 1, чистый 1, изобретательный 1, новый сорт 1, сильный 1, грубый 1, отзывчивый 1, хитрый 1, умеет делать машину 1, умеет делать самогон 1, душа 1, понятные 1, приятные 1, вежливость 1, уверенность 1, уверен в себе (слишком)⁴ 1, помощник 1, некоторые добрые 1, и добрые, и плохие 1, и хорошие, и плохие 1, положительные 1, дружба 1, требовательность 1, справедливость 1, честолубие 1, честность 1, собственник 1, любопытство 1, доверчивый 1.

Большая часть реакций информантов, составивших ядро подполя «Качества русского», связаны с положительными качествами (77 %) (*доброта, отзывчивость, ум, смелость, остроумие, выносливость, справедливость* и т. п.).

К периферии отнесены ответы реципиентов, интерпретируемые нами как отрицательные качества (*высокомерность, эгоизм, наглость, грубость, злость* и др.) (10 %), позволяющие судить о том, что русский человек обладает качествами, которые свойственны всем людям

(нормальные, средние, понятные) (8 %), а также набором разных, противоположных качеств (*доброта, но иногда хамство; и хорошие, и плохие* и др.) (4 %). Нерегулярными являются ассоциации, расцениваемые как субъективная оценка качеств, данных респондентом (*новый сорт, оригинальный*) (2 %).

Ассоциативное подполе «Поведение русского» (112 реакций): *хорошее 26, нормальное 21, спокойное 4, примерное 3, грубое 3, агрессивное 3, у всех разное 3, безбашенное 2, достойное 2, не знаю 2, умеренное 2, изменчивое 2, правильное 2, удовлетворительное 2, плохое 2, адекватное 2, интеллигентное 2, отличное 1, ненормальное иногда 1, высшее 1, доброжелательное 1, мягкое 1, сдержанное 1, доброе 1, высокомерное 1, кошмар 1, воспитанное 1, наглое 1, когда как 1, зависит от человека 1, уроды 1, боевое 1, сильное 1, по-людски 1, иногда не пьян 1, легкомысленное 1, лучшее 1, соответствующее всему 1, уважительное 1, иногда несдержанное поведение 1, целеустремленное 1, нейтральное 1, не очень хорошее 1, бурное 1, свободное 1, неплохое 1.*

В ядро подполя включены реакции, содержащие положительную оценку поведения русского человека, – это 45,5 % от общего количества ответов (*спокойное, доброжелательное* и т. п.).

В приядерную зону отнесены ассоциации, которые позволяют трактовать поведение русского как соответствующее (*нормальное, удовлетворительное, адекватное* и др.) (28 %).

К ближней периферии подполя отнесены реакции с негативной оценкой (*агрессивное, ужасное, высокомерное* и др.) (22 %).

В дальнюю периферию вошли единичные ассоциации (*у всех разное, зависит от человека* и др.) (4,5 %).

По нашим наблюдениям, ассоциации, связанные с описанием характера, качеств и поведения русского, основаны исключительно на той или иной оценке информантов, в свою очередь ответы, данные респондентами при характеристике предпочтений и антипатий русского, а также того, что он (русский) знает, во что верит, в целом отражают стереотипные представления реципиентов.

Ассоциативное подполе «Русский любит» (153 реакции): *водку 24, читать 7, отдыхать 6, борщ 5, пить водку 5, не знаю 4, гулять 4, бухать 4, алкоголь 3, Родину 3, путешествовать 3, блины 3, выпить 3, свободу 2, закуски 2, квас 2, честность 2, пельмени 2, семью 2, сигареты 2, ничего 2, веселиться 2, курить 2, рыбу 1, мясо 1, овощи и фрукты 1, водку и закусить 1, женщин 1, что не позволяет закон 1, вкусное 1, мир 1, удобство 1, ласку 1, пить спиртные напитки 1, пить чай с самовара 1, говорить 1, баню 1, знания 1, что по душе ему 1, поразмыслить о великом 1, всё понемногу 1, бушевать, а на утро похмелье 1, морковку 1, хоккей 1, чужое 1, хлеб 1, сок 1, страну 1, мир во всем мире 1, футбол*

1, вечеринки 1, мигрантов 1, чистоту 1, аккуратность 1, разговор 1, умных 1, программирование 1, свою компанию 1, правду 1, красоту 1, спорт 1, гамбургер 1, играть 1, думать о своей любимой работе 1, труд 1, комплимент 1, вино 1, шоколад 1, секс 1, работу 1, выпивку 1, общение 1, отдыхать за границей 1, сало 1, болтать 1, хвалиться 1, жить и радоваться жизни 1, цветы 1, своих 1, таджиков 1, узбеков 1, киргизов 1.

В структурном отношении подполе «Русский любит» представляется как разрозненное образование, состоящие из множества неоднородных по своему значению групп элементов. Этим обусловлено отнесение к ядру данного подполя одновременно нескольких групп ассоциаций. К ядру подполя мы отнесли реакции, связанные с влечением русского к спиртным напиткам (*водку, пить спиртные напитки, вино* и др.), которые составили 24 % от общего числа реакций.

К приядерной зоне нами отнесены реакции (**15,5 %**), называющие то или иное времяпрепровождение, – отдых, развлечение, спорт (*отдыхать, гулять, веселиться* и др.).

В ближнюю периферию вошли реакции (**14 %**), относящиеся к названиям отдельных традиционных русских блюд, к национальной русской кухне (*борщ, блины, пельмени, рыба, хлеб* и т.д.).

К периферии (дальней и крайней по убывающей) подполя отнесены реакции:

1) говорящие о склонности русского человека к саморазвитию, познанию мира (**12 %**) (*путешествовать⁵, читать, думать о своей любимой работе* и т.п.);

2) указывающие на пристрастие русского к тем или иным вредным привычкам (**10 %**) (*алкоголь, сигареты, курить, выпить* и др.);

3) обнаруживающие любовь русского к «своим» и ко всему «своему» (**5,5 %**) (*Родину, семью, страну, свою компанию, своих*);

4) называющие потребность русского человека в общении и внимании (**5 %**) (*говорить, болтать* и др.);

5) описывающие стремление русского сделать свою жизнь комфортной, окружить себя красотой (**3,25 %**) (*красоту, удобство, чистоту* и др.);

6) демонстрирующие живой интерес русского к «чужой» культуре и к «чужим», т. е. к представителям других национальностей (**3,25 %**) (*таджиков, узбеков, киргизов, мигрантов, чужое*);

7) описывающие стремление русского народа жить в мирном обществе, среди людей, не ограничивающих его свободу (**2,5 %**) (*свободу, мир, мир во всем мире*);

8) указывающие на стремление жить в правде (**2 %**) (*честность, правду*).

К крайней периферии также отнесены единичные ответы: *что по душе, ничего* (1,5 %).

Ассоциативное подполе «Русский не любит». Аналогичным образом структурировано поле, основанное на реакциях, характеризующих антипатии русского человека.

Данное поле включает 109 реакций: *Америку 8, не знаю 7, работать 7, вранье 5, обман 5, азиатов 4, предательство 4, учиться 3, войну 3, ложь 3, нерусских 3, таджиков 2, болтать 2, расизм 2, быть трезвым 2, унижение 1, меня 1, играть на компьютере 1, предательство 1, измену 1, лгунов 1, навязываться 1, врать 1, замечания 1, подражание 1, когда лезут в его жизнь 1, футбол 1, обманывать 1, перец 1, двуличие 1, врага 1, иностранцев 1, терроризм 1, ленивых 1, глупых 1, может быть, ошибки 1, тупость 1, холод 1, хулиганство 1, сидеть 1, сидеть дома 1, то, чему не отдает предпочтение 1, чай 1, ссоры 1, неловкость 1, грубость 1, убираться 1, неуважение 1, многословие 1, не ухаживать за собой 1, ничего 1, от человека зависит 1, не бухать 1, грустить 1, высокомерие 1, кавказцев 1, гастарбайтеров 1, когда потакают 1, отдыхать 1, всё 1, грязные 1, когда их чему-то учат 1, хамство 1, немцев 1.*

По представлениям таджикской молодёжи, русский с нетерпимостью относится ко лжи и предательству (23 %) (*обман, предательство, измена, двуличие*). Также обнаружено немало ответов (22,33 %), в которых проявляется интолерантность русских (*Америку, азиатов, нерусских, таджиков, иностранцев, гастарбайтеров, кавказцев, немцев* и др.). Реакции этих двух групп составили ядро подполя «Русский не любит».

К периферии отнесены ответы информантов, иллюстрирующие негативное отношение русских к тем или иным явлениям, аспектам жизни, установкам:

- 1) к умственному и физическому труду (11 %) (*работать, учиться, убираться*);
- 2) войне и агрессии (9 %) (*войну, расизм, хулиганство, ссоры*);
- 3) глупости (5 %) (*глупых, тупость, может быть ошибки*);
- 4) вмешательству со стороны (5 %) (*когда лезут в его жизнь, когда их чему-то учат*);
- 5) пассивному отдыху (4 %) (*сидеть, сидеть дома, отдыхать*);
- 6) неуважению (4 %) (*хамство, неуважение, грубость*);
- 7) пустым разговорам (3 %) (*болтать, многословие*);
- 8) нормам общества, требующего отказа от вредных привычек (3 %) (*быть трезвым, не бухать*).

К крайней периферии отнесены следующие единичные реакции (11 %): *перец, ничего, всё, холод*.

Ассоциативное подполе «Русский знает» (106 реакций): всё 24, многое 15, политику 5, русский язык 5, не знаю 5, что ему нужно 4, иностранные языки 4, то, что знает 2, свой язык 2, ничего 2, себе цену 2, о своих землях 1, американцы плохие 1, жизненный смысл 1, химию 1, этику 1, слова 1, таджиков 1, почти всё, но некоторые ничего 1, не-обходимое 1, географию 1, социалистический строй 1, как выбраться из любой ситуации 1, что получил в результате учебы и практики 1, гимн РФ 1, всё, ну почти 1, что он прав 1, не так уж много 1, Коран 1, компьютерные игры 1, грустить 1, английский 1, немецкий 1, что надо делать 1, всё обо всём 1, много языков программирования 1, что интересно себе 1, историю 1, друга 1, что положено ему знать 1, литературу 1, свой язык и культуру 1, свою профессию 1, всё – образованный 1, что касается его 1, свое дело 1, цену дружбы 1.

По представлениям таджикской молодёжи, русский знает всё (28 %). Данные ответы составляют ядро поля «Русский знает».

В периферию входят ответы респондентов, иллюстрирующие знания, присущие русскому в тех или иных областях. Так, по представлениям таджикской молодёжи, русский знает:

1) себя и своё дело (8,5 %) (что ему нужно, себе цену, что касается его, свою профессию);

2) разные языки (8 %) (иностранные языки, свой язык и культуру, английский, немецкий, много языков программирования);

3) разные науки (7,5 %) (историю, географию, химию, политику);

4) многое (15; 7,5 %);

5) другие народы (1 %) (американцы плохие, таджиков);

6) цену дружбе (2; 1 %);

7) устройство жизни (1 %) (как выбраться из любой ситуации, жизненный смысл).

Или, напротив, русский ничего не знает (3; 1,5 %).

Ассоциативное подполе «Русский верит» (111 реакций): в Бога 33, в себя 8, не знаю 6, в своего Бога 5, в христианство 5, в (свет-лое) будущее 4, в чудеса 4, в Иисуса 3, в Христа 3, в православие 2, в суеверия 2, в свою религию 2, в дружбу 2, в ложь 2, в государство 1, в победу 1, в Россию 1, во всё 1, что найдет хорошую работу 1, ничего 1, в Христа, но многие не верят 1, в хорошее будущее 1, в Путина 1, в Аллаха 1, в свою интуицию 1, в доброту 1, что все станут умными 1, в правду 1, что увидит 1, в христианство православного толка 1, в невероятное 1, у каждого индивидуально 1, в то, что видит 1, в то, что видит и слышит 1, в единого Бога 1, в Деда Мороза 1, в Пушкина 1, в любовь 1, то, во что ему хочется 1, во всё прекрасное 1, в настоящее 1, в справедливость 1, в капитализм 1, многие ни во что не верят 1.

В ядро поля входит большая часть реакций, характеризующих русского как верующего в Бога и христианские ценности (**54,80 %**) (*в Бога, в христианство, в Христа, в православие* и др.).

К периферии отнесены реакции, позволяющие судить о том, что русский верит:

1) в нереальное (**11,5 %**) (*в чудеса, в суеверия, в ложь, в Деда Мороза, в невероятное*);

2) светлое будущее (**8,5 %**) – (*в (светлое) будущее, в хорошее будущее*);

3) себя (**7,5 %**);

4) высшие ценности (**5,5 %**) (*в дружбу, в доброту, в правду, в любовь*);

5) Родину и правительство (**5 %**) (*в Россию, в государство, в Путина*);

6) реальное (**4 %**) (*в то, что видит, что видит и слышит*);

7) всё (**1 %**).

К периферии также отнесены ответы, говорящие о том, что русский в принципе *ни во что* (**2 %**) не верит, либо вера во что-либо проявляется у каждого индивидуально (**1 %**).

Таким образом, анализ показал, что таджикская молодёжь достаточно хорошо знакома с русским народом, его культурой, традициями и обычаями.

Информанты без труда описывают славянскую внешность русского, отличную от восточной внешности таджика, указывая при этом на наиболее яркие внешние специфические черты русского человека (*глаза голубые, рыжий, светловолосый, с румяными щеками* и др.).

В представлении таджикской молодёжи, основу русского характера составляют такие черты, как добродушие и отзывчивость, трудолюбие и целеустремлённость, смелость, патриотизм, твёрдость и физическая выносливость (*доброта, смелость, сильный, выносливый, требовательность, патриоты, весёлый, целеустремлённый* и др.).

Отличает русского его чувство юмора и жизнерадостность (*весёлый, остроумие*). Действительно, несмотря на существующее мнение относительно того, что Россия – депрессивная страна, русский народ всё же не стоит воспринимать как мрачный и пессимистичный. Русский человек с его стойкостью духа в любой негативной ситуации может найти положительные эмоции⁶.

Этим объясняется склонность русских к отдыху и развлечениям, которая также была отмечена нашими информантами. Именно эта склонность помогает поддерживать жизненную энергию и стойкость русского духа. Очень часто развлечения и отдых, по мнению наших респондентов, сопровождаются распитием спиртных напитков. Отметим, что данный стереотип достаточно устойчив, в том числе благодаря

кинофильмам и телепередачам, в которых часто демонстрируются соответствующие кадры.

Заключение

Исследование стереотипов и ассоциативного поля «русский» в таджикской лингвокультуре поднимает важные вопросы о взаимодействии культур и языков, а также о том, как эти взаимодействия влияют на восприятие этнических групп. Стереотипы формируются на основе исторического контекста, предшествующих взаимодействий и социально-культурной среды. В таджикском обществе, где компактное проживание различных этнических групп привело к разнообразным формам взаимовлияния, стереотипы о «русском» образуют сложную сеть ассоциаций, в большей степени положительных, как показывает эксперимент (во всех подполях в ядро попали исключительно положительные характеристики). И это немаловажный факт.

Проведённое исследование показывает, что ассоциации, связанные с понятием «русский», часто формируются под влиянием истории, например, советского периода, а также современного социокультурного обмена. Эти ассоциации могут варьироваться от положительных до негативных (гораздо реже) в зависимости от контекста общения. В ходе ассоциативных экспериментов участники высказывали как традиционные, так и современные представления о русском человеке, что указывает на динамичность этнических стереотипов.

Ассоциативные эксперименты, проведённые в рамках нашего исследования, позволили получить ценную информацию о том, какие образы и идеи возникают у участников при упоминании русских. Эти эксперименты продемонстрировали, что ассоциации часто зависят от личного опыта, образования и социального окружения участников. Мы выявили, что среди носителей таджикского языка существует множество стереотипов, которые могут быть как устаревшими, так и актуальными, и их понимание является ключевым для дальнейшего анализа.

Анализ данных, полученных в результате ассоциативного эксперимента, показал, что двуязычная и многоязычная идентичность и, соответственно, би- и мультиязыковое сознание нашей молодёжи, как важный фактор в коммуникации, также имеет значительное влияние на формирование представлений о «русском». Процесс самоидентификации, в основе которой лежат две и более языковых культур, может приводить к укреплению или, наоборот, ломке стереотипов, когда наша молодёжь в межкультурной коммуникации предпочитает выстраивать общение в основном с теми, кто разделяет их взгляды

на определённые явления и ценности. Обладая двумя и более языковыми культурами, знание и принятие которых является неотъемлемой частью носителя разных лингвокультурных ценностей, человек становится более толерантным и старается избегать конфликтов в межэтнических взаимодействиях.

Важно учитывать, что стереотипы о «русском» не статичны и как упоминалось выше, подвержены изменениям под воздействием социально-политических факторов и культурных трендов. Большое влияние на это оказывают СМИ, в первую очередь российские, достаточно широко представленные в информационном пространстве Таджикистана. Соответственно, стереотипы могут меняться от позитивных к негативным, формируя либо связи, либо предвзятости, что, в свою очередь, транслируется в социокультурный контекст.

Наш анализ выявил необходимость дальнейшего изучения механизмов формирования стереотипов. Работы в данной области открывают новые горизонты для будущих исследований, предоставляя основу для расширения работы с ассоциативными полями и культурными стереотипами. Более детальный анализ различных аспектов взаимодействия между таджиками и русскими позволит внести вклад не только в лингвистику, но и в социологию, культурологию и этнографию, что, в свою очередь, поможет в выработке стратегий для налаживания межэтнических отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вопросы билингвизма и мультилингвизма в контексте языковой ситуации в Таджикистане подробно рассмотрены в статье Д.М. Искандаровой [3].

2. Процентное соотношение по национальной и языковой самоидентификации не совпадает, подтверждая тот факт, что не все представители той или иной национальности владеют родным языком в достаточной степени и указывают русский или таджикский язык в качестве первого, будучи билингвами или в некоторых случаях мультилингвами.

3. Шугнанский язык назван родным теми, кто идентифицировал себя как таджик; у того, кто назвал в качестве родного туркменский язык, самоидентификация по национальности также не совпадает.

4. Реакции респондентов приводятся в их собственной стилистике и орфографии, без изменений.

5. Некоторые реакции типа путешествовать могут быть отнесены и к другим группам, например к 5-й, однако мы сочли правильным включить ее в группу со значением саморазвития.

6. Недаром в русском языке немало пословиц и поговорок, содержащих главную мудрость народа – уметь радоваться жизни при любых обстоятель-

ствах: Хоть голый, да весёлый; Веселье – от всех бед спасенье; В бедном доме хоть есть нечего, да жить весело; Гол, как сокол, как бубен – весел и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Искандарова Д.М.* Исследование ассоциативного поля толерантности в молодёжной среде Таджикистана // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 8–3. С. 389–390.

2. *Искандарова Д.М.* Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // Русин. 2023. Т. 74. С. 319–338. doi: 10.17223/18572685/74/16

3. Исследование толерантности в молодёжной среде Таджикистана (лингвистические аспекты) / Д.М. Искандарова, З.А. Гулова, М.Б. Давлатмирова и др. М.: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2016. 142 с.

4. *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДКГ «Гнозис», 2001. 284 с.

5. *Насталовская И.Г.* Авто- и гетеростереотипы о представителях русской и китайской культур // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 19, № 4. С. 58–64. doi: 10.14529/ling220408

6. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М.: URSS, 2008. 224 с.

7. *Резанова З.И.* Контакты языков в языковом и метаязыковом сознании билингов (славянско-тюркское языковое взаимодействие) // Русин. 2023. Т. 71. С. 223–238. doi: 10.17223/18572685/71/10

8. *Сорокина Н.В.* Стереотип, клише и штамп: проблема соотношения понятий в лингвообразовательном контексте // Профессиональное лингвообразование: материалы Шестой междунар. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 01–15 июля 2012 г. Нижний Новгород: Нижегородский институт управления, филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2012. С. 254–259.

9. *Тарасов Е.Ф.* Образ России: Методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69–73.

10. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie> (дата обращения: 01.11.2023).

11. *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4 (8). С. 98–111.

REFERENCES

1. Iskandarova, D.M. (2015) Issledovanie assotsiativnogo polya tolerantnosti v molodezhnoy srede Tadjikistana [The associative field of tolerance among the youth of Tajikistan]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 8–3. pp. 389–390.
2. Iskandarova, D.M. (2023) Language situation in Tajikistan: Ethnocontact zones. *Rusin*. 74. pp. 319–338 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/74/16
3. Iskandarova, D.M., Gulova, Z.A., Davlatmirova, M.B. et al. (2016) *Issledovanie tolerantnosti v molodezhnoy srede Tadjikistana (lingvisticheskie aspekty)* [Tolerance among the youth of Tajikistan (linguistic aspects)]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya.
4. Krasnykh, V.V. (2001) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: Lectures]. Moscow: Gnozis.
5. Nastalovskaya, I.G. (2022) Avto- i geterostereotipy o predstavatelyakh russkoy i kitayskoy kul'tur [Auto- and heterostereotypes about representatives of Russian and Chinese cultures]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 58–64 (in Russian). doi: 10.14529/ling220408.
6. Prokhorov, Yu.E. (2008) *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National sociocultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching Russian to foreigners]. 5th ed. Moscow: URSS.
7. Rezanova, Z.I. (2023) Language contacts in the linguistic and metalinguistic consciousness of bilinguals (Slavic-Turkic language interaction). *Rusin*. 71. pp. 223–238 (in Russian). doi: 10.17223/18572685/71/10
8. Sorokina, N.V. & Rybalko, T.G. (2012) Stereotip, kliche i shtamp: problema sootnosheniya ponyatiy v lingvoobrazovatel'nom kontekste [Stereotype, cliché and stamp: the problem of the relationship of concepts in the linguistic educational context]. *Professional'noe lingvoobrazovanie* [Professional Linguistic Education]. Proc. of the 6th International Conference. Nizhniy Novgorod, July 1–15, 2012. Nizhny Novgorod: Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. pp. 254–259.
9. Tarasov, E.F. (2006) *Obraz Rossii: Metodologiya issledovaniya* [The image of Russia: Research methodology]. *Voprosy psikholingvistiki*. 4. pp. 69–73.
10. Tarasov, E.F. (2004) *Yazykovoe soznanie* [Language consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki*. 2. pp. 34–47. [Online] from: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie> (Accessed: 1st November 2023).
11. Ufimtseva, N.V. (2009) *Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie* [The Russian image of the world: Consistency and content]. *Yazyk i kul'tura*. 4(8). pp. 98–111.

Искандарова Дилоро Мукаддасовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (Таджикистан).

Diloro Iskandarova – Russian-Tajik Slavonic University (Tajikistan).

E-mail: diloroiskandarova@gmail.com

Козлова Ольга Леонидовна – младший научный сотрудник лаборатории Междисциплинарных прикладных исследований Научно-исследовательского института Российско-Таджикского (Славянского) университета (Таджикистан).

Olga Kozlova – Russian-Tajik (Slavonic) University (Tajikistan).

E-mail: olga108229@gmail.com

УДК 327

UDC

DOI: 10.17223/18572685/78/14

Сотрудничество Белоруссии со странами Центральной Азии в сфере высшего образования: цели, динамика и перспективы*

А.М. Погорельская¹, С.М. Юн²

^{1,2} Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

² E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Авторское резюме

Рассмотрены цели, форматы и тренды сотрудничества Белоруссии со странами Центральной Азии в сфере высшего образования. Поскольку Белоруссия ставит основной задачей такого сотрудничества наращивание экспорта образования, целью исследования было определение степени его успешности в регионе. Выбор региона обусловлен тем, что важность стран Центральной Азии для белорусского экспорта растет в свете санкций. Источниковой базой послужили официальные документы стран, статистическая и аналитическая информация национальных ведомств и ЮНЕСКО, материалы СМИ. Методы исследования включали политико-описательный, анализ официальных документов и статистики, метод систематизации. Теоретической базой послужили работы в области целеполагания интернационализации высшего образования. Сегодня динамика и спектр форматов образовательного взаимодействия Белоруссии со странами Центральной Азии разнятся. Ощутимый рост наблюдается в сотрудничестве с Узбекистаном, что способствует расширению экспорта белорусского образования. Сотрудничество с Казахстаном идет в большом количестве форматов, но экспорт белорусского образования туда сокращается. Сотрудничество

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-78-10036 «Трансформация систем высшего образования стран Центральной Азии: новые возможности и вызовы для экспорта российского образования», <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>. Авторы благодарят директора Центра содействия публикационной активности и по работе с ведущими учеными ТГУ Татьяну Владимировну Полежаеву за помощь с проведением анализа публикационной активности зарубежных ученых.

с Туркменистаном ведется в единичных форматах, а динамика образовательной миграции в Белоруссию в последние годы резко отрицательная. Декларируемое образовательное сотрудничество с Таджикистаном имеет разные форматы, но не приводит к значительному экспорту белорусского образования. Наконец, образовательное сотрудничество с Кыргызстаном минимально, как и потоки студенческой мобильности. Сделан вывод, что Белоруссия и страны Центральной Азии преследуют разные цели: Белоруссия стремится к получению дохода от экспорта образования, страны Центральной Азии – к наращиванию потенциала высшего образования в ходе международного образовательного сотрудничества. Однако разница в динамике образовательного сотрудничества обусловлена отличиями в приоритетах политики интернационализации высшего образования каждой из стран Центральной Азии.

Ключевые слова: высшее образование, интернационализация, экспорт образования, академическая мобильность, совместные образовательные программы, программы двойного диплома, филиалы

Cooperation between Belarus and Central Asian countries in higher education: aims, dynamics and prospects*

Anastasia M. Pogorelskaya¹, Sergey M. Yun²

^{1,2} Tomsk State University
36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

² E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Abstract

The research focuses on the goals, trends, and formats of cooperation in higher education between Belarus and Central Asian countries. Since Belarus declares the aim of expanding its educational export, the article considers whether it was successful via developing educational cooperation with Central Asia. The latter was chosen because of its growing importance for Belarusian educational export under sanctions adopted against Belarus since 2022. The research included the analysis of the official goals and policies of the countries in higher education based on the existing literature on internationalization rationales: national official documents, statistics and analytical

* The research was supported by the Russian Science Foundation grant, Project № 23-78-10036, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>

reports from the countries and UNESCO, and media materials. The authors conclude that the dynamics and range of formats for educational interactions between Belarus and Central Asian countries may vary. There is a significant growth in cooperation with Uzbekistan, which contributes to the Belarusian educational exports. Cooperation with Kazakhstan runs a large number of formats, but the export of Belarusian education there is declining. Cooperation with Turkmenistan is carried out in a limited number of formats, and the recent dynamics of educational migration to Belarus has been sharply negative. The declared educational cooperation with Tajikistan has different formats, but does not lead to tangible exports of Belarusian education. Finally, educational cooperation with Kyrgyzstan is minimal, as well as Belarusian educational export there. Thus, Belarus and Central Asian countries pursue different goals: Belarus strives to generate revenue from educational export, while Central Asian countries aim at capacity-building via international educational cooperation. However, the difference in the dynamics of educational cooperation is due to differences in the priorities of higher education internationalization in Central Asian countries.

Keywords: higher education, internationalization, export of education, academic mobility, joint educational programs, double degree programs, branch campuses

Введение

Развитие международного образовательного сотрудничества в разных формах является одной из характеристик интернационализации высшего образования, под которой понимается «интеграция международного, межкультурного или глобального измерения в цели, функции или способы предоставления высшего образования» [2: 2]. При заметном росте числа публикаций по этой тематике, политика интернационализации высшего образования Белоруссии и влияние на неё сложившейся в 2022–2024 гг. международной ситуации пока не были детально освещены. Эта тематика актуализировалась в свете попыток Белоруссии войти в Болонский процесс, но национальные приоритеты страны вступили в противоречие с болонскими принципами, в связи с чем они «не реализуются в полной мере либо подвергаются существенной модификации» [15: 137]. Кроме того, Белоруссия значительно уступает европейским соседям по ресурсам, выделяемым на международное образовательное сотрудничество [13: 8].

Выделяют три основных географических направления интернационализации белорусского образования: 1) азиатское; 2) в рамках ЕАЭС; 3) европейское [12: 122]. С приостановкой участия Белоруссии в европейском пространстве высшего образования (ЕПВО) в 2022 г., постсоветское

пространство и азиатское направление закономерно стали фокусом белорусской политики. Основной контингент иностранных студентов прибывает в Белоруссию из Китая, Туркменистана, Узбекистана, России и Шри-Ланки, что отражено в таблице [4]. В ней представлены данные ЮНЕСКО по студенческой мобильности, включая как образовательную миграцию (с получением степени), так и академическую мобильность (краткосрочную). В дальнейшем по тексту будут приводиться аналогичные данные, если иное дополнительно не оговорено.

Учитывая значительную долю в белорусских вузах студентов из СНГ (65,8 % в 2021 г. [10: 4]), в частности, из Центральной Азии, мы предлагаем детальнее рассмотреть центральноазиатское направление образовательного сотрудничества Белоруссии. Заявленный анализ актуален и потому, что доля студентов из Туркменистана, поставлявшего до половины иностранных студентов белорусских вузов, в последние годы падает, негативно сказываясь на общем числе иностранных студентов в Белоруссии, что отражено в таблице. В этой ситуации для Белоруссии актуализировался поиск возможностей для закрепления позиций в Центральной Азии и наращивания экспорта образования по иным, чем туркменское, направлениям.

Факторами, содействующими образовательному сотрудничеству Белоруссии со странами Центральной Азии, выступают приемлемое качество при относительной дешевизне белорусского высшего образования, общая история, распространенность русского языка. Негативно сказываются блокировка участия Белоруссии в ЕПВО и иные санкции, географическая отдаленность, доступность в основном платных форм обучения для иностранных студентов. Число грантов, позволяющих бесплатно обучаться в белорусских вузах, малó – порядка 100 ежегодно, но и они не востребованы в полном объеме.

Теоретической базой послужили разработки по целеполаганию интернационализации высшего образования. Одной из востребованных классификаций целей является деление на четыре группы – политические, экономические, социокультурные и академические [1: 17–20]. Экономические цели, в частности, включают инвестирование в научно-техническую конкурентоспособность государства и его кадры, а также задачу экспорта образования для получения дохода. Последнее официально заявляется в белорусских стратегических документах с середины 2000-х гг. Согласно типологии стратегий интернационализации, разработанных исследователями ВШЭ, на экономическом целеполагании основана стратегия получения дохода, характерная для Белоруссии [5], а страны Центральной Азии, скорее, реализуют стратегию расширения возможностей, предполагающую поощрение получения зарубежного высшего образования [16: 10].

Объем и доля студенческой мобильности из отдельных стран в Белоруссию, 2008–2023 гг.

Страна	Год															
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Казахстан, чел. (%)	63 (1,07)	73 (1,06)	107 (1,25)	107 (1,05)	121 (1,00)	151 (1,12)	206 (1,38)	266 (1,68)	288 (1,74)	385 (2,19)	370 (2,19)	302 (1,68)	301 (1,42)	232 (1,04)	242 (0,94)	222 (1,01)
Кыргызстан, чел. (%)	9 (0,15)	19 (0,28)	12 (0,14)	16 (0,16)	7 (0,06)	10 (0,07)	11 (0,07)	15 (0,09)	15 (0,09)	18 (0,10)	22 (0,13)	18 (0,10)	15 (0,07)	18 (0,08)	17 (0,07)	22 (0,10)
Таджикистан, чел. (%)	15 (0,25)	41 (0,60)	47 (0,55)	147 (1,44)	36 (0,30)	57 (0,42)	145 (0,97)	258 (1,62)	397 (2,40)	446 (2,54)	478 (2,83)	462 (2,57)	437 (2,06)	331 (1,48)	232 (0,90)	231 (1,05)
Туркменистан, чел. (%)	88 (1,49)	737 (10,71)	2 059 (24,07)	3 438 (33,75)	5 287 (45,59)	6 712 (49,57)	8 153 (54,63)	8 634 (54,36)	8 293 (50,12)	8 012 (45,60)	7 434 (44,03)	8 196 (45,66)	10 271 (48,42)	8 874 (39,66)	6 482 (25,25)	3 491 (15,93)
Узбекистан, чел. (%)	20 (0,34)	23 (0,33)	38 (0,44)	47 (0,46)	45 (0,37)	48 (0,35)	43 (0,29)	51 (0,32)	51 (0,31)	61 (0,35)	82 (0,49)	115 (0,64)	432 (2,04)	1 070 (4,78)	2 352 (9,16)	3 026 (13,81)
Общее число студентов из Центральной Азии, чел. (%)	195 (3,30)	893 (12,98)	2 263 (26,46)	3 755 (36,84)	5 496 (45,31)	6 978 (51,53)	8 558 (57,34)	9 224 (58,07)	9 044 (54,65)	8 922 (50,78)	8 386 (49,66)	9 093 (50,66)	11 456 (54,01)	10 525 (47,04)	9 325 (36,32)	6 992 (31,90)
Китай, чел. (%)	560 (9,48)	798 (11,60)	1 067 (12,47)	1 227 (12,04)	1 341 (11,05)	1 532 (11,31)	1 478 (9,90)	1 281 (8,06)	1 252 (7,57)	1 507 (8,58)	1 564 (9,26)	1 938 (10,80)	2 397 (11,30)	3 998 (17,87)	8 484 (33,05)	7 045 (32,14)
Россия, чел. (%)	2 622 (44,37)	2 546 (37,00)	2 543 (29,73)	2 596 (25,47)	2 567 (21,16)	2 061 (15,22)	2 128 (14,26)	1 953 (12,30)	1 578 (9,54)	1 647 (9,37)	1 952 (11,56)	1 796 (10,01)	1 912 (9,01)	1 902 (8,50)	1 756 (6,84)	1 804 (8,23)
Шри-Ланка, чел. (%)	151 (2,56)	214 (3,11)	275 (3,22)	274 (2,69)	266 (2,19)	244 (1,80)	55 (0,37)	237 (1,49)	230 (1,39)	295 (1,68)	392 (2,32)	584 (3,25)	824 (3,89)	1 040 (4,65)	1 442 (5,62)	1 483 (6,77)
Индия, чел. (%)	436 (7,38)	359 (5,22)	290 (3,39)	76 (0,75)	100 (0,82)	66 (0,49)	50 (0,34)	78 (0,49)	150 (0,91)	229 (1,30)	343 (2,03)	459 (2,56)	656 (3,09)	734 (3,28)	772 (3,01)	781 (3,56)
Всего ино- странных студентов, чел.	5 909	6 881	8 554	10 193	12 131	13 541	14 924	15 884	16 548	17 570	16 886	17 949	21 211	22 375	25 672	21 917

Таким образом, обозначим исследовательский вопрос, на который мы попытаемся ответить: как цели рассматриваемых стран транслируются в реальное образовательное сотрудничество между Беларуссией и странами Центральной Азии. В частности, нас интересует, насколько успешно Беларуссии удается достигать своей цели экспорта образования за счет образовательного сотрудничества со странами этого региона. Для удобства мы оценили страны Центральной Азии по трем показателям: количеству форматов образовательного сотрудничества с Беларуссией; объёмам студенческой мобильности из заданной страны в Беларуссию; динамике образовательного сотрудничества с Беларуссией за последние пять лет.

Узбекистан

При президенте И.А. Каримове развитие образовательного сотрудничества Беларуссии и Узбекистана было минимальным из-за общего курса узбекистанских властей на сдерживание образовательной миграции и действовавших со стороны Узбекистана ограничений в двусторонних связях [5]. Смена власти в 2016 г. и политика новых властей Узбекистана по расширению международного сотрудничества, включая форсированную интернационализацию высшего образования, использовались Беларуссией для выхода на образовательный рынок страны. Для этого была согласована правовая база двустороннего образовательного сотрудничества, включая соглашение 2019 г. о взаимном признании документов об образовании. С 2017 г. активизировалась работа совместной Межправительственной комиссии по двустороннему сотрудничеству, в компетенцию которой входят и вопросы образования.

Вузы Беларуссии, помимо использования методов прямого набора абитуриентов по контракту (например, участие в образовательных выставках), массово сделали ставку на совместные образовательные программы (СОП), которые были объявлены Ташкентом обязательным форматом сотрудничества. СОП в этом случае обязательно предполагают платное обучение в вузе-партнере. По данным 2020 г., набор был объявлен на 78 СОП бакалавриата (2 245 мест) и 27 СОП магистратуры (176 мест) между государственными вузами (и филиалами) Узбекистана – 51 и вузами Беларуссии – 12. Уже тогда Беларуссия заняла прочное второе место по доле СОП на рынке образования Узбекистана (38,1 %) после России (49,3 %)¹ и продолжает его удерживать [17: 142–143]. В настоящее время в СОП вовлечено около 60 вузов двух стран (около 40 от Узбекистана и 20 от Беларуссии), реализующих более 80 СОП.

Еще один приоритет властей Узбекистана – открытие филиалов зарубежных вузов на территории страны – неочевидный с точки зрения получения прибыли формат экспорта образования и потому не получивший поддержки со стороны Белоруссии. Однако были открыты несколько совместных подразделений. В 2019 г. учрежден совместный «Белорусско-узбекский межотраслевой институт прикладных технических квалификаций» на базе Ташкентского государственного технического университета (ТГТУ) при поддержке Белорусского национального технического университета (БНТУ). Хотя он считается властями Узбекистана филиалом белорусского вуза, институт работает по модели, близкой к СОП, когда часть обучения студент проходит в Ташкенте, а часть – в головном вузе в Минске. Также по модели СОП были запущены совместные факультеты вузов двух стран.

Для властей Узбекистана важным также является развитие вузовских кадров с точки зрения педагогических навыков, научной подготовки, квалификации в области университетского управления. Появляется немало новостей о прохождении стажировок аспирантами и сотрудниками вузов Узбекистана в Белоруссии, однако официальная статистика о них не публикуется. Косвенным показателем служит количество статей в соавторстве: например, согласно Scopus, имел место кратный рост совместных публикаций ученых Белоруссии и Узбекистана с 19 в 2018 г. до 67 в 2023 г. (пик – 2022 г., 82 статьи)².

Данные по образовательной миграции свидетельствуют о прорыве Белоруссии на образовательном рынке Узбекистана: если в 2016 г. в вузах страны обучался только 51 гражданин Узбекистана, то в 2020 г. – уже 432 чел., в 2022 г. – 2 352 чел. (см. таблицу). Рост продолжился и в 2023 г. – до 3 026 чел., несмотря на неблагоприятные международные условия и сокращение числа иностранных студентов в Белоруссии в целом. В 2022–2023 г. Узбекистан входил в тройку основных экспортных направлений белорусского высшего образования.

Целый ряд факторов подталкивает Белоруссию к использованию новых форматов продвижения в Узбекистане: растущая конкуренция на рынке со стороны создаваемых местных государственных и частных вузов и новых филиалов зарубежных университетов; текущая приоритизация властями Узбекистана технических, инженерных, естественно-научных направлений; по-прежнему слабое присутствие и даже ухудшение позиций белорусских вузов в международных рейтингах. На протяжении 2023–2024 гг. такими новыми форматами стали, во-первых, форумы ректоров вузов двух стран. Во-вторых, Белоруссия взяла обязательство содействовать развитию медицины Узбекистана: в ноябре 2023 г. прошел двусторонний медицинский форум, в рамках которого стороны договорились об открытии в

2024 г. СОП по 16 направлениям бакалавриата и 24 направлениям клинической ординатуры, ежегодных стажировках сотрудников вузов, молодых специалистов (1 000 чел. в 2024 г.) и медсестер (1 000 чел.) в клиниках и центрах Белоруссии [6]. В-третьих, Белоруссия и Узбекистан договорились на форуме весной 2024 г. развивать сотрудничество в сфере профессионального технического образования, которое будет включать не только новые СОП вузов, но и участие студентов из Узбекистана в студенческих отрядах Белоруссии и их стажировки на крупных предприятиях, создание научно-технологического консорциума учёных двух стран, проведение конкурсов совместных научных и целевых проектов [8].

Казахстан

Между Белоруссией и Казахстаном действует полновесная правовая база для образовательного сотрудничества, включая взаимное признание документов об образовании. Функционируют Белорусско-Казахстанская комиссия по научно-техническому сотрудничеству и Рабочая группа Консорциума между вузами и НИИ двух стран. Сам консорциум был образован в 2011 г и включает около 50 вузов. Однако сведений о заседаниях рабочей группы после шестой встречи в 2017 г. нет. Между сторонами заключено порядка двухсот межвузовских соглашений, но в 2023 г. их число и доля в общем количестве казахстанских межвузовских договоров упали.

Образовательное сотрудничество стран характеризуется наличием множества форматов взаимодействия. Одной из таких площадок должен был стать белорусско-казахстанский форум ректоров. Однако после форума 2011 г. в Минске наступил многолетний перерыв. Формат возродили в 2022 г., приурочив его к 30-летию установления дипломатических отношений. Следующий форум был запланирован на 2024 г., но новостей о нём не появлялось, поэтому можно предположить, что инициатива вновь застопорилась.

Число студентов, отправляющихся из Казахстана в Белоруссию по академической мобильности, было значительным до пандемии (218 человек, или 20,3% студенческой мобильности из Казахстана), но впоследствии этот формат взаимодействия так и не смог восстановиться. Сегодня в белорусские вузы и НИИ отправляются единицы. Обратное движение из Белоруссии в Казахстан было мизерным и свелось к нулю в 2020–2021 гг., но затем выросло до прежних цифр – 10–20 человек в год. Вдобавок образовательная миграция из Казахстана в Белоруссию после пиковых значений 2017 г. падает, как показано в таблице. Аналогичная ситуация наблюдается с мо-

бильностью сотрудников – в ней участвуют единицы с обеих сторон, однако здесь пандемия сыграла, скорее, позитивную роль, позволив перейти на формат онлайн-стажировок [11].

Небольшим остается количество программ двойного диплома между белорусскими и казахстанскими вузами: в 2023 г. на 4 программы приходилось всего 32 студента (1,9 % от всех программ двойного диплома казахстанских вузов), что также не способствует массовой студенческой мобильности [11]. Вдобавок у Белоруссии нет филиалов в Казахстане, хотя последний и поставил задачу наращивания их количества к 2029 г. [9]. Действует ряд подразделений на базе казахстанских вузов: в 2012 г. на базе ЕНУ им. Л.Н. Гумилева был открыт Центр языка и культуры Беларуси, в 2017 г. там же открылся Белорусский Национальный центр эталонной правовой информации. В марте 2018 г. – Белорусско-казахстанский культурно-образовательный центр на базе БГПУ.

Не способствует росту белорусского экспорта образования и сворачивание научного взаимодействия. Если в 2022 г. Казахстан реализовывал 7 международных проектов с участием белорусских партнеров, то в 2023 г. их число сократилось до двух. Скорее всего, это связано с тем, что белорусские организации потеряли возможность участвовать в проектах Erasmus+. Однако из пяти стран Центральной Азии Казахстан характеризуется наибольшим числом совместных публикаций с белорусскими исследователями, а большинство из них было сделано в последние пять лет: более 500 совместных публикаций в журналах Scopus².

Туркменистан

В 2010 г. между странами было подписано соглашение о взаимном признании документов об образовании, в 2012 г. – межправительственное соглашение, по которому стороны обязались обмениваться ежегодно на паритетной основе 5 педагогическими работниками и 40 студентами, а последние должны получать образование за счет государственных бюджетов. Требования к таким студентам: знание русского языка туркменскими студентами и туркменского – белорусскими, в противном случае предполагалось годовое обучение языку на платной основе [14].

Число межвузовских соглашений между странами малó и едва превышает два десятка. Объёмы академической мобильности между странами небольшие по причине закрытости Туркменистана, в частности, отсутствия филиалов, совместных подразделений и ограниченного числа совместных образовательных программ и научно-образовательных проектов. В этой связи данные ЮНЕСКО скорее

касаются именно образовательной миграции – приезда туркменских студентов в белорусские вузы для получения степени. Белорусская сторона значительно преуспела в экспорте образования в Туркменистан, сумев увеличить число туркменских студентов с единиц в 2008 г. до более 10 тыс. в 2020 г., т. е. более чем в 117 раз (см. таблицу). Ключевым способом продвижения белорусских образовательных услуг в Туркменистане служила выставка «Ярмарка образования», регулярно проходившая в 2014–2019 гг., но пандемия прервала эту практику.

Образовательное сотрудничество стало страдать и из-за политических разногласий. Белорусское ОАО «Белгорхимпром» строило Гарлыкский горно-обоганительный комбинат на востоке Туркменистана, однако, по утверждениям туркменской стороны, закончило его в 2017 г. с опозданием, вдобавок комбинат не вышел на запланированную мощность. Белорусская сторона предъявила претензии заказчику по поводу отсутствия оплаты. В 2018 г. обе стороны подали жалобы в Международный арбитражный суд Стокгольма. Возможным следствием этого конфликта стало решение Туркменистана в 2019 г. включить в список зарубежных вузов, чьи дипломы автоматически признаются в стране, только один белорусский вуз – БГУ. В результате, число туркменских студентов в белорусских вузах стало падать: на 13,6 % в 2021 г., уже на 27 % в 2022 г. и ещё на 46 % в 2023 г., что отражено в таблице. Не способствовали притоку туркменских студентов в Белоруссию и частые сообщения об их ненадлежащем поведении за рубежом, в том числе скандал с их обвинениями в контрабанде людей через белорусско-польскую границу, разразившийся в сентябре 2023 г.

Последние новости позволяют предположить, что стороны урегулировали политические разногласия к концу 2023 г. и власти Туркменистана смягчили позицию по отношению к белорусским вузам: круг университетов, чьи дипломы автоматически признаются в Туркменистане, был расширен. По косвенным данным в него попали уже 10 белорусских вузов [3].

Непростое взаимодействие в сфере высшего образования ожидаемо сопровождается единичным научным сотрудничеством: очень мало совместных публикаций попадает в международные базы, хотя это может свидетельствовать и о качестве получаемых результатов.

Фактором, содействующим образовательной миграции из Туркменистана в Белоруссию, остается нехватка мест в туркменских вузах. Негативно сказываются политические риски и вектор туркменской политики, которая в последние годы нацелена на усиление контроля за выездом молодёжи за рубеж для обучения, поскольку это связано с переводом им значительных денежных сумм.

Таджикистан

Правовую базу образовательного сотрудничества двух стран составляют многосторонние документы, подписанные в рамках СНГ. В 2013 г. заключено двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере высшего и послевузовского образования, согласно которому стороны обязались принимать до 8 обучающихся на полный курс обучения без взимания платы [7]. Между вузами двух стран заключено более 130 соглашений. Вопросы образовательного сотрудничества иногда поднимаются в ходе заседаний белорусско-таджикской межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству.

Во второй половине 2010-х гг. стали создаваться совместные подразделения: в 2012 г. был открыт совместный с БНТУ инженерно-технический факультет на базе Таджикского технического университета (ТТУ) им. М.С. Осими, в 2018 г. – совместный Институт технологий БГУ и Таджикского национального университета, а также Центр белорусского образования, науки и культуры на базе ТТУ. В 2019 г. открыт Центр образования, науки и культуры Таджикистана на базе БНТУ. После пандемии эта деятельность возобновилась: в сентябре 2023 г. был открыт Центр белорусского языка и инновационных технологий на базе Таджикского национального университета. В октябре 2023 г. на встрече министров образования двух стран речь шла об открытии совместной дистанционной лаборатории русского языка как иностранного Минского государственного лингвистического университета на базе одного из вузов Таджикистана.

Прошло два форума ректоров Белоруссии и Таджикистана – в 2022 и 2023 гг., но дальнейшая судьба этого формата не ясна. Принимаются планы, в которых оговаривается широкий спектр форматов сотрудничества, однако об их реализации мало что известно. Предпринимаются попытки развивать научное сотрудничество: с 2020 г. объявляются конкурсы совместных белорусско-таджикских научно-технических проектов. Об активизации научного сотрудничества свидетельствует рост числа совместных публикаций ученых Белоруссии и Таджикистана, хотя только единицы из них попадают в международные базы.

Несмотря на рост числа форматов сотрудничества, студенческая мобильность из Таджикистана в Белоруссию с 2018 г. падает: в 2021 г. на 24 % по сравнению с предыдущим годом, затем ещё на 30 % в 2022 г., в результате к 2023 г. число таджикских студентов в Белоруссии сократилось в два раза и так и не смогло вырасти (см. таблицу). Это может быть связано с ростом числа совместных подразделений и расширением образовательной миграции из Таджикистана по

другим географическим направлениям: в Польшу, Узбекистан, Германию, Южную Корею [4]. Фактором, негативно сказывающимся на экспорте белорусского образования в Таджикистан, служит невысокая платежеспособность таджикских студентов и небольшие шансы на трудоустройство в Белоруссии по итогам обучения.

Кыргызстан

Белоруссией и Кыргызстаном в 2006 г. было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве в области образования и науки. Также обе страны – участницы соглашений в рамках СНГ и ЕАЭС, предусматривающих взаимное признание документов об образовании. Работает Межправительственная кыргызско-белорусская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, занимающаяся и вопросами образования. Вузы двух стран имеют немало двусторонних соглашений о сотрудничестве, входят в Сетевой университет СНГ и Евразийский сетевой университет. Однако по сравнению с другими странами Центральной Азии сотрудничество Белоруссии и Кыргызстана в сфере высшего образования по-прежнему находится на низком уровне. В Кыргызстане нет филиалов или совместных факультетов с участием белорусских вузов. Обмен студентами и преподавателями – редкое явление, отсутствуют специальные двусторонние программы в этой области. Не создано ассоциации вузов двух стран, ни разу не проводились вузовские форумы. Информация о разрабатываемых совместных образовательных программах встречается в лентах новостей, но сведений об их запуске нет. Студенческая мобильность граждан Кыргызстана в вузы Белоруссии минимальна и не превышала в лучшие годы 22 чел. (см. таблицу). Несколько лучше выглядят данные о научном сотрудничестве: например, количество совместных публикаций ученых Белоруссии и Кыргызстана в Scopus значительно больше, чем ученых Белоруссии и Таджикистана.

Слабые показатели сотрудничества объясняются целым рядом факторов: небольшим объемом и конкурентным характером образовательного рынка Кыргызстана (много местных вузов, наличие международных вузов и филиалов); широким спектром стипендий для граждан Кыргызстана, предоставляемых другими странами; сравнительно низкой платежеспособностью населения и ориентацией вузов Кыргызстана, с учётом дефицита собственных ресурсов, на те страны, которые больше готовы инвестировать в Кыргызстан; приоритетностью для граждан Кыргызстана вузов тех стран, где есть наилучшие перспективы трудоустройства после обучения. Несмотря на проводимую в последние годы реформу высшего образования

Кыргызстана и активные контакты сторон, данные факторы продолжат в среднесрочной перспективе сдерживать развитие двусторонних образовательных связей.

Заключение

Наиболее успешно как с точки зрения общей динамики, так и достижения белорусских целей по экспорту образования сегодня развивается образовательное сотрудничество с Узбекистаном. Сотрудничество с Казахстаном характеризуется спадом, обусловленным политикой этой страны в области интернационализации высшего образования. После резкого падения объемов экспорта белорусского образования в Туркменистан, наметились признаки разрешения политических противоречий, негативно сказавшихся на образовательном сотрудничестве. Хотя спектр форматов взаимодействия пока не расширился, можно ожидать частичного восстановления образовательной миграции. Сотрудничество с Узбекистаном, несмотря на значительный рост, пока спад на туркменском направлении компенсировать не может. Сотрудничество с Таджикистаном и особенно Кыргызстаном незначительное, скорее потому, что Белоруссии не удалось найти там платежеспособный спрос на свои образовательные услуги.

Можно предположить, что Белоруссия будет наращивать экспорт образования в Центральную Азию, что косвенно подтверждается попытками активизировать сотрудничество и расширить свое присутствие в регионе. Приоритетами в кратко- и среднесрочной перспективе для белорусских вузов останутся Туркменистан и Узбекистан. Учитывая аналогичную международную ситуацию вокруг России с 2022 г., наблюдается еще бóльшая ориентация российского экспорта образования в Центральную Азию. Там российское образование пока более конкурентоспособно, чем белорусское, что будет дополнительно осложнять попытки Белоруссии по наращиванию своего экспорта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рассчитано по данным Официального канала Министерства высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан в социальной сети Telegram. URL: <https://t.me/eduuz> (дата обращения: 08.09.2020).

2. По данным библиографического анализа публикационной активности зарубежных ученых, проведенного на базе Научной библиотеки Томского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Knight J.* Internationalisation of Higher Education // *Quality and internationalisation in higher education / Knight J., de Wit H. (eds.)*. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), 1999. P. 13–28.

2. *Knight J.* Updating the Definition of Internationalization // *International Higher Education*. 2015. P. 2–3.

3. MyUniver. Как поступить в университет Беларуси гражданам Туркменистана. URL: <https://myuniver.org/articles/kak-postupit-v-universitet-belarusi-grazhdanam-turkmenistana> (дата обращения: 23.10.2024).

4. UNESCO UIS. Inbound internationally mobile students by country of origin. URL: <https://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 23.10.2024).

5. Го Лицзюнь, Погорельская А.М., Юн С.М. Приоритеты интернационализации высшего образования Республики Беларусь и экспорт белорусского образования // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 460. С. 138–148. doi: 10.17223/15617793/460/17

6. Городская клиническая больница скорой медицинской помощи г. Минска. Беларусь – Узбекистан: Медицина как локомотив международного сотрудничества. URL: <https://www.bsmp.by/press-tsentr/novosti-otrasli/belarus-uzbekistan-meditsina-kak-lokomotiv-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 23.10.2024).

7. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 115-З «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Таджикистан о сотрудничестве в сфере высшего образования». URL: https://tajikistan.mfa.gov.by/docs/soglashenie_obrazovanie_rt_rb_2014.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

8. Исполнительный комитет СНГ. В Минске прошел Первый Узбекско-Белорусский форум профессионального образования. 3 мая 2024 г. URL: https://cis.minsk.by/news/27441/v_minske_proshel_pervyj_uzbeksko-belorusskij_forum_professionalnogo_obrazovaniya (дата обращения: 23.10.2024).

9. Концепция развития высшего образования и науки в Республике Казахстан на 2023–2029 гг. от 28 марта 2023 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248> (дата обращения: 23.10.2024).

10. Концепция развития экспорта образовательных услуг (продвижение бренда «Образование в Беларуси») на 2022–2025 годы. URL: <https://clck.ru/3E95mS> (дата обращения: 23.10.2024).

11. Национальный центр развития высшего образования. Мониторинг деятельности вузов по реализации принципов Болонского процесса (2023 год – II полугодие). URL: https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/bologna_process/monitoring-deyatelnosti-vuzov-po-realizacii-principov-bolonskogo-processa-2023-god---ii-polugodie-1 (дата обращения: 23.10.2024).

12. Развитие высшего образования Беларуси: проблемы и тенденции // *Современные тенденции и приоритеты развития высшего образования*

государств – членов Евразийского экономического союза (Армения, Беларусь, Россия) / авт. колл. П.С. Аветисян, М.И. Заславская, Л.Г. Титаренко и др. Ереван: Издательство РАУ, 2023. С. 108–176.

13. Рытов А.В. Ключевые аспекты интернационализации высшего образования Республики Беларусь в свете результатов исследования проекта Harmony // «Вышэйшая школа»: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2019. №3. С. 3–8.

14. Соглашение между Правительством Туркменистана и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в сфере образования. URL: https://nic.gov.tm/media/uploads/2023/06/15/tm_belarus_ru_2012.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

15. Титаренко Л.Г. Сравнительный анализ процессов интернационализации высшего образования в Армении и Беларуси // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1 (31). С. 133–141.

16. Центр ОЭСР – ВШЭ. Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР. Приложение. URL: https://globalcentre.hse.ru/data/2010/03/05/1231450871/IN_education.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

17. Юн С.М., Турдикулов О.Т., Таалайбек кызы Ж. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации высшего образования в Узбекистане // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 137–146. doi: 10.17223/19988613/88/16

REFERENCES

1. Knight, J. (1999) Internationalisation of Higher Education. In: Knight, J. & Wit, H. de (eds) *Quality and Internationalisation in Higher Education*. Paris: OECD. pp. 13–28.

2. Knight, J. (2015) Updating the Definition of Internationalization. *International Higher Education*. 33. pp. 2–3.

3. MyUniver. (2024) *Kak postupit' v universitet Belarusi grazhdanam Turkmenistana* [How to get admitted to a university in Belarus]. [Online] Available from: <https://myuniver.org/articles/kak-postupit-v-universitet-belarusi-grazhdanam-turkmenistana> (Accessed: 23rd October 2024).

4. UNESCO UIS. (n.d.) *Inbound internationally mobile students by country of origin*. [Online] Available from: <https://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 23.10.2024).

5. Guo Lijun, Pogorelskaya, A.M. & Yun, S.M. (2020) Higher Education Internationalization Priorities in the Republic of Belarus and the Export of Belarusian Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 460. pp. 138–148 (in Russian). doi: 10.17223/15617793/460/17

6. Belarus. (n.d.) *Gorodskaya klinicheskaya bol'nitsa skoroy meditsinskoy pomoshchi g. Minska. Belarus' – Uzbekistan: Meditsina kak lokomotiv mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Minsk City Clinical Hospital of Emergency Medical Care. Belarus - Uzbekistan: Medicine as a Locomotive of International Cooperation]. [Online]. Available from: <https://www.bsmp.by/press-tsentr/novosti-otrasli/belarus-uzbekistan-meditsina-kak-lokomotiv-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva> (Accessed: 23rd October 2024).

7. Belarus. (2014) *Zakon Respubliki Belarus' ot 4 yanvarya 2014 g. № 115-Z "O ratifikatsii Soglasheniya mezhdu Pravitel'stvom Respubliki Belarus' i Pravitel'stvom Respubliki Tadjikistan o sotrudnichestve v sfere vysshego obrazovaniya"* [Law № 115-Z of the Republic of Belarus on January 4, 2014, on the ratification of agreement between the Government of Belarus and Government of Tajikistan on cooperation in higher education]. [Online] Available from: https://tajikistan.mfa.gov.by/docs/soglashenie_obrazovanie_rt_rb_2014.pdf (Accessed: 23rd October 2024).

8. CIS Executive Committee. (2024) *V Minske proshel Pervyy Uzbeksko-Beloruskiiy forum professional'nogo obrazovaniya* [The First Uzbek-Belarusian Forum on Professional Education Was Held in Minsk. May 3, 2024] [Online]. Available from: https://cis.minsk.by/news/27441/v_minske_proshel_pervyj_uzbeksko-beloruskij_forum_professionalnogo_obrazovaniya (Accessed: 23rd October 2024).

9. Kazakhstan. (2023) *Kontseptsiya razvitiya vysshego obrazovaniya i nauki v Respublike Kazakhstan na 2023–2029 gg. ot 28 marta 2023 g.* [The Concept for the Development of Higher Education and Science in the Republic of Kazakhstan for 2023–2029 of March 28, 2023]. [Online] Available from: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000248> (Accessed: 23rd October 2024).

10. Belarus. (n.d.) *Kontseptsiya razvitiya eksporta obrazovatel'nykh uslug (Prodvizhenie brenda "Obrazovanie v Belarusi") na 2022–2025 gody* [The Concept for the Development of the Export of Educational Services (Promotion of the "Education in Belarus" Brand) for 2022–2025]. [Online] Available from: <https://clck.ru/3E95mS> (Accessed: 23rd October 2024).

11. Kazakhstan. (2023) *Natsional'nyy tsentr razvitiya vysshego obrazovaniya. Monitoring deyatelnosti vuzov po realizatsii printsipov Bolonskogo protsessa (2023 god – II polugodie)* [Higher Education Development National Center. Monitoring the activities of universities in implementing the principles of the Bologna process (2023 – second half)]. [Online] Available from: https://enic-kazakhstan.edu.kz/ru/bologna_process/monitoring-deyatelnosti-vuzov-po-realizacii-principov-bolonskogo-processa-2023-god---ii-polugodie-1 (Accessed: 23rd October 2024).

12. Avetisyan, P.S., Zaslavskaya, M.I., Titarenko, L.G. et al. (2023) *Sovremennye tendentsii i priority razvitiya vysshego obrazovaniya gosudarstv-chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (Armeniya, Belarus', Rossiya)* [Modern trends and priorities for the development of higher education in the member

states of the Eurasian Economic Union (Armenia, Belarus, Russia)]. Erevan: RAU. pp 108–176.

13. Rytov, A.V. (2019) Klyucheveye aspekty internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya Respubliki Belarus' v svete rezul'tatov issledovaniya proekta Harmony [Key aspects of higher education internationalization of the Republic of Belarus under the results of HARMONY project]. "Vysheyshaya shkola": *navukova-metadychny i publitsystychny chasopis*. 3. pp. 3–8.

14. Turkmenistan. (2023) *Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Turkmenistana i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o sotrudnichestve v sfere obrazovaniya* [Agreement between the Government of Turkmenistan and Government of the Republic of Belarus on cooperation in education]. [Online] Available from: https://nic.gov.tm/media/uploads/2023/06/15/tm_belarus_ru_2012.pdf (Accessed: 23rd October 2024).

15. Titarenko, L.G. (2019) Sravnitel'nyy analiz protsessov internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya v Armenii i Belarusi [Comparative analysis of higher education internationalization in Armenia and Belarus]. *Vestnik Rossiysko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*. 1(31). pp. 133–141.

16. OECD Centre of HSE. (2010) *Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v stranakh OESR. Prilozhenie* [Internationalization of higher education in OECD countries. Appendix]. [Online] Available from: https://globalcentre.hse.ru/data/2010/03/05/1231450871/IN_education.pdf (Accessed: 23rd October 2024).

17. Yun, S.M., Turdikulov, O.T. & Taalaibek kyzy Zh. (2024) Joint educational programs as a tool for internationalization of higher education in Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 137–146 (in Russian). doi: 10.17223/19988613/88/16

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Anastasia M. Pogorelskaya – Tomsk State University (Russia)

Email: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Юн Сергей Миронович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра мировой политики факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Sergey M. Yun – Tomsk State University (Russia)

Email: sergey.yun@mail.tsu.ru

Памяти Николая Дмитриевича Руссева

14 ноября 2024 г. ушёл из жизни известный молдавский учёный Н.Д. Руссев.

Николай Дмитриевич Руссев родился 25 марта 1958 г. в посёлке Суворово Измаильского района Одесской области.

В 1980 г. окончил исторический факультет Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. До 1987 г. работал школьным учителем истории в посёлке Южный Суворовского района Одессы. В 1987 г. переезжает в Кишинёв, становится

сотрудником Института истории АН МССР. В апреле 1992 г. защитил в Институте истории АН МССР кандидатскую диссертацию «Низовья Дуная и Днестра времени формирования Валашского и Молдавского княжеств (проблемы истории городов конца XIII–XIV вв.).»

Одновременно с 1992 по 1997 г. преподавал в Молдавском государственном университете и Государственном педагогическом университете им. Иона Крянгэ в Кишинёве. С 1998 г. становится заведующим кафедрой «Истории цивилизаций» Высшей антропологической школы (ВАШ) в Кишинёве. Преподавал курсы «Цивилизация средневековой Европы», «Комплексное источниковедение». Был одним из соредкторов археологического журнала «Stratum plus», который издаётся университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 г.

Через три года становится ректором ВАШ, проработав в этой должности несколько лет.

2 сентября 2000 г. ВАК России присудила Н.Д. Руссеву степень доктора исторических наук. Защита диссертации «Молдавия во второй половине XIII – первой трети XVI вв. (По данным нумизматики)» состоялась в Институте истории материальной культуры Российской академии наук.

Со дня основания в 2004 по 2022 г. Н.Д. Руссев работал в Тараклийском государственном университете им. Григория Цамбалак. Занимал

должность доцента, профессора, одно время был проректором по науке.

С 2000 г. возглавлял археологическую практику студентов в Болгарии – сначала студентов ВАШ, затем Тараклийского государственного университета. Со студентами Тараклийского государственного университета проводил раскопки в 50 км южнее г. Варна, возле г. Бяла, на мысе Святой Атанас, где была обнаружена древняя крепость IV–VII вв.

Область научных интересов учёного была широка: нумизматика, археология, экономическая история Юго-Восточной Европы в XIII–XV вв., история средневекового Молдавского княжества, Бессарабии, болгарских колоний Бессарабии.

Н.Д. Руссев – автор четырёх монографий (одна – в издательстве журнала «Stratum plus», две – в соавторстве) и более двухсот научных и научно-популярных статей.

Монографии, написанные Н.Д. Руссевым:

1. На грани миров и эпох. Города низовьев Дуная и Днестра в конце XIII–XIV вв. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 1999. 240 с.

2. Монеты средневековой Молдавии (Историко-нумизматические очерки). Кишинёв. Stratum plus, 1999. № 6. С. 176–262. (Соавтор – П.П. Бырня.)

3. 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинёв: Stratum Plus, 2011. 142 с. + 16 илл. (Соавтор – И.Ф. Грек.)

4. Шикирлик – Суворово: два века в истории (1815–2015). По документам и рассказам участников событий / науч. ред.: О.А. Довгополова, И.Ф. Грек. Одесса: Черноморье, 2017. 618 с.

С 2005 г. Н.Д. Руссев входил в состав редколлегии журнала «Русин», был одним из авторов журнала, активно участвовал в проводимых редколлекгией научных мероприятиях.

Светлая ему память!

Редколлегия журнала «Русин»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2024. № 78

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 306 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул. Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 31.12.2024.

Формат 60x90 ^{1/16}.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 32/0325.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписки по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

